

ЧЕКИСТЫ ЛЕНИНГРАДА В АФГАНИСТАНЕ . 1979-1989

К СТОЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ФСБ РОССИИ
ПО Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

Руководитель проекта
С.В. Рац

Редакционная коллегия
Г.Г. Газимагомедов, С.И. Дудник, В.В. Дубов, А.И. Стребков, Б.А. Широнин,
Н.И. Милютенко, А.И. Евтюков, С.В. Рац (ответственный редактор)

Консультанты
Председатель Совета ветеранов УФСБ России по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области генерал-лейтенант запаса В.С. Гусев,
генерал-лейтенант запаса, кандидат политических наук В.Ф. Безуглый

Чекисты Ленинграда в Афганистане. 1979-1989/издание третье, дополненное.
Сост.: С.В. Рац.
Общее редактирование.: С.В. Рац

В книгу «Чекисты Ленинграда в Афганистане» включены уникальные
воспоминания сотрудников Управления КГБ СССР по г. Ленинграду
и Ленинградской области, находившиеся в командировке
в Афганистане в качестве советников с 1979 по 1989 годы.
Книга предназначена для широкого круга читателей, в первую
очередь для молодёжи, а также для историков, политологов,
конфликтологов всем тем, кто интересуется историей своей страны.

Совет ветеранов УФСБ по г. Санкт-Петербургу
и Ленинградской области выражает особую признательность
за поддержку проекта по изданию книги
«Чекисты Ленинграда в Афганистане»:
А.М. Хромову, а также Фонду поддержки офицеров запаса
государственной безопасности, С.В. Рацу, А.И. Евтюкову, В.А. Жаваронкову
за предоставленные для книги фотографии из личного архива

© Составление, С. В. Рац, Н.И. Милютенко,
© Ответственный редактор: С.В. Рац.
© В. А. Алиев, А. А. Григорьев, А. В. Горлинский,
В. В. Егерев, Ю. Н. Журавский, В. А. Жаворонков,
Ю. Д. Иванов, А. Т. Ибрагимов, С. В. Карпекин,
Н. М. Калугин, Н. Н. Кольцов, Ю. И. Локтев,
А. А. Марейчев, Ю. В. Мамедов, В. Е. Рябов,
С. А. Созинов, А. М. Хромов, В. Н. Хромова,
Б. А. Широнин, В. З. Щиголев

СОТРУДНИКАМ КГБ СССР,
ВЫПОЛНЯВШИМ
СВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ДОЛГ В АФГАНИСТАНЕ,
ПОСВЯЩАЕТСЯ...

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Прошло уже тридцать девять лет, как по просьбе Афганского правительства в эту страну был введен ограниченный контингент советских войск. Сегодня, вспоминая эти события, мы в первую очередь обращаемся к молодому поколению граждан России для того, чтобы они помнили о непростых, подчас противоречивых, страницах истории нашей Родины.

На протяжении десяти лет подразделения советских вооруженных сил были надежной опорой афганской армии в борьбе с антиправительственными выступлениями. Но мало кто знает, что наряду с войсками бремя непростой работы по защите завоеваний республики Афганистан разделяли советники-профессионалы во многих областях, в том числе в вопросах государственной безопасности.

Только из Управления КГБ СССР по Ленинградской области в период с 1979 по 1989 гг. были направлены в Афганистан 65 офицеров. Без преувеличения можно сказать, что это были лучшие оперработники, кадровики, следователи, имевшие за плечами большой опыт практической работы. Как правило, эти сотрудники владели одним или двумя языками, в том числе наиболее распространенными на территории Афганистана – пушту, дари.

Основной задачей сотрудников КГБ СССР была подготовка кадров для органов государственной безопасности Афганистана, создание за короткий срок эффективной структуры для борьбы с бандами моджахедов.

Фактически в условиях гражданской войны, в обстановке провокаций и террора наши товарищи нередко принимали непосредственное участие во многих крупномасштабных операциях, неоднократно рисковали своей жизнью, с честью выходили из сложнейших ситуаций.

Так, командировка чекистов Виталия Щиголева, Бориса Вязового, Александра Горлинского, Юрия Локтева, Юрия Мамедова прошла в составе отряда специального назначения «Каскад». Именно этому отряду руководство КГБ СССР ставило задачу по получению достоверной и своевременной информации с целью уничтожения баз и главарей моджахедов.

Нельзя не сказать, что на линии незримого фронта чекистам пришлось напрямую столкнуться с зарубежными разведками, которые сделали все, чтобы нарушить хрупкое равновесие в данном регионе, ввергнуть народы Афганистана в кровопролитную войну.

К счастью, все сотрудники нашего Управления вернулись из Афганистана живыми. Все они удостоены высоких правительственных наград СССР и республики Афганистан. Часть из них выносит сегодня на суд читателей свои воспоминания о буднях и подвигах афганской войны.

К сожалению, время неумолимо. Некоторых из наших коллег-«афганцев» уже нет с нами. Светлая им память.

Какую бы сегодня не давали оценку событиям тех лет зарубежные и российские историки, политики и политологи, можно с уверенностью сказать: сотрудники КГБ СССР выполнили свой интернациональный долг на высоком профессиональном уровне, успешно реализовав поставленные перед ними задачи.

Надеюсь, что представленный сборник будет еще одним памятником всем чекистам, прошедшим дороги Афганистана, откроет читателям новые страницы истории нашей страны и ее спецслужб. Хотелось бы также сердечно поздравить всех сотрудников со 100-м образования Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, выразить благодарность за вклад в дело укрепления безопасности нашей страны и пожелать им здоровья и благополучия.

Начальник Управления ФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-полковник

А.Б. Родионов

Дорогие друзья!

Со времени вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана в феврале 1989 года прошло двадцать девять лет. Утекло много воды, зажили боевые раны, но память никак не отпускает от себя тех советских воинов, кто волею судьбы оказался в воюющих горах Гиндукуша, под Гератом, в Кабуле, на Саланге.

Уже вышло много книг воспоминаний участников той войны, в которых ветераны-интернационалисты рассказывают о пройденном боевом пути, о своих сослуживцах, сложивших голову в Афганистане. Казалось бы, многое поведано, почти все рассказано. Что еще можно добавить? Но вот написана очередная книга, я читаю ее и ловлю себя на мысли: это знаю я, и то не во всех деталях, а только то, что видел со своего командного пункта. Однако этого не знают миллионы, мимо которых прошла эта война (и слава Богу, что прошла она мимо них). Кроме того, в нашей стране после Афгана выросло новое поколение людей, которое вообще не имеет представления о том, что совсем недавно была война, унесшая жизни пятнадцати тысяч человек.

Каждая книга о войне – это еще одна страница правды о ней. И каждая такая книга – памятник тем, кто не вернулся из Афганистана. Я думаю, создатели этого сборника добились и той, и другой цели. Ветераны Управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области честно выполнили свой долг в Афганистане, и люди, наконец, должны узнать об их ратной работе в этой далекой стране.

*Б. В. Громов,
Герой Советского Союза, командующий
40-й армией в 1987-1989 гг.*

Чекисты Ленинграда, прошедшие Афганистан. Санкт-Петербург, 1996 г.

Григорьев Александр Андреевич (1949-2009), генерал-полковник. Окончил Ленинградский механический институт, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1983-1985 гг. За проявленное мужество во время пребывания в республике Афганистан награжден медалью «За отвагу»

АЛЕСАНДР АНДРЕЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА С НАМИ

Прошло тридцать лет со дня ввода советских войск в Афганистан. С того времени изменилось очень многое. Страна наша стала другой. Воины-«афганцы» стали старше, у каждого свой жизненный путь.

Мы, «афганцы», всегда помним и отмечаем день ввода войск в Афганистан – 27 декабря и день их вывода – 15 февраля.

При слове «Афганистан» в памяти возникает прекрасная, удивительная страна: горы, синее небо... И вместе с тем – пыль дорог, лица боевых друзей, живых и павших... Мне не пришлось водить в бой солдат и офицеров. По роду службы я делал свое дело в другом человеческом измерении. Вспоминаются необычайные люди – жители этой страны, особенно мои соратники. Я не оговорился – это афганцы, настоящие мужчины, полные внутреннего достоинства, очень красивые, сдержанные, исключительно верные своему слову. К великому сожалению, многие из них, моих товарищей, после вывода советских войск во времена Раббани, а затем талибов погибли. Светлая им память! Нельзя бросать своих ни при каких обстоятельствах. Забыть жгучий стыд от бездумной сдачи всех позиций государства, и не только в Афганистане, ощущение, что ты невольно участвуешь в предательстве, невозможно. Никогда.

Служба в Афганистане наложила свой отпечаток на многие аспекты жизни тех, кто там воевал. Ведь на боевой работе, особенно на войне, остро чувствуешь и оцениваешь окружающих. Эта школа научила видеть в людях главное – надежность. Да, многие другие качества: смелость, решительность, интеллект, компетентность и т.п., – бесспорно, важны. Но основное в человеке – надежность. Как была необходима на войне в Афганистане уверенность, что твоя спина прикрыта, так важно это и сейчас.

Память о годах Афганской войны всегда с нами. Сегодня мы видим и оцениваем события масштабнее и глубже. Речь идет не о конкретных боевых эпизодах и судьбах, не о личной роли каждого из нас, а о выводах, которые делаются сегодня из анализа обстановки и событий тех лет, их отражении в новейшей истории России, а главное – речь идет о будущем нашей Родины.

Ныне в России живут участники 36 войн и вооруженных конфликтов на территориях 19 стран мира, в том числе прошедшие Чечню. Они не понаслышке знают, что значит честно выполнить свой долг защитника Отечества и гражданина.

Неспокойно и на наших границах, и в мире. Не всем соседям по земному шару нравится возрождение России. Каждый наш шаг должен быть выверен. Здесь нет места ни торопливости, ни промедлению. Все должно доводиться до конца. Обеспечение национальной безопасности во всех ее аспектах сегодня и в перспективе стало самой насущной задачей.

Мы, ветераны боевых действий в Афганистане, должны участвовать в этой работе: кто на военной, кто на гражданской государственной службе, кто в иных сферах деятельности. Но все вместе мы обязаны передать новым поколениям понимание личной ответственности каждого на своем месте за все, что происходит сегодня и произойдет завтра.

Совсем недавно, буквально несколько лет назад, всерьез высказывались мнения о девальвации таких священных понятий, как патриотизм, верность долгу, служение Отечеству. Сейчас, слава Богу, многое по-иному. Подъем экономики, улучшение жизни людей, честность руководства государства перед народом делают свое дело. Люди, несмотря на все трудности, поверили в себя и в Россию. Они снова могут гордиться званием российского гражданина и уже никому этого права не отдадут.

АЛЕСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ МАРЕЙЧЕВ

ПЕРЫЙ СОВЕТНИК

Оглядываясь на свой жизненный путь, замечу, что за плечами у меня была Великая Отечественная война. В Красную армию пошел добровольно 22 июля 1941 года после окончания средней школы в Ленинграде. Ленинградское училище военных сообщений окончил в апреле 1942 года, был назначен командиром взвода 8-го отдельного мостового батальона. В составе этой части с боями прошел Белоруссию, всю Литву и Латвию, Восточную Пруссию, участвовал во взятии Кенигсберга. С 1949 года – на оперативной работе в органах военной контрразведки. В 1956 году окончил Высшую школу КГБ СССР.

17 мая 1978 года в звании полковника я прибыл в Кабул по линии Первого главного управления КГБ СССР под «крышей» советника посла. Фактически я стал первым советником по вопросу организации военной контрразведки в подразделениях афганской армии. Переводчика взял афганца. К сожалению, я не владел языками – ни пушту, ни дари, но постепенно жизнь заставила заговорить на пушту как на языке межнационального общения. В силу своего положения мне регулярно приходилось общаться с лидерами партии НДПА и правительства Афганистана, в частности с Бабраком Кармалем, Нур Мухаммедом Таракки, Хафизуллою Амином, Наджибуллою.

Армия Демократической Республики Афганистан, укомплектованная советской техникой, была мощной. Ее численность составляла до 200 тысяч человек, и

по боеиспособности наши аналитики по всем показателям ставили ее на второе место после армии Турции.

Для ознакомления с обстановкой в войсках я с группой афганских офицеров посетил воинские части, дислоцированные в Кабуле, Кандагаре, Джелалабаде, Газни, Мазари-Шарифе, Герате. Совместно с полковником Абдуллою Хаком Саманди, исполнявшим обязанности начальника военной контрразведки афганской армии, было подготовлено положение и разработана структура органов безопасности в войсках ДРА. Положение было согласовано с министром обороны Хафизуллою Амином. В короткие сроки были подобраны руководители и оперативные сотрудники для формируемых отделов военной контрразведки афганской армии в количестве около ста человек, с которыми мне пришлось провести месячные учебные сборы.

В начале 1979 года в Афганистан прибыла первая группа советских военных контрразведчиков. В 1978-1979 годах афганскими сотрудниками под руководством наших советников было выявлено и разоблачено более двадцати засланных в войска агентов бандформирований, два агента пакистанской разведки, предотвращено 11 попыток антиправительственных выступлений.

Борьба между фракциями – «халькистами» и «парчимистами» – за лидерство и партийную власть была крайне острой и выливалась подчас в незаконные аресты оппонентов. После ликвидации лидера партии НДПА Таракки люди Амина

Марейчев Александр Александрович (р. 1923), генерал-майор. Окончил Ленинградское училище военных сообщений, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1979-1982 гг. Владеет языком дари. За проявленное мужество во время спецоперации в республике Афганистан награжден двумя орденами Красного Знамени правительства Афганистан, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», орденом Красной Звезды, знаком ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть»

Наджибулла (в центре) встречает посла СССР Ф. А. Табеева (слева). Справа А. А. Марейчев. Кабул, аэродром, 1980 г.

9-е мая 2008 года. А.А. Марейчив в окружении коллег

начали массовые репрессии не только политических оппонентов. По указанию Амина арестовали большую группу священнослужителей, часть из них физически уничтожили. Под контролем диктатора находилась небольшая группа преданных афганцев, которая занималась выявлением противников режима. Они арестовывали людей и руководили расстрелами. Массовые репрессии вызвали негативную реакцию со стороны населения. Банды моджахедов пополнялись родственниками, которые хотели отомстить за смерть своих близких.

Мне довелось дважды встречаться с диктатором по вопросам создания системы контрразведки в войсках. Амин производил впечатление человека энергичного, с широким кругозором, вдумчивого и крайне интеллигентного. На второй встрече мной было представлено положение о военной контрразведке. Амин в целом утвердил его и передал начальнику в/к полковнику Самади. Он был любезен со мной и поддержал мою точку зрения о необходимости в короткие сроки создать систему контрразведки в войсках, высказал просьбу о направлении в Афганистан дополнительного контингента советников и спецподразделений. В разговоре коснулись вопроса активизации в провинциях банд моджахедов. Амин высказался за радикальные меры в борьбе с ними. Он считал себя марксистом, надеялся на более активную экономическую и военную помощь со стороны СССР. Амин старался на ключевых постах в армии расставить своих людей. Командиров дивизий менял каждые три месяца. В результате такой политики в армейских, политических кругах царил нервная обстановка. Фракционная борьба подрывала

авторитет партии, накладывала негативный отпечаток на всю деятельность правительства. Налицо был полный кризис политической власти. Перед советским и партийным руководством встал вопрос о смене лидера.

Примерно в октябре 1979 года я написал письмо на имя председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, в котором объективно изложил ситуацию в войсках, факты массовых необоснованных репрессий в отношении граждан республики. Высказал свое мнение о развитии событий, в том числе о возможном росте повстанческого движения. Мое письмо вызвало резонанс, но, по большому счету, не повлияло на решение о вводе войск в Афганистан. Гигантский механизм государственной машины, в котором участвовало более ста тысяч человек, был запущен. Считаю, что мой вызов в Москву не принес ожидаемых результатов. Было, видимо, не до моего мнения. Госбезопасность и министерство обороны в то время нацелили свои ресурсы на свержение власти Хафизулла Амина. Оставались считанные недели до ввода советских войск в Афганистан.

Уже тогда в среде сотрудников КГБ ходила информация о том, что Амин является агентом ЦРУ. На всех встречах и выступлениях Амин клялся в верности политике КПСС и до последней минуты своей жизни был нам верен. Активного волевого человека, настоящего лидера для руководителя страны серьезный недостаток – злоупотребление алкоголем. Думаю, эта смена была выгодна в первую очередь нашей политической разведке, которая продвинула на пост главы партии и государства своего человека. После бескровного переворота личным

советником Бабрака Кармаля стал бывший резидент Первого главного управления КГБ СССР В. Г. Осадчий.

Смерть Тараки подтолкнула к принятию политического решения о вводе советских войск в Афганистан. Бытует легенда, что на принятие этого решения повлияло следующее обстоятельство. Леонид Ильич Брежнев питал к Нур Мухаммеду Тараки теплые чувства и не раз называл его своим другом. После того как Тараки был арестован и заключен под домашний арест, встал вопрос о сохранении ему жизни, так как Амин обвинил бывшего единомышленника в покушении на свою жизнь и Тараки автоматически стал объектом ликвидации. Через «дипломатические каналы» лидер КПСС обратился с просьбой к Амину сохранить жизнь Тараки, и последний якобы дал согласие. Однако вскоре Тараки задушили, членов семьи уничтожили. Говорят, когда Брежнев узнал об этом, он посчитал себя лично оскорбленным. Генеральный секретарь ЦК КПСС вызвал председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова и дал соответствующие указания о смене лидера в Кабуле. Началась подготовка к государственному перевороту. К чести военных, многие из них были категорически против ввода войск в Афганистан. Известен доклад начальника штаба Министерства обороны СССР маршала Н.В. Огаркова членом Политбюро ЦК КПСС, в котором он обосновал тяжелые последствия ввода армии на территорию Афганистана. Однако возобладала точка зрения Ю. В. Андропова. Д. Ф. Устинов, министр обороны СССР, промолчал.

Как часто у нас бывает, после принятия политического решения начались поспешные и лихорадочные приготовления. Были установлены сроки: смену руководителей правительства Амина осуществить не позднее декабря 1979 года. Была попытка использования снайперов и возможность применения яда, но безрезультатно.

Лично передо мной в последние дни режима диктатора была поставлена задача активизации советников (сотрудников особых отделов Третьего главного управления КГБ СССР), находящихся в войсках, для предоставления попыток выступлений в поддержку Амина в день переворота. В ночь с 27 на 28 декабря я получил приказ о выводе политических заключенных после штурма тюрьмы одним из подразделений группы «Зенит».

Тюрьма находилась на окраине Кабула и представляла собой городок, напичканный тысячами противников режима. В этом людском муравейнике я должен был найти лидеров партии НДПА: Абдулу Кадыра, Рафи, Кешману. Получив сигнал об окончании штурма, под охраной группы десантников и в сопровождении переводчика мы на трех бронетранспортерах прибыли к зданию

Военные контрразведчики в одном из помещений особого отдела КГБ СССР 40-й армии. Кабул, август 1981 г. Слева направо: начальник Особого отдела 40-й армии генерал-майор С. И. Божков; начальник военной контрразведки ХАД МГБ ДРА полковник Абдул Хак Самади; начальник 3-го отдела представительства КГБ СССР в ДРА А. А. Марейчев. На заднем плане – переводчик

тюрьмы. Заключенные были живы и находились в одной из камер. Мы доставили их в батальон связи, где передали в руки Кармалу.

Он был одет в бушлат с погонами сержанта Советской армии. Встреча единомышленников была эмоциональной.

Абдула Кадыр пришел на следующий день и сердечно благодарил меня. Через несколько дней восстановили в должности начальника контрразведки Абдулу Хака Самади. Вскоре освобожденные лидеры заняли достойные посты в будущем правительстве республики.

После ввода советских войск я с группой советников поехал в город Газни, чтобы предотвратить выступление афганской дивизии против нового режима в городе Кандагар.

В рамках поставленной руководством КГБ СССР задачи я в течение полугода давал еженедельно консультации по вопросам безопасности (курс основ контрразведывательной подготовки) члену политбюро ЦК НДПА Наджибулле, который возглавил министерство безопасности (ХАД). Его называли доктором Наджибом. Он был одним из самых перспективных руководителей руководства НДПА в 1980 году. К сожалению, в 1996 году, после сдачи Кабула, Наджибулла был казнен талибами. По непонятным причинам разведка не сумела вывести его на территорию России.

Ввод войск ухудшил отношение афганцев к «шурavi», то есть к советским. Несмотря на то, что новой властью из тюрем были освобождены тысячи политических заключенных, началась долгожданная земельная реформа, мечти вновь открыли свои двери, число противников режима только увеличилось.

Как-то в частной беседе один влиятельный афганец сказал мне, и я запом-

нил его слова: «Наш народ не терпит иностранного присутствия». Собственно, даже офицеры Советской армии были не готовы к жизни и военным действиям в стране со средневековым укладом. Были случаи, когда штурмовые удары наносились по мирным кишлакам. Такие факты только подливали масла в огонь. В Афганистан вторглась одна из лучших армий мира – более ста двадцати тысяч человек, а не «ограниченный контингент», как у нас любили повторять в официальных источниках. Принятый в Афганистане Закон о всеобщей воинской повинности увеличил поток молодых людей, пытавшихся скрыться от мобилизации в горах. Они невольно пополняли банды моджахедов, которые активизировали свои действия.

Через два года аппарат советников в афганской армии составлял 67 человек.

В мае 1981 года мне стал известен текст докладной записки группы военачальников, направленной на имя министра обороны СССР. Приведу основной вывод руководителей Советской армии о присутствии воинского контингента в Афганистане: «Мы считаем, что в сложной военно-политической обстановке в Афганистане, в данное время и в будущем, решить задачу разгрома контрреволюции и установления народно-демократической власти во всей стране только военными усилиями 40-й армии, ВС ДРА крайне затруднительно, более того – бесперспективно...»

Записку подписали генерал армии М. Майоров, генерал-лейтенант В. Самойленко, генерал-лейтенант В. Черемных.

Сегодня, по прошествии почти тридцати лет, можно только склонить головы перед мужеством генералов, которые не побоялись высказать свое мнение по столь острому вопросу национальной безопасности.

К сожалению, голос опытных генералов не был услышан. Присутствие наших войск затянулось до декабря 1989 года. Советский народ потерял лучших сынов, в горниле бессмысленной войны мы подорвали экономику, нанесли невосполнимый урон политическому престижу СССР.

Относительно работы военных контрразведчиков хотел бы сказать, что в Афганистан отправляли лучших сотрудников Третьего главного управления КГБ СССР. Несмотря на суровые условия быта, опасности, которые подстерегали офицеров на каждом шагу, непредсказуемый характер гражданской войны, они делали свою работу на высоком профессиональном уровне, внешне скромно, добиваясь высоких результатов. К сожалению, среди них были боевые потери. Светлая память всем военным контрразведчикам, погибшим за десять с лишним лет необъявленной войны в Афганистане.

После возвращения в декабре 1981 года из Афганистана, где мое пребывание затянулось на три с половиной года, я был назначен начальником Особого отдела Северо-Кавказского военного округа.

Уволившись в запас, вернулся в Ленинград. Продолжаю работать в ветеранской организации Управления ФСБ России по Ленинградскому военному округу, по мере сил передаю свои знания и опыт молодым сотрудникам.

Мой сын и внук пошли по моим стопам: сын стал военным контрразведчиком, закончил службу в звании капитана первого ранга, а внук – капитан, работает в Петроградском райотделе УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Я имею сына и дочь, двух внуков и внука, трех правнуков и двух правнуков и считаю себя счастливым человеком.

В первом ряду 4-й справа Р.И. Абель, 4-й слева А.А. Марейчев

Ибрагимов Андрей Таледович (р.1954), подполковник. В 1976 году окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, Краснознаменный институт КГБ СССР. В 1976 – 1986 гг. работал в ПГУ КГБ СССР, в 1986–1991 гг. прикомандирован к УКГБ СССР по Ленинградской области. В 1979–1982 гг. и в августе 1987 г. находился в командировке в республике Афганистан. Уволился в отставку из КГБ СССР в 1991 году. Владеет персидским и английским языками. За проявленное мужество награжден медалью правительства республики Афганистан «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа»

АНДРЕЙ ТАЛЕДОВИЧ ИБРАГИМОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АФГАНИСТАНЕ

Судьба связала меня с регионом Среднего Востока в начале 70-х, когда по воле кадровых служб мне выпало в течение пяти лет изучать в Высшей школе КГБ персидский язык. Именно персидский, а не дари, который наряду с пушту является официальным языком в Афганистане и мало чем отличается от персидского языка.

Владение персидским языком, не столь распространенным в то время по сравнению с европейскими языками, стало одним из важных оснований для моего назначения после окончания Высшей школы в «географический» отдел Первого главного управления на афганское направление. Годичные курсы в Краснознаменном институте и год работы в линейном отделе ПГУ позволили углубить мои знания об Афганистане, а также получить необходимые навыки оперативной работы в разведке. Важной частью подготовки к заграничной командировке стала стажировка в МИД СССР и работа с официальными афганскими делегациями.

В начале июля 1979 года меня направили в долгосрочную командировку в Афганистан для работы по линии политической разведки.

Несмотря на социально-эконо-

мическую отсталость, в силу своего географического положения, Афганистан всегда играл важную роль во внешней политике царской России, а затем Советского Союза.

В 19 веке, наряду со среднеазиатскими ханствами, Афганистан был буферным регионом между российской и Британской империями. Не случайно с середины 19 века Кабул был местом постоянного противодействия резидентур Российской и английской разведок, которые стремились втянуть Афганистан в сферу своего влияния.

28 февраля 1919 года эмир Афганистана Аманулла хан в разгар гражданской войны и иностранной интервенции в Советской России первым в мире признал молодую советскую республику, установив с ней дипломатические отношения.

В период 40-летнего правления короля Захир Шаха (1933–1973 гг.) Афганистан традиционно поддерживал дружеские отношения с нашей страной. Король Афганистана Захир Шах стремился балансировать в отношениях между Советским Союзом и западными странами. В 50–60-е годы между нашими странами стабильно развивались экономические отношения и военное сотрудничество. В Афганистан командировались со-

ветские специалисты и советники, а в нашу страну ежегодно приезжали на учебу десятки афганских студентов, курсантов и молодых офицеров. Для сохранения баланса сил в армии старшие офицеры афганской армии обучались в США и Египте, а полиция была оснащена германской спецтехникой, которая использовалась в том числе и для слежки за демократическими силами. Внутривластьная ситуация в Афганистане долгое время оставалась достаточно стабильной, и работа нашего заграничного аппарата в эти годы не относилась к числу первоочередных приоритетов советской разведки.

Первый тревожный звонок, который привел к временной дестабилизации обстановки в Афганистане, произошел 16 июля 1973 года, когда группа проникшихся социалистическими идеями молодых афганских офицеров, многие из которых были выпускниками советских военных училищ, совершила государственный переворот. Король Захир Шах, находившийся в это время на лечении в Италии, отрекся от престола, и власть перешла к Центральному комитету республики Афганистан, в который вошли представители разных политических сил, в том числе НДПА.

Желая сохранить стабильность в стране и преемственность внешнеполитического курса, через наши возможности удалось убедить ключевых участников этих событий от радикальных мер и передать власть двоюродному брату короля Мухамеду Дауду, находившемуся в опале с 1963 года за свои попытки воссоединения афганских и пакистанских пуштунов, что негативно влияло на афгано-пакистанские отношения.

Дауд продолжал внешнюю политику Захир Шаха, сохраняя устойчивые дружеские отношения

с Советским Союзом и Индией, но при этом продолжал укреплять сотрудничество с США, Германией и Египтом. Дауд, как и Захир Шах, пользовался поддержкой Советского Союза, поэтому все советские ведомства, работавшие в Афганистане, были ориентированы на содействие укреплению внутривластьной политической стабильности в соседней стране.

Несмотря на добрососедский внешнеполитический курс, в соответствии с линией ЦК КПСС на поддержку оппозиционных демократических партий в несоциалистических странах наш заграничный аппарат по заданию международного отдела ЦК КПСС регулярно оказывал финансовую помощь лидерам Народно-демократической партии Афганистана (НДПА), но при этом использовал свое влияние на них для удержания НДПА от радикальных действий. Более того, НДПА была создана при непосредственном участии Советского Союза в 1965 году, но уже в 1967 году в партии произошел раскол на две фракции: «Хальк» и «Парчам», который длился почти 10 лет.

В 1977 году М.Дауд инициировал принятие новой Конституции, узаконившей однопартийную систему в Афганистане и поставившей остальные партии, в том числе НДПА, вне закона. Надо отметить, что в том же 1977 году НДПА провела объединительный съезд группировок «Хальк» и «Парчам», которые после десятилетнего раскола вновь объединились в единую партию, что вызвало раздражение М. Дауда, он провел аресты лидеров НДПА. Вооруженное выступление в апреле 1978 года стало реакцией на начавшиеся репрессии против лидеров НДПА и завершилось расстрелом М.Дауда и членов его семьи.

Таким образом, Апрельская революция была спровоцирована самим М. Даудом, события разворачивались в течение суток так быстро, что советские спецслужбы не успели сразу отреагировать на действия афганских военных. Советское посольство в Кабуле уже было поставлено перед фактом свершившегося переворота.

После свержения правительства Мухаммеда Дауда Афганистан в последующие 11 лет постепенно был вовлечен в центр мировой политики и стал одним из приоритетов в деятельности советской внешней разведки.

В первые месяцы после военного переворота, который захватившие власть лидеры НДПА именовали «Апрельской (Саурской) революцией», афганскому руководству удавалось удерживать относительную стабильность в стране. Однако репрессии против духовенства, непоследовательная национальная политика новой власти, авантюрные реформы на селе постепенно привели к появлению в стране протестных настроений, которые за короткое время переросли в вооруженное сопротивление власти. Положение усугублялось также обострившейся внутривластьной борьбой между двумя крыльями НДПА – «Хальк» и «Парчам», которой тогдашние лидеры Афганистана уделяли гораздо больше внимания, чем борьбе с набиравшими силу исламскими экстремистскими партиями.

Советский Союз, первым поддержавший Апрельскую революцию и постоянно оказывавший поддержку ДРА, пытался влиять на лидеров НДПА, но избежать перегибов во внутренней политике и преодолеть внутривластьную борьбу между «Хальк» и «Парчам», которая, несмотря на недавнее объ-

единение, вновь обострилась после прихода НДПА к власти, не удавалось. Одним из главных инициаторов внутрипартийной борьбы и репрессий против «парчамистов» являлся вице-премьер и министр иностранных дел ДРА Хафизулла Амин, ставший после разгрома «парчамистов» вторым по значимости руководителем после Н.М. Тараки в политической иерархии Афганистана.

Помимо преследования своих оппонентов внутри НДПА Х. Амин жестоко расправлялся с религиозными деятелями и этническими меньшинствами, что вызывало негативную реакцию в мире и международную критику советской внешней политики, поэтому советское руководство не раз ставило перед Н.М. Тараки вопрос о смещении Х. Амина с ответственных государственных постов, однако Н.М. Тараки, передав Х. Амину практически все свои полномочия, всякий раз защищал своего выдвиженца.

Внутрипартийная борьба в НДПА существенно ослабляла борьбу с подрывной деятельностью оппозиционных исламских группировок. До начала 1979 года антиправительственные выступления в провинциях Афганистана были редкими, носили локальный характер и непосредственно не затрагивали безопасность советских граждан, которых по линии различных ведомств уже тогда было в Афганистане более пяти с половиной тысяч человек.

Первое трагическое происшествие с советскими специалистами произошло в марте 1979 года на западе Афганистана в провинции Герат, где во время антиправительственного мятежа, инициированного исламскими радикалами,

толпой был убит представитель внешнеторгового объединения «Востокинторг» Богданов. До этого слово «шоурави» («советский»), без преувеличения, было для афганцев синонимом «друга», и они относились к нашим гражданам с большой симпатией. Однако после того, как пролилась первая кровь советского человека, исламисты перешли «красную линию», и нападения на советских граждан стали происходить все чаще.

Положение усугублялось также тем, что как во время волнений в Герате, так и в ходе следовавших за ними вооруженных выступлений в Джелалабаде и других провинциях Афганистана на сторону мятежников стали переходить афганские военнослужащие, иногда в полном составе своих воинских подразделений.

В связи с ухудшением внутриполитической ситуации в Афганистане и необходимостью консолидации НДПА для противодействия вооруженной исламской оппозиции Советский Союз усилил давление на афганское руководство с целью прекращения внутрипартийной борьбы, а также налаживания диалога с пуштунскими и белуджскими племенами, религиозными деятелями и национальными меньшинствами.

В сентябре 1979 г. Тараки возвращался из поездки в Гавану, где он участвовал в ассамблее несоединившихся стран, и на сутки остановился в Москве. Во время неформальной встречи Н.М. Тараки с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым Леониду Ильичу все же удалось убедить афганского лидера сместить Х. Амина со своих постов.

В составе афганской делегации

находились верные соратники Х. Амина: начальник охраны Дома народов С.Д.Тарун и заместитель начальника афганской контрразведки Акбари, которые осуществляли негласное наблюдение за Н.М. Тараки и сразу почувствовали перемены в его поведении после встреч в Москве, о чем после приезда сразу сообщили Х. Амину. Чтобы убедиться в обоснованности подозрений о перемене в отношении с Н.М. Тараки, на следующий день после возвращения делегации из Москвы Х. Амин выступил по национальному радио с обвинениями начальника службы безопасности Афганистана А.Сарвари, министра внутренних дел М.А. Ватанджара, министра связи С.М. Гулябзоя и министра по делам границ Ш.Д. Маздурьяра в предательстве «идеалов Апрельской революции» и заговорщицкой деятельности.

Все четверо имели большой авторитет в НДПА, принимали активное участие в Апрельской революции и были надежными соратниками Н.М. Тараки, однако находились в конфронтации с Х. Амином. Амин уже не раз безуспешно пытался убедить Н.М. Тараки сместить «четверку» с государственных постов, поэтому, публично объявив их предателями, он на этот раз поставил Н.М. Тараки перед выбором: либо Амин, либо «четверка». Н.М. Тараки сразу не принял ультиматум и продолжал колебаться, обратившись за помощью к советским представителям.

Несмотря на то, что все упомянутые деятели занимали ключевые посты в афганском руководстве, в том числе в силовых структурах, никто из них не оказал Х. Амину никакого отпора и, более того, опасаясь за свою безопасность,

А.Сарвари, М.А. Ватанджар и С.М. Гулябзой спешно укрылись на вилле сотрудника нашего загранпарата. Через некоторое время их удалось нелегально вывезти в Советский Союз, а Ш.Д. Маздурьяра Х. Амину все же удалось арестовать, и он был заключен в тюрьму.

Решительные действия Х. Амина оказались неожиданными как для Н.М. Тараки и его сторонников, так и для нас. Все понимали, что следующим будет арестован или убит сам Н.М. Тараки. По согласованию с Москвой посол СССР А.М.Пузанов, личный представитель Председателя КГБ СССР в ДРА генерал-лейтенант Б.С. Иванов, главком Сухопутных войск генерал армии И.Г. Павловский, а также главный военный советник в ДРА генерал-лейтенант Л.Н.Горелов, желая выиграть время, решили использовать все свое влияние на Х. Амина, чтобы на какое-то время примирить афганских лидеров. 13 сентября они поехали в Дом народов для встречи с Н.М. Тараки, пригласив туда и Х. Амина, однако их попытка выступить посредниками для разрешения конфликта между афганскими лидерами обернулась конфузом.

После приезда Х. Амина для переговоров в Дом народов его охрана отказалась сдать оружие и инициировала перестрелку с охраной Тараки. Во время этого инцидента был убит ближайший соратник Х. Амина – С.Д. Тарун, а сам Х. Амин, обвинив Тараки в покушении на свою жизнь, отказался от переговоров.

Обладая большим влиянием в армейских кругах (до Апрельской революции Х. Амин координировал работу партийных ячеек «Хальк» в афганской армии),

Х. Амин склонил также на свою сторону большинство членов ЦК НДПА, и уже на следующий день он фактически узурпировал власть в стране, заключив Н.М. Тараки под домашний арест. Вопреки данному Х. Амином советскому руководству обещанию сохранить жизнь Н.М. Тараки приблизительно через месяц после своего ареста Тараки был задушен подушкой в собственной спальне. Хотя убийство уже лишено власти Н.М. Тараки носило ритуальный характер, Х. Амин явно недооценил жесткую реакцию советского руководства на проявленное им вероломство, которое стало для него фатальным.

Захватив власть, Х. Амин усилил репрессии не только против «парчамистов», но и против сторонников Н.М. Тараки внутри крыла «Хальк». Чистки в партии сопровождались пытками и расстрелами, похожими на советские репрессии конца 30-х годов: вечером арест, ночью допрос и пытки, а на следующий день – расстрел.

Не менее жестоким было физическое уничтожение афганских религиозных деятелей и представителей национальных меньшинств. После захвата власти Х. Амин активизировал бомбардировки центральных районов Афганистана, где проживало около 1 млн хазарейцев – потомков монголов. В отличие от суннитского большинства в Афганистане хазарейцы являются шиитами и в быту больше тяготеют к Ирану. Хазарейцы с первых дней не приняли Апрельскую революцию, однако каких-либо активных действий против правительства ДРА не вели, сохраняя контроль над труднодоступными провинциями Гор и Бамиан. Целенаправленные регулярные бомбардиров-

ки населенных пунктов хазарейцев афганской авиацией, по сути, были геноцидом этой этнической группы. Этническим преследованиям также подвергались узбеки и таджики, проживающие в северных провинциях Афганистана.

Следует отметить, что до ввода советских войск помимо автоматов Калашникова, в основном добытых у афганских военнослужащих, исламская оппозиция не имела достаточного количества современного стрелкового оружия и долгое время многие участники бандформирований были вооружены средневековыми кремневыми ружьями. Из-за отсутствия у оппозиции средств поражения воздушных целей налеты афганской авиации долгое время оставались безнаказанными.

Свои карательные акции афганские власти не согласовывали с советскими советниками, всячески маскируя их под различными предлогами. Одновременно Х. Амин не переставал публично повторять о дружбе с Советским Союзом и последовательном претворении в жизнь идеалов Апрельской революции. Политика Х. Амина не только подрывала международный авторитет Советского Союза, но и вносила раскол внутри страны, а также компрометировала Советский Союз в глазах афганского населения, которое связывало репрессии властей с политикой СССР.

Такое положение не могло устраивать руководство СССР, поэтому с конца октября в Центре стали прорабатываться планы физического устранения Х. Амина, однако войсковая операция в тот момент не планировалась.

Поначалу планы по смещению Х. Амина связывались с возмож-

ностями «парчамистов» и оппозиционных Х. Амину членов «Хальк». В октябре-ноябре 1979 г. находившимся в это время в Москве Б. Кармалю, А. Сарвари, М.А. Ватанджару и С.М. Гулябзою удалось убедить советское руководство в существовании верной им оппозиции в Кабуле, способной сместить Х. Амина своими силами при незначительной поддержке с советской стороны.

Остается только догадываться, почему амбициозные заверения этих деятелей были приняты. Ведь всего несколько недель до этого, несмотря на свои высокие партийные и государственные посты, А. Сарвари, М.А. Ватанджар и С.М. Гулябзой, как только Х. Амин объявил их своими врагами, поспешно сбежали, проявив нерешительность и безволие. Неспособность этих оппозиционеров противостоять действиям Х. Амина в то время, когда они еще находились у власти, свидетельствовала об отсутствии у них достаточной поддержки не только в армии и НДПА, но даже в возглавляемых ими же силовых структурах. Поэтому их способность сместить Х. Амина силами своих сторонников через три месяца нахождения в эмиграции должна была выглядеть весьма сомнительно.

Одной из причин принятия плана устранения Х. Амина руками самих афганцев было желание Советского Союза избежать обвинений международного сообщества в прямом вмешательстве во внутренние дела ДРА. Советскому руководству было необходимо учитывать международную реакцию на нашу политику в Афганистане особенно среди стран, входивших в движение неприсоединения, от-

ношениям с которыми Советский Союз придавал важное значение, а каждая ошибка использовалась нашими оппонентами для подрыва международного авторитета и доверия к СССР.

Кроме того, США беспокоило усиление советского влияния в этом стратегически важном регионе, и они постоянно усиливали внешнеполитическое давление на нашу страну через ООН и другие международные организации. Поэтому на неоднократные просьбы афганских лидеров о вводе в ДРА советских воинских подразделений советское руководство всякий раз отвечало отказом, ограничиваясь расширением военно-технической и советнической помощи ДРА.

Операция по смещению Х. Амина была назначена на 13 декабря 1979 г. (не знаю, было ли это простым совпадением или какой-то закономерностью, но все судьбоносные события в Афганистане в 1978-1979 гг., в частности Апрельская революция 1978 г., смещение Н.М. Тараки 13 сентября 1979 г., попытка переворота 13 декабря и, наконец, ликвидация Х. Амина 27 декабря 1979 г., произошли именно в четверг, накануне выходного дня, коим в мусульманских странах является пятница).

Около 9 часов вечера в Кабуле погас свет и нависла кромешная тьма. Время от времени в городе были слышны автоматные очереди, однако они не были похожи на перестрелку. После двух часов напряженного ожидания стало ясно, что со стороны афганцев ничего не происходит и переданные нам сведения о «возможностях» оппозиции в афганской гвардии, охранявшей Дом народов, были сильно преувеличены. Стало ясно, что

надеждам на смещение Х. Амина силами афганцев не суждено осуществиться. Нужны были альтернативные пути решения поставленной задачи.

Были разработаны планы физического устранения Х. Амина, но он, как будто чувствуя охоту за собой, менял маршруты и график передвижения, а попытка отравить Х. Амина во время обеда 13 декабря оказалась неудачной. Х. Амину также удалось локализовать выступления, предпринятые его противниками в афганской армии.

В связи с возросшими угрозами своей жизни Х. Амин усилил охрану и перенес свою резиденцию из Дома народов в более безопасно расположенный королевский дворец Тадж-Бек.

Только после неудачных попыток устранения Х. Амина силами демократической афганской оппозиции и срыва спецопераций в середине декабря 1979 года советским руководством было принято решение о проведении силами спецподразделений КГБ СССР и советской армии операции по захвату дворца Тадж-Бек и ликвидации Х. Амина. Для войскового обеспечения этой операции было принято решение о направлении в ДРА подразделений воздушно-десантных войск.

Различия в оценках причин и последствий ввода войск прослеживаются в мемуарной литературе до настоящего времени. Возвращаясь к событиям давно прошедших лет, не трудно быть «пророком» в своем Отечестве. И все же попытки отмежеваться от непопулярных решений тех, кто занимал высокие должности и носил генеральские погоны уже в те годы, и свалить все ошибки на бывшее руководство

Советского Союза выглядят неубедительно, поскольку эти решения принимались на основании докладов и с учетом мнения тех, кто теперь хочет от них откреститься.

Кто еще не забыл реалии советского периода нашей истории, хорошо известно, что любое несогласие с политическим решением ЦК КПСС неизбежно приводило к серьезным последствиям для служебной карьеры. Поэтому тот факт, что «несогласные» остались на командных постах в армии и спецслужбах и получили государственные награды за успешное проведение спецоперации по ликвидации Х. Амина и ввод в ДРА советских войск, приводит к прямо противоположным выводам об их роли в описываемых событиях.

До настоящего времени ведется немало споров по поводу того, кто конкретно был инициатором ввода войск. На мой взгляд, это бесплодные исследования. Даже если согласиться с тем, что вопрос о вводе войск был поставлен Ю.В. Андроповым, который лучше других членов Политбюро владел ситуацией в Афганистане и вполне мог сделать такое предложение, очевидно, что, прежде чем выносить этот вопрос на рассмотрение Политбюро, Юрий Владимирович заручился поддержкой А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова, которые в целом разделяли мнение о том, что в сложившейся в тот момент обстановке ввод войск был необходимым условием для проведения операции по смещению Х. Амина и стабилизации ситуации в ДРА.

Их единство по этому вопросу косвенно подтверждается логикой последующих событий. Не случайно все трое вошли в специально созданную группу Полит-

бюро ЦК КПСС по Афганистану, в дальнейшем они занимали единую позицию при обсуждении в Политбюро афганской темы. Второе они приезжали в Ташкент для неофициальных встреч с Б. Кармалем с целью обсуждения ситуации в ДРА. Кроме того, телеграммы из Кабула с информацией для членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС после ввода советских войск стали направляться в Москву за подписью одновременно представителей трех возглавляемых ими ведомств.

Ошибки, связанные с принятием решения о вводе войск, стали очевидными уже в начале 1980 года, однако пути обратно тогда не нашли, и вместо вывода войск группировка постоянно наращивалась пока ее численность не достигла 160 тысяч. В дальнейшем численность контингента советских войск несколько снизилась и колебалась между 120 и 140 тысячами военнослужащих. В то же время не могу согласиться с мнением некоторых «исследователей», которые называют опытных политиков «авантюристами», а принимавшиеся ими политические решения «волюнтаристскими». Такие оценки свидетельствуют о непонимании их авторами сложившейся в то время ситуации.

В апреле 1978 года события развивались по собственному сценарию, и сразу после переворота Н.М. Тараки, который тоже не был готов к такому исходу, на встрече с послом СССР в Кабуле А.М. Пузановым пафосно заявил, что социалистическая революция в Афганистане свершилась и теперь Советский Союз должен взять ситуацию под свой контроль. Однако советское руководство даже при таком стечении обстоятельств

воздержалось от прямого участия в афганских делах, ограничившись увеличением экономической и военной помощи, а также резко увеличив количество советских советников в различных афганских ведомствах.

После Апрельской революции советское влияние на руководство ДРА и проводимую им политику ограничивалась экономическим и военным сотрудничеством без какого-либо прямого вмешательства во внутренние дела, чем афганцы неоднократно злоупотребляли, пытаясь скрыть от нас факты внутрипартийных преследований и репрессий против духовенства и племен. Каких-либо силовых или иных радикальных мер в отношении ДРА до ноября 1979 года не предпринималось и не планировалось.

Решение о вводе войск стало крайней мерой, принятой советским руководством с учетом сложившейся ситуации, скорее от безысходности, чем ради каких-то амбициозных целей. На принятие решения о вводе войск оказало влияние не только желание Советского Союза сместить набравшего силу непредсказуемого и жестокого диктатора, но и сложившаяся к концу 1979 года геополитическая ситуация в этом регионе.

В частности, во внимание принимались и нараставшая исламизация региона Среднего Востока после прихода к власти в Иране ортодоксального духовенства, активизация антиафганской деятельности пакистанских спецслужб в зоне пуштунских и белуджских племен, а также значительное увеличение численности бандформирований исламской оппозиции в самом Афганистане. К этому моменту ислам-

ская оппозиция стала создавать в Иране и особенно широко при участии американских инструкторов в Пакистане свои тренировочные лагеря для обучения методам ведения партизанской войны, а также базы оружия, поступавшего в основном из Ливии, Саудовской Аравии и Китая, для дальнейшей переправки в Афганистан. Хотя в конце 1979 года каких-либо достоверных сведений о возможном прямом военном вмешательстве США в Афганистан у нас не было (информация на эту тему в советских СМИ носила пропагандистский характер с целью оправдать ввод советских войск в Афганистан, так как американская угроза лучше укладывалась в сознании советских людей, привыкших к противостоянию двух сверхдержав, в то время как «исламский экстремизм» был еще малоизвестен). В то же время существенно выросшая в связи с событиями в Иране группировка ВМС США в районе Персидского залива вблизи южных границ Афганистана увеличивала напряженность в этом регионе, что также не могло не учитываться советским руководством в качестве негативного геополитического фактора.

Существенным фактором, несущим потенциальную угрозу советским геополитическим позициям в этом регионе, была нестабильная внутриполитическая обстановка в Афганистане, причину которой видели в раскольнической деятельности Хафизуллы Амина, которая сопровождалась репрессиями как внутри НДПА, так и в отношении этнических меньшинств и религиозных деятелей, усугублявшими раскол в афганском обществе и препятствовавшими консолидации здоровых сил. После устранения

Н.М. Тараки Х. Амин сконцентрировал в своих руках всю власть, и непредсказуемая политика нового афганского диктатора, обострявшая обстановку в ДРА, создавала напряженность на наших южных границах. Поэтому в устранении Х. Амина видели единственную возможность для кардинального изменения внутренней политики НДПА и стабилизации обстановки в стране.

Ввод ограниченного контингента советских войск был необходим, в первую очередь – для обеспечения после ликвидации Х. Амина безопасности советских специалистов и военных советников, численность которых на тот момент превышала 5,5 тысяч человек. Важно было также оказать поддержку новой власти в первые месяцы после переворота для стабилизации обстановки в стране. В тот момент никто не рассчитывал, что военная операция будет столь продолжительной и масштабной, ведь поначалу предполагалось, что войска будут выведены через три-четыре месяца, тем более, что ввод ограниченного контингента был осуществлен в кратчайшие сроки без основательной подготовки для обеспечения такой операции.

Штурм дворца Тадж-Бек и ликвидация Х. Амина планировалось осуществить силами спецгруппы КГБ СССР «Зенит» при поддержке группы «Гром», состоявшей из бойцов «Альфы». Войсковое прикрытие операции должен был осуществлять «мусульманский батальон» ГРУ Генштаба, сформированный из военнослужащих с восточной внешностью и одетых в афганскую военную амуницию, а также подразделения 103-й воздушно-десантной дивизии, которые были

переброшены с территории СССР в Кабул и Баграм на военно-транспортных самолетах 25-26 декабря. Отдельный план был разработан по захвату военных и гражданских объектов ДРА с участием советников представительства КГБ при спецслужбах ДРА при поддержке группы «Зенит» и небольших групп десантников.

Начало штурма дворца Тадж-Бек было назначено на 8 часов вечера 27 декабря. Около 2 часов дня в наше Посольство приехал один из ближайших соратников Х. Амина начальник Главного политического управления афганской армии М. Экбаль Вазири и сообщил, что Х. Амин отравлен. Во дворец Тадж-Бек для оказания помощи Х. Амину был отправлен зам.главного врача посольской поликлиники В. Бучукури и медсестра. Одновременно из кабульского военного госпиталя прибыли советские военные врачи В.П. Кузнецов и А.В. Алексеев, которым, как в дальнейшем выяснилось, после проведения интенсивной терапии все же удалось вернуть Х. Амина к жизни.

Из мемуарной литературы сейчас уже не является секретом, что накануне штурма дворца Тадж-Бек в результате тщательно спланированной операции советских спецслужб Х. Амин был отравлен, но затем его вернули к жизни советские военные врачи, вызванные во дворец окружением Х. Амина. Неожиданное «спасение» Х. Амина с помощью советских врачей скорее всего, стало результатом недостаточной координации между различными ведомствами при планировании операции. По крайней мере, даже в мемуарных публикациях руководителей советской разведки этот эпизод никак не объяс-

няется, однако у меня, как очевидца и участника событий, сложилось мнение, что возвращение к жизни находившегося уже в коме Х. Амина было в явном противоречии с целью спецоперации по его ликвидации. Но ведь в случае успеха первоначального плана в штурме дворца не было бы необходимости и физическое устранение Х. Амина позволило бы избежать необязательных потерь, которые мы понесли при штурме.

Около 6 часов вечера после уколов, капельниц и промывания желудка Х. Амин пришел в себя и, несмотря на слабость, попытался выяснить, что с ним произошло и кто виноват. Когда сведения об этом поступили в штаб проведения операции, было принято решение начать операцию на час раньше запланированного времени (приблизительно в 19 часов), чтобы избежать возможного осложнения оперативной обстановки перед штурмом.

Изменение времени начала операции в условиях строгого режима секретности усложнило координацию действий между военными и спецгруппами КГБ, что привело к потерям личного состава при штурме дворца.

Чтобы подавить огонь оборонявшихся дворец афганцев, наши военные вели плотный огонь по дворцу из самоходных зенитных установок «Шилка», а также трассерами из стрелкового оружия. Афганцы отвечали беспорядочным автоматным огнем несопоставимо слабее наших атакующих. Сопротивление афганцев, защищавших дворец, во многом еще объяснялось тем, что поначалу они вообще не понимали, кто их атакует, полагая, что это происки внутренних

врагов Х. Амина, а когда слышали русскую речь, предпочитали сдаваться. Шедшие первыми на бронетранспортерах «зенитовцы» рассказывали, что по мере приближения к дворцу снаряды от «Шилки» бились о броню все интенсивнее. Несмотря на это, последовала команда «спешиваться», и многие из тех, кто, выполняя команду, сразу попытался покинуть бронетранспортеры, погибли или были ранены.

По свидетельству участников операции, которые после штурма приехали в посольство, интенсивность огня вне дворца была намного выше, чем внутри, и те, кто успевал проникнуть во дворец, находились в большей безопасности по сравнению с теми, кто оставался вне здания. Причиной этому было отсутствие устойчивой связи и координации действий между осуществлявшими огневую поддержку воинскими подразделениями и наступавшими группами спецслужб. Не будучи специалистом, не хочу комментировать военные аспекты этой операции, но даже для меня было очевидно, что в условиях ночного боя при отсутствии какого-либо освещения и пропавшей связи с атакующими группами, единственным ориентиром для «Шилки» было само здание дворца. Других мишеней для обстрела не было, поскольку афганские военнослужащие, обеспечивавшие охрану Тадж-Бека снаружи дворца, были разоружены нашими десанниками до начала штурма, и Амин до последнего доверял нашим военным, согласившись передать им охрану подступов к Тадж-Беку.

Через час после начала штурма в наш штаб, располагавшийся в Посольстве, с места событий стали

приезжать бойцы из группы «Зенит». В массивных бронежилетах они еще были в состоянии психологического шока после прошедшего боя, но находили в себе силы докладывать, как все происходило и что они видели.

Около 5 утра, когда уже начало светать, без санкции начальства я вместе со своим коллегой сумел пробраться в Тадж-Бек. После услышанных докладов о штурме нам хотелось восстановить ход событий на месте (до этого момента мне не приходилось бывать в Тадж-Беке).

Особист десантной дивизии согласился провести нас по дворцу, где еще не рассеялся запах пороха от недавнего боя. Сначала он подвел нас к стойке бара, показав место, где был застрелен Х. Амин, затем провел в помещения, где жил Х. Амин со своей семьей. Когда мы зашли в большой зал, напоминавший нам советские «актовые» залы, он указал на подоконник, где вместе с двумя медицинскими сестрами прятался за шторой наш военный врач из ленинградской Военно-медицинской Академии В.П. Кузнецов. В этот момент меня мучила мысль о несправедливости судьбы в отношении человека, который в результате чьей-то несогласованности, ничего не подозревая и следуя своему профессиональному долгу, вернул к жизни отравленного нашими спецслужбами Х. Амина, которого всего через час застрелят наши же спецназовцы, а заодно шальной пулей убьют и самого спасителя... Слушая особиста, я вспоминал подробности этой трагической гибели, которые перед выездом в Тадж-Бек мне рассказала вернувшаяся из дворца медсестра посольской поликлиники. Прие-

хавший накануне штурма вместе с ней зам. главного врача В.Бучукури, встретив своих коллег из военного госпиталя, решил вернуться в Посольство, поскольку, будучи хирургом, вряд ли мог серьезно помочь при отравлении, а медсестру В.П. Кузнеценков попросил остаться, чтобы ставить Х. Амину капельницы. В момент штурма она оказалась рядом с врачом, которого убила шальная пуля, и даже после счастливого возвращения из самого пекла она продолжала находиться в состоянии стресса от мысли о том, что эта пуля могла достаться ей самой.

На рабочем столе Х. Амина в его кабинете мы обнаружили его разбросанные фотографии (возможно, их раздали нашим спецназовцам перед штурмом для идентификации «объекта»), одну из которых я взял себе на память об этих событиях.

Осматривая внутренние помещения дворца и слушая особиста, я пытался восстановить картину штурма. Одно обстоятельство никак не укладывалось в моей голове: в каких помещениях мог быть расквартирован целый батальон афганцев (не говоря о 2,5 тысячах военнослужащих, как указывается в некоторых источниках), который, как нам сообщалось перед штурмом, осуществлял охрану дворца изнутри. Дворец не выглядел столь внушительным для такого количества людей, а сам Х. Амин не готовился к вооруженному штурму Тадж-Бека особенно после того, как вокруг дворца разместились советские воинские подразделения (он до последнего момента верил, что опасность грозит только от его противников среди афганцев, а шюрави его защитят).

Планам о краткосрочном пребывании ограниченного контингента советских войск в ДРА было не суждено осуществиться. Оправившись от первого шока, вызванного неожиданным появлением на территории Афганистана значительной группировки советских войск, вооруженные группировки афганской оппозиции возобновили подрывную деятельность. После ввода советских войск разрозненные нападения вооруженных бандгрупп постепенно переросли в крупномасштабное движение сопротивления иностранному вмешательству, в котором будет участвовать значительная часть населения Афганистана.

Чрезмерное засекречивание операции по смещению Х. Амина, которая считалась государственным секретом вплоть до конца 80-х годов, хотя во всем мире уже давно было известно, кто и зачем убил Х. Амина, а также обстоятельство ввода в Афганистан советских войск, постоянное стремление оправдать ранее принятые решения и замалчивание собственных ошибок приводило к нашей собственной дезориентации, препятствовало объективному анализу складывавшейся обстановки в ДРА и лишь усугубляло последствия ошибочных решений (невольнo напрашиваются аналогии с недавними действиями американцев в Ираке и Сирии).

Несмотря на видимую стабильность обстановки в Кабуле в сравнении с провинциями Афганистана, сотрудники различных советских миссий, проживавшие в силу необходимости в отрыве от нахождения под усиленной охраной наших военных мест компактного проживания советских граждан,

подвергались дополнительным рискам. Выезд в город после 10 вечера был всегда связан с риском быть обстрелянным вооруженным патрулем афганских полицейских, что периодически случалось, или вообще попасть в район, который, как и в провинциях, мог неожиданно ночью оказаться под контролем вооруженных исламистов.

Эти риски не были виртуальными. Самой тяжелой для меня стала гибель в январе 1983 года приехавшего мне на замену моего товарища – открытого и обаятельного Сергея Фатьянова, который был застрелен афганцем в дневное время на глазах у своего сына.

Напряженные моменты случались с каждым из нас. С точки зрения личной безопасности, самыми сложными стали первые месяцы после ввода советских войск в Афганистан, когда в Кабуле начались массовые антисоветские выступления.

В первые месяцы 1980 года исламская оппозиция отошла от шока, которым для нее стал никем не предвиденный ввод советских войск, и быстро перестроила тактику своих действий, направляя главные усилия на консолидацию афганского общества для отпора вооруженному присутствию иностранного государства, которое противоречило свободолобиво-му духу афганцев. Внутриполитическая обстановка в Афганистане резко обострилась. Сразу в нескольких афганских провинциях произошли массовые антисоветские выступления. Вооруженные бандгруппы совершали нападения на колонны советской военной техники, применяя новую для наших войск тактику подрыва головного бронетранспортера, а затем под-

вергая шквальному огню из засады остальную колонну. Не обученная методам противодействия мобильным бандгруппам, наша армия понесла основные потери именно в первые годы войны в Афганистане.

Ввод советских войск существенно изменил обстановку и в самом Кабуле. Периодически возникавшие массовые беспорядки, проникновение в ночное время в некоторые районы Кабула бандгрупп, взрывы и теракты в городе, введение комендантского часа стали новыми факторами оперативной обстановки, которые создавали прямые угрозы жизни советских граждан и требовали перестройки работы нашего заграничного аппарата. После относительно безопасной жизни в Кабуле до ввода войск массовые антиправительственные выступления, угрожавшие жизни советских граждан, стали новым фактором.

Первое значительное народное выступление произошло 23 февраля 1980 года. Афганские спецслужбы явно «проспали» эти волнения, которые, как в дальнейшем выяснилось, были хорошо спланированы противником. В нашем посольстве был дипломатический прием по поводу очередной годовщины Советской армии, на котором присутствовало все афганское руководство во главе с Кармалем Бабаком.

Все же получив с опозданием информацию о начавшихся в городе беспорядках, афганские руководители быстро покинули наше посольство. До этого момента я знал о массовых беспорядках только из учебников по оперативной психологии и из средств массовой информации, поэтому, как и другие мои коллеги, недооценил

опасность происходящих в городе событий. После окончания дипломатического приема, как обычно, я согласился подвезти своих знакомых военных советников до «микрорайона», находившегося в другой части города. «Микрорайон» состоял из полутора десятков стандартных советских пятиэтажек, в которых проживали в основном советские граждане, командированные в Афганистан по линии различных ведомств, и некоторые афганцы из руководства НДПА.

Поздним вечером дорога до «микрорайона» не заняла много времени, и я не ожидал каких-либо проблем на обратном пути. Визуально дорога казалась безлюдной, поэтому внезапное появление небольших групп афганцев с соседних улиц, которые перегородили мне дорогу и вынудили снизить скорость, было для меня полной неожиданностью. В какие-то мгновения моя машина со всех сторон начала «обрастать» людьми, и я внезапно оказался в гуще разгневанной толпы. Это произошло так быстро, что я сообразил об опасности только тогда, когда афганцы стали бить кулаками по моей машине и плеваться на лобовое стекло. Продвижение вперед было заблокировано. Почувствовав, что толпа начинает раскачивать мою машину, я включил заднюю передачу и резко нажал на акселератор. Афганцы явно не ожидали моего маневра, но ловко отскакивали, пропуская мою потрепанную «Волгу» сквозь толпу, благо позади машины народу было несколько меньше. Проехав задним ходом несколько сот метров и оторвавшись от толпы, я развернулся и уехал по другому маршруту.

В тот момент я невольнo вспом-

нил события 1979 года в Герате и отчетливо представил себе, как неуправляемая толпа растерзала моего соотечественника.

Волнения в Кабуле продолжались почти трое суток. Антиправительственные выступления происходили в основном в вечернее и ночное время, однако постепенно властям все же удалось взять обстановку в Кабуле под свой контроль. При подстрекательстве религиозной оппозиции правящему режиму массовые волнения быстро распространились по всей стране. Беспорядки сопровождались расправами над сторонниками власти, были жертвы и среди советских граждан.

После ввода советских войск объективность направлявшейся в Центр информации снизилась. Главной причиной снижения качества информации стали жесткие требования Москвы к многочисленным советским советникам по линии различных ведомств, которые уже не ограничивались содействием афганским властям в укреплении национальной армии и спецслужб, но и дополнялись требованиями о стабилизации внутриполитической обстановки в стране. Однако ситуация не улучшалась, поэтому победные реляции в Центр часто страдали преувеличениями и замалчиванием реальной ситуации.

Дискредитация прежнего руководства страны является нашей традицией. Тем не менее, «компромат» на бывших советских руководителях, который новое поколение отечественных «историков» стремится «накопить» в ставших доступными партийных архивах и который они периодически вбрасывают в средства массовой

Пуштунка с детьми.
Кунар, 1987 г.

Друзья-афганцы.
Кабул, 1986 г.

Состязание.
Кабул, 1986 г.

Советник с коброй.
Провинция Кунар, 1987 г.

информации в форме документальных исследований, часто выглядит неубедительно, поскольку «сенсационность» их открытий, как правило, состоит не в самих вновь открывшихся фактах, а в их собственной интерпретации этих фактов, больше напоминающей домыслы. К сожалению, видимая простота ответов на причины важных событий в нашей недавней истории, которые эти исследователи предлагают в газетных материалах и телевизионных программах, выглядит весьма привлекательной для неподготовленной широкой аудитории и ведет к формированию ошибочных взглядов на нашу историю.

Изъяны таких исследований мне особенно понятны, когда дело касается событий, к которым я имел непосредственное отношение. В этой статье я старался абстрагироваться от документальных подробностей происходивших событий, поэтому в ней могут быть некоторые неточности в деталях. Для меня гораздо важнее передать обстановку, в которой принимались судьбоносные решения, и те обстоятельства, которые влияли на принятие решений в кризисные моменты. На мой взгляд, учет этих обстоятельств мог бы уберечь российское руководство от принятия ошибочных решений в начале 90-х годов. К сожалению, вместо анализа и изучения причин, которые привели к известным событиям, новые руководители России предпочли считать Афганистан перевернутой страницей нашей истории. Мол, нет теперь ни СССР, ни ДРА, поэтому и возвращаться к этим событиям стоит лишь как к ошибке прежнего руководства страны.

Вопреки мнению нового поколения историков, даже с учетом

ставших известными новых биографических данных о советских руководителях, я по-прежнему считаю Ю.В.Андропова, А.А.Громыко и Д.Ф.Устинова опытными и честными политиками. Однако, как и другие советские руководители, они оставались заложниками той политической системы, в которую верили, и для них идеология определяла государственную политику, порой подменяя ее до такой степени, что в умах советских людей идеология полностью отождествлялась с внешней политикой.

Даже в те годы для меня выглядели архаичными статьи заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС 75-летнего Р.А. Ульяновского, в которых он рассуждал о возможности перехода Афганистана от феодализма к социализму, минуя стадию капитализма. Эти статьи вовсе не были чем-то отвлеченным от реальной советской политики, ибо даже в телеграммах внешней разведки по различным аспектам внутриполитического положения в Афганистане всегда присутствовал идеологический акцент, когда государственные интересы СССР в той или иной форме отождествлялись с укреплением народно-демократического режима в Афганистане, а стабилизация внутривосточного положения в ДРА связывалась с «расширением социальной базы революционного режима в Афганистане». Именно такая терминология присутствовала не только в партийных документах, но и в наших докладах в Центр.

К сожалению, на деле «социальной базой» режима Б. Кармала оставался ограниченный контингент советских войск, постепенно возросший до 140 тысяч военнос-

лужащих, которого все равно было недостаточно для того, чтобы контролировать огромную территорию, где 85% занимают горы и пустыни. Однако командированные в Афганистан представители различных советских ведомств, перед которыми стояла задача нормализации обстановки в Афганистане, по понятным причинам приукрашивали реальную обстановку, перекладывая ответственность за ухудшавшуюся из года в год ситуацию в стране на своих предшественников или коллег из других ведомств и, конечно, на самих афганцев. Это естественно, поскольку в то время ставить под сомнение ошибочность политического решения Политбюро ЦК КПСС о вводе войск никто бы не посмел.

Постановка перед силовыми ведомствами заведомо нереальных задач по нормализации обстановки в ДРА, с одной стороны, и стремление в угоду руководству выдать желаемое за действительное, карьерные мотивы и другие субъективные факторы, с другой, вели к гиперболизации успехов и замалчиванию ошибок и негатива, что в конечном итоге приводило к дезориентации Центра и невозможности принятия адекватных политических решений.

Однако вопреки всем ошибкам и неудачам анализ событий последних 20 лет, связанных с экспансией исламского экстремизма на территории России и активизацией исламских террористических групп по всему миру, позволяет сделать очевидный вывод о том, что в 70-80-е годы, благодаря принимаемым мерам, удавалось предотвратить идейное и организационное проникновение в нашу страну исламского экстремизма и с

помощью советской армии локализовать деятельность исламистских террористических группировок на территории Афганистана. В начале 90-х годов после распада Советского Союза вся эта «нечисть» быстро распространилась в нестабильные регионы России, а Афганистан и в настоящее время остается основным центром мирового терроризма и распространения наркотиков.

Какой бы масштабной ни была наша помощь, ее было недостаточно, чтобы удержать у власти режим, который не пользовался поддержкой у большинства афганцев. Ввод в Афганистан ограниченного контингента советских войск также не спас правительство Б. Кармала, а затем Наджиба. Более того, после ввода советских войск диверсионная деятельность исламских группировок приобрела для афганцев освободительный характер, что помогло «моджахедам», как они себя стали называть, привлечь в свои ряды значительное пополнение. Одновременно ввод войск лишил нас политического маневра для поиска альтернативных путей урегулирования ситуации в Афганистане и на долгие годы изменил в сознании свободолюбивых афганцев образ «шоурави» с друга на образ захватчика.

И все же какими бы нереальными ни были задачи по нормализации ситуации в Афганистане, работа наших военных и гражданских советников, не говоря уже о советниках по линии спецслужб, была эффективной. И доказательством тому являются события, последовавшие после вывода советских войск из Афганистана. Ведь многие предсказывали, что Наджиб не продержится и двух недель, но это оказалось вовсе не так.

Буквально за год до вывода советских войск афганцам с нашей помощью удалось сформировать боеспособную гвардию численностью более 30 тысяч человек, которая при поддержке также созданных с нашей помощью афганских спецслужб более двух лет после вывода советских войск успешно противостояла попыткам исламской оппозиции и отрядов талибан, поддерживаемых пакистанскими спецслужбами, захватить власть в стране.

Руководитель представительства КГБ СССР в Афганистане генерал-лейтенант В.П. Зайцев, с которым я до сих пор поддерживаю теплые отношения, узнав о новом издании настоящего сборника, просил меня с его слов включить в свою статью некоторые малоизвестные факты, которые в определенной степени характеризуют обстановку перед выводом советских войск. Накануне принятия решения о выводе советских войск Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С.Горбачев направил во Афганистан в качестве своего личного представителя известного журналиста-международника политического обозревателя газеты «Известия» Александра Евгеньевича Бовина. После поездки А.Е. Бовина в Кабул М.С. Горбачев провел в Москве совещание с участием руководителей силовых ведомств и МИДа.

Все ведомства единодушно поддержали решение о выводе войск из Афганистана, однако в отношении последствий вывода мнения разошлись. Военные настаивали, что Наджиб не продержится и недели. Посол в Афганистане Ю.М. Воронцов уклонялся от конкретной оценки последствий вывода войск, но все же склонялся к по-

зиции военных, не веря в жизнеспособность действующей власти в Кабуле. А.Е.Бовин также поддержал мнение военных, полагая, что дни действующего режима будут сочтены.

Позиция нашего ведомства была другой и состояла в том, что при технической и военной помощи Советского Союза правительству Наджибуллы удастся противостоять атакам талибан и афганской вооруженной оппозиции.

Правильность наших оценок подтвердилась уже через месяц после вывода наших войск, когда объединившаяся вооруженная оппозиция совместно с талибан и пакистанскими военными предприняла попытку захвата города Джелалабада на границе с Пакистаном. Захват этого стратегически важного города открывал путь на Кабул и мог изменить всю ситуацию в стране. Тем не менее, афганская армия не только отбила массированную атаку исламистов, действия которых координировались из Пакистана, но и нанесла им тяжелые потери, после чего новые попытки на этом направлении долгое время не предпринимались.

Как показали последовавшие события, Наджиб действительно успешно противостоял исламистам при помощи и поддержке Советского Союза, и Кабул был взят только в начале 1992 года после распада СССР, когда российские власти прекратили военную помощь Наджибулле и отзывали на родину советников.

И еще об одном эпизоде во время пребывания в Афганистане хочу рассказать отдельно.

В период моей командировки Кабул дважды (в 1980 и 1981 гг.) посетил начальник советской развед-

Бандформирование на марше.
Кунар, 1987 г.

Изъятые взрывные устройства.
Кабул, 1985 г.

ки В.А.Крючков. Оба раза его командировка длилась одну неделю, и он проживал в представительской квартире на территории советского посольства, где, за редким исключением, также проводил почти все свои встречи. По указанию резидента оба раза я был порученцем Владимира Александровича и практически все время, если он не выезжал из посольства, находился вместе с ним. В мои обязанности входило обеспечение его пребывания на территории посольства, включая решение всех бытовых вопросов. Конечно, две недели недостаточно, чтобы составить полное впечатление о человеке, и все же, постоянно лично общаясь с ним, у меня сложилось вполне конкретное впечатление о его личных качествах.

Пусть этот эпизод во время моей командировки прямо не был связан с моей оперативной работой, я решил его включить в свои воспоминания, поскольку личное общение с начальником советской разведки является уникальным событием, тем более что в последнее время, особенно после смерти Владимира Александровича, в наших СМИ появилось немало материалов, которые совсем не совпадают с моим мнением о нем.

Владимир Александрович оставил в моей памяти исключительно положительное впечатление. Он был человеком с высокой степенью самоорганизации и дисциплины, требовательным, в первую очередь к себе, а уже потом к подчиненным. Внешне он, казалось, был лишен человеческих слабостей.

Каждый день детально планировался по минутам, и он никогда не опаздывал на встречи. Владимир Александрович не был

многословен и всегда внимательно выслушивал собеседника. Он выходил из дома в 7 утра и в течение часа делал зарядку, которая заканчивалась пробежкой. Владимир Александрович привозил с собой представительский алкоголь, но сам спиртное практически не употреблял и использовал только для угощения гостей при проведении деловых встреч в своей квартире.

Он был строг с подчиненными независимо от званий, и всегда держал дистанцию с ними. Однако это касалось только подчиненных ему руководителей главка. Ко мне, как молодому сотруднику, он проявлял заметную терпимость и всячески поддерживал меня перед моими начальниками, особенно когда случались конфузы.

Один из таких конфузов случился с чаем. Владимир Александрович любил китайский зеленый чай и всегда возил его с собой. Я же раньше не пил зеленый чай и не знал, как он заваривается, поэтому, когда Крючков попросил меня приготовить для него чай, я по аналогии с черным чаем положил в заварной чайник сразу несколько ложек, чтобы довести цвет заварки до темного. Владимир Александрович не допил чай, но мне ничего не сказал (правда, когда эту заварку увидел мой резидент, я услышал от него все, что он по этому поводу думал). В следующий свой приезд Владимир Александрович не забыл о моем конфузе и привез с собой не только чай, но и китайскую чашку с крышкой, чтобы научить меня, как правильно заваривать зеленый чай. Кстати, после этого случая я и сам пристрастился к этому напитку – зеленому чаю.

В другой раз В.А. Крючков вместе с другими нашими генерала-

ми поехал на обед и переговоры к маршалу Советского Союза С.Л. Соколову. Ключи от квартиры В.А.Крючкова были у меня. Решив, что встреча продлится, по меньшей мере, пару часов, я ушел смотреть кино на открытой площадке в посольстве. Однако Владимир Александрович в сопровождении еще 4-х генералов разведки вернулся раньше рассчитанного мной времени, и, когда я все же пришел, они уже 15 минут ждали меня на улице. Мой «прокол» вызвал заметное раздражение одного из генералов, и он был уже готов отчитать меня. Однако Владимир Александрович тут же вышел вперед и подбодрил меня, поблагодарив за то, что я дал возможность немного прогуляться после плотного ужина. Были и другие похожие эпизоды в наших отношениях.

Конечно, можно сказать, что все это частности и их не стоит абсолютизировать, но, на мой взгляд, они все же характеризуют Владимира Александровича как человека. После этого прошло немало времени, которое обогатило меня значительным жизненным опытом, однако прошедшие годы, и общение с множеством людей, и даже события августа 1991 года не изменили моего мнения о личности этого человека. Конечно, описанные мною эпизоды являются частностями, мое мнение о В.А. Крючкове складывалось также из многих других деталей и наблюдений. Поэтому я все же думаю, что именно в силу своих человеческих качеств В.А.Крючков был не способен отдать приказ о применении оружия против мирных граждан во время событий 1991 года, хотя многие объяснили это его нерешительностью. Зато те же «историки»

восхищаются «решительностью» тех, кто приказал стрелять из танков по Белому дому двумя годами позже. Выводы напрашиваются сами.

Афганистан стал бесценным уроком, который позволил мне в дальнейшем лучше разбираться в людях и понять истинные и ложные ценности в жизни. Я навсегда усвоил для себя, что зависть рано или поздно ведет к предательству, что слабый, как бы он ни был услужлив и приятен, в трудную минуту проявит малодушие, что с сильным не обязательно дружить, но надо уметь договариваться. Когда видишь рядом с собой смерть, понимаешь, что все проблемы в жизни – это мелкие недоразумения. Такие мысли делают человека более терпимым к недостаткам людей (у нас в Афганистане даже было такое выражение «помягче с людьми»), равнодушным к карьере, званиям и другим приятным, но не столь важным в жизни вещам. Мои друзья, с которыми меня свел Афганистан, и сегодня остаются самыми надежными, хотя мы и видимся с ними не так часто, как хотелось бы.

В 1987 году для восстановления связи с ценным источником я был вновь командирован на две недели в Афганистан. После этой командировки у меня уже не оставалось сомнений в необходимости вывода наших войск, поскольку было очевидно, что другого решения просто не было и стабилизировать обстановку в Афганистане, если это не сделают сами афганцы, никакие внешние силы не смогут.

Каждое более или менее значимое событие в истории любого государства порождает немало мифов и гиперболизаций собы-

А. Т. Ибрагимов на территории посольства СССР в Кабуле, 1979 г.

тий. Источниками мифологизации истории являются как сами участники событий, так и те, с кем они делились воспоминаниями. Покров секретности в отношении ввода в ДРА советских войск и его последствий породил еще больше слухов и легенд о событиях в этой стране, которые за десять лет настолько укоренились в народной памяти, что любая информация или мнение, не укладывающиеся в сложившиеся стереотипы, часто воспринимаются как нечто нереальное. Порой остается только удивляться осведомленности тех, кто находился в командировке в афганской провинции месяц, а то и того меньше, тем не менее со знанием дела анализирует расстановку политических сил, судит о причинах и следствиях процессов в Афганистане.

Хотя хронология происходивших событий довольно полно описана многими авторами, в оцен-

ке событий сложилась довольно пестрая картина. За 10 лет через Афганистан прошли сотни тысяч моих соотечественников (в основном в составе ограниченного контингента советских войск), каждый из которых сохранил в памяти свои впечатления о событиях в этой стране. Для большинства из них Афганистан навсегда остался самой яркой страницей в жизни, и им трудно удержаться от преувеличений. С другой стороны, те авторы, которые в период описываемых событий могли влиять на принятие решений, в своих воспоминаниях невольно оправдывают себя, что тоже вполне объяснимо.

Поэтому, чтобы разобраться в достоверности публикаций, интервью и мнений, целесообразно обращать внимание на степень информированности источника информации, учитывая крайне ограниченный доступ к этим сведениям в тот период.

Жены советников на тренировке по стрельбе. Кабул, 1986 г.

Вскрытие одного из тайников с боеприпасами. Кабул, 1989 г.

Опергруппа. Кунар, 1987 г.

Изъятые боеприпасы. Кабул, апрель 1990 г.

Мамедов Юрий Владимирович (р. 1956), действительный государственный советник 3-го класса, подполковник. Окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. В республике Афганистан находился с октября по декабрь 1979 г., с марта по сентябрь 1981 г., с апреля 1983 г. по март 1984 г. Владеет языком дари. За проявленное мужество в республике Афганистан награжден медалью «За отвагу» и медалями правительства республики

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МАМЕДОВ

БРАТЯ ПО ОРУЖИЮ: «ВЫМПЕЛ», «КАСКАД», «ОМЕГА»

Как сотрудник внешней разведки, владеющий персидским языком, я неоднократно выезжал в командировки в Афганистан с лета 1979 года по апрель 1984 года для выполнения специальных заданий.

Первая моя командировка началась летом 1979 года. Мы жили в Кабуле в «микрорайоне», а работали в Пагмане в летней резиденции бывшего шаха. По роду службы приходилось бывать в разных частях города, общаться с различными людьми. Отношение к шурави, то есть к советским специалистам, было самое хорошее. Да и на нас афганцы в основном производили положительное впечатление.

Необходимо сказать несколько слов об обстановке в Афганистане. В результате апрельского переворота в 1978 году было свергнуто правительство Мухаммеда Дауда и к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) во главе с Нур Мухаммедом Тараки. Совершить военный переворот оказалось куда проще, чем управлять страной. Не имея опыта руководства,

они стали тупо копировать опыт СССР. К тому же ситуация осложнялась постоянной борьбой за власть между фракциями, кланами и отдельными группами. После прихода к власти руководители НДПА просили СССР оказать советническую и консультационную помощь для работы в различных органах власти и ведомствах. К сожалению, советская сторона допустила серьезные ошибки и просчеты в оценках происходящих событий в Афганистане. Из числа советников большинство никогда не занималось проблемами Афганистана. Они имели смутное представление об исламе, лишь в общих чертах были знакомы с положением в афганском обществе, с его бытом, нравами и т. п. Они были «детьми» советской системы и, встретившись с другими нравами, другим общественным строем, устоями, традициями, допускали просчеты и ошибки. У меня сложилось впечатление, что, попав в Афганистан, наши советники не всегда понимали, да, возможно, так и не поняли, что они там делали (это касается 1979 года).

Встреча советников и сотрудников безопасности ХАД с доктором Баха. Во 2-м ряду 1-й слева А. А. Григорьев; в 1-м ряду 4-й слева Ю. В. Мамедов. Герат, 1983 г.

В большинстве случаев афганцы использовали наших советников в своих целях. Афганцы предлагали то, что уже давно дискредитировало себя в Советском Союзе, подталкивали копировать советский опыт. Случилось так, что мы пришли в чужой монастырь со своим уставом, не поняв одного: с этим народом так нельзя было делать. Он привык жить независимой, свободной жизнью, сохраняя свои нравы и обычаи.

Партийные советники пытались внедрять свои формы и методы работы. В их действиях наблюдалось характерное для того времени очковитительство, начетничество, стремление докладывать лишь то, что хотелось слышать руководству. И винить их в этом не стоит. Они проводили официальную линию КПСС, пытались построить что-то подобное Монголии (социализм в отсталой феодальной стране).

У военных советников были свои проблемы, связанные со стро-

ительством Вооруженных сил ДРА. Много вопросов возникло с введением института политработников. Используя их, глава правительства Амин умело манипулировал ситуацией. Хафизулле Амину летом 1979 года удалось заменить руководящий состав вооруженных сил преданными ему людьми, что способствовало осуществлению сентябрьского переворота и ликвидации Тараки.

Будучи кадровым сотрудником группы специального назначения «Вымпел», могу констатировать, что аналогичное положение было и в других странах, где работали советские советники (Мозамбик, Ангола, Никарагуа и другие). Отсюда напрашивался вывод, что советниками необходимо посылать целенаправленно подготовленных специалистов, не понаслышке знающих нравы и обычаи страны пребывания. Они должны хорошо разбираться во внутриполитической ситуации, обладать навыка-

ми советнической деятельности и дипломатии.

Основные политические силы, противостоящие режиму НДПА, сформировались в семидесятых годах. В Пакистане это «Хезбе исламие Афганистан» – Исламская партия Афганистана, возглавляемая представителями духовенства, в числе которых были Бурхануддин Раббани, Гульбеддин Хекматияр и Мухаммад Юнус (Халес). Вскоре нескольким лидерам стало тесно в одной партии. Они стали создавать собственные партии. Первым поделился Б. Раббани, создав партию «Исламское общество Афганистана». В Пакистане образовалось два основных центра оппозиционных организаций: «Исламская партия Афганистана», возглавляемая Г. Хекматияром, и «Исламское общество Афганистана», возглавляемое Б. Раббани (впоследствии президент Афганистана).

В период с 1978 по 1980 год появлялись новые оппозиционные цен-

Ю. В. Мамедов и Е. А. Лыкозов (2-й и 4-й слева) с группой коллег. Герат, 9 мая 1983 г.

Сотрудники группы спецназа «Каскад» с афганскими коллегами. Герат, 1983 г.

Отдых на снегу. Ю. В. Мамедов с коллегой. Герат, 1983 г.

Дружеская встреча. 1-й слева Ю. В. Мамедов; 3-й слева доктор Баха, начальник 5-го Управления ХАД республики. Герат, 1983 г.

Ю. В. Мамедов с надежным помощником.
Герат, 1983 г.

тры, партии и организации, проводились попытки объединения их во всевозможные союзы и центры. Все организации были настроены на вооруженную борьбу с режимом НДПА, создавали вооруженные отряды, готовили боевиков, вели активную работу среди местного населения, особенно с беженцами и племенами. В 1979 году началась массовая засылка в Афганистан подготовленных в Пакистане вооруженных отрядов и диверсионных групп.

В Иране базировались оппозиционные исламские организации шиитского толка. Они были немногочисленны (в основном это были беженцы из Афганистана после прихода к власти НДПА), но достаточно активны на северо-западе Афганистана. На территории Ирана действовало несколько лагерей подготовки моджахедов. Обучение проводили иностранные военные советники. Афганские моджахеды проходили так называемую стажировку на ирано-иракском фронте. После подготовки группы боевиков переходили в Афганистан и терроризировали население в северо-западных провинциях, в основном в Герате, Фарахе, Гуре, Бамиане и их окрестностях. Наиболее стойкими приверженцами экспорта исламской революции являлись «Хезбе Аллах» (Партия Аллаха), лидер – Кари Ахмад Якдаст, и «Корпус стражей исламской революции Афганистана», лидер – Акбари.

В 1983 году в результате хорошо подготовленной и успешно проведенной общевойсковой операции в провинции Герат были уничтожены основные силы оппозиции проиранской ориентации. Практически прекратила свою деятельность «Хезбе Аллах».

К середине 1980 года противники нового режима в Афганистане, столкнувшись с советской военной машиной, перешли к тактике ведения партизанской войны. Ставка была сделана на небольшие отряды численностью 30-50 человек. Они проводили террористические и диверсионные акции против правительственных войск и Советской армии. Подобная тактика приносила им положительные результаты и требовала адекватного ответа. Это подтолкнуло руководство КГБ СССР к созданию Отряда особого назначения КГБ СССР, который комплектовался сотрудниками территориальных органов (спецрезерв – выпускники КУОС при ВКШ КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского), Управления «С» ПГУ и Спецкурсов ВКШ КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Этот отряд получил название «Каскад». Он числился отдельной войсковой частью и имел двойное подчинение: во-первых, Центру (то есть Москве), а во-вторых, представительству КГБ СССР в Афганистане.

В борьбе с бандформированиями основными трудностями были их поиск, обнаружение и уничтожение самостоятельно, а чаще с помощью подразделений 40-й армии. В борьбе с душманами «Каскад» успешно применял следующую тактику: разведывательные операции, оперативно-боевые мероприятия и специальные акции.

Всего в Афганистане с июля 1980 года по апрель 1984 года действовало пять отрядов типа «Каскад»: «Каскад-1» – 6 месяцев, «Каскад-2» – 6 месяцев, «Каскад-3» – 9 месяцев, «Каскад-4» – 1 год, «Омега» – 1 год.

Успешная деятельность отрядов «Каскад» ускорила создание в 1981 году профессионального кадрового оперативно-боевого подразделения – группы специального назначения «Вымпел». Задачи ее были масштабными и специфическими. Сейчас, по прошествии времени, они хорошо известны (о «Вымпеле» достаточно написано), но в те годы шла война в Афганистане, «Вымпел» имел и «афганскую» задачу.

Первое кадровое спецподразделение «Вымпел» было направлено в Афганистан в 1982 году («Каскад-4»). Задачи, поставленные

перед спецгруппой «Вымпел», требовали проведения в полном объеме разведдеятельности, оперативно-боевых и специальных операций, подготовку сведений для нанесения авиаударов, ликвидации бандгрупп и т. п. Выполнив задачи, «Каскад-4» возвратился на базу (подмосковный город Балашиха), а ему на смену отправился следующий отряд «Вымпел» – «Омега».

Учитывая опыт предыдущих оперативно-боевых действий и обстановку в Афганистане, «Омге» предписывалось делать акцент на советническо-отрядных ХАД (Служба безопасности Афганистана), ведущих борьбу с банддвижением, на ведение агентурно-оперативной работы в интересах Центра и на проведение оперативно-боевых и специальных мероприятий.

В Афганистане «Омега» участвовала в подготовке и проведении 12 крупномасштабных войсковых и более 300 локальных оперативно-войсковых операций. По разведанным отряда нанесено 1500 авиаударов по местам дислокации бандформирований, проведен ряд спецмероприятий по ликвидации наиболее непримиримых бандглаварей. Кроме того, офицеры со знанием местных языков использовались для проведения активных мероприятий по разложению банддвижения в Афганистане.

Мы оказали существенную помощь в становлении оперативного полка 5-го Управления ХАД путем организации и проведения учебного процесса с его личным составом.

Сегодня, оглядываясь на те далекие дни, хочу заметить, что нашим современникам даже трудно представить, какая борьба шла за Афганистан как геополитический регион Среднего Востока между СССР и странами блока НАТО и другими его союзниками.

Более десяти лет СССР контролировал ситуацию в республике, распространяя свое идеологическое влияние в данном регионе, оказывая военную и экономическую помощь. Безусловно, это был важный форпост, в значительной мере оберегающий южные границы СССР от прямого вторжения сил коалиции моджахедов, присутствия сил быстрого реагирования США. Вывод войск СССР из Афганистана и прекращение помощи республике привели к потере влияния России в данном регионе, а также потере исторического партнера.

ВАГИФ АЛИЕВИЧ АЛИЕВ

ДЕЛО ЧЕСТИ

Афганская эпопея оставила неизгладимый след в памяти чекистов – воинов-интернационалистов Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Более шестидесяти сотрудников Управления с честью прошли горнило испытаний на многострадальной афганской земле, проявив стойкость, мужество, отвагу и героизм при выполнении своего долга – долга воина, сохранившего незыблемые традиции Российской и Советской Армий.

Ленинградские чекисты не дрогнули перед тяжелыми жизненными условиями в боевой обстановке и с успехом преодолевали все тяготы и лишения воинской службы. Некоторые сотрудники Управления даже после вывода советских войск из Афганистана еще несколько лет продолжали вести советническую деятельность в органах государственной безопасности Республики Афганистан и, рискуя жизнью, поставляли разведывательную информацию в Центр.

Особой благодарности заслуживает заместитель начальника Управления по кадрам генерал-майор Александр Петрович Корсаков. Личность незаурядная и пока полностью не раскрытая.

Говорить, что для меня была неожиданностью «возможная поездка» в Афганистан, будет неправдой. В июле 1979 года, после завершения учебы в ВКШ КГБ СССР, со мной имели беседу С.Д. Петухов и А.И. Рыбалкин – сотрудники службы кадров Управления, которые поинтересовались у меня возможным знанием языков фарси и дари. В начале сентября 1979 года я получил указание выехать в Краснознаменный институт КГБ СССР для изучения одного из восточных языков. Когда – об этом сообщат в ближайшее время. Срок на обдумывание – сутки. На следующий день, после нелегкой беседы с женой Татьяной Алексеевной и тестем Алексеем Сергеевичем, я позвонил в кадры и дал свое согласие.

Мой тесть, Микунов Алексей Сергеевич, инвалид Великой Отечественной войны, при защите Ленинграда на Сивявинских высотах был тяжело ранен и потерял левую руку до локтя. Он любил говорить: «Спартаковский образ жизни – залог успешных действий в полевых условиях». Незаурядный, мыслящий и талантливый конструктор, после тяжелого ранения он вновь был приглашен на работу в ЦКБ на Лесном, где проработал до выхода на пенсию...

Алиев Вагиф Алиевич
(р. 1945), полковник.
Окончил Харьковский институт инженеров железнодорожного транспорта, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского, Краснознаменный институт КГБ СССР, Институт государственной службы при правительстве Российской Федерации. Находился в республике Афганистан в 1980-1983 и 1984-1987 гг.
Владеет языком фарси.
За службу в Афганистане награжден орденами Красной Звезды, Дружбы, Звезды третьей степени (последние два – республики Афганистан), грамотой от руководства ПГУ КГБ СССР

Семинар в Управлении СГИ провинции Балх.
Май 1982 года

Управление СГИ провинции Балх.
Май 1982 года

Через несколько дней меня пригласил на беседу Александр Петрович Корсаков. Разговор длился непродолжительное время. Генерал задал несколько вопросов по работе, затронул положение в семье, поинтересовался моим видением процесса учебы в Краснознаменном институте КГБ СССР и моим мнением о возможной работе в горячей точке. Я ответил, что если мне пришлось связать свою жизнь с органами безопасности, то я четко осознаю и представляю дальнейшую свою судьбу, готов к выполнению любого задания. Слово «любого», как мне показалось, Александр Петрович воспринял по-своему, но ничего не сказал и своим видом дал понять: «Пожилом – увидим». В завершение беседы А.П. Корсаков произнес слова, которые я буду помнить до конца своей жизни: «Знай, Алиев! Где бы ты ни был, помни, что ты являешься сотрудником Управления КГБ СССР по Ленинградской области, это о многом говорит и ко многому обязывает».

В начале октября 1979 года ночным поездом Ленинград – Москва мы – три оперативных сотрудника: Константин Хафизович Вергасов, Сергей Васильевич Карпекин и автор этих строк, убыли в Москву.

Процесс учебы был напряженным. Офицеры прикладывали максимум стараний для освоения кто персидско-фарси языка, кто дари, а кто языка афгани-пуштунского. Ежедневно на занятия по языковой подготовке уходило по четыре часа. Такое время отводилось изучению спецпроектов. В субботние дни учебный процесс длился шесть часов. В воскресенье, несмотря на отдых, приходилось индивидуально заниматься языковой подготовкой. Учебный процесс был организован на высоком уровне, и для каждого слушателя были созданы идеальные условия. Мы хорошо понимали, что от результатов учебы во многом будет зависеть наша дальнейшая оперативная работа в горячей точке и поэтому не считались со временем.

Словарями и некоторой страноведческой литературой я был обеспечен, так как и интересовался Ближним Востоком. Персидско-русский двухтомный словарь Ю.Я. Рубинчика первого издания был приобретен мною в Москве еще в 1971 году. Первым моим учителем персидского языка был Гранд Нерсесович Бабаян, прибывший из Ирана в СССР по линии репатриации и работавший в Комите-

те по репатриации армян из стран Ближнего и Среднего Востока при Совете Министров Армянской ССР. В тот период я работал в отделе КГБ Нахичеванской АССР по городу и железнодорожной станции Джульфа.

Помимо занятий, руководство факультета проводило культурно-массовые мероприятия, связанные с посещением музеев, достопримечательных мест Москвы и Московской области.

Первый этап учебы в Краснознаменном Институте КГБ СССР завершился в конце ноября, и после непродолжительного отдыха в кругу семьи все слушатели нашего факультета должны были прибыть в Москву к 10 декабря 1980 года. До вылета в Афганистан мы сдали партийные билеты в отдел ЦК КПСС и получили служебные паспорта. Нашу группу, вылетевшую в Афганистан, разбили на две подгруппы. В числе 12 офицеров был С.В. Корпекин и я. Нам предстояло первыми вылететь в Кабул. Нас предупредили, что все мы будем откомандированы в оперативные группы, дислоцированные в провинциях Демократической Республики Афганистан, и порекомендовали в обязательном порядке взять с собой постельное белье, подушку и одеяло, а остальное – на усмотрение каждого.

Ранним утром 15 декабря 1980 года спецборт ТУ-134 КГБ СССР взял курс на Ташкент. После непродолжительной остановки в аэропорту Ташкент в третьем часу дня самолет приземлился в Кабуле. Таможенный и пограничный контроль мы не проходили. Выйдя с вещами на взлетно-посадочную полосу Кабульского аэропорта, я увидел группу встречающих, возле которых стояла вереница легковых автомашин. Люди были одеты в легкую осеннюю одежду, температура, как мне показалось, была около 10 градусов тепла.

Через 30-35 минут мы подъехали к вилле-гостинице нашего Представительства. Нас разместили в гостиную первого этажа. В помещении было прохладно, так как здание было монолитным, железобетонным строением с большими оконными витринами и отапливалось несколькими нагревательными приборами. Организовали общий ужин, отметили прибытие на афганскую землю.

В четыре часа утра по местному времени меня, как и многих моих коллег, разбудил пронзительный певучий голос муэдзина (служитель религиозного культа

у мусульман, призывающий с минарета верующих на молитву). Через громкоговорители призывал правоверных к утренней молитве. Тут я полностью осознал, где нахожусь. Восток – дело тонкое! Свои законы, быт, нравы, обычаи, устои. Своя религия, и все это мне предстоит познать и учитывать в работе. Впоследствии от афганских товарищей я стал узнавать некоторые элементарные вещи, изложенные в Коране. Мне говорили, что в Коране нет прямых требований, чтоб мусульманин пять раз в день совершал намаз, хотя этот ритуал в настоящее время обязателен для каждого правоверного. В священном писании говорится только в общих словах, что надо молиться перед закатом солнца и на заре. Вообще каждый мусульманин обязан вспоминать о Боге перед восходом и заходом солнца и часть ночи проводить в молитве... Афганистан – религиозная страна, главная идеология его народа – ислам.

Утром, войдя во двор, я заметил через дорогу на расстоянии 50 метров мечеть и невысокую башню минарета. После завтрака нам велели в 10 часов утра быть в Представительстве. Вначале прошли соответствующую процедуру в отделе кадров, затем с нами провел беседу начальник 10-го отдела В.В. Суоров, который кратко охарактеризовал обстановку в провинциях ДРА, сделав акцент на том, что более подробную информацию мы получим от руководства линейных подразделений, а также на местах, куда до нового года мы будем направлены. По завершении беседы нам предложили проехать к зданию Посольства СССР в ДРА, где решить ряд служебных вопросов.

Здание Посольства представляло собой красивое сооружение. Центральная часть строения состояла из трех этажей. Левое и правое крыло здания были двухэтажными. Объект был монолитным, из железобетона и стекла. Помещения, где мы находились, были невысокими, а по площади составляли 15-16 кв. метров. Территория советского Представительства состояла из зданий Посольства, Торгпредства, жилого комплекса, объектов производственной инфраструктуры и отдыха и занимала площадь в несколько десятков гектаров. Охрану осуществляли советские пограничники, которые были в штатском.

Завершив все запланированные дела в здании Посольства, мы вернулись в Представительство. Оз-

Руководящий состав зоны «Север» и офицеры опергруппы провинции Балх. Город Мазари-Шариф. 1981 год

накопились с расписанием дальнейшего нашего пребывания в Кабуле. Получив оружие – пистолет «ТТ» с боекомплект, – стал готовиться к обеду. Нас предупредили, что Кабул находится на высоте 1800 метров, с учетом высокого рья вода вскипает при 90 градусах, а мясо плохо проваривается. Нам порекомендовали в качестве профилактики желудочно-кишечных заболеваний перед употреблением пищи принимать 50 граммов водки. Естественно, на первых парах мы пользовались этими советами как уже проверенным средством.

Конечно, у нашей прибывшей команды было желание посетить центральную часть Кабула, познакомиться со столицей Афганистана, иметь хоть какое-то представление о восточном городе, о его базарах, фирменных магазинах и лавках. Меня поразило изобилие продуктов питания, текстильных и хозяйственных товаров, радиоаппаратуры, фарфоровой посуды, изделий из натурального камня и одежды из кожи. Мы также ждали встречи с местными жителями, в основном с продавцами (дукащиками), чтобы воплотить теоретические знания дари в практическую плоскость. Однако, к моему удивлению, в магазинах-лавках продавцы-афганцы неплохо говорили по-русски. Находясь в центре Кабула, я заметил группу советских специалистов, которые, как и мы, посещали торговые точки. Видимо, сказывается двухчасовой обеденный перерыв. Внутренне я был восхищен всем увиденным, а внешне проявил безразличие к рассматриваемому товару.

На тот период в Советском Союзе в учреждениях Государственного Банка обменивали валюту по курсу 40 афганей за 1 рубль, а так как я получил 11 тысяч афгани,

то это составило 100 рублей. Мы, сопоставляя цены, приходили к выводу – цены на товары в стране пребывания намного дешевле. Надо отметить, что на тот период советскому человеку (в большинстве случаев) были чужды элементы меркантильности, стяжательства и наживы. Такая позиция не поощрялась и была неприемлема в социалистическом обществе. Нарушители морально-этических норм общественной жизни подвергались жесткой критике и общественному порицанию, а по службе – к дисциплинарной ответственности. Советский человек воспитывался в духе патриотизма, преданности идеалам коммунизма.

Я, как и мои коллеги, ничего из радиотехники и кожаных изделий не купил, но увиденное впечатлило наше воображение. Может, этот пыл видения был первым, где наши взоры получили все и сразу. Не знаю. Последующие обзоры достопримечательностей Кабула того эффекта, что был в первый раз, уже не дали. По крайней мере, для меня.

Время неумолимо двигалось вперед. Прибыла из Москвы вторая подгруппа нашего выпуска. Их разместили в микрорайоне, где проживали советские специалисты, военные советники и обслуживающий персонал. Совместные занятия и серьезное познание элементов оперативной обстановки подтверждали, что в стране существует напряженность, как удасться ее погасить – большой вопрос. Из выступлений представителей линейных подразделений Правительств можно было сделать вывод, что главным дестабилизирующим фактором в борьбе с контрреволюцией играет мусульманское духовенство. Немаловажную

роль в подрывной деятельности против молодой демократической республики осуществляют спецслужбы Пакистана, Саудовская Аравия, США и некоторые страны Западной Европы. Созданные ими контрреволюционные центры в Пакистане активно стали внедрять свои структурные бандитские формирования на все территории Афганистана. Настойчиво прокладывали караванные маршруты, снабжали оружием и боеприпасами провинциальные контрреволюционные исламские комитеты различной партийной ориентации. Шло интенсивное обучение бандитов в лагерях подготовки контрреволюции. Был дан инструктаж по противодействию деятельности спецслужб противника, созданию оперативных позиций в бандах и центрах афганской контрреволюции. Рекомендовали создание лжебанд и другие специфические формы работы афганской контрразведки. Особое внимание было обращено на подбор и обучение оперативного состава органов СГИ (служба государственной информации, на афганском языке ХАД), а также обеспечение безопасности жизнедеятельности советских специалистов на объектах экономики Афганистана. Прозвучало также жесткое требование о своевременной доставке отчетности в Кабул по линии деятельности советников из СССР.

Необходимо подчеркнуть, что все выступающие перед нами руководители: Представительства КГБ СССР при СГИ ДРА В.Н. Спольников, начальники отделов и представительств линейных подразделений – затрагивали очень болезненную ситуацию в НДПА (народно-демократическая партия Афганистана), вызванную

борьбой за лидерство между крыльями «Хальк» (народ) и «Парчам» (Знамя) не только в партии, но и на государственном уровне. При Амине «халькисты» встали на путь уничтожения «парчамистов», которых расстреливали, сажали в тюрьмы, преследовали. Шло прямое истребление мусульманского духовенства. Осуществив государственный переворот в стране с помощью советских войск, возглавил партию. Взяв рычаги правления государством в свои руки, «парчамисты» не забыли ужасы аминского режима, с восточным темпераментом намеревались отомстить своим оппонентам. Несмотря на принимаемые меры со стороны советнического аппарата по обузданию внутрипартийной борьбы в НДПА, эти противоборства имели место быть.

На завершающем этапе цикла подготовки начальник отдела кадров Представительства Ф.М. Бордок в ходе своего выступления объявил нам список офицеров, направляемых в провинции Демократической Республики Афга-

нистан. В Кабуле были оставлены Горькавый, Искужин и Карпекин. Вергасов получил направление в провинцию Нанчархар – центр Джалилабада, а я должен буду убыть в город Мазари-Шариф провинции Балх. Весь учебный процесс и стажировка в линейных подразделениях были запланированы до 29 декабря 1980 года. Надо отметить, что руководство Представительства КГБ СССР при СГИ ДРА, отдел кадров, 10-й отдел приложили максимум усилий в организации этих мероприятий. Мы получили богатую информацию по оперативной обстановке, были даны направляющие установки в нашей деятельности, включая, с учетом восточных явлений, линию поведения и дружеские отношения. Был сделан акцент на устои, нравы, привычки, традиции афганского населения.

Всему приходит конец... Друзья стали разъезжаться. Наш гостиничный зал стал значительно просторней. Сергей Карпекин остался в Кабуле. Константин Вергасов уехал в Джелалабад. Хочу заметить, что больше мне с Константином не пришлось встречаться. 1 апреля 1981 года он отказался продлевать служебную командировку, убыл в Ленинград, занимал ответственную должность в Управлении, а затем перевелся в Москву.

Мне же предложили получить деньги на четыре опергруппы зоны «Север», около 1 млн афгани. Для переброски такого количества денег пришлось купить кожаный баул. 3 января 1981 года мы, человек двенадцать, стояли на взлетно-посадочной полосе, для полёта в Мазари-Шариф.

В Мазари-Шарифе и началась моя боевая оперативная деятельность. Управление ХАД провинции Балх имело структуру территориального управления КГБ СССР и состояло из нескольких десятков афганцев – оперативных сотрудников, не имевших воинских званий. Группу советников зоны «Север», состоявшую из восьми человек, возглавлял П. Н. Барышев.

Сотрудники ХАД, с которыми мне пришлось работать, набирались из числа молодых физически крепких членов НДПА. Они представлялись партийными псевдонимами и так же обращались друг к другу. Национальный состав был пестрый: таджики, узбеки, туркмены, пуштуны. В их числе были бывшие рабочие с промышленных объектов афгано-советского экономического сотрудничества.

Они все говорили по-русски, что в значительной степени облегчало работу. Часть из них прошла трехмесячные курсы подготовки в СССР, но, к сожалению, они не имели опыта оперативной работы, поэтому работу практически приходилось начинать с нуля.

Сотрудники лично участвовали в задержании контрреволюционных элементов, в оперативно-войсковых операциях. Такой подход нужно было в корне менять. Началась кропотливая подготовка оперативного состава для управления службы безопасности провинции Балх. Оперработникам прививались азы контрразведывательной работы. Постепенно возрастала требовательность к сотрудникам, в том числе и в сфере получения оперативной информации. На начальном этапе, до прибытия пополнения в оперативную группу, я курировал работу нескольких отделов: следственного, контрразведки, информационно-аналитического, по борьбе с контрреволюционными организациями. В моей памяти остались яркие воспоминания о совместной работе с начальником следственного отдела таджиком Абдулой Гави, контрразведывательного – Самедом Каргаром, по борьбе с контрреволюционными организациями – Турьялаем, зам. начальника Управления – Фарингом.

Руководство КГБ СССР поставило перед нами задачу обеспечить безопасность южных рубежей СССР, жизнедеятельность и бесперебойное функционирование объектов советско-афганского экономического сотрудничества, личную безопасность советских специалистов, а также поднять уровень контрразведывательной работы в системе ХАД. Мы должны были направить свои усилия на разложение бандформирований на территории Афганистана, оперативный розыск без вести пропавших советских военнослужащих, на обеспечение безопасности потока народно-хозяйственных грузов по маршруту Термез – Хайратон – Кабул и трубопроводного транспорта. При этом всю работу необходимо было координировать и согласовывать с силовыми ведомствами (с руководящим составом 40-й армии, с маневренными группами пограничных войск КГБ СССР, политическим руководством НДПА) по реализации оперативной информации через заинтересованные ведомства.

Мотоманевренные группы погранвойск КГБ СССР действова-

ли на территории Афганистана на глубину от 20 до 40 километров.

В конце 1981 года представитель Управления государственной безопасности Афганистана сообщил о разгроме в столице контрреволюционного штаба Исламской партии Афганистана. По его данным, в нашей провинции существовало разветвленное подполье заговорщиков. Они готовили мятеж на севере страны с целью захвата власти и ликвидации объектов советско-афганского сотрудничества. Нам были переданы адреса, явки, пароли, фамилии участников. С учетом остроты информации было принято решение о реализации разработки местного подполья. Встал вопрос о ликвидации ядра организации.

Готовились к операции тщательно. Для сотрудников службы безопасности отработывалась легенда прикрытия. Чаше они становились «эmissарами» центральной организации. «Эмиссары» посещали явки контрреволюционеров, вступали с ними в контакт. В процессе «дружеской» встречи наш сотрудник получал дополнительную информацию об «успехах и достижениях» организации. Беседа записывалась на магнитофон. После ухода «эмиссара» в дом подпольщика входила оперативно-следственная группа с ордером на обыск или без него. Чтобы предотвратить утечку информации, в одно время приходилось проводить до десятка подобных операций по захвату мятежников. Для этого привлекали активистов НДПА.

Домой возвращались под утро. Меры безопасности применялись повышенные. Например, каждый ночной пост Царандоя (полиции) имел свой пароль. Афганцы были вооружены советскими автоматами ППШ, и каждый в беседе со мной пытался обменять его на АКМ, а я отвечал: «С этим автоматом СССР войну выиграл, так что держай!»

В ходе одной из операций в провинции Джоузджан был захвачен лидер Исламской партии Афганистана Абдул Дайян, пуштун по национальности. Человек высокой культуры, он держался независимо, с чувством собственного достоинства. Как ни старались сотрудники провинциального отдела ХАД получить от него хоть какую-то информацию, у них ничего не получалось. Как потом я выяснил, к нему применялись методы физического воздействия, но сломить его не удалось.

Посещение Ленинской комнаты. Управление СГИ провинции Балх. 1982 год

После того как Абдул Дайян был переведен в тюрьму города Мазари-Шариф, в ходе бесед я сумел расположить его к себе – может быть, потому, что я хорошо знал обычаи этого народа, историю, язык и отнесся к пленному с уважением. Как правило, наши беседы протекали за пиалой зеленого чая со сладостями, нам подавали также обед. Я изменил режим содержания Абдуле Дайяну и выполнил его просьбу: сообщил родственникам, что он жив. Следовательно ХАД были удивлены такому подходу, но ослушаться не посмели. В процессе работы с Абдулой Дайяном я получил информацию о складах оружия, тайниках. Место нахождения большой суммы денег он так и не выдал. Дайян нехотя подтвердил информацию о том, что готовится мятеж. Но он не был сторонником протекции крови советских специалистов. По его наводке были арестованы подполковник царандоя, несколько офицеров армии, чиновников. Организация, в которой состоял Абдула Дайян в провинции Балх, была разгромлена. К сожалению, в числе других членов организации по приговору революционного трибунала он был расстрелян.

В результате проведенной оперативно-войсковой операции был задержан 171 мятежник. В специально оборудованных тайниках было найдено оружие, документация, списки участников мятежа. Пленных передали в службу безопасности Афганистана. Как правило, приговор революционного трибунала был однотипный и короткий: «Приговорить к высшей мере наказания – расстрелу». Гражданская война в Афганистане становилась все более ожесточенной.

В разное время в республике Афганистан пребывало на объектах народного хозяйства от трех до пяти тысяч советских специалистов. По-моему, даже сегодня помощь, которую оказывал СССР Афганистану, в полной мере не оценена. До ввода войск в республику шурави, как называли афганцы советских советников, носили на руках. Все изменилось после декабря 1979 года.

25 мая 1981 года в местечке Джоузджане моджахедами была захвачена машина с продовольствием, предназначенным советским специалистам. Сопровождавшие ее советские специалисты Арбузов и Сухова были убиты. Их тела так и не обнаружили. Я думаю, что после этого случая разведцентры Запада руками бандитов развернули полномасштабную войну на дорогах против присутствия в республике советского контингента. Появились крупные бандформирования – первые ласточки движения моджахедов.

Одним из приемов в тактике по нейтрализации банд было подписание с их лидерами договора о сотрудничестве. С момента подписания договора их называли договорные банды. Им была определена территория, которую они защищали и полностью контролировали. За лояльность к центральному правительству бандформирования получали промышленные товары, продовольствие, технику, а в отдельных случаях – вооружение.

Договор представлял собой документ на языке пушту или дари. Если главарь банды был неграмотный, он на документе оставлял отпечаток большого пальца. Договор

Губернатор провинции Балх Сахи-Таер, Алиев В.А. Город Мазари-Шариф. Май 1982 года

составлялся в трех экземплярах.

Мне неоднократно приходилось участвовать в переговорном процессе с вождями повстанческих племен. Переговоры шли не всегда просто, подчас под прицелом их снайперов, а стрелки они были отменные, прирожденные воины. Банды состояли в основном из таджиков.

В начале марта 1981 года я получил первое боевое крещение в оперативно-войсковой операции в кишлаке Ташкурган уезда Холм провинции Саманган.

В операции принимали участие один батальон 122-го мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии, два батальона царандоя из провинций Балх и Джоузджан, оперативные отряды Управления ХАД, а также отряд партийных активистов в количестве ста человек. Воздушное прикрытие осуществляло вертолетное звено 201-й мотострелковой дивизии, с помощью которого осуществлялось десантирование личного состава указанных подразделений. Наносились также ракетные и бомбовые удары по скоплениям групп бандитов.

До начала боевых действий население было выведено на окраину кишлака, где оно укрывалось в искусственном котловане, вырытом для строительных нужд. Сопротивление бандгрупп было активным. Большие потери понес батальон царандоя из провинции Джоузджан. 12 афганцев погибли, 31 был ранен. Среди советских военнослужащих потерь не было.

Бандиты, видя безысходность сопротивления, под покровом ночи и под шум реки прорвали окружение и ушли в горы.

В ходе оперативно-войсковой

операции было уничтожено 27 бандитов, 16 попали в плен. В качестве трофеев было захвачено 46 стволов оружия, в том числе охотничьи ружья, малокалиберные винтовки, карабины и только 2 автомата Калашникова.

Было ликвидировано 39 схронов (складов), которые соединялись подземными ходами. Из них «выкурили» 13 бородатых бандитов.

Я лично принимал участие в боевых операциях как на бронетехнике, так и в пешем строю. Впервые я увидел убитых и раненых с обеих сторон. На вертолетах мне не пришлось летать. Эту миссию осуществлял мой коллега таджик Ориз Пандашоев из Кулябского управления КГБ Таджикистана. Смелый и отважный чекист, он курировал пятый отдел управления ХАД. Ориз был своим среди афганцев, хорошо владел обстановкой, принимал правильные решения. В боевых операциях он добивался положительных результатов, имел награды СССР и ДРА.

С теплым чувством вспоминаю своего непосредственного начальника – белоруса Петра Николаевича Барышева, прибывшего в Афганистан из Витебского управления КГБ. Участник Великой Отечественной войны, Петр Николаевич был старше меня. О том, что такое конспирация, Барышев знал из личного опыта: в годы войны был разведчиком партизанского отряда. Он-то и прививал молодым сотрудникам основные принципы и методы контрразведывательной работы, делая упор на получение упреждающей информации от оперативных источников и конспирацию. Барышев был незаурядным организатором

оперативно-войсковых операций, мастером по разложению бандформирований. Вот с таким учителем-профессионалом меня свела судьба в Афганистане.

Обстановка в зоне «Север» менялась стремительно. Отсутствие в стане контрреволюции источников информации исключало нанесение упреждающих ударов.

Были вскрыты факты измен со стороны сотрудников государственного аппарата, в том числе в царандое, подразделениях Министерства обороны Афганистана, Управлении ХАД.

В такой тревожной обстановке необходимо было принимать самые жесткие меры безопасности и конспирации, проводить проверки сотрудников, подозреваемых в связях с подпольем.

Так, например, 19 августа 1981 года в 20 часов был осуществлен захват первого участка царандоя в городе Мазари-Шариф группой бандитов, переодетых в форму сотрудников полиции. Для проникновения в помещение полиции они использовали пароль, переданный им предателями из числа полицейских. Бандитами было захвачено 75 стволов оружия.

Там же 20 сентября 1981 года бандиты, используя своих людей в охране склада, разоружили охранников и похитили 104 ствола оружия, в том числе 90 единиц «Бур-303».

Оперативные сотрудники Управления ХАД Мохаммад Карим с пистолетом «ТТ» и Мухаммад Экбал с двумя АК в разное время бежали к бандитам.

1 октября 1981 года в 18 часов произошли нападения на оперативный батальон царандоя в городе Шибаргане провинции Джоуз-

джан. Бандитами было захвачено 84 ствола оружия.

Нападения продолжались в сентябре, октябре и декабре 1981 года. В общей сложности бандиты захватили за указанный период 470 стволов оружия.

С 27 августа по 8 сентября 1981 года началась Мармульско-Чаркентская оперативно-войсковая операция. В ходе боевых действий были уничтожены 522 бандита, 37 взяты в плен, захвачено 70 стволов стрелкового оружия, 216 615 единиц боеприпасов, 7 стволов тяжелого вооружения. Было изъято 12 единиц грузового автотранспорта, 250 килограммов взрывчатых веществ, 60 метров огнепроводного шнура.

В операции были задействованы подразделения 18-й и 20-й пехотных дивизий, 3 батальона царандоя (провинций Балх, Джоузджан, Саманган), оперативно-боевой отряд Управления ХАД, а также подразделения 201-й мотострелковой дивизии советских войск. Использовалась авиация с территории Советского Союза. Кроме основных сил в операции участвовали оперативные группы «Каскад» КГБ СССР и «Кобальт» МВД СССР.

При входе в ущелье Чаркентского района моджахеды оказали упорное сопротивление. Из гранатомета был подбит танк Т-34. Весь экипаж, состоящий из афганцев, погиб. По скоплению бандитов был нанесен удар системой залпового огня «Град». С вертолетов в тыл противника забрасывался десант. Командный пункт командира 201-й мотострелковой дивизии работал как часы.

На второй или третий день изнурительных боев батальон в со-

ставе двух рот советских солдат выдвинулся вглубь горного массива Чаркентского направления. В целях безопасности роты расположились на двух высотах.

Ночью в горах особенно темно. Банда «Насер», состоящая из хазарийцев в количестве трех групп общей численностью до 70 человек, нанесла внезапный удар. Предварительно были сняты часовые и вырезаны десятки солдат. Завязался неравный бой, в котором погибло 48 военнослужащих, в том числе командир батальона (майор), замполит (капитан), командир роты и командиры взводов. Чудом остался в живых тяжелораненый прапорщик. Бандиты захватили 45 АКМ, 3 ручных пулемета, 5 пистолетов Макарова.

Позже из оперативных источников стало известно, что нападение осуществила банда Шейха Нури. Главарь планировал уничтожить оба подразделения. Однако из-за значительных потерь (21 бандит был убит и 17 ранены) он отказался от штурма второй высоты.

Как старшему советнику, мне приходилось планировать и принимать личное участие в десятках оперативно-войсковых операций. Как правило, войсковые подразделения афганцев шли в первых линиях атаки при поддержке нашей артиллерии и вертолетов. Уничтожив базу повстанцев, правительственные войска оставляли организационное ядро из числа партийных и государственных работников, а сами уходили. Через неделю-другую район вновь захватывали бандиты.

Вспоминаю инцидент во время сопровождения задержанного бандита в следственный от-

дел ХАД города Мазари-Шариф. Во время одной из «зачисток» в ближайшем селении был задержан подозрительный афганец, который скрывался под женской чадрой. Так случилось, что свободных оперативных машин не оказалось. Я принял решение сопровождать подозреваемого пешком в следственный отдел города Мазари-Шариф. В напарники мне выделили молодого сотрудника ХАД. До города было километров пятнадцать-двадцать. Вероятно, я и мой напарник Атикулла потеряли на какое-то время бдительность. Бандит воспользовался ситуацией, нанес моему напарнику удар по голове камнем и стал вырывать у него автомат. Я вовремя вмешался. Бандит, бросив оружие, попытался скрыться. Мой выстрел тяжело его ранил. Тело нашли на следующее утро и похоронили по мусульманскому обычаю. Раненого коллегу я благополучно доставил в город, где ему оказали первую помощь. Эта история стала известна руководству Управления ХАД. Вскоре за спасение сотрудника безопасности я был награжден орденом Звезды.

Каждую ночь до раннего утра над Мазари-Шарифом проносились огненные трассы, выпущенные из огнестрельного оружия боевыми группами моджахедов, проникших в город. Был случай, когда одна из групп мятежников захватила и угнала танк и два БТР, другая проникла в аэропорт и какое-то время удерживала его. Танк и два БТР были отбиты.

С каждым днем масштаб контрреволюционного движения нарастал.

Были вскрыты случаи, когда «наводчики» из числа доверенных

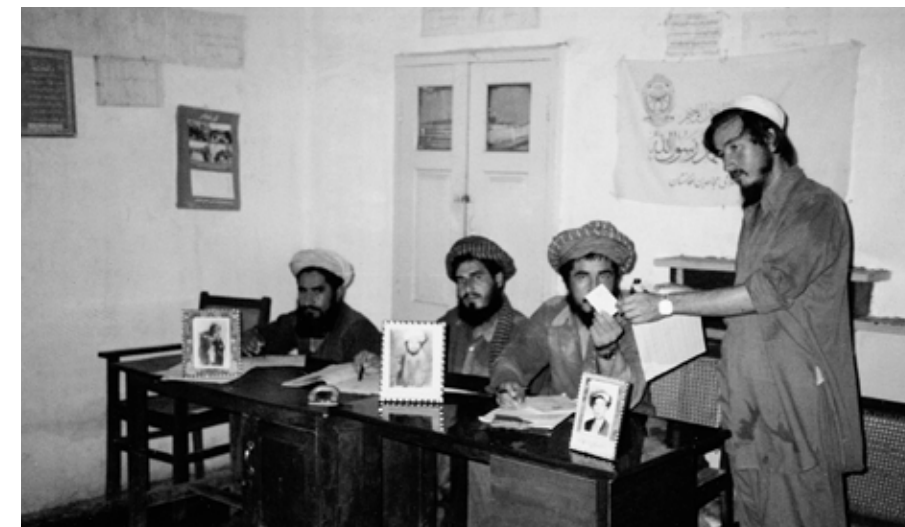
Бандгруппа во главе с Абдулом Кадыром Забиулла на марше из Пакистана. 1982 г.

Лидер партии Исламское общество Афганистана Абдул Кадыр Забиулла. Мармульское ущелье, провинция Балх, 1982 г.

Абдул Кадыр Забиулла. 1982 г.

Партийный комитет партии Исламское общество Афганистана. Мармульское ущелье, провинция Балх, 1982 г.

лиц афганцев умышленно наводили наши вертолеты на мирные, лояльные правительству кишлаки из корыстных, низменных мотивов.

Поэтому мы вышли с предложением о создании «троек», в состав которых входили партийный советник, представители ХАД и МО. В конечном итоге было принято решение: бомбово-штурмовые удары можно наносить только после согласования с соответствующей «тройкой» по месту проведения операции.

Масла в огонь подливали сами руководители НДПА. Между двумя крыльями – «Халк» и «Парчам» – шли бесконечные споры, переходящие в столкновения. Эти противоречия серьезно ухудшили политический климат в республике, не способствовали авторитету ее руководителей. Так, в одном из документов, направленных на имя старшего оперативного советника зоны «Север» Барышева, говорилось:

«В настоящее время из провинций Вашей зоны продолжают поступать сообщения, свидетельствующие об обострении фракционной борьбы внутри НДПА, которое характеризуется углублением противоречий между соперничающими группировками.

В целом такое положение осложняет внутривнутриполитическую обстановку в стране и затрудняет реализацию принимаемых правительством мер по ее стабилизации.

Вызовы на беседу в Кабул лиц из числа местного и партийного руководства зоны и провинций, виновных в обострении фракционной борьбы, желаемых результатов пока не дали.

В этой связи просим Вас к 26 декабря 1981 года дать развернутые

предложения по оздоровлению обстановки на местах, включая кадровые перестановки, для доклада руководству НДПА с целью осуществления настойчивых практических шагов в этом направлении.

Указанные предложения желательно согласовать со старшими партийными, военными и МВД, советниками и направить их за совместной подписью».

ДЕЛО ЧЕСТИ

Не вина руководства СССР, что действовавшая экономическая, политическая, культурная и военная помощь народу Афганистана не дала своих результатов. США, некоторые страны Западной Европы и исламский мир, объединившись в борьбе против Демократической республики Афганистан, взрастили экстремизм.

Спецслужбы Пакистана, финансируемые США, государствами Западной Европы, нефтедолларами Саудовской Аравии и странами Персидского залива, стимулировали подрывную деятельность банддвижения на территории суверенного Афганистана, провоцировали и подстрекали наемные силы против демократической республики. Подрывая молодые всходы зарождающейся экономики ДРА, внешние силы стремились нанести ощутимый удар по советско-афганскому экономическому сотрудничеству. В этих целях перед контрреволюционными центрами в Пакистане были поставлены и такие задачи, как захват советских специалистов и этапирование их в Пакистан. Если за каждого советского военнослужащего в зависимости от воинского звания выплачивали

от 2 до 3 тысяч долларов США, то за каждого советского специалиста вознаграждение значительно превышало указанные цифры.

Проводя подобные акции, спецслужбы Пакистана, ЦРУ, стремились повлиять через контрреволюцию на жизнеобеспечение советских специалистов, их безопасность в местах работы и проживания, создать невыносимые условия на объектах советско-афганского экономического сотрудничества и вынудить советское правительство свернуть имеющиеся межправительственные контракты.

Так, 2 января 1983 года в опергруппу Представительства КГБ СССР в провинции Балх поступила информация о том, что бандиты угнали автобус с советскими специалистами, которые сооружали хлебокомбинат в городе Мазари-Шариф по контракту ВО «Элеваторзарубежстрой».

В ходе проверки информации были получены дополнительные данные. Афганская сторона организовала прием в честь нового 1983 года и пригласила советских специалистов на торжественное мероприятие. В 15 часов, по завершении праздничного застолья, колонна в количестве четырех автомашин (две легковые «Волги» и два автобуса, находящиеся в середине этой процессии) двинулись к центру города Мазари-Шариф. На улице Шадиан, в районе стадиона, в 15 часов 08 минут колонна была обстреляна бандгруппой. В суматохе переодетые в царандоевскую форму бандиты завернули один автобус в объезд стадиона. Приблизительно через 300 метров автобус был захвачен ожидавшими вооруженными бандитами и на-

правлен в сторону гор. В автобусе находилось 16 советских специалистов.

Вечером этого же дня руководитель оперативной группы зоны «Север» полковник О.М. Муртазалиев (зона «Север» включала в себя четыре провинции: Балх, Джоузджан, Саманган, Фарьяб) создал штаб по розыску и освобождению советских специалистов, куда с другими офицерами опергруппы вошел и я.

На первом заседании штаба, который возглавил О.М. Муртазалиев, помимо представленной информации о захвате бандитами советских специалистов, поставили задачу: задействовать все имеющиеся оперативные возможности линейных отделов Управления ХАД (СГИ – служба государственной информации) для установления нахождения наших специалистов и принятия действенных мер по их освобождению. На себя взял возможность взаимодействия с партийно-государственным аппаратом и мусульманским духовенством. Информация о чрезвычайном происшествии ушла в Представительство КГБ СССР в Афганистане, где также руководитель зоны «Север» просил задержать мой выезд в Москву для завершения учебы в Краснознаменном институте КГБ СССР на две недели.

Советские чекисты считали делом чести их освобождение из плена. Это были В.Н. Манец, Л.Т. Ерин, А.А. Шабусов, Н.В. Михайлов, В. Филатов, Ф.Г. Махмудов, В.А. Колганов, В.С. Медведев, Р.Я. Францис и автор этих строк.

Из потока поступающей разноречивой информации было выделено два направления поиска советских специалистов: первое – Мармульское и второе – уезд Шульгара.

В поиске специалистов были задействованы оперативные возможности 5 отдела (отдела по борьбе с бандитизмом), отдела по борьбе с контрреволюционными организациями, отдела по борьбе с подрывной деятельностью на объектах экономики, транспорта и промышленности, преобразованного отдела (отделения СГИ в уездах и волостях провинции), отдела по борьбе с реакционным направлением в исламе, а также материалы Информационно-аналитического подразделения и следственного Управления СГИ.

В отделе по борьбе с контрреволюционными организациями, где мне приходилось выполнять

Б. Н. Вязовой (стоит второй слева) с группой сотрудников царандоя. Провинция Герат, 1981 г.

советнические функции, главный акцент был сделан на экстренные встречи с оперативными источниками, подготовку и маршрутирование их в уезд Шульгара и волость Кишинду. Стояли задачи задействовать резидентуру «Латифа», координировать работу с периферийными и 5 отделами, решить вопрос финансирования оперативных средств. Подобные задачи своим подчиненным поставили Ерин, Шабусов, Михайлов, Махмудов и др. Координацию и взаимодействие оперативных мероприятий в опергруппе осуществлял Манец.

3 января 1983 года по дороге в Мармульское ущелье в нескольких километрах от окраины Мазари-Шариф был обнаружен труп советского специалиста, который, как впоследствии стало известно, был убит при попытке к бегству. Им оказался Шипулин И.В.

4 января 1983 года от оперативного источника «Рафии» поступила информация о том, что советские специалисты были разбиты на две группы.

Одну группу бандиты увели в Мармульское ущелье в банду главаря бандформирования ШОА А. Забиулло, а вторую – на базу главаря банды ДИР М. Османа. Для проверки данной информации в кишлак Мармуль уезда Нахрешам был направлен оперативный источник «Гудрат».

5 января 1983 года резидент «Латиф» сообщил, что 4 января к нему домой вечером зашли старики Гадай Шах и Гуль Мохаммад из кишлака Корезе Хорд и рассказали, что советских специалистов боевики М. Османа увели в уро-

чище Карамкуль, где они их лично видели.

6 января 1983 года по согласованию с руководством Представительства КГБ СССР в ДРА и командованием 18 ПД О.М. Муртазалиев принимает решение забросить в урочище Карамколь десант афганских пограничников вместе с советником командира дивизии майором В.Н. Вахринавым. Афганская пограничная служба входила в систему МО ДРА. В качестве проводника был использован резидент «Латиф». После высадки из вертолетов десант вступил в бой с бандгруппами. На одной из сопкок отряд афганских пограничников под командованием Вахринева занял круговую оборону до подхода основных сил. Погода изменилась, и прилет вертолетов стал невозможен. Ночью десант пограничников прорвал оборону бандгрупп и стал отходить по направлению города Мазари-Шариф. Без достаточного количества продуктов питания, боеприпасов, в морозную погоду десант, преодолев занесенные снегом горные ущелья, 8 января 1983 года без потерь возвратился на базу. Надо отметить, что это была первая и последняя вылазка афганских пограничников в направлении уезда Шульгара по поиску советских специалистов. В дальнейшем они использовались на Мармульском направлении.

7 января 1983 года на заседании штаба Муртазалиев потребовал от советского аппарата четкой, слаженной и ясной работы с коллегами из Управления ГИ. Далее руководитель зоны «Север» проинформировал присутствующих о проведенной работе по поиску со-

Здание ЦК НДПА. Город Кабул. Декабрь 1980 года

Группа советников. Город Кабул. Декабрь 1980 года.

ветских граждан со стороны партгосаппарата и применяемых мер по линии мусульманского духовенства. Необходимо, подчеркнул Муртазолиев, усилить работу в периферийном Управления СГИ и надо откомандировать несколько сотрудников в уездное подразделение СГИ Шульгары, тем самым усилив оперативно-розыскные мероприятия.

8 января 1983 года из уезда Хольм (центр – кишлак Ташкурган, провинции) Саманган прибыл агент «Сахи», который сообщил, что заместитель главаря банды ИОА А.К. Забиулло просил главаря банды ИОА Сад Баши направить в ущелье Мармуль 5 вооруженных групп для этапирования советских специалистов в Пакистан и временно предоставить им место содержания. Как отметил источник, главарь банды боялся возможных последствий со стороны советских войск.

9 января от источника «Муссана» поступила информация о том, что, со слов жителя кишлака Куланд уезда Шульгара М. Салема, вверх по течению реки Балхаб 5 января 1983 года проследовала под конвоем боевиков группа шурави. Маршрут движения советских граждан был в южном направлении.

10 января от агента «Гудрата» поступило сообщение, что в кишлаке Мармуль нет советских специалистов. С учетом этой информации и поступающих других сообщений штаб принял решение сконцентрировать оперативные усилия на территории уезда Шульгара и волости Кишенда.

Все хорошо понимали, что в руководстве штаба по розыску и освобождению из плена советских специалистов необходимы руководители высокого ранга.

11 января 1983 года в город Мазари-Шариф прибыли заместитель командующего 40-й армии генерал-майор В.И. Фуженко и заместитель руководителя Представительства КГБ СССР в ДРА генерал-майор С.П. Дзюба. Оба генерала возглавили штаб, один с военной, другой – с оперативной позиции. К ним подключились: старший военный советник провинции Балх генерал-майор К.А. Кузьмин, старший советник Царандоя полковник милиции И.С. Ермин, руководитель опергруппы зоны «Север» полковник О.М. Муртузалиев и его заместитель майор В.Н. Манец. Штаб разместился на территории 18 ПД.

Для решения оперативно-поис-

ковых мероприятий штабу были переданы 16 вертолетов МИ-8 и 12 вертолетов МИ-24, а также 2 ММГ погранвойск КГБ СССР. Подразделения МВД ДРА отказались участвовать в поисковых мероприятиях, дав согласие на отдельные локальные операции.

12 января 1983 г. агент «Момад», проживающий в волости Кишенда (в одном из населенных пунктов по руслу реки Дарайс-Суф) и находящийся на связи у резидента «Латиф», сообщил, что в ИК ДИР М. Нуриддина собрались главарь банды ИОА Кадер Забиулло, Сеид Гусейн Шах, заместитель главаря банды ДИР по военным вопросам Мовлави Османа, главарь банды ДИР Мовлави Дшаббар, которые в течение трех дней рассматривали какие-то вопросы. По мнению агента, советские специалисты могут быть в указанном им исламском комитете ДИР, который расположен в тоннеле, соединяющем два ущелья к югу от города Чадар. Западнее горы находится кишлак Кызыл Канд. Кроме этого, главари банд дали указание местным бандитским группировкам прибыть в указанное место. Цель сбора бандитских групп источнику неизвестна.

13 января 1983 года согласно утвержденному руководством КГБ СССР Плану агентурно-оперативных мероприятий по розыску советских специалистов в провинции Балх, разработанному Представительством КГБ СССР в ДРА, штаб принимает решение: для осуществления быстрой и оперативной проверки поступающей информации создать несколько боевых оперативных пунктов как на территории, контролируемой народной властью, так и в тылу территорий, подвластных банддвижению. В этих целях в кишлак Зари волости Кишинда забрасывается ММГ-2 погранвойск КГБ СССР под командованием капитана Турулова, Сахалинский пограничный отряд в количестве 50 человек и 20 сотрудников Управления СГИ провинции Балх. Вторая группа 5 отряда в количестве 65 человек во главе с заместителем начальника отдела Мохаммад Нуром была высажена с вертолетов в районе кишлака Аккупрук волости Кишенда. Вблизи города Мазари-Шариф на северо-восточном Мармульском направлении сосредоточивается ММГ в количестве 100 человек с бронетехники.

Как впоследствии отмечал полковник в отставке В.Н. Манец, высадка десанта хадовцев и со-

ветских пограничников в кишлаки Аккупрук и Зари преследовала две основные цели. Первая – перекрыть возможный уход банды ДИР с захваченными советскими специалистами в район уезда Санг-Чарак, а также в волость Балхаб провинции Джоузджан. Продолжая характеризовать создавшуюся ситуацию, Виктор Николаевич сконцентрировал свое внимание на том, что данный район густо населен, располагает относительно богатыми возможностями сельхозпродуктов. Развито кустарное производство. В случае выхода советских граждан на данную территорию возникают непредвиденные трудности в освобождении – слишком большой маневр создается для банды в продвижении в провинцию Бамиан. Вторая – эти населенные пункты находились в центрах кишлачных зон, что давало возможность проводить активно агентурно-оперативные мероприятия по розыску советских граждан с охватом обширной территории. Впервые были использованы ДРГ (диверсионно-разведывательные группы) из числа хадовцев, которые мелкими группами проникали в отдельные кишлаки и выполняли возложенные на них задачи. Возвращаясь на боевые опорные пункты, они представляли оперативную информацию, которая следовала в штаб по розыску, а там – в Представительство КГБ СССР в ДРА. Надо отметить и то, что руководители боевых оперативных пунктов располагали возможностями самостоятельного решения задач по установлению и вызволению советских специалистов.

Из Кабула в Управление СГИ провинции Балх прибыл начальник 5 Управления СГИ ДРА генерал-майор Доктор Баха, который возглавил эту работу.

14 января 1983 года агент «Шахидад» (резидентура «Латифа») сообщил, что после завершения военной операции в урочище Карамкуль он вернулся в кишлак Каред Хорд и увидел пустующий населенный пункт. Все боевики выдвинулись в горы и через день стали возвращаться в кишлак. Среди возвратившихся был и его сын Раим. Со слов сына, бандгруппы главаря банды ДИР Мовлави Османа направились в Испанский комитет ДИР Мовлави Нуриддина для обеспечения охраны захваченных советских специалистов.

Далее «Шахидад» заявил, что в настоящее время бандиты заново обустроились в пещерах Хархоу-

зан в урочище Карамкуль и направили гонцов в кишлаки Карезе Калан и Карезе Хорд, чтобы местные жители принесли им одеяла, матрасы, подушки, чайники, кружки и другую необходимую домашнюю утварь. Кроме того, бандиты потребовали доставить продукты питания. Как отмечает агент, среди боевиков был главарь банды Абдул Каюм. Как стало известно агенту, банду (120 боевиков) ДИР Молави Джаббар сосредоточил на своей базе в ущелье Кафландара и разослал письма главарям бандгрупп в уезд Довлатабад провинции Балх о прибытии на базу всех вооруженных групп.

15 января 1983 года в кишлак Зари вертолетами прибыл советник опергруппы провинции Балх капитан Михайлов. Николай Дмитриевич был первым советником в зоне «Север». На следующий день стали появляться диверсионно-разведывательные группы (ДРГ), во главе каждой группы стоял оперработник, остальные в основном являлись бойцами оперативного отряда 5 отдела Управления СГИ. Заранее были оговорены способы связи, несмотря на это – Михайлов лично встречал руководителей ДРГ. На территорию, в целях безопасности, приглашался только офицер хадовец, с которым Михайлов решал оперативные вопросы, остальные бойцы ожидали возвращения своего командира. Результаты работы ДРГ фиксировались на карту, где также делались отметки на полученное задание разведгруппе. Так каждый день боевые группы хадовцев отчитывались, получали новые задания и скрытно и незаметно исчезали в дымке пасмурной погоды.

Время неумолимо двигалось вперед, а выйти на след советских специалистов так и не удавалось. Поступали разноречивые оперативные данные о нахождении советских специалистов в различных точках провинции Балх и Джоузджан. Надо подчеркнуть, что банда ДИР осуществляла переброску шурави из одного кишлака в другой в ночное время с соблюдением конспирации. Вот почему так долго не удавалось органам службы государственной информации зафиксировать местонахождение советских специалистов. Скрупулезную работу по отбору поступающей информации вел В. Филатов, советник информационно-аналитического отдела Управления СГИ. Для реализации и проверки сигнальной информации в первую очередь необходи-

ма была летная погода, которая в январе периодически портилась. Наземным транспортом в данные районы провинции было попадать небезопасно, можно было нарваться и на засаду. Кроме этого, время играло главную роль в поисках советских специалистов. Поэтому активно использовались вертолеты. Надо отметить, что на выполнение задания вертолеты вылетали парами. 20 января 1983 года Л.Т. Ерин вместе с А.А. Шабусовым вылетели в район ущелья Агирсай, волость Шульгара, где афганские подразделения 18 ПД прочесали ущелье. К большому сожалению, ни советских специалистов, ни следов пребывания в данном месте выявлено не было.

21 января 1983 года агент «Мамед» через связиста сообщил, что в населенных пунктах, расположенных по берегам реки Дорайс-Суф, советских специалистов нет. Этот район густонаселен, появление советских граждан стало бы известно всем. Агент высказал предположение, что не исключает вариант переброски захваченных шурави в населенные пункты, расположенные вдоль реки Балхаб. Аргументировал свое предположение тем, что по этой дороге боевики следуют в провинцию Бамиан, а далее через Саланг и другие провинции ДРА в Пакистан. Второе: это направление малонаселенное, расположены кишлаки друг от друга на расстоянии 10-15 км, что препятствует утечке информации в случае появления советских граждан в данном районе. По твердому убеждению агента, советские специалисты находятся где-то в южной части волости Кишинда, так как перевалы до конца марта будут еще закрыты...

23 января 1983 года погода наладилась, и для оказания помощи афганским коллегам Ерин вместе с Ханаккой был направлен вертолетами в населенный пункт Аккупрук. Ерин и Ханакка поддерживали работу оперативного состава боевого опорного пункта в подготовке источников и направлении их по руслу реки Балхаб в одноименную волость провинции Джоузджан. Обследование данного района требовало большого количества времени, так как расстояние от Аккупрука до волостного центра Балхаб составляло более 90 км. Было подобрано два кандидата из числа местных жителей, у которых есть ослы как средство передвижения. У источников в пути следования будет возможность въезжать в населенные пункты под предлогом

приобретения корма животному и вступать в контакт с местным населением. Перед отлетом Л.Т. Ерин еще раз попросил Мохаммад Нура соблюдать жесткую конспирацию в оперативно-разыскных мероприятиях, тщательно разрабатывать легенды прикрытия и ускорить маршрутирование оперативных средств. На эти цели выделены финансовые средства, и проблем, как отметил Ерин, не должно быть.

25 января 1983 года советник Л.Т. Ерин, которого должен был заменить Н.Д. Михайлов, вертолетом был переброшен в кишлак Зари.

Боевая обстановка, полевые условия, спартанский образ жизни – все это накладывало суровый отпечаток на сознание и повседневную деятельность советника опергруппы в провинции Балх.

Командир подразделения обрисовал оперативную обстановку, остановился на некоторых моментах охраны территории ММГ-2 и о принятых мерах обеспечения безопасности личного состава. Ерин понимал, что завтра хадовцы более подробно осветят ему обстановку как внутри кишлака Зари, так и в его окружении, но это будет завтра...

Необходимо отметить, что к розыску активно подключилась и афганская сторона. Провинциальный Комитет НДПА через своих членов партии, родственники которых проживали в волости Кишинда и уезде Шульгара, стал собирать информацию о местонахождении советских специалистов. Администрация губернатора провинции прокладывала пути-контакты с главарями банд. В сложившейся ситуации около срока мусульманских священников (мулл, мовлави), двадцати старейшин были направлены в кишлак Мармуль волости Чаркенд, Кишинду, уезды Чемтал, Сангчарак и Шульгару с целью выйти на след советских граждан. Координацию действий осуществляли О.М. Муртузалиев и начальник провинциального Управления СГИ Сахра. С афганской стороны, как ранее отмечалось, общее руководство по розыску советских специалистов взял на себя Доктор Баха.

С самого начала розыскных мероприятий афганская сторона распространила информацию о том, что за достоверные сведения о местонахождении советских специалистов власти выплатят денежное вознаграждение в несколько тысяч афгани. Через старейшин

главарям банд предлагали денежные средства, оружие, боеприпасы, продукты питания. Встречаться с губернатором в городе Мазари-Шариф главари банд отказывались, боясь за свою жизнь. Встречи организовывались на нейтральной стороне. В целях безопасности переговорного процесса в боевом состоянии находились подразделения афганской 18 ПД. На одной из встреч бандиты передали афганским властям несколько паспортов советских специалистов.

Оперативный состав Управления СГИ полностью был поглощен розыском советских граждан. Доктор Баха требовал найти месторасположение захваченных наших специалистов. Начальник 5 отдела Ханака, начальник отдела по борьбе с контрреволюционными организациями Турьялай ежедневно докладывали начальнику Управления СГИ о положении дел. На боевых опорных пунктах активно вел агентурно-оперативную работу оперсостав подразделений. В большом потоке получаемой информации был определен процент дезинформационных сведений. На заслуживающие оперативного внимания данные оперативных источников выдвигались для проверок советники, оперативный состав СГИ и подразделения советских пограничников.

27 января 1983 года в расположении боевого опорного пункта «Зари» появился подросток 14 лет, который через переводчика сообщил советским пограничникам, что знает, где находятся советские специалисты. При подробном опросе, который проводил Ерин, Насрулла, так звали афганского подростка, назвал населенный

пункт, который от расположения ММГ-2 находился в 2-3 км, и схематично начертил здание в конце тупиковой улицы, где находились советские пленники. Скрупулезно расспрашивая подростка, делая соответствующие пометки на схеме, Ерин пришел к выводу, что логически все совпадает и можно сказать, что малый не врет. Афганца накормили и оставили на ночь, при этом солдатам негласно была дана команда проследить за действиями гостя в ночное время. Ночью, похитив четыре автомата с укомплектованными ранцами, он незаметно вышел на территорию объекта. При проходе контрольной зоны сработала световая сигнализация, небо озарилось вспышками ракет. Под грузом автоматов и боеприпасов афганец при падении вывихнул ногу. Но успел дойти до ближайшего дома. При появлении советских пограничников хозяин дома выдал подростка с автоматами и боевым снаряжением. Подросток получил пару подзатыльников и через некоторое время был передан подоспевшим хадовцам для установления возможной причастности подростка к бандформированию.

Шла четвертая неделя января, а на точные координаты местонахождения советских специалистов хадовцы пока не вышли. Несмотря на большие потери в живой силе и технике со стороны советских и афганских военнослужащих, мы усердно продолжали вести поисковые работы.

И вот 30 января 1983 года сотрудники Управления СГИ на боевом опорном пункте «Аккупрук» через свои оперативные возможности вышли на источник, который сообщил о численности советских

специалистов и их нахождении в кишлаке Вахшак, который находился на расстоянии 120 км от города Мазари-Шариф и 44 км от кишлака Аккупрук. В этот кишлак вылетели вертолетами член объединенного штаба В.Н. Манец и начальник Управления СГИ Сахра. Побеседовав с источником информации и убедившись, что сообщение Мохаммеда Гусв предоставляет определенную ценность, прибывшие вместе с ним убедили в Мазари-Шариф, где источника информации допросил Доктор Баха. После получения этой информации штаб начал готовиться к проведению операции по освобождению советских специалистов.

31 января 1983 года на боевом опорном пункте «Аккупрук» появился переводчик старшего советника Царандоя в провинции Балх Икрамов Зафар, который заявил, что его брат Джумахан вместе с 14 захваченными бандитами советскими гражданами находится в кишлаке Вахшак. Необходимо заметить, что Икрамов по национальности таджик, а на севере Афганистана местные жители говорят на таджикском (дери) языке. По своей инициативе он начал разыскивать своего брата. Икрамов Зафар был вертолетом доставлен в город Мазари-Шариф.

1 февраля 1983 года на заседании штаба решались организационные вопросы проведения операции. Члены штаба согласились с предложением В.Н. Манца, и тут же шифровка пошла в адрес. Через два часа пришел положительный ответ, кандидатура В.Н. Вахринева была утверждена в качестве руководителя операции.

Впоследствии мне стало известно, что у командования 201 МСД и

108 МСД для проведения десантирования подразделений на данный период, как говорят военные, – под рукой не оказалось. Сложилось патовое положение, и генерал-лейтенант В.И. Фуженко принял решение. Командир 108 МСД снимает с охраны трубопровода Термез-Айбак 6-ю роту 276-й отдельной трубопроводной бригады, которая дислоцировалась в расположении 122 МСП 209 МСД, заменив ее другим подразделением. Приказывает посадить 6-ю роту на автомашины и направить в город Мазари-Шариф для выполнения задания. Управлению СГИ было предложено предоставить 65 сотрудников в качестве десанта.

2 февраля 1983 года в Штаб поступила информация, что в 14 часов 30 минут из Баграма прибудет эскадрилья вертолетов МИ-8 в количестве 14 единиц. Получив такую информацию, В.Н. Манец убил в Управлении СГИ и вместе с Ханаккой поднял по тревоге личный состав. Отобрали 65 хадовцев, разбили их на 6 отделений, назначили старших из числа офицеров, провели инструктаж и поставили задачи. Каждый сотрудник Управления был полностью экипирован, было выдано каждому отделению по несколько коробок боеприпасов и гранат. К назначенному времени на двух автобусах хадовцы прибыли на взлетно-посадочную вертолетную площадку и по отделению выстроились у каждого вертолета. Надо отметить, винты были в движении, вертолеты были готовы взлететь. Через некоторое время прибыло подразделение советских войск из расположения 122 МСП. При посадке в вертолет Манец увидел, что Вахринев без бронежилета, и тут же отдал свой бронежи-

лет ему. Цели указали (наводчики) Махоммад Гаус и Икранов Зафар, вместе с Вахриневым поднялись в салон вертолета, и через мгновение вертолеты взмыли в небо и взяли курс на кишлак Вахшак волости Кишинда. Афганец четко указал строение, где должны были находиться советские граждане. Часть вертолетов высадила десант вместе с командиром роты на южной окраине кишлака Вахшак, перерезав дорогу на кишлак Каатадашт. Хадовцы были высажены на юго-западной и северной сторонах кишлака. Вахринев с проводниками и взводом десанта перекрыл два направления отхода банды: в северном направлении на кишлак Андараб и западном, по реке Лори Аб, в сторону кишлака Таха. Пока некоторые МИ-8 вели разгрузку десанта, другие наносили ракетные удары по населенному пункту, не давая возможности боевикам атаковать десант. Разгрузка десанта осуществлялась за считанные минуты, освободившиеся вертолеты поднимались в небо и уходили на безопасное расстояние. Завершив последним разгрузку десанта, Вахринев увидел бегущих по склону возвышенности по направлению к вертолету группу людей, размахивающих руками и что-то кричащих. Из-за работы двигателя вертолета голоса бегущих слышны не были. Наши! Промелькнула мысль у Вахринева...

Бандиты были ошеломлены внезапным появлением над кишлаком большого количества вертолетов. В панике они стали носиться по двору кишлака и беспорядочно стрелять по вертолетам, однако ракетные залпы и пулеметные очереди по боевикам охладили их пыл. На земле появились трупы бандитов...

Услышав гул вертолетов, пленники восприняли духом. Кто-то воскликнул: «Родина нас не забыла! Наши нагрянули! Ломай стены!» Надо отметить, помещение, где содержались советские специалисты, было продолговатым, низким, больше напоминало хлев, где стены были изготовлены из камыша, переплетенного веревками. Поверхность данной конструкции была оштукатурена глиняным раствором как с внешней стороны, так и изнутри. Под натиском пленников часть стены, где стойка у основания была прогнившей, рухнула, образовалось большое пространство, осветившее помещение. Несколько человек высочили наружу. В это время с каким-то неистовым звериным криком в помещение ворвались два бандита, которые вели охрану советских граждан, и открыли огонь по скопившейся группе специалистов. Стоявший недалеко от двери Шкуратько, плотного телосложения, как-то умудрился ухватиться за два ствола винтовок и призвать их к земле, не давая боевикам возможности убивать товарищей, а затем прокричал: «Бегите, я их задержу!»...

На большой скорости к берегу высохшей речушки, где стоял вертолет, готовый в любую минуту взлететь, бежали советские специалисты, крича единственное слово: Свои! Свои! Свои! Подбежав к вертолету, наши специалисты наперебой стали благодарить Вахринева, летчиков, стоявшего рядом командира взвода за спасение и одновременно просили забрать погибших и раненых товарищей, находящихся в кишлаке. В южной части кишлака Вахшак шел активный бой с боевиками, где вертолеты один за другим уничтожали огневые позиции

Банкет по случаю награждения советников оперативной группы Представительства КГБ СССР в провинции Балх. Октябрь 1981 года

Торжественный обед в честь съезда КПСС в Управлении ХАД. Кабул, 1986 г.

Парад афганской армии по случаю празднования 1 Мая. Кабул, 1986 г.

Сборная по волейболу. Представительство КГБ СССР. Кабул, 1985 г.

противника. Время поджигало, надо было действовать. Вахринев повел десантников на штурм кишлака. Вначале цепь десантников двигалась медленно, но, достигнув высоты, перешла к активным действиям. Через 20 минут бандгруппа в количестве 12 человек была уничтожена. Стрельба прекратилась, только гул вертолетов напоминал, что операция продолжается.

Ужасная картина предстала перед десантниками. Двое убитых, трое тяжело раненых, ощущался дефицит времени, начинало темнеть. Вахринев принимает решение посадить вертолет на ближайшую площадку. Летчики с точностью сажают машину, в считанные минуты десантники заносят убитых и раненых в салон вертолета, где находились освобожденные люди, среди которых двое тоже были ранены.

Вертолеты один за другим шли на посадку, а затем взмывали в небо вместе с личным составом 6 роты. Командир роты, убедившись, что десантники в том количественном составе, который десантировался, последним вертолетом поднялся ввысь.

Члены штаба с нетерпением ждали возвращения десанта с освобожденными специалистами. Наступила ночь, взлетно-посадочная площадка для приема вертолетов была освещена яркими лучами прожекторов. Послышался гул вертолетов, и через некоторое время они стали приземляться. Первым прибыл В.Н. Вахринев и доложил, что задание выполнено, все 15 советских граждан вывезены из кишлака Вахшак. В пути следования два специалиста скончались: итоговое четверо убито, трое ранено, один из них в крайне тяжелом состоянии, восемь специалистов здоровы, кроме этого – четверо солдат десанта получили ранения средней тяжести. Бандгруппа из 12 боевиков полностью уничтожена, захвачено 12 стволов стрелкового оружия.

Затем генерал-лейтенант Фуженко перед строем 6-й роты 276-й отдельной трубопроводной бригады 108 МСД принял доклад ее командира, поблагодарил офицеров и личный состав роты за выполнение особого задания командования 40 Армии, объявил благодарность командующего Армии генерал-лейтенанта В.Ф. Ермакова.

Нельзя пройти мимо наших соотечественников, которые выполняли интернациональный долг на трудовом фронте, ковали своим скромным трудом фундамент эко-

номики молодой демократической республики, сложили свои головы и получили увечья ради процветания Афганистана. Это простые советские граждане:

1. Икрамов Джуманхан, скончался в военном госпитале 2 февраля 1983 года от тяжелого ранения.

2. Косяков Геннадий Николаевич, погиб при освобождении.

3. Лосев Николай Григорьевич, погиб при освобождении.

4. Мухаметшин Рафик Фатхеевич, погиб при освобождении.

5. Шипулин Игорь Васильевич, погиб при попытке к бегству от бандитов 2 января 1983 года.

6. Шкуратько Виктор Павлович, погиб при освобождении.

Хочу отметить героический подвиг В.П. Шкуратько при проведении операции по освобождению советских граждан в кишлаке Вахшак. Ценой своей жизни он дал возможность десяткам советским специалистам бежать и спастись от неминуемой гибели.

Специалисты Полуэктов Л.Г. и Козак С.В. успешно завершили свое лечение в военном госпитале города Термез и благополучно вернулись к своим семьям.

2 февраля 1983 года в боевой опорный пункт «Заря» поступила информация из штаба о том, что специалисты найдены и переброшены в город Мазари-Шариф. Предлагается свернуть работу и быть готовыми к передислокации подразделения в город Мазари-Шариф. Вертолеты будут в Зари к 14.00 3 февраля 1983 года. Эта новость обрадовала всех.

Как мне известно, Махаммед Гаус за предоставленную информацию о месте нахождения советских специалистов получил денежное вознаграждение в сумме 100 тыс. афгани из рук начальника 5 Управления СГИ ДРА Доктора Баха.

Надо подчеркнуть, что изначально в короткий срок советский аппарат оперативной группы Представительства КГБ СССР в ДРА в провинции Балх правильно определил направление поиска советских специалистов – в сторону уезда Шульгара и далее на волость Кишинду. Однозначно указал на то, что советские граждане, удерживаемые боевиками, находятся в провинции Балх. Это помогло сэкономить время, так необходимое в решении оперативно-разыскных, поисковых и боевых задач, а также предотвратить этапирование советских специалистов за пределы провинции Балх, что предопределило конечный результат.

Вся оперативно-разыскная

работа строилась под непосредственным контролем ЦК КПСС, советского правительства и руководства КГБ СССР с привлечением МО СССР, МВД СССР, а на местах были задействованы военачальники Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР, 40 Армии и подразделений ВС ДРА. Возглавлял и координировал весь процесс Штаб по поиску и освобождению советских граждан, где членами этого органа были семь генералов и другие. Штаб располагал возможностями задействовать живую силу и технику. Руководил этой операцией генерал-майор В.Н. Воскобойников, на которого замыкалась закрытая связь как из опергруппы провинции Балх, так из Москвы. Немаловажную роль в этом деле сыграл посол СССР в ДРА Ф.А. Табеев.

Главную и основную роль в агентурно-разыскных мероприятиях сыграли Управление СГИ в провинции Балх, 5 Управление СГИ ДРА и советский аппарат опергруппы Представительства КГБ СССР в провинции Балх, где также задействованы опергруппы в провинциях зоны «Север».

Хотел бы отметить такой факт: в отсутствии специальных подразделений (спецназа ГРУ ГШ МО СССР, разведрот 201 МСД и 108 МСД, советских пограничников) пришлось задействовать в операции по освобождению советских специалистов 6 роту 276 отдельной трубопроводной бригады 108 МСД и хадовцев в количестве 65 человек. Надо отдать должное В.Н. Вахринева, который и с таким подразделением десанта успешно выполнил задание. Несмотря на некоторые потери среди советских специалистов, операция, длившаяся 4 часа 20 минут, получила положительную оценку членов штаба.

Освобождение советских специалистов – единственная в своем роде операция, проведенная на территории Афганистана сотрудниками представительства КГБ СССР в ДРА. Она уникальна по своим масштабам и объему проведения оперативно-разыскных и агентурных мероприятий. Только в южном направлении (уезд Шульгара и волость Кишинда) территория поиска советских специалистов – 3 460 кв. км с охватом 120 населенных пунктов горной местности с населением 49,6 тыс. человек.

Надо также отметить, что впервые в оперативно-разыскных мероприятиях в Афганистане были использованы ДРТ – диверсионно-разведывательные группы из числа

сотрудников Управления СГИ.

Из этой сплоченной оперативной группы три советника стали генералами: генерал-майор в отставке О.М. Муртузалиев, генерал-майор в отставке О.П. Паямдашоев и генерал-лейтенант запаса Л.Т. Ерин. Конечно же, нельзя пройти мимо боевого офицера-пограничника, руководителя операции в кишлаке Вахшак, а ныне генерал-лейтенанта в отставке В.Н. Вахринева.

...В вестибюле ресторана меня встретили Леонид Тихонович Ерин и Феликс Абдулович Ганиев, на головах – седина, крепкие и стройные, возмужавшие, умудренные жизненным опытом. Время меняет облик, но что-то остается знакомое. Возгласы приветствия, крепкие объятия. Проходим в широкий полуовальный затемненный зал, 18 часов, в помещении не многолюдно. А вот и Николай Дмитриевич Михайлов, Станислав Александрович Балакаев, Евгений Германович Блинов стоят у сервированного стола. Здравуюсь, крепкие мужские объятия. Честно признаюсь, из троих узнал только Станислава Александровича. Михайлов пополнел и для меня не узнаваем, а Блинов в Мазари-Шариф был в команде «Каскад», и я с ним не так часто встречался, и время, естественно, сделало свое дело. Через некоторое время появляется с тростью Манец, до этого перенесший тяжелую операцию на обеих ногах в Германии, и с бравым видом идет в нашу сторону. Время его не изменило. С большим уважением и теплыми объятиями мы встретили Виктора Николаевича, который, не смотря на нездоровье, счел нужным встретиться со своими боевыми товарищами. Надо сказать, этот поступок о многом говорит.

Не передать то внутреннее ощущение, те чувства радости, то состояние доброты и атмосферы веселого настроения, которое воцаряется в кругу близких, родных и боевых друзей. Ослепительно яркий луч воспоминаний придал импульс открытости, душевной искренности, поразительного восприятия времени и озарил нашу встречу, прошедшую в Москве 16 января 2013 года. Ровно тридцать лет тому назад, в этот день – 16 января 1983 года я расстался с дружной, сплоченной опергруппой Представительства КГБ СССР в провинции Балх, убыл с женой Татьяной Алексеевной в Кабул и далее в Москву.

Январь 1983 года, я считаю, должен войти в историю органов безопасности СССР как воплощение

стойкости, мужества и бесстрашия, проявленные советскими людьми на горных массивах Афганистана, как со стороны похищенных бандитами советских специалистов, так и со стороны советских военнослужащих, принимавших активное участие в освобождении сограждан из плена. Подвиг, совершенный чекистами оперативной группы провинции Балх, долгие годы находился в забвении, а причина этому – чекистская скромность, и именно на московской встрече присутствующими было принято решение приоткрыть завесу тех трагических событий. Я поднял эту проблему, и мне пришлось ею заняться. Как получилось? Оценит читатель и мои братья по оружию, дорогие коллеги «афганцы».

Тридцать лет назад все мы были молодыми, энергичными, жаждущими покорить высоты оперативной деятельности в боевых условиях, стремившимися быть достойными своих предков, выполнявших интернациональный долг в Испании, а в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов принесшие свободу и независимость народам Западной Европы. Был пример, были традиции, был долг коммуниста, было все светлое в сознании каждого, что предопределяло активный патриотический порыв. И на этом фоне хочется еще раз упомянуть этих бесстрашных, преданных присяге, чекистскому долгу патриотов Родины, моих дорогих коллег: Омара Муртузалиева, Виктора Николаевича Манца, Леонида Тихоновича Ерина, Николая Дмитриевича Михайлова, Фуата Гиюшовича Махмудова, Роберта Яновича Франциса, Александра Александровича Шабусова, Владимира Александровича Филатова, Виктора Александровича Колганова, Владимира Степановича Медведова. Также хочется отметить первого руководителя зоны «Север» Петра Николаевича Барышева, приложившего немало усилий и стараний для создания крепкого боевого коллектива советников опергруппы, и Оризшо Паямдашоевича Паямдашоева, советника 5 отдела Управления СГИ провинции Балх, которые незадолго до этих трагических событий убыли в Советский Союз.

Сидя за столом, я ощущал искреннее отношение, добродушный взгляд, теплую атмосферу и протекающий диалог, затрагивающий в основном афганские события. Вопросы, ответы, воспоминания, горечь утрат, некоторое недопонимание, сложность обстановки,

дружеские взаимоотношения, контакты, яркие личности, оказание помощи, целенаправленное воздействие и результат проводимых мероприятий, и многое другое, что переплетало и одновременно сближало в оперативной работе и проводимых боевых операциях нас с афганскими коллегами. Звучали также имена Сахры, Токада, Ханаки, Фарина, Пайгира, Пуршура, Мохаммада Нура, Турьялая, Самада Кергера и многих других афганских коллег, часть из которых в настоящее время проживает в Бельгии, Голландии и Германии, а некоторых нынешнее правительство Афганистана пригласило в страну поднимать безопасность государства.

Как ни прискорбно (что поде-лаешь, такова жизнь), и в наших рядах произошли потери. Не стало Петра Николаевича Барышева, всеми уважаемого человека, моего первого боевого учителя. Ушел из жизни Владимир Степанович Медведов, замечательный человек, преданный товарищ, боевой друг. Погиб в Прибалтике Роберт Янович Францис, отдавший Афганистану 8 лет. Смелый и отважный, преданный афганскому братству. Не брала Франциса пуля в Афгане, а тут – у себя на родине, в Прибалтике свои же прервали его жизнь. Третий тост был за этих славных боевых друзей – братьев по оружию.

В зале ресторана играл оркестр и три песни для своих боевых друзей исполнял Михайлов. Я не знал, что у Николая Дмитриевича такой замечательный голос. Есть, оказывается, и у нашего брата музыкальный талант!

Вечер подходил к своему завершению, и все присутствующие высказали слова благодарности Л.Т. Ерину и Ф.А. Ганиеву за прекрасно организованную и отлично проведенную встречу.

Был поднят тост за их здоровье, благополучие, им пожелали долгих лет жизни.

Первым покинул нас Манец, за которым приехал сын. С Виктором Николаевичем прощались тепло и пожелали ему скорейшего выздоровления и крепкого здоровья. Через час мы завершили свою встречу. Простились с Ф.А. Ганиевым, С.А. Балакаевым, Е.Г. Блиновым на выходе у метро, крепкое рукопожатие и взаимный обмен пожеланиями. Эта встреча оставила глубокий и неизгладимый след в нашей жизни.

Мой поезд отходил от Ленинградского вокзала на Санкт-Петербург в первом часу ночи. Меня проводили до самого ваго-

на мои боевые друзья, коллеги и братья-«афганцы» Л.Т. Ерин и Н.Д. Михайлов. Такое отношение дорогого стоит, и я об этом буду помнить всегда.

Подводя итоги первой двухлетней командировки в республику Афганистан, хочу отметить тот дух сплоченности, который царил в подразделениях, где работали плечом к плечу советские чекисты и афганские контрразведчики ХАД. К сожалению, после прихода в Кабуле к власти движения Талибан часть сотрудников ХАД была уничтожена. Другие покинули страну и проживают сегодня в странах Европы и в России.

Завершая свою историю, я хотел бы заметить, что всем своим успехам, в том числе продвижению по службе, правительственным наградам, я обязан одному человеку – моей единственной, любимой жене и верному другу Татьяне Алексеевне. Сквозь всю мою непростую жизнь оперативного работника она шла со мной рука об руку, деля радости и тревоги. По сей день я ощущаю ее поддержку.

Я выражаю искреннюю признательность руководству и оперативному составу Управления КГБ СССР по Ленинградской области – С. В. Степашину, Б. Н. Вязовому, В.В. Вахричеву, В. В. Черкесову, В.П. Мудрому, благодаря которым я состоялся как оперативный работник.

Особую благодарность я испытываю к чекистам Д. П. Носыреву, В.Н. Блееру, А.А. Куркову, Е. А. Ермолаеву, А. П. Корсакову, В. И. Соколову, к сожалению, уже ушедшим из наших рядов. Светлая им память.

Также благодарю азербайджанских чекистов Н.Т. Мамедова, З.М. Юсиф-Заде, Б.М. Гусейнова, оказавших мне поддержку в годы моей чекистской юности.

И ЭТО БЫЛО...!

В течение 5 лет мне приходилось участвовать в нескольких крупных войсковых операциях, и во многих локальных оперативных-войсковых мероприятиях. По сути, все дела оперучета на главарей банд подвергались тщательному анализу, их разработка находилась под контролем советника из СССР. Осуществлялся тщательный подбор, изучение и обучение кандидатов из числа источников информации для внедрения в банды и заброски их в центры афганской оппозиции в Пакистане, Иране. Также шла работа по выявлению агентуры оп-

позиции и, возможно, спецслужб Ирана, Пакистана и Саудовской Аравии.

К началу 1985 года оперативный состав афганских подразделений начал добиваться конкретных результатов по делам оперативного учета. Оперативная работа приобрела плановый, целенаправленный и поступательный характер и в этом большая заслуга советников Представительства КГБ СССР в ДРА.

По роду своей деятельности мне приходилось летать в провинции Афганистана, встречаться с советниками оперативных групп, оказывать помощь в подготовке информационного материала, наводчиков (целеуказателей) проводников (целеуказателей) проводников на базе дел оперативного учета для их реализации в ходе боевых действий. Более ценная оперативная информация через Представительство КГБ СССР в ДРА передавалась в Штаб 40 Армии.

С 26 марта по 5 апреля 1985 года на основании оперативных данных Управления службы государственной информации (ХАД) провинции Балх и отдела СГИ провинции Саманган, в уезде Хольм была проведена оперативно-войсковая операция силами 18 ПД, двух батальонов царандоя, оперативных отрядов Управления государственной информации, 122 мотострелкового полка 201 мотострелковой дивизии советских войск и мотоманевренных групп погранвойск КГБ СССР.

В ходе реализации оперативной информации Управления СГИ были разгромлены и уничтожены основные базы и исламские комитеты, находившиеся вокруг кишлака и в самом Ташкургане. В частности, разгромлены 12 исламских комитетов.

Уничтожено около 360 объектов, пленены главари Ник Мохаммед, Зазай, Фазай Мохаммед, Маджид. Указанные главари были опознаны агентурой и оперативными сотрудниками.

Захвачено в плен 145 боевиков, в том числе главари: Уста Хаким, Насим Мохаммед Амин, Султан сын Тухабеддина; 462 ствола стрелкового оружия.

В ходе операции были захвачены контрреволюционные документы, фотографии боевиков, знамена исламских партий. В плен был взят Шах Мохаммед Таки, который 4 года учился в Пакистане в военном училище города Ходратали, специалист по взрывному делу. У пленного были изъяты инструк-

ции по взрывному делу и блокнот с записями караванных маршрутов по территории ДРА.

В Хольмской оперативно-войсковой операции участвовали 137 военнослужащих СГИ. Из них 120 были задействованы в 5 десантных операциях вместе с воинскими подразделениями ДРА и СА. Потери правительственных войск составили 32 человека убитыми, в том числе 2 оперативных сотрудника СГИ, и 47 человек ранеными.

Командование афганских и советских воинских подразделений дало высокую оценку предоставленной органами СГИ информации, подготовки наводчиков и проводников, результативной работе оперативно-следственных групп на фильтрационных пунктах, отметило смелые и решительные действия двух оперативных отрядов СГИ.

5 апреля, по завершении оперативно-войсковой операции в уезде Хольм, в кишлаке Ташкурган был проведен митинг, в котором участвовало свыше тысячи человек. На митинге присутствовали руководящие работники провинции Балх и Саманган. Выступили уполномоченный ЦК НДПА по зоне «Север» Насим, старейшины, бандглаварь Уста Хаким, осудивший банддвижение, признавший силу и авторитет народной власти и призвавший местное население уезда Хольм к прекращению вооруженной борьбы против государства. Собравшимся были продемонстрированы захваченные у бандитов оружие и боеприпасы.

Результат войсковой операции был широко освещен в местной и центральной печати, по радио и телевидению, положительно воспринят населением провинции Балх и Саманган.

Оперативно-войсковая операция в уезде Хольм, длившаяся 10 дней, была самой результативной из когда-либо проводившихся военных операций в зоне «Север» и «Северо-Восток».

Хольмская операция показала возросшее мастерство и оперативный уровень подготовки сотрудников Службы государственной информации – хадовцев, четкое взаимодействие боевых оперативных отрядов СГИ, батальонов царандоя с подразделениями советских и афганских войск, ведущих борьбу с вооруженным бандитизмом.

В конце 1984 года и начале 1985 года от оперативных источников 2 отдела 5 Управления СГИ, провинциальных органов госбезопасности, а также от закордонной

агентуры стала поступать информация о переброске из Пакистана ракет класса «земля-земля» китайского производства в провинции зон «Север» и «Северо-Восток». В сообщениях оперативных источников говорилось о том, что городе Пешевар (Пакистан) во многих контрреволюционных центрах различной исламской партийной ориентации в спешном порядке стали обучать бандитов в качестве операторов по запуску ракет. Перед провинциальными исламскими комитетами была поставлена задача о регулярном направлении в учебные центры по несколько человек. В перехваченных письмах руководство центров контрреволюции относилось провинции зоны «Север» ко второму по значимости после Кабула району боевых действий. На склады бандформирований различной партийной ориентации, находящиеся в ущельях Агирсай, Телла Камар и Байрамшах в уезде Шульнара провинции Балх, стали поступать реактивные снаряды (ракеты класса «земля-земля») и другое тяжелое вооружение. Снаряжение ракетами класса «земля-земля» шло только бандитским формированиям зон «Север» и «Северо-Восток», в других зонах ДРА такой активности не наблюдалось.

С учетом ранее имевшихся оперативных данных об устремлениях бандформирований к подрывной деятельности на объектах афганно-советского экономического сотрудничества, подрывов газопроводов в сторону границы СССР и на заводе азотных удобрений, линий электропередач, совершения диверсионных акций на автодороге Хайратон – Кабул и многого другого, автором был подготовлен документ, в котором говорилось о возможном обстреле ракетами класса «земля-земля» объектов экономики в провинциях Джоузджан, Балх, Баглан, порта Хайротон, приграничной территории Советского Союза – областного центра Термез.

Информация была перепроверена и нашла свое подтверждение. Сотрудники 11 отдела представительства, обеспечивающие безопасность нахождения советских граждан в ДРА, вылетели в провинции зон «Север» и «Северо-Восток».

Через некоторое время мотоманевренные группы (ММГ) погранвойск КГБ СССР совместно с подразделениями 18 ПД, батальонов царандоя и оперативных отрядов Управления государственной информации провели оперативно-войсковые мероприятия на глубину

15-20 км от государственной границы в уездах и волостях провинций Балх и Джоуджан.

С 27 июня по 4 июля 1985 года, по оперативным данным Управления СГИ провинции Балх, по базовому району боевиков была проведена оперативно-войсковая операция силами 4 ММГ погранвойск КГБ СССР, подразделениями 1232 МСП, 18 ПД МО ДРА, двух оперативных батальона царандоя и оперотряда 5 отдела Управления службы государственной информации. В операции были задействованы: бронетехника, артиллерия, минометы и вертолеты. Использовались наводчики (целеуказатели) проводники в количестве 14 человек, подготовленные 5 отделом УСГИ. Кроме этого, командованием были предоставлены схемы расположения огневых точек, складов с оружием и боеприпасами, исламских комитетов, минных полей.

Боевые подразделения совместных войск на подступах к охраняемому базовому району встретили активное сопротивление групп бандитов. После артиллерийской, минометной обработки и нанесения авиаударов по укрепленному району бандиты, неся потери, в спешном порядке стали покидать свои позиции. Был выброшен десант, где участие принимали сотрудники СГИ. При десантировании боевики сбили три советских вертолета. Героически погибли четверо наших пограничников.

В ходе боевых действий в ущелье Акдара был разгромлен исламский комитет ИПА, а в ущелье Гордара исламский комитет ДИР. Изъято большое количество контрреволюционной документации, пропагандистских материалов, списки, фотографии активных членов банд.

В боевых столкновениях противники потеряли убитыми 191 боевика, в том числе 7 главарей банд, было уничтожено 132 ДШК, 14 стволов СО, 1 миномет, 86 схрон, 3 автомашины, склад ГСМ, 5 продовольственных складов. Взято в плен 46 бандитов, из них 4 главаря банд, захвачено 315 единиц стрелкового оружия.

По окончании операций были взорваны в общей сложности 12 пещер, оборудованных бандитами под склады и места отдыха боевиков. По информации начальника 5 отдела УСГИ провинции Балх Мохаммад Нура, вся инфраструктура укрепленного бандитских формирований ИПА и ДИР была уничтожена с использованием захваченных взрывных веществ и противопо-

хотных мин итальянского производства. Кроме этого, он отметил результативность и слаженность совместных действий советских и афганских войск, оперативных батальонов царандоя и оперативного отряда УСГИ. Одновременно Мохаммед Нур сообщил, что оперативный отряд в количестве 100 бойцов был использован командованием операции на главных направлениях штурма укрепленного района.

Командование оперативно-войсковой операции дало высокую оценку предоставленной информации Управления СГИ по укрепленному району, охватывающего ущелье Акдара и Горпдараи. К сожалению, не прошло без потерь. Отряд потерял убитыми 5 человек, а 7 бойцов были ранены.

Проведенная операция на определенное время сняла напряженность на границе провинции Балх и Джоузджан, что способствовало укреплению народной власти в данном районе Севера Афганистана.

11 сентября 1985 года меня вызвал начальник 5 отдела Представительства полковник В.В. Голованов, который направил меня на доклад по оперативной обстановке в провинциях зоны «Север» генерал-майору Н.Е. Колягину.

После доклада командующий задал ряд вопросов, остановился на базовом районе Байрамшах. Он заявил, что в ближайшее время в данном районе провинции Балх будет проведена крупная войсковая операция совместно с подразделениями афганской армии и царандоя.

С 13 по 18 сентября 1985 года по базовым районам в ущельях Агирсай, Телла Камар и Байрамшах, где находился штаб исламских комитетов и были сосредоточены в большом количестве арсеналы вооружения, силами 201 МСД СА, двух ММГ КГБ СССР, 18 ПД НВС ДРА, двух батальонов ОПС (отряда пограничной службы) и оперотряда Управления СГИ была проведена крупная войсковая операция. До выхода подразделения на исходные позиции были проведены дезинформационные мероприятия, как через оперативные источники органов безопасности, так и военной контрразведки.

Главари банд были уверены, что правительственные вооруженные силы не примут активных действий и не будут проводить боевые операции в труднодоступном горном массиве.

Руководил военной группировкой войск генерал армии М.М. За-

йцев. Войска, выйдя на исходные позиции, артиллерийским огнем обработали подступы к ущельям, а в дальнейшем ракетные снаряды выпущенные системой залпового огня «Град», стали уничтожать живую силу противника в самих ущельях. Корректировка огня велась с вертолетов. В тыл банд были заброшены 12 десантных групп, где так же находились сотрудники Управления СГИ и подготовленные ими проводники. Несмотря на большие потери в живой силе, боевики оказывали серьезное сопротивление. Незначительные потери понесли передовые части 18 ПД и бойцы двух оперативных батальонов царандоя. К исходу первого дня боевых действий плацдарм сосредоточения бандитских группировок был окружен.

В последующие дни активно были задействованы вертолеты в переброске живой силы, нанесении бомбо-ракетных ударов по очагам сопротивления, переброске боеприпасов, продуктов питания, вывозе раненых и убитых, захваченного вооружения противника.

В ходе оперативно-войсковой операции было захвачено 1987 РС (реактивных снарядов китайского производства), 44 ДШК (дополнительно к ним 21 ствол), 4 КПВТ, 9 минометов, 5 безоткатных орудий, 1 пушка 76 мм, 13 ручных пулеметов, 16 гранатометов, 637 стволов стрелкового оружия, боеприпасы.

В ходе боевых столкновений были уничтожены 362 боевика, 74 боевика с оружием сдались в плен. Были взорваны 15 пещер, где находились 12 оборудованных помещений под склады с вооружением, продовольствием и медикаментами.

Кроме этого было уничтожено 57 опорных точек и 9 исламских комитетов.

Вся эта информация, полученная в ходе оперативной работы, являлась плодом 11 дел оперативного учета на главарей банд: Мовлави Алама, Мовлави Абдул Хая, Мовлави Османа, Мовлави Ислама, Шейха Мохакека, Мохаммада Алам Сияха, Дин Мохаммада.

Для работы фильтрационного пункта была подготовлена оперативно-следственная группа из 20 опытных оперативных сотрудников и следователей Управления, которую возглавил начальник 5 отдела Мохаммад Нур. Помещения фильтрационного пункта были оборудованы оперативно-техническими средствами. В процессе операции были профильтрованы 56 человек, задержаны по подозрению в связях с боевиками 32, выявлено и опознано 10 бандитов. По информации оперативно-следственной группы, дополнительно были обнаружены 4 склада с оружием и боеприпасами. Захвачено большое количество контрреволюционной документации исламских комитетов различной партийной ориентации. Наибольший интерес представил документ, свидетельствующий о наличии агентов в подразделениях СГИ города Кабула и пароли, применяемые бандитами для связи со своей агентурой и их псевдонимы. Кроме того, документы, изобличающие главарей банд в связях со спецслужбами Пакистана, Ирана и Запада. Также были изъяты фотографии главарей, различные пропагандистские материалы и антиправительственная литература. Списки активных членов контрреволюционного подполья

легли в основу вновь заведенных дел оперучета и в дела разрабатываемых главарей.

19 сентября 1985 года власти совместно с командованием армейских подразделений в городе Мазари-Шариф по случаю разгрома боевых районов банд в уезде Шульгора осуществили показ трофейного вооружения и провели митинг, на котором присутствовало около 5 тысяч человек. Митинг открыл уполномоченный ИК НДПА по зоне «Север» Панджшири, затем выступил губернатор провинции Балх, командир 18 ПД, представители советской делегации писателей, находившихся в то время в провинции с дружеским визитом, а также ряд местных активистов.

Партийное и советское руководство СССР требовали незамедлительных действий со стороны силовых структур по устранению замыслов главарей контрреволюционных центров и спецслужб Пакистана, Ирана и США на советско-афганской границе.

Благодаря своевременному принятым мерам был нанесен ощутимый урон бандам различной исламской партийной ориентации и предотвращен обстрел территории СССР и жизненно важных объектов в провинциях севера Афганистана.

Спустя два года со стороны провинции Тахар зоны «Северо-Восток» периодически на протяжении длительного периода бандформирования стали обстреливать реактивными снарядами китайского производства приграничную территорию СССР в районе Пянджского и Московского пограничных отрядов, неся гибель мирным советским гражданам и разрушения.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ИВАНОВ

АФГАНСКИЕ ЗАМЕТКИ

Афганские события нашли свое отражение в материалах периодических изданий, во многих художественных произведениях и фильмах. Солдаты и офицеры, выполнявшие свой интернациональный долг в Афганистане, прошли через испытание войной и навсегда сохраняют в памяти те сложные и опасные для жизни дни, а также своих товарищей, которые пали смертью героев, выполняя воинскую Присягу, данную Родине. Мы были воспитаны на принципах патриотизма и любви к Родине и искренне верили в торжество идей социализма, поэтому ответственно исполняли свой интернациональный долг по оказанию помощи Афганскому народу в строительстве нового общества.

Мне, как непосредственному участнику и свидетелю происходящих в ДРА событий, хотелось бы поделиться своими воспоминаниями, которые не стали достоянием гласности, т.к. до определенного времени не подлежали оглашению, и рассказать о первых впечатлениях, которые происходили в Афганистане и предшествовали вводу наших войск в эту страну. Побудили меня к этому встречи с боевыми друзьями 15 февраля 2009 года, т.е. в день

20-летней годовщины вывода Советских войск из Афганистана, а точнее – окончания Афганской войны, также воспоминания 30-летней давности, когда я впервые приземлился в Кабульском аэропорту 1 апреля 1979 года.

Афганистан имел с Советским Союзом более чем 2300-километровую границу и в силу своего географического положения всегда оставался важным направлением для советской внешней политики. После вооруженного переворота, названного «Апрельской революцией», осуществленного 27 апреля 1978 года группой революционно настроенных афганских офицеров и свержения правительства Мухаммеда Дауда, к власти пришли лидеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). В первые месяцы новому афганскому руководству удавалось удерживать в стране стабильную политическую обстановку, однако уже в начале 1979 года из-за непоследовательной национальной политики, репрессий против религиозных авторитетов и обострившейся внутривластной борьбы в самой НДПА в стране появились протестные настроения, которые за короткое время переросли в вооруженное сопротивление власти. После прихода к власти Н.М. Тараки

Иванов Юрий Дмитриевич (р. 1937), полковник. Закончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище, Новосибирскую школу КГБ СССР, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1979-1980 гг. Владеет польским и французскими языками. За проявленную храбрость при выполнении интернационального долга в Афганистане награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть»

Митинг по случаю разгрома банд. Кишлак Ташкурбан. Апрель 1985 года

Трофеи. Окрестности кишлака Ташкурбан. Апрель 1985 года

вместе со своими единомышленниками стал проводить в жизнь свой лозунг: «Мы пройдем железным катком по Афганистану», провозглашенный им после апрельского переворота.

Первое и наиболее крупное антиправительственное выступление произошло в Герате. Была пятница, нерабочий день. Как потом оказалось, все последующие выступления в столице и в других городах проходили именно по пятницам. 14 марта 1979 года в Герате вспыхнул мятеж, часть афганских военнослужащих перешла на сторону мятежников и выступила против нового режима. Из толпы слышались крики «Бей неверных! Долой нынешнюю власть!». Разъяренная толпа ворвалась в дом, в котором проживал сотрудник представительства внешнеторгового объединения «Востокинторг» Богданов, и убила его, жена советника была жестоко избита. В тот же день был зверски убит офицер, военный советник при штабе афганской дивизии. Ему вспороти живот, туда затолкнули соломой, рот забили песком. Мятеж был подавлен. В результате артиллерийского обстрела толпы было убито и ранено более 3,5 тысяч человек. До этого мятежа слово «шурави» («советский»), без преувеличения, было святым для афганцев, и они относились к нашим гражданам с большой симпатией. Однако после того, как пролилась первая кровь советского человека, нападения на советских граждан стали происходить регулярно, поскольку к этому времени вооруженная оппозиция кабульскому режиму уже открыто связывала действия афганских властей с влиянием Советского Союза.

По мнению руководителей Представительства КГБ, основанного на информации получаемой от резидентуры и советнического аппарата при органах безопасности ДРА, события 14 марта в Герате явились явным признаком того, что в Афганистане началась гражданская война. Поэтому абсолютно не правы те политики и представители прессы, а также некоторые военные специалисты, которые утверждают, что гражданская война в Афганистане началась после ввода советских войск на её территорию, т.е. в конце декабря 1979 г.

Положение в стране и вооруженных силах ДРА усугублялось также тем, что как и во время волнений в Герате, так и в ходе последовавших за ними антиправительственных выступлений в Джелалабаде, Гардесе, Кандагаре и других горо-

дах на сторону мятежников стали переходить не только отдельные афганские военнослужащие, но и целые подразделения с оружием и боекомплектom.

В связи с усложнившейся обстановкой в Афганистане руководством КГБ СССР было принято решение об усилении кадрового состава представительства КГБ при спецслужбах ДРА. Для обеспечения безопасности посольства и советских граждан в Кабул были направлены спецназовцы, а также прибыла большая группа советников по всем линиям работы.

В период службы в особом отделе КГБ по Военным учебным заведениям в г. Ленинграде, в должности заместителя начальника, от обучающихся в военных училищах и академиях афганских офицеров оперработники, обслуживавшие спецфакультеты, получили информацию том, что в Афганистане 27 апреля 1978 года произошел переворот и к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Эти события повлияли на обучающихся в военных учебных заведениях афганских военнослужащих. Они стали проявлять живой интерес к изучению основ марксизма-ленинизма, часто обращались к нашим преподавателям с вопросами, касающимися построения нового социалистического общества. Афганцы легко шли на контакты. Указанные обстоятельства способствовали более глубокой проверке и изучению тех лиц, которые располагали реальными возможностями по освещению обстановки в землячестве и в стране, а также по возможному их дальнейшему оперативному использованию в ДРА после окончания учебных заведений. С такой категорией лиц мои коллеги, обслуживающие спецфакультеты, выходили на оперативные контакты и получали заслуживающую оперативного внимания информацию. В вузах мною был приобретен опыт оперативной работы с такой категорией лиц, который пригодился в дальнейшем во время службы в Афганистане.

1977 году я получил назначение на должность заместителя начальника первого сектора особого отдела КГБ по Ленинградскому военному округу. 30 марта 1979 года меня неожиданно вызвали в Москву. В телеграмме указывалось: «срочно направить подполковника Иванова Ю.Д. в Центр для следования в краткосрочную служебную командировку сроком до 2-х месяцев имея при себе темный костюм,

пальто или плащ, шляпу или кепи, а также необходимые туалетные принадлежности». Попытки уточнить цель командировки и страну пребывания не увенчались успехом. К исходу того же дня, через своего друга генерала Коваленко О.В., работавшего в аппарате третьего Управления КГБ СССР, мне удалось выяснить, что страна назначения похожа по своим климатическим условиям на климат в Среднеазиатских республиках СССР. Мой друг ранее проходил службу в Ташкенте и поэтому профессионально рекомендовал приобрести светлые костюмы, белые рубашки (100% хлопка) с коротким рукавом, обязательно несколько пар легкой кожаной обуви. Он также дал некоторые практические советы о проживании и питании в условиях жаркого и сухого климата.

Утром 31 марта я прибыл на экспрессе «Красная стрела» в Москву и, согласно телеграмме, поселился в гостинице «Пекин», где встретил пятерых своих однокашников по Новосибирской школе КГБ СССР. Они прибыли из различных городов Советского Союза. Мы были примерно одного возраста (40-43 года), имели практические положительные результаты в работе, большой оперативной стаж и опыт руководящей деятельности в отделах военной контрразведки КГБ СССР. Мои коллеги были одеты в черные костюмы и экипированы по рекомендациям телеграммы из Центра, я же был одет по-летнему – в светлые одежды. Каждый из нас выдумал легенду о цели приезда в Москву, которая немедленно лопнула, когда в тот же день всех нас посадили в один автобус и повезли на собеседование в главное здание КГБ СССР, а затем в административный отдел ЦК КПСС. Нам было сказано, что по поручению партии руководством КГБ СССР принято решение о направлении нашей группы в ДРА для оказания помощи в формировании органов военной контрразведки афганской армии. Такое решение принято в связи с тем, что руководитель Демократической Республики Афганистан Н.М. Тараки обратился к правительству СССР с просьбой направить в его страну на работу советников по линии КГБ СССР для оказания помощи в создании органов госбезопасности страны. Это неожиданное для нас известие было всеми воспринято достойно и ответственно, как большое доверие. Необходимо отметить, что никто из нашей группы перед направлением в заграничную командировку

не проходил обязательного, в таких случаях, медицинского обследования, наши семьи не знали, куда мы направляемся, на какой срок и с какой целью. Я, как представитель города Ленинграда и занимавший более высокое должностное положение, был назначен старшим группы.

Ранним утром 1 апреля 1979 года мы вылетели спецрейсом с аэродрома «Внуково» в Кабул. Для заправки самолет совершил посадку в Ташкенте, а затем взял курс на столицу Афганистана. Пилот объявил, что пролетаем через перевал Саланг. Мы прильнули к иллюминаторам и вскоре увидели окраины г. Кабула с глинобитными домиками, как будто прилипшими к горам, а затем, в центре, – современные строения столицы.

В аэропорту нас встретили руководители Представительства КГБ СССР в Афганистане и разместили в гостинице. На следующий день полковник Марейчев А.А., работавший в тот период в представительстве КГБ в Кабуле в качестве руководителя отдела и советника при начальнике управления военной контрразведки ДРА, рассказал нам об оперативной обстановке в стране и в вооруженных силах, каждому из нас определил конкретные задачи.

Афганская военная контрразведка традиционно входила в состав вооруженных сил страны. На определенном этапе это было удобно, так как высшие командные посты в армии занимали родственники короля и вся информация, естественно, «сливалась» к ним.

В связи с тем, что в армии сохранились старые офицерские кадры, а прослойка членов НДПА была незначительной, было принято решение вывести военную контрразведку из министерства обороны и передать ее во вновь созданный орган безопасности – Управление национальной безопасности (УНБ). К нашему приезду в ДРА уже существовало управление военной контрразведки Вооруженных сил ДРА и отделы контрразведки в трех армейских корпусах, дивизиях, также в ВВС и ПВО. Начальником управления военной контрразведки был подполковник Абдул Хак. Еще при короле и Дауде он был членом подпольной офицерской группы НДПА (Хальк). Абдул Хак уже имел серьезный опыт контрразведывательной работы в войсках. Он настороженно относился к курирующему службу безопасности члену Политбюро ЦК НДПА, заместителю премьера и министру

иностранных дел Хафизулле Амину, не одобрял политику массовых репрессий.

3 апреля полковник Марейчев представил нашу оперативную группу Абдул Хаку. Это был высокого роста, стройный, сухощавый, подтянутый, одетый в ладную военную форму офицер. В беседе произвел впечатление деликатного и интеллигентного человека. Он подробно ознакомил с оперативной обстановкой в войсках, рассказал о проблемах в подборе, подготовке и обучении кадров оперативного состава. В последующем мне неоднократно приходилось встречаться с Абдул Хаком. Он уважительно относился к нашим советникам, был внимательным, всегда отзывался на наши просьбы и пожелания, направленные на обеспечение безопасности в войсках, проведение ряда контрразведывательных мероприятий и оперативных игр с противником. Главная трудность состояла в подборе и обучении кадров. Профессиональной и специальной подготовкой руководящего и оперативного состава мы занимались в местах дислокации воинских частей Кабульского и других гарнизонов.

Обстановка в Афганистане менялась весьма динамично, без какого-либо периода адаптации пришлось сразу же окунуться в гущу событий. Уже через 3 дня после моего прибытия в Кабул я был направлен в Джелалабад, где дислоцировалась афганская дивизия. Следуя в Джелалабад на автомашине, предоставленной мне в управлении военной контрразведки, я любовался меняющимися пейзажами. От Кабула на протяжении около 25 км дорога идет по ровной местности нагорья, а затем резко уходит вниз по каньону. Асфальтированное шоссе извивается змейкой по скалистому спуску, проходит через многочисленные тоннели, виадуки и мосты. Это единственное шоссе, которое идет на Джелалабад и Пакистан. В Кабуле было сухо, влажность воздуха составляла около 15%, температура воздуха превышала 33 градуса. В Джелалабаде я почувствовал высокую влажность, как в субтропиках, так как город находится на уровне моря. Меня встретили коллеги: советник по военной контрразведке полковник Аксенов, советник по пограничным вопросам, а также советник по линии МВД. В процессе общения с ними, а затем знакомства с афганскими военными контрразведчиками и информации полученной

он них в ходе обучения методам организации оперативной работы в войсках стало ясно, что внутриполитическая обстановка в Афганистане была и остается сложной и продолжала ухудшаться. В Джелалабаде и в его окрестностях, а также в ряде других провинций появились так называемые моджахеды. Они проводили активную подстрекательскую и враждебную работу, в том числе и среди афганских военнослужащих. В результате в некоторых афганских воинских частях происходили антиправительственные выступления.

В один из дней, по окончании рабочего дня, при выходе из штаба дивизии мы обратили внимание на бронетранспортер, рядом с которым стоял человек в афганской одежде и в чалме, ствол БТР был направлен на входные двери здания дивизии. Прибыв в гостиницу, находящуюся на территории воинского гарнизона, мы через некоторое время услышали стрельбу, доносившуюся со стороны штаба дивизии.

Как выяснилось позже, при выходе из штаба по командиру дивизии из пулемета БТР был открыт огонь, и он погиб на месте. Это послужило сигналом для мятежников, и в воинском гарнизоне, располагавшемся в крепости, началась стрельба. Мятеж поддержала комендантская рота с несколькими танками. Дом, в котором размесилась наша оперативная группа, из-за шквального огня из стрелкового оружия фактически был заблокирован. Создалась обстановка, представляющая реальную угрозу нашим жизням, поэтому мы вынуждены были скрытно выпрыгнуть из окон второго этажа здания. По нам был открыт огонь из автоматов, но темнота не позволила мятежникам вести прицельную стрельбу. В этот день я впервые имел огневой контакт с противником. Под покровом темноты нам удалось подняться по лестнице на четырехметровую стену. Мы спрыгнули с нее и оказались вне территории дивизии, затем сумели укрыться в небольшом, примыкающем к забору помещении. Аксенов серьезно повредил ногу. Утром следующего дня сотрудник военной контрразведки афганской дивизии, который хорошо говорил на русском языке, так как обучался в СССР в танковом училище, разыскал нас и сообщил о положении дел в гарнизоне. Чтобы не вызывать подозрения у афганцев, он рекомендовал нам передаться в принесенные им национальные афганские одежды и обеспечил

наш выезд в Кабул на автомашине.

В Джелалабад прилетел на самолете начальник генштаба афганской армии Якуб. Убитый командир дивизии был его личным другом. Якуб приказал командиру танкового батальона направить танки в сторону тех, кто спровоцировал антиправительственные выступления в дивизии, и вскоре мятеж был подавлен. Затем в помещении построили около 120 солдат комендантской роты и других подразделений, участвовавших в мятеже. По свидетельству очевидцев, Якуб сам лично их расстрелял. Адъютант только подавал ему заряженные рожки к автомату Калашникова.

В связи с обострением обстановки в афганских Вооруженных силах в инстанциях было принято решение о создании в представительстве КГБ в Афганистане 3 отдела и дополнительном направлении советников для оказания помощи в организации работы афганской военной контрразведки в вооруженных силах ДРА. Я был назначен заместителем начальника 3-го отдела с функциями руководства нашими советниками и организации работы с руководителями управления афганской военной контрразведки, по их обучению методам оперативной работы в воинских частях и подразделениях, по добычанию информации о подрывной деятельности исламистских группировок против Демократической Республики Афганистан и их связях с Ираном, Пакистаном и США, а также о положении в зоне пуштунских и белуджских племен.

Мы обучали афганцев методам получения информации, умению оценки оперативных материалов и их реализации. Благодаря кропотливой и настойчивой работе от афганских военных контрразведчиков были получены оперативные материалы о том, что некоторые подразделения армии ДРА, участвовавшие в боевых столкновениях с бандами в приграничных территориях Афганистана, зачастую не были до конца преданы новому режиму и подвергались активной идеологической обработке моджахедами. В войсках имелось много случаев не только единичного дезертирства, но и переходы с оружием на сторону мятежников взводами, ротами и даже батальонами. С таким положением дел нельзя было смириться, и наши советники стали уделять внимание подготовке афганских коллег, организации агентурно-оперативной работы в войсках. В процессе подбора кан-

дидатов на службу в военную контрразведку мы в первую очередь рассматривали тех прогрессивно настроенных офицеров, которые обучались в военных учебных заведениях в Советском Союзе, хорошо знали русский язык, и тех, кто попадал в поле зрения особых отделов КГБ в период учебы и мог находиться у них на оперативном контакте.

Основное внимание в своей работе уделялось обучению вновь подобранных и зачисленных для службы в афганской военной контрразведке сотрудников. Целенаправленная работа с ними вскоре дала свои положительные результаты. Так, уже в мае 1979 г. были получены оперативные данные об активной деятельности Пакистанской разведки в Кабуле, действующей под дипломатическим прикрытием, по вербовке афганских офицеров. С учетом этого мною и моим коллегой полковником Масловым А.П. была оказана практическая помощь афганским военным контрразведчикам Кабульского гарнизона в разработке оперативных мероприятий по поставке проверенного и патриотично настроенного офицера штаба афганских ВВС одному из пакистанских разведчиков, действовавшему под дипломатическим прикрытием. Афганским контрразведчикам удалось конспиративно арестовать этого сотрудника пакистанского посольства и перевербовать его. Они довольно успешно провели заключительный этап этой операции. Было выявлено девять агентов из числа афганских офицеров Кабульского гарнизона. Одного агента не нашли, восемь было арестовано, так была пресечена их преступная деятельность. Это мероприятие нанесло ощутимый удар по резидентуре пакистанской разведки в Кабуле.

Необходимо отметить, что многие советники представительства КГБ находились в провинциях, удаленных от нашего Посольства, проживали среди афганцев, где обстановка была опасной и подчас угрожающей для их жизни, т.к. по ночам многие территории контролировались «душманами» и были опасения, что определенная часть афганских военнослужащих могла перейти с оружием на сторону противника. Эти риски не были виртуальными, и поэтому имели место потери среди оперативного состава. Самым неожиданным и тяжелым для меня было известие о гибели моего сослуживца, с которым мы прибыли в Кабул первым

рейсом. Выяснилось, что во время проведения афганцами операции по уничтожению бандгруппировки привлекался вертолет, в котором находились группа афганских офицеров и наш советник подполковник Жук. Когда вертолет оторвался от земли, с гор его обстреляли бандиты. Вертолет загорелся и разбился. Погибли все, в том числе и мой товарищ. У подполковника Жука в Минске проживали жена и две дочери. Мне была поручена сложнейшая и тяжелейшая миссия – посетить семью, передать личные вещи Виктора и выразить соболезнование. Горе и слезы жены и дочерей В. Жука остались навсегда в моей памяти.

По долгу работы мне приходилось многократно выезжать в города Кандагар, Хост, Герат, Газни и другие провинциальные центры, где дислоцировались афганские воинские гарнизоны, в них находились и наши военные советники.

В связи с обострением обстановки и мятежом, вспыхнувшим в афганской дивизии в октябре 1979 года, пришлось вылететь на вертолете в г. Гардез. При заходе на посадку вертолёт был обстрелян и получил повреждения, но пилоту удалось удачно приземлиться. В течение 2-х дней наша группа, в которую входили и военные советники, подвергалась постоянным обстрелам. Вместе с афганскими военными контрразведчиками удалось выявить зачинщиков мятежа, но многие из них, прихватив оружие и часть вооружения, покинули свои подразделения и перешли на сторону антиправительственных сил.

После Апрельской революции в афганских вооруженных силах произошла замена только высшего руководства. Весь остальной личный состав оставался на своих местах. Как и при короле и Дауде министерство обороны Афганистана поддерживало тесный контакт с Министерством обороны СССР. Многие афганские офицеры окончили различные военные учебные заведения. В мае 1978 года в афганских воинских частях находилось более 400 офицеров ВС СССР, назначенных военными советниками. Они занимались боевой подготовкой афганцев. К концу 1989 года их уже насчитывалось более 1 200 человек. Их оперативным обеспечением занимались работники органов военной контрразведки, которые были закреплены за резидентурой. В декабре 1979 года заместителем председателя КГБ генералом армии Циневым было принято решение возложить оперативное

обеспечение группы советских военных советников на представительство КГБ в ДРА. Заместителем руководителя представительства по военной контрразведке был назначен генерал-майор В.Б. Багнюк.

К осени 1979 года во все центральные ведомства ДРА, включая министерство иностранных дел, стали прибывать из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Украины, Сибири, среднеазиатских республик советники по самым различным направлениям. Естественно, все советники приезжали в ДРА по согласованию с руководством страны. Они рьяно взялись за работу по строительству в ДРА «социализма» на свой лад, используя собственный опыт работы в своих регионах без учета специфики Афганистана. Многие специалисты впервые выехали за границу и совершенно не учитывали, что в этой стране много представительство других государств и что в ДРА активно действуют их спецслужбы.

В Кабуле самостоятельно работали резидентуры ЦРУ, а также английской разведки, имевшей устойчивые позиции в Афганистане. Они проводили целенаправленную работу по Советскому Союзу, в частности, по вербовке наших граждан. Наибольшую активность на территории Афганистана вела разведка Пакистана. Она имела крупную резидентуру в Кабуле и разветвленную агентурную сеть, в том числе в афганских войсках и в учреждениях, где работали советские специалисты.

В сентябре 1979 года произошли события, которые резко обострили внутрисоветскую обстановку в Афганистане и в дальнейшем стали одной из основных причин ввода советских войск в эту страну. В начале сентября на следующий день после возвращения Н.М. Тараки из поездки в Гавану Х. Амин выступил по национальному радио и неожиданно для всех обвинил влиятельных сторонников Н.М. Тараки – героев Апрельской революции – министра управления национальной безопасности А.Сарвари, министра обороны Ватанджара и министра внутренних дел Гулябзоя в «предательстве завоеваний Апрельской революции». Поскольку Н.М. Тараки не поддержал эти обвинения, то Х. Амин заявил о предательстве идеалов Апрельской революции и самим Н.М. Тараки, обвинив генсека НДПА вдовабок в попытке убить его самого. 16 сентября 1979 года Х. Амин собрал пленум ЦК НДПА. Обрисовав сложность обстанов-

ки и «заговор» министров против него, Амин, заявил, что «если будет сообщено, что Тараки просит освободить его по состоянию здоровья, то советские товарищи возражать не будут», поэтому многие члены ЦК НДПА сочли, что этот вопрос согласован с советским правительством. Обладая большим влиянием в армейских кругах, Х. Амин склонил на свою сторону начальника генерального штаба афганской армии Якуба и взял под контроль армию, поэтому возражать ему никто не решился. Х. Амин заключил Тараки под домашний арест и приблизительно через месяц после этого бывший лидер Афганистана был задушен в своей спальне.

Придя к власти, Амин стал преследовать всех тех, кто был сподвижником Тараки и участвовал в Апрельской революции. Были получены достоверные оперативные данные о том, что Амин приказал арестовать и уничтожить влиятельных сторонников Н.М. Тараки А.Сарвари, Ватанджара и Гулябзоя, однако нашим советникам при спецслужбах ДРА удалось их скрытно вывезти на грузовой автомашине ГАЗ-66 на военно-воздушную базу Баграм, где находилась группа советских войск. Там в качестве советника начальника военной контрразведки гарнизона находился коллега – полковник Дадыкин. Нам была поставлена задача обеспечить беспрепятственный въезд на аэродром указанной автомашины и безопасный проезд ее к самолету. 18 сентября 1979 года мы встретили на подъезде к аэродрому ГАЗ-66 сопровождали его, следуя впереди на легковом автомобиле, до стоянки самолета, готового к вылету. Грузовик с тремя министрами, укрытыми в специально подготовленных ящиках, подъехал к фюзеляжу самолета. Самолет немедленно взлетел и взял курс на Ташкент. Вся операция прошла успешно. Но для Амина и других его сподвижников, знавших А.Сарвари, Ватанджара и Гулябзоя, остался открытым вопрос: «Куда же делись министры?»

Для быстрого реагирования на складывающиеся в войсках ситуации и своевременного доклада руководству представительства КГБ о происходящих событиях мне и моим коллегам-советникам пришлось выходить на круглосуточное дежурство в управлении афганской военной контрразведки.

После ликвидации Тараки в армии и в государственных учреждениях, несмотря на чистки, которые проводились Амином, было много

сторонников Тараки, не согласных с той линией, которую проводил Амин. В этом плане характерными были события, которые произошли в Кабуле в октябре 1979 года. Вечером от заместителя начальника афганского управления военной контрразведки я получил информацию, что в седьмой дивизии мятеж. Были получены предварительные данные о том, что из танков расстрелян узел связи дивизии и танковый батальон якобы двинулся на Кабул. Были опасения, что если этот батальон подойдет к нашему посольству, то могут быть очень тяжелые последствия. В дивизии находилось три военных советника и один советник по линии военной контрразведки, но связь с ними была потеряна. Руководителем представительства КГБ Богдановым Л.П. мне была поставлена задача выехать в мятежный гарнизон для уточнения обстановки.

По линии командования военным советником генералом Гореловым была дана команда поднять полк командос, который дислоцировался в крепости «Балахисар», чтобы окружить дивизию, кроме того планировалось поднять вертолеты для нанесения удара.

Через некоторое время в представительство прибыл мой коллега, советник отдела военной контрразведки указанной дивизии полковник Ю. Поликашин и доложил, что так называемые мятежники выступают под лозунгами: «Да здравствует товарищ Тараки!», «Да здравствует дружба между Советским Союзом и Афганистаном!». Стало ясно, что это сторонники Тараки, а не какие-то «моджахеда». Как выяснилось, танковый батальон не поднимал восстания, а из гарнизона вышла только комендантская рота с тремя танками для участия в учениях артиллерийского и пехотного полков дивизии, спланированных нашими военными советниками.

Для того, чтобы оправдать себя, некоторые военные советники, в том числе и высокого ранга, пытались свести дело к тому, что указанное выступление в дивизии якобы организовали парчамисты и чуть ли не при содействии советников из числа сотрудников КГБ СССР. Я должен отметить, что такие заявления были абсолютно несостоятельны, т.к. мы не владели далеко идущими планами руководства страны о замене Амина на посту руководителя НДПА и возможным приходе на руководящие посты в стране Бабрака Кармаля, так как эта информация была засекречена,

о планах знало ограниченное количество руководителей страны, КГБ, а также Министерства обороны СССР. Мы не собирали информации о парчамистах, не вели против них агентурной работы. Парчамистов я увидел впервые только в январе 1980 года, когда к власти в стране пришло новое руководство.

Захватив власть, Х. Амин усилил репрессии не только против «парчамистов», но и против сторонников Н.М. Тараки внутри крыла «Хальк». Чистки в партии сопровождались пытками и расстрелами. Продолжалось физическое уничтожение и религиозных деятелей. Х. Амин также активизировал бомбардировки центральных районов Афганистана и инициировал карательные операции в зоне проживания пуштунских племен на границе с Пакистаном.

С первых дней пребывания в воинских гарнизонах наши советники обратили внимание на то, что некоторые руководители из афганской контрразведки появлялись на работе уставшими, взъерошенными, со следами грязи на ногах. Через некоторое время выяснилось, что такое их состояние было связано с ночными расстрелами, которые проводились по личному указанию Амина. Некоторые находящиеся на личном контакте афганские офицеры рассказывали, как проводятся пытки людей и каким образом из них выбиваются «чистосердечные» признания. Было установлено, что для этого они активно использовали полевые телефонные аппараты с токами низкой частоты. Ликвидация людей получила условное название «отправить в Пакистан». Стало ясно, что террор в стране приобретает все более широкие масштабы и по этой причине вспыхивали антиправительственные выступления.

Разъясняя афганским военным контрразведчикам основы оперативной работы, мы постоянно проводили мысль о том, что органам безопасности нельзя решать задачи путем массовых арестов, пыток и расстрелов без суда и следствия. Они соглашались с этим, но мы через агентуру знали, что аресты практически захлестывают представителей всех слоев общества: торговцев, феодалов, интеллигенцию, армию и духовенство.

Такая ситуация беспокоила руководство КГБ, поэтому оперативным работникам были даны строгие указания не принимать участие и не присутствовать при арестах, допросах и других проводимых афганцами мероприятиях, которые бы

могли скомпрометировать наших советников. Рекомендовалось заниматься с афганскими военными контрразведчиками оперативной подготовкой, обучением методам вербовки агентуры, использованием других сил и средств по выявлению враждебных или преступных замыслов со стороны противника, анализу информации и разработке мер противодействия.

Свои карательные акции афганские власти не согласовывали с нашими и военными советниками, всячески маскируя их под различными предложениями. Однако Х. Амин публично не переставал упоминать о дружбе с Советским Союзом и последовательном претворении в жизнь идеалов Апрельской революции. Политика Х. Амина не только подрывала международный авторитет Советского Союза, но и компрометировала советскую внешнюю политику в глазах афганского населения, которое связывало репрессии властей с политикой СССР.

Такое положение не могло устраивать руководство нашей страны, и поэтому с конца октября 1979 года в Центре стали прорабатываться планы устранения Х. Амина. Главная ставка шла на смещение Х. Амина делалась на руководство «Парчам» во главе с Бабраком Кармалем. По замыслу Центра «парчамисты» при поддержке «халькистов» – сторонников Н.М. Тараки, которые перед лицом общей угрозы были готовы вновь объединиться с «парчамистами», должны были совершить вооруженный переворот в Кабуле и захватить власть. Для этого у них, якобы, была своя агентура в гвардии, охранявшей Дворец народов, которую должны были поддержать оппозиционеры в армии. Сигналом к перевороту должен был стать подрыв «колодца», в котором стыковались основные линии связи и силовые кабели, питавшие центр Кабула, в том числе Дворец народов. Взрыв должен был обесточить центральную часть города и лишить Х. Амина связи. Действия афганцев должна была поддержать рота пограничников на БРДМ, которая находилась в Кабуле для охраны Посольства.

Операция была назначена на 14 декабря 1979 г. Около 9 часов вечера прозвучал взрыв. Свет в городе погас, и нависла крошечная тьма. Однако ожидаемого активного выступления сторонников К. Бабрака не произошло, операция была отменена. Как выяснилось, сведения «парчамистов» об их позициях в гвардии, а также в воинских частях

Кабульского гарнизона и возможностях по захвату власти своими силами и устранению Х. Амина были сильно преувеличены. Стало ясно, что боеспособной оппозиции Х. Амин в НДПА нет. Назначенная на этот день оперативная операция развития не получила. Бабрак Кармаль и его команда улетели обратно в Ташкент.

После провала операции руководством представительства КГБ перед нами была поставлена задача постоянно отслеживать изменение в оперативной обстановке в афганских воинских гарнизонах, знать планы командования афганских частей и подразделений и в случае получения сигналов о возможной подготовке войск к движению для решения указанных задач я вместе с переводчиком лейтенантом Ахмеджановым выехал на автомашине ВАЗ-2103 в расположение 4-ой танковой афганской бригады, дислоцированной примерно в 20 км от Кабула, недалеко от тюрьмы «Поличархи». На КПП к нам подошел афганский офицер, он придирчиво осмотрел наш автомобиль, спросил, кто мы, поинтересовался целью приезда и, несмотря на предъявленный специальный пропуск, выданный в генштабе ДРА, разрешил нам въезд на территорию гарнизона только после длительных согласований с кем-то по телефону. Это насторожило нас, т.к. раньше наших советников всегда пропускали в афганские воинские части фактически без проверки. Мы подъехали к зданию, где размещался отдел военной контрразведки. Прежде чем зайти в здание, я дал указание В. Ахмеджанову остаться в автомашине, предупредив: если я не появлюсь в течение 10-15 минут, он обязан посетить отдел для уточнения причины моей задержки.

Зайдя в здание, я увидел, что перед дверью помещения, в котором размещался отдел военной контрразведки бригады, стоял вооруженный солдат и при моем приближении он вскинул автомат и крикнул «дриш!» (стой), при этом палец держал на спусковом крючке. Я был в советнической форме песчаного цвета, без оружия. Афганские военнослужащие узнавали нас по этой форме одежды и всегда относились с почтением, были предупредительны и вежливы. Зная психологию рядовых афганцев, которые называли нас «муша-

вер саиб» (в переводе – господин советник), я решил действовать молниеносно и нагло: отодвинул в сторону ствол его автомата и зашел в отдел. В комнате я увидел сидящих на скамье начальника майора Юсуфа, подчиненного ему оперработника со связанными колючей проволокой руками, а также старшего лейтенанта, афганского политработника одного из танковых батальонов, который был вооружен и при моей попытке выйти из помещения отдела перегородил дверь. Объяснений с ним не могло быть, т.к. он не владел русским языком, а я не говорил на дари.

Как и было условлено, в назначенное время в отдел зашел переводчик Ахмеджанов и по моей просьбе уточнил у афганского политработника: «почему задержаны офицеры?». Тот ответил, что получил приказ из штаба. Обстановка была непростой и требовала срочных решений. Я потребовал, чтобы политработник сходил в штаб дивизии, который находился на удалении примерно 400 м от здания афганской военной контрразведки, и доложил, что в отдел прибыл советник, который требует дать разъяснения, на каком основании задержаны сотрудники военной контрразведки. Офицер согласился, вышел и дал указание вооруженному солдату никого не выпускать из помещения. Убедившись, что политработник вышел из здания, мы освободили руки задержанных, уточнили: «есть ли в отделе оружие?». Начальник отдела сказал, что пистолеты у них изъяли, но под столом им сделан схрон, из которого было изъято 3 автомата и боеприпасы к ним. Ахмеджанов попросил солдата зайти в помещение, тот подчинился и тут же был обезоружен. Мы срочно вышли из помещения отдела, закрыв на ключ дверь, за которой остался афганец и вместе с начальником отдела срочно сели в нашу автомашину и выехали с территории дивизии минуя КПП, по вспомогательной дороге, которую показал Юсуф. Выскочив на автотрассу, я до пола нажал педаль акселератора, на предельной для ВАЗ-2103 скорости домчался до Кабула и въехал в ворота посольства. Юсуф рассказал, что его арестовали из-за того, что он является дальним родственником Гулябзоя. Он благодарил за спасение, называл меня страшим братом. Прощаясь, сказал, что вынужден будет скрываться. Позже, после прихода к власти Б. Кармала, он продолжил службу в военной контрразведке.

Срыв операции 14 декабря по-

будил руководство к поиску новых альтернативных решений. 20 декабря 1979 г. обстановка в Кабуле серьезно изменилась. В этот день Х. Амин переехал из дворца Арк, который располагался в центре столицы, в новую резиденцию – дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине города. Кроме того, в тот же район переехали министерство обороны и генеральный штаб афганской армии. Необходимо отметить, что Тараки и Амин, начиная с марта 1979 г., постоянно ставили вопрос о вводе наших войск. На этом настаивал Х. Амин и после того, как убрал Тараки.

25 декабря в 15.30 по Московскому времени наши войска начали пересекать границу Советского Союза с Афганистаном. Ввод войск проходил по нескольким направлениям. В Кабул прибыла группа из главного оперативного управления Генерального штаба Советской армии для проведения рекогносцировки. Они разрабатывали различные варианты развития событий. В ночь с 25 на 26 декабря в Кабуле десантировалась 103-я воздушно-десантная дивизия, с её приходом закончилось сосредоточение в Кабуле основных сил для проведения операции «Байкал-79».

Одновременно с десантниками в Баграм был доставлен так называемый «мусульманский батальон» Главного Разведывательного Управления ГШ МО СССР, сформированный из военнослужащих с восточной внешностью и одетых в афганскую военную амуницию. Операция была назначена на 27 декабря. Она была разделена на два этапа: первый – нейтрализация руководителей и захват основных объектов силами спецподразделений КГБ СССР с приданными силами воздушно-десантных войск и подразделений ГРУ. На втором этапе задача по поддержанию порядка и стабильности в стране возлагалась на части и подразделения Советской армии.

По линии Представительства КГБ в мероприятиях по нейтрализации афганских войск были задействованы все советники по линии военной контрразведки с задачей не допустить выхода афганских гарнизонов за их пределы и, с этой задачей они, в тесном взаимодействии с военными советниками, справились успешно.

Штурм дворца Тадж-Бек начался 27 декабря. В 19.15 прогремел взрыв, затем началась постоянная стрельба. Главная часть операции по основным объектам заняла всего 40-45 минут. Единственным

объектом, где столкновения продолжались сверх этого срока, оказался дворец Тадж-Бек. Х. Амин был убит во дворце в ходе боевых действий. К сожалению, при штурме дворца из числа сотрудников КГБ было ранено 17 человек, пятеро убиты.

Одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек начался штурм дворца народов Ханэе Хальк, который охранялся афганской гвардией. Мне была поставлена задача во взаимодействии со штурмовой группой, в которую входили военный советник полковник В. Никифоров, офицеры и военнослужащие воздушно-десантных войск, внезапно ворваться на 4-х боевых машинах десанта (БРДМ) на территорию дворца и не допустить выступления афганских гвардейцев. С привлечением двух находящихся на оперативном контакте афганских офицеров нашей группе удалось внезапно проникнуть в здание, блокировать комнаты с оружием и фактически обезоружить более 600 афганских военнослужащих. Благодаря неожиданному и решительным действиям нашей оперативной группы и десантников удалось не допустить перестрелки и бесконтрольного перемещения по территории гарнизона афганцев, избежать кровопролития. После штурма в Представительстве КГБ стали приезжать с места событий мои коллеги – чекисты, которые участвовали в указанных выше операциях. Многие из них находились в состоянии психологического шока и не в силах были докладывать, как все происходило, как они действовали. Всем участникам этих событий были вручены государственные награды. 1979 год закончился, операция была проведена успешно. В тесном взаимодействии подразделений КГБ со спецназом ГРУ удалось не допустить утечки информации, сохранить тайну и обеспечить внезапность. Непосредственные участники штурма проявили высокий профессионализм и самый настоящий героизм.

Напряженные моменты случались у каждого из нас. С точки зрения личной безопасности самыми сложными для военных контрразведчиков-советников стали первые месяцы после ввода советских войск в Афганистан, когда в Кабуле и ряде провинций начались массовые антисоветские выступления. Используемая противником тактика организации засад вооруженными бандгруппами оказалась неожиданной и для нас, и для на-

ших военных, привыкших к безопасной жизни в Советском Союзе. Массовые волнения, выступления бандформирований, переход на их сторону афганских военнослужащих стали непосредственно угрожающим фактором для жизни оперативных сотрудников представительства КГБ, работавших в афганских воинских гарнизонах. Возвращаясь на автомобиле «Жигули» поздним вечером вместе с коллегами из управления военной контрразведки ДРА, в районе мечети неожиданно оказались в окружении разгневанной толпы. Афганцы стали плывать на лобовое стекло, бить кулаками по автомашине и бросать металлические предметы и камни, в результате чего заднее стекло разбилось. Находящийся за рулем наш сотрудник Л.М. Луценко не растерялся, включил звуковой сигнал и, резко прибавив скорость, прорвался сквозь толпу. Афганцы не ожидали такой «наглости» и быстро отскакивали от автомашины. По прибытии в Представительство мы при осмотре автомашины обнаружили пробоину на багажнике, которая была сделана металлическим предметом типа секиры.

Ввод советских войск в Афганистан не предполагал участие наших военнослужащих в боевых действиях с антиправительственными силами. Однако обстановка в Афганистане продолжала ухудшаться. Гражданская война расползлась по всем провинциям. На территории Пакистана обособились наиболее радикальные мусульманские организации с такими лидерами, как Хекматъяр, Раббани и др., которые выступали противниками нового режима. Спецслужбы Пакистана начали активно сотрудничать с этими организациями, готовить на своей территории боевые группы и забрасывать их на территорию Афганистана. Зачастую выступления этих группировок в Афганистане носили организованный характер. Чувствовалось, что организована нелегальная связь между целым рядом отрядов мятежников, которые уже обладали техническими средствами и современным вооружением. В этих условиях афганские войска не смогли противодействовать таким акциям, их попытки были неэффективными, носили эпизодический характер. Планируемые в афганских штабах боевые операции против «моджахедов» становились достоянием противника по причине предательства.

Некоторые политологи говорили, что наши войска были введены

чуть ли не с миротворческими целями, т.е. как миротворческие силы. Но это было их заблуждением, т.к. уже шла гражданская война и ею была охвачена вся страна. Наши войска вошли в Афганистан в самый острый период, они не могли занимать нейтральную позицию и поэтому вынуждены были участвовать в боевых действиях на стороне того режима, который поддерживался Советским Союзом. Оценивая обстановку в Афганистане, первый заместитель министерства обороны СССР маршал Соколов в январе 1980 г. на встрече с руководящим составом сказал: «Знаете, чего я больше всего боюсь? Самое страшное, что эта афганская армия вся разбежится и мы останемся один на один с массой мятежников на всей территории страны».

С 27 по 29 января 1980 г. состоялся частный, закрытый визит Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в Афганистан. Естественно, что некоторые руководители надеялись на аудиенцию с ним.

Накануне мой непосредственный начальник, заместитель руководителя Представительства КГБ генерал-майор Багнюк В.Б. дал мне указание: на основе информации, поступающей от наших советников, работающих с афганскими военными контрразведчиками в воинских афганских гарнизонах, подготовить аналитическую справку об оценке работы афганской военной контрразведки и с этой позиции – о состоянии дел в армии. Естественно, мне не было известно, для каких целей готовится этот документ.

28 января 1980 г. генерала Багнюка заслушал Ю.В. Андропов, который наряду с указанной выше тематикой затронул вопросы борьбы с бандформированиями и дал указания: наряду с решением других вопросов сосредоточить работу советнического аппарата на оказании помощи афганским контрразведчикам по добыванию информации о противнике и более активном участии наших советников в работе по обучению афганцев методам внедрения во враждебные и бандитские группировки с целью из разложения и компрометации. Ю.В. Андропов положительно оценил деятельность наших советников, работающих с афганскими военными контрразведчиками.

После отъезда из Кабула Ю.В. Андропова, к сожалению, обстановка в стране и ее вооруженных силах не улучшилась. В феврале продолжалось наращивание боевых столкновений афганских во-

оруженных сил с мятежниками и бандформированиями в большинстве провинций страны. В проведение боевых операций активно включалась группировка ограниченного контингента советских войск.

22 февраля 1980 года в посольстве был организован прием по случаю очередной годовщины Советской армии. Я и генерал В.Б. Багнюк были приглашены лично руководителем представительства КГБ в ДРА Л.П. Богдановым на этот праздник в связи с присвоением ему воинского звания «генерал-майор». На приеме присутствовало большое количество гостей, в том числе представители дипкорпуса, а также государственного и партийного руководства ДРА. Через некоторое время стало известно, что в центре Кабула начались беспорядки и идет непрерывная стрельба. Праздник был испорчен. В сопровождении офицеров «Альфы» Б. Кармаль и сопровождавшие его лица срочно выехали в правительственную резиденцию.

Я и генерал В.Б. Багнюк вынуждены были покинуть посольство, собрать наших советников – работников 3-го отдела Представительства КГБ. Перед ними была поставлена задача – уточнить обстановку в воинских частях Кабульского гарнизона и совместно с афганскими военными контрразведчиками принять меры по недопущению перехода афганских военнослужащих на сторону мятежников. Кутру стрельба стала менее интенсивной, обстановка немного успокоилась. Афганцы создали штаб по ликвидации выступлений. 23 февраля состоялось совещание, на котором присутствовали члены политбюро ЦК НДПА, афганские руководители силовых структур, посол Ф.А. Табеев, маршал С.Л. Соколов и ряд руководителей представительства КГБ. Речь шла о мероприятиях по наведению порядка в Кабуле. В городе стояли наши войска, все перекрестки контролировались бронетехникой Советской армии.

На встрече с начальником управления афганской военной контрразведки Абдул Хаком, в которой участвовали заместитель руководителя представительства генерал Багнюк, начальник 3-го отдела представительства Марейчев А.А. и я, рассматривались вопросы активизации агентурно-оперативной работы в войсках по противодействию разведывательным устремлениям спецслужб к афганским военнослужащим, а также экстремистским проявлениям в

войсках. Багнюк поинтересовался, как Абдул Хак оценивает ситуацию в войсках и сколько времени будет продолжаться борьба с моджахедами и бандитами. Абдул Хак задумался, а потом ответил: «Я думаю, десять лет, а возможно, и дольше».

Обстановка в Афганистане продолжала оставаться сложной, улучшений не чувствовалось, наши войска все больше и больше втягивались в боевые действия. В апреле 1980 года руководством Представительства КГБ было принято решение: оперативной группе, в которую входили руководители отделов по линии территориальных органов и военной контрразведки, вылететь в ряд провинций для изучения обстановки на местах и уточнения, какие меры на местах принимают афганцы по борьбе с бандформированиями, анализа ситуации и выработки дополнительных мер противодействия противнику при участии афганских подразделений и Советских воинских частей. Нам выделили два вертолета МИ-8. Я был включен в состав опергруппы. 19 апреля двумя вертолетами мы вылетели в Герат, шли на высоте около 4 тысяч метров. По пути следования сделали остановку в Кандагаре, где я встретился со своим коллегой, а также с военными советниками при командире афганской дивизии. Обсудили с ними проблемы, касающиеся проведения совместно с афганской стороной мер по изучению противника с позиции внедрения в бандгруппы, и другие вопросы. Через некоторое время вылетели в Шинданд, на военно-воздушную базу, на которой базировались афганские и советские самолеты. На аэродроме нас встретили начальник особого отдела дивизии и наш советник при отделе афганской военной контрразведки. Они проинформировали нас о тех изменениях, которые произошли за последнее время в оперативной обстановке. Сообщили, что накануне с аэродрома вылетела пара самолетов для ликвидации бандитской группировки, самолеты зашли в облака. Один из них вернулся на аэродром, а второй пропал в горах, поэтому была дана команда – все полеты запретить до особого распоряжения. Запрет был дан по всем войскам, и нам пришлось коротать время на аэродроме. Через несколько часов нам дали разрешение, мы вылетели в Герат, где приземлились примерно через 30 минут. Нас встретил полковник Н.Белов, военный со-

ветник при командире афганской дивизии, а также наш советник при отделе афганской контрразведки подполковник М. Мальцев. На аэродроме мы обратили внимание на подозрительную группу вооруженных бородачей, стоящих недалеко от самолетов и от вертолетов, на которых прилетели. Стрелок-радист привел в боевую готовность пулеметы. За нами прислали автомашину «Волга» и БТР. Экипажи остались охранять и оборонять вертолеты. После ужина в резиденции губернатора мы заслушали доклады об оперативной обстановке, ознакомились на картах и схемах с расположением афганских войск и подразделений Советской армии, были даны некоторые рекомендации, касающиеся получения оперативных данных о противнике, по внедрению агентуры в бандитские формирования, подставе некоторых проверенных агентов противнику для выявления его замыслов.

На следующий день наша группа вылетела в г. Хост. На аэродроме нас встретил военный советник при командире афганской дивизии полковник Е. Николаев. На мой вопрос, почему нас не встретил начальник отдела военной контрразведки афганской дивизии, он ответил, что капитан Али вылетел на охоту. Минут через тридцать Али прилетел на вертолете, я узнал, что он ежедневно вылетает в окрестности Хоста на вертолете и «из пулемета гоняется» за бандгруппами, это он условно называл охотой. Пришлось разъяснить Али, который ранее окончил в СССР военное училище и хорошо говорил на русском языке, в чем состоят основные принципы оперативной работы. Ему была оказана помощь в подборе 2-х афганских офицеров, которые были зачислены в штат отдела военной контрразведки. Через три дня я возвратился в Кабул.

Драматично развивались и события в провинции Газни, в которую в июле 1980 года я был назначен руководителем оперативной зоны. В состав оперативной группы кроме меня входило 10 человек оперативного состава спецназа «Альфа». Мы прибыли на двух вертолетах и разместились в брошенной афганцами казарме при небольшом аэродроме. Условия были спартанскими, т.к. отсутствовали элементарные условия для жизни. Нам достались солдатские кровати с металлической обрешеткой, все «удовольствия» можно было совершить только на

улице, был дефицит воды для умывания. Через несколько дней нам доставили матрасы и постельные принадлежности. Мы тесно контактировали с командованием советского мотострелкового полка, разместившегося примерно в 15 км от Газни, а также военными контрразведчиками Особого отдела КГБ СССР, обслуживающими полк. Для нас было большим счастьем 1 раз в неделю выезжать в полк в установленный для нас день, где была возможность посещать полевую баню и где нас угощали вкусной пищей, по которой соскучились: борщом, супами, сельдью, картофелем и черным хлебом.

Поездки в полк нами проводилась конспиративно от афганской стороны как по времени, так и по дням недели, но такие предосторожности не всегда спасали нас от обстрелов. Причина заключалась в том, что из Центра для оперативного состава Представительства КГБ СССР были выделены автомашины «Нива» белого цвета, три из них находились в распоряжении нашей группы. Такие автомашины в Афганистане появились впервые, и мои коллеги стали в шутку называть их «чековозки» (возили чекистов). Автомашин «Нива» на афганских дорогах было немного, они выделялись белым цветом и дизайном. Нами была получена оперативная информация от одного из афганских источников, что к противнику просочилась сведения, кто перемещается на таких автомобилях. Мы и наши коллеги в провинциях и в Кабуле через некоторое время стали понимать, что огонь из стрелкового оружия будет открываться именно по автомашинам «Нива». Пришлось через афганскую службу безопасности сменить эти автомобили на марки менее приметных автомашин.

В октябре 1980 г. моджахеды активизировались и стали ежедневно, особенно в ночное время, обстреливать Газни не только из огнестрельного оружия, но и из артиллерийских орудий и минометов. При взаимодействии с военными советниками при афганской дивизии нами были разработаны планы уничтожения бандгруппировки, которая, по полученным достоверным оперативным данным, укрывалась в горах пригорода Газни. В назначенный день при совершении марша афганской военной колонны бронетранспортеров и другой техники, следовавшей к месту предстоящего боя, она была об-

стреляна из орудий и минометов. В результате часть техники была уничтожена, погибло несколько афганских военнослужащих. Один из снарядов попал в правое переднее колесо БТР, где кроме афганцев находились я и военный советник полковник Н. Князев. Мы были контужены, нам помогли выбраться из БТР.

В процессе расследования, проведенного афганскими военными контрразведчиками, стало известно, что планы командования о проведении операции по уничтожению бандформирования стали известны противнику из-за предательства одного из афганских офицеров штаба дивизии, он был арестован и, со слов афганцев, отправлен в тюрьму «Поличархи».

Хотелось бы отметить, что все сотрудники 3-го отдела Представительства КГБ СССР находились в отдаленности от Центра – в афганских воинских гарнизонах, проживали среди афганцев и подвергались риску, но, несмотря на это, они успешно справились с возложенными на них задачами по оказанию помощи новому режиму в создании и организации работы органов безопасности в Вооруженных силах ДРА. Они активно работали со своими «подсоветными» по оказанию на них выгодного влияния и установления надежных доверительных отношений для получения ценной информации.

Из Газни меня доставили на вертолете в Кабул и поместили в больницу нашего посольства, где я прошел длительное и квалифицированное лечение, а затем был направлен в Москву.

В самолете, следовавшем через Ташкент в Москву, в соседнем со мной кресле летел сержант десантных войск. Красивый молодой человек с орденом Красной Звезды на груди. Для него война закончилась, так как в бою он потерял правую руку. Я был свидетелем встречи этого парня с его родителями. Мать и отец обрадовались, увидев сына, их глаза светились, они выражали радость и восторг, но, когда родители вдруг увидели, что сын их калека, они сникли, поседели и постарели в один миг. Мать тихонько гладила пустой рукав сына и горько плакала. До сих пор в моей памяти сохранились эти события, и я часто вспоминаю этого достойного и мужественного воина, при этом на глаза от волнения невольно наворачиваются слезы.

По прибытии в кадры 3-го Управления КГБ СССР я получил лестные предложения на долж-

ность заместителя начальника Особого отдела КГБ армии сначала в Ташкент, а затем в Ригу, но от них отказался, т.к. моя семья проживала в Ленинграде и я, конечно, рвался к ним.

Участие в Афганской войне позволило мне по-новому оценить всю ситуацию, пересмотреть свое отношение к службе и жизни, к семье. Я твердо решил вернуться в Ленинград и поэтому написал рапорт о том, что согласен быть назначенным с понижением в должности на 2 ступени вниз (в ДРА я занимал должность заместителя начальника 3-го отдела Представительства КГБ СССР и затем начальника оперативной зоны в Газни, которые приравнивались к должности заместителя начальника отдела армии) и обратился с просьбой направить меня в Особый отдел КГБ Ленинградского военного округа, в котором я проходил службу с 1961 года. Я вернулся в Ленинград на прежнюю должность – заместителя начальника 1-го сектора, которую я занимал до отъезда в Афганистан.

После возвращения в Ленинград я через год, в апреле 1982 года, по рекомендации начальника второй службы Ленинградского Управления КГБ Ф.А. Мясникова (ныне генерал-майор в отставке), с которым мы первым рейсом прибыли в Кабул и подружились в Афганистане, был назначен начальником Выборгского городского отдела УКГБ по Ленинградской области. Службу в органах госбезопасности завершил в августе 1988-го.

Я выражаю искреннюю благодарность Федору Алексеевичу Мясникову за назначение, поддержку и товарищескую помощь. Переход из военной контрразведки в территориальные органы КГБ был своевременным и важным для меня, т.к. в новых условиях работы удалось отвлечься от тяжелых мыслей, которые длительное время преследовали меня после возвращения с Афганской войны.

Происходящие в последние 20 лет события, связанные с экспансией исламского экстремизма на территории России и активизацией исламских террористических групп по всему миру, позволяют сделать очевидный вывод о том, что в 70-80-е годы, благодаря целенаправленной работе по добыванию информации о структуре, лидерах и каналах финансирования исламистских группировок, внедрению в их состав нашей агентуры, проведению мероприятий по внесению недоверия и раскола между руководителями исламских движений,

проведению совместно с нашими военными войсковых операций по уничтожению их баз на территории Афганистана, удавалось в значительной степени локализовать деятельность экстремистов на территории ДРА и не допустить их проникновения в нашу страну. В начале 90-х годов, после распада Советского Союза, вся эта нечисть быстро распространилась в нестабильные регионы России, а Афганистан в настоящее время остается основным центром мирового терроризма и распространения наркотиков.

Американцы же, наоборот, стремились противостоять Советскому Союзу во всех регионах мира, снабжали исламистов на территории Пакистана оружием и деньгами, породив Аль-Каиду, которая вскоре ударила по ним самим и с которой они не могут справиться до настоящего времени.

Афганистан стал бесценным уроком, который позволил мне в дальнейшем лучше разбираться в людях и понять истинные и ложные ценности в жизни. В Кабуле я познакомился с коллегами из Ленинградского Управления КГБ СССР – моими боевыми товарищами Ф.А. Мясниковым и А.Т. Ибрагимовым. Позже, уже работая в Выборге, я подружился с участником боевых действий в ДРА Ю.Н. Журавским. Периодически встречаюсь со своими друзьями, а также с теми коллегами, которые также принимали активное участие в боевых операциях. Мы поддерживаем друг друга, делимся своими воспоминаниями, проводим патриотическую работу среди молодежи, участвуем в мероприятиях, посвященных окончанию Афганской войны. В суровых и сложнейших условиях мы – чекисты, прошедшие через горнило Афганской войны, проверили себя и свои характеры, скрепили нашу дружбу и, несмотря на небольшой период времени пребывания в этой стране, прошли большую жизненную школу, сегодня остаемся самыми верными и надежными друзьями.

Я искренне благодарен всем боевым товарищам, с которыми пришлось пройти через калейдоскоп афганских событий.

*Апрель 1979 – октябрь 1981 гг.
Кабул – Джелалабад – Кандагар –
Хост – Герат – Гарdez – Газни.*

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАРПЕКИН

АФГАНСКИЕ ЗАПИСКИ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

15 февраля 2009 года исполнилось двадцать лет с того дня, как советские войска вышли из Демократической Республики Афганистан. А 27 декабря 2009 года – тридцатая годовщина ввода наших войск в ДРА. Долгие дни, месяцы и годы между этими датами – это период жестокой войны, время проявления нашими солдатами и офицерами мужества и героизма, время испытания на прочность огромного количества людей, время незабываемых горьких потерь.

Героические и одновременно трагические афганские события, непосредственными участниками которых были и сотрудники Управления КГБ СССР по Ленинградской области, все дальше уходят в историческое прошлое. Ленинградские чекисты участвовали во многих успешных спецоперациях, главная из них – штурм дворца Тадж-Бек («дворец Амина»). События эти остаются в душе и сердце каждого из нас как память о верности принятой Присяге, боевому чекистскому братству, об исполненном долге. Для каждого направленного в Афганистан это был не столько приказ, сколько проявление руководством

высокого доверия, которое было оправдано с честью. Чекисты сумели пройти и выполнить задачу там, куда не смогли попасть лучшие американские спецназовцы – в овечьные легендами пещеры Тора-Бора. В Афганистане был приобретен колоссальный опыт в различных направлениях чекистской деятельности.

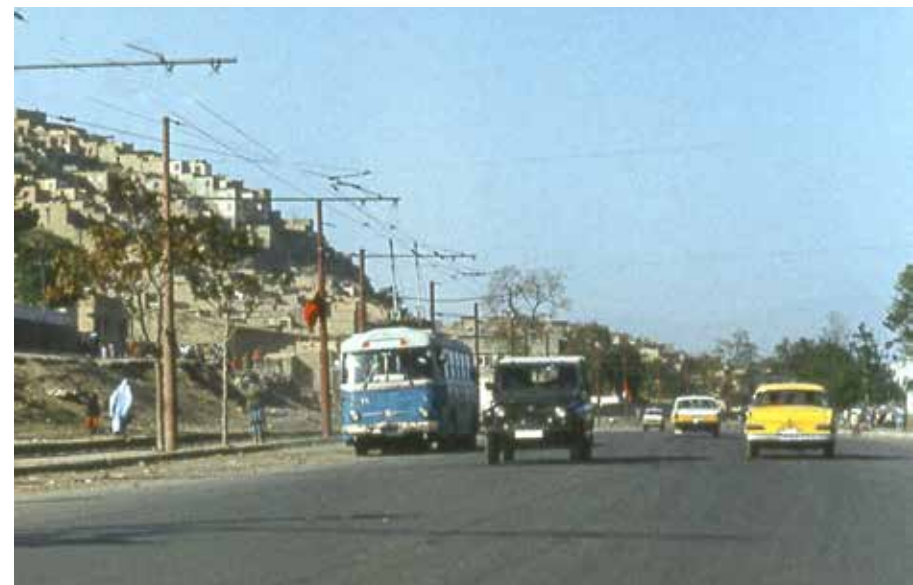
Мы никогда не забудем боевых товарищей-чекистов, достойно служивших в Шенданте, Кандагаре, Баглане, Герате, Джелалабаде, Хосте, Парване, Кабуле, Мазари-Шарифе, в других городах и провинциях Афганистана. Они с честью прошли дорогами той войны, работали над становлением и укреплением Службы государственной информации, по разложению банддвижения, получали и реализовывали информацию о передвижении караванов с оружием, о складах боеприпасов, о замыслах и планах душманов, защищая с оружием в руках интересы нашей Родины.

Честь и слава вам, дорогие воины-интернационалисты!

Вечная память и слава нашим боевым друзьям, которых домой к скорбящим родным доставил печально известный самолет АН-12, прозванный «Черный тюльпан».

Карпекин Сергей Васильевич (р. 1947), подполковник. Окончил Ленинградский механический институт, Краснознаменный институт КГБ СССР. Находился в республике Афганистан в 1980-1984 гг. Владеет дари и английским языками. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» правительства ДРА

Справа налево: А. А. Григорьев, С. В. Карпекин и Н. М. Калугин перед отъездом в Афганистан. 1981 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

Воспоминания об афганских событиях неотрывно связаны со многими людьми – моими товарищами по работе в аппарате советников Представительства КГБ СССР, в Службе государственной информации (СГИ), а по-афгански сокращенно – ХАД) ДРА, сотрудниками резидентуры, офицерами спецподразделения КГБ «Каскад» и спецподразделения МВД «Кобальт», офицерами штаба 40-й армии, Представительства Министерства обороны СССР в Министерстве обороны ДРА, разведчиками 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии, руководством советской комендатуры в афганской столице. Особое место в этом списке занимают мои земляки, сотрудники Управления КГБ СССР по Ленинградской области.

Память хранит и воспомина- ния о наших подсоветных афган- цах, с которыми за три года и три с половиной месяца работы в ДРА удалось сформировать довери- тельные отношения, отношения искренней дружбы, проверенные не только по качеству реализован- ной политической и оперативной информации, но и в боевых усло- виях – во время многочисленных оперативных мероприятий в Ка- буле и прилегающих уездах и во- лостях, бомбоштурмовых ударов и войсковых операций. С ними

вместе приходилось совершать переходы под палящим солнцем по каменистым тропам, по покры- тым глубокой глинистой пылью дорогам, мерзнуть зимой в горах. К сожалению, кто-то из них погиб в борьбе за революционную идею (и в большинстве своем это были наиболее преданные нам люди). Кто-то проживает в России и быв- ших советских республиках, кому- то пришлось искать пристанища в других странах...

...Всегда одним событиям пред- шествуют другие, и трудно преду- гадать дальнейшее развитие ситу- ации после свершившегося факта: связь между ним и конечным ре- зультатом зачастую никак не про- сматривается. А результат этот может оказаться диаметрально противоположным ожидаемому. И только по прошествии какого- то времени и после глубокого всестороннего анализа проявляет- ся неуловимая ранее причинно- следственная связь. А за это время люди, огромное количество лю- дей, ни о чем не подозревавших, в силу обстоятельств, политических решений руководства страны, верности своему гражданскому и военному долгу, вовлекаются в стремительный и захватывающий водоворот событий, оказывающих глубокое влияние на их судьбы и жизни. Я имею в виду Апрельскую (Саурскую) революцию в Афгани- стане 1978 года и наших парней, которых после возвращения до- мой стали называть «афганцами».

...У майора Людмилы Дмитри-

евны Грибовской, нашего заслу- женного ветерана, в ту пору был знакомый афганец, член пришед- шего к власти крыла «Хальк» («На- род») Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Этот халькист получил из дома литературу и поделился ею с Люд- миллой Дмитриевной. Это были маленькие красные книжечки – одни на афганском языке, другие на русском. На обложках тех и других золотом были вытиснены слова: «Саурская революция» и изображен герб ДРА. По внешне- му виду книжечки выглядели как цитатники Мао Цзэдуна времен китайской «культурной револю- ции». Там кратко описывались со- бытия накануне революции и ее развитие. Повествование пестрело словом «товарищ», которое встре- чалось буквально в каждой строч- ке, а иногда в одной строчке по не- сколько раз в связи с упоминанием имен Тараки, Амина, Ватанджара, Гулябзоя и других лидеров, заняв- ших впоследствии высокие пар- тийные и государственные посты.

С большим интересом следили мы в прессе и по сообщениям ис- точников за развитием ситуации в этой далекой, интересной и от- ставшей мусульманской стране с древнейшей историей, корни ко- торой уходят к временам расцвета буддизма, стране, одной из первых признавшей молодую Советскую Россию. И теперь новые полити- ческие деятели выбрали анало- гичный путь развития – путь, по которому вслед за СССР пошли десятки других стран на разных континентах. Они обратились к нашей стране за всесторонней по- мощью и поддержкой: политиче- ской, экономической и военной. Разумеется, такая помощь стала оказываться подобно тому, как предоставлялась она Кубе, Ан- голе, Сирии, Вьетнаму, Южному Йемену, Северной Корее и другим государствам. Советский Союз протянул руку помощи, невзирая на собственные экономические проблемы. С точки зрения поли- тической морали речь не шла об экспорте революции, поскольку апрельские революционеры дей- ствовали самостоятельно, в усло- виях строгой конспирации, и для СССР эта революция явилась пол- ной неожиданностью. Вместе с тем до настоящего времени не стиха- ют дебаты по поводу проявленно- го вероломства и использования призыва о помощи для свержения режима Амина.

Время показало, что одних марксистско-ленинских револю-

ционных лозунгов для удержа- ния завоеваний недостаточно. И одной только братской эконо- мической помощью здесь дел не поправишь. Подавляющее боль- шинство руководителей и членов НДПА были весьма далеки от простого народа, от его чаяний и надежд, поскольку принадлежали либо к землевладельцам, либо к офицерской элите в армии и по- лиции, либо к немногочисленно- му просвещенному слою интелли- генции, либо к многочисленной мелкой буржуазии (крупной про- сто не было) – торговцам-дука- нщикам, владельцам мастерских, гостиниц, ресторанов. Так что эта революция была не крестьянской и не пролетарской, а был это мел- кобуржуазный военный перево- рот под лозунгом строительства социализма. Нужно добавить, что крепкие узы феодальных родопле- менных отношений, с одной сто- роны, скрепляли между собой все вышеперечисленные сословия, а с другой – становились преградой при решении задач общегосудар- ственного характера. В частности, традиционный в этой стране на- циональный вопрос (по числен- ности большинство – пуштуны, затем – таджики, потом идут ха- зарейцы, узбеки, белуджи, инду- сы и другие национальности) в структуре НДПА материализовал- ся в виде двух фракций – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Представители халькистов в ос- новном по национальности были пуштуны, выходцы из кочевых племен. Пуштуны традиционно составляют офицерскую элиту во- оруженных сил, полиции и спец- служб. При короле они пользова- лись большими привилегиями за заслуги в борьбе с англичанами. Так что более многочисленное и организованное крыло «Хальк» можно охарактеризовать как пуш- тунско-офицерское. В отличие от него крыло «Парчам» – более мно- гонациональное, оно охватывало передовую интеллигенцию и мел- кую буржуазию. Землевладельцы были как среди халькистов, так и среди парчамистов.

Оглядываясь назад, приходишь к выводу о том, что недостаточно усердное изучение афганскими революционерами «первоисточ- ников», недооценка ими полити- ческой, экономической, нацио- нальной, религиозной обстановки в стране, копирование советских революционных лозунгов – все это сослужило плохую службу, и не только им самим. Возможно, если бы эти политические деятели

в период подготовки революции находились в рабочем контакте с соответствующими советски- ми представителями, последние смогли бы отговорить их от по- спешных, непродуманных дей- ствий, имеющих до сих пор, на протяжении более тридцати лет, тяжелейшие последствия для на- родов Афганистана. Эти события имели трагические последствия и для СССР, на долгие годы увязше- го в скрывавшейся от народа во- йне, истощенного безвозмездной помощью не только Афганистану, но и другим своим последовате- лям, понесшего в ДРА многоты- сячные потери убитыми и ране- ными, погрузившегося в трясины застоя. Афганская проблема при- близила и углубила в СССР эконо- мический и политический кризис, завершившийся распадом страны.

Убийство главы государства и НДПА Нур Мухаммеда Тараки по указанию его ближайшего спод- вижника «товарища» Хафизуллы Амина послужило катализатором для принятия членами Политбюро ЦК КПСС беспрецедентного поли- тического решения о проведении спецоперации в Афганистане и о вводе туда «ограниченного воин- ского контингента» в составе 40-й армии. Необходимость названных действий объяснялась потом для всех нас стратегической важно- стью для СССР этого региона, на- шего «подбрюшья», куда стреми- лись попасть американцы, чтобы установить в горах Гиндукуша свои РЛС и ракеты. Вот теперь они туда вошли, РЛС и ракеты все еще не установили, поскольку заняты по- исками террористов и Усамы Бен Ладена, и так же, как и мы много лет назад, несут вместе со своими союзниками потери и ищут выход из афганской проблемы.

Очевидно, что принятые в СССР «на самом верху» после длительных обсуждений решения имели долгосрочную перспективу и, по большому счету, были на- правлены на мирное созидание, на развитие в этой стране образо- вания, строительства, сельского хозяйства, медицины, создание национальной промышленности, укрепление обороноспособности, народной милиции и спецслужб. Для участия в интернациональной миссии был привлечен огромный аппарат советников Министер- ства обороны, МВД, КГБ, геоло- гов, строителей, учителей, врачей. Но одно дело – планировать, а совсем другое – должным обра- зом выполнять поставленную за- дачу, устраняя допущенные при

планировании ошибки, на ходу перестраиваясь в соответствии с изменением обстановки. А ошиб- ки и просчеты, допущенные «на самом верху», были, и обстанов- ка год от года менялась не в луч- шую сторону. А когда вслед за Л.И. Брежневым один за другим стали покидать наш мир и другие члены Политбюро ЦК КПСС (Д.Ф. Усти- нов, А.А. Громыко, К.У. Черненко, Ю.В. Андропов), принимавшие эти решения, пришла мысль о том, что все они – как сговорились, – быстро вышли, громко хлопнув афганской дверью, и оставили стране тяжелую проблему на мно- гие годы.

В Афганистане строились мо- сты, тоннели, дороги, медицин- ские и учебные заведения, стране оказывалась огромная гумани- тарная помощь. Советские и аф- ганские войска охраняли важные государственные, военные, хозяй- ственные объекты. Проводились успешные военные операции. Од- нако эти меры не подкреплялись искренним стремлением чиновни- ков к налаживанию новой жизни. Несмотря на все усилия, не уда- лось преодолеть иждивенческие настроения, стремления решать свои задачи нашими руками. Но- вая власть по многим причинам была не готова к преобразова- нию государства, а многонацио- нальный, глубоко религиозный афганский народ, сохранявший незыблемость феодальных родо- племенных отношений, не воспри- нимал политику НДПА, разруша- ющую многовековой уклад жизни.

ПОДГОТОВКА В МОСКВЕ

Совершенно неожиданно 1 октября 1979 года три сотрудни- ка Управления КГБ СССР по Ле- нинградской области: капитан Константин Хафизович Вергасов, капитан Вагиф Алиевич Алиев и я, старший лейтенант Сергей Ва- сильевич Карпекин, получив до- брое напутствие от заместителя начальника Управления генерал- майора Александра Петровича Корсакова, оказались в Москве, где стали слушателями специ- ального факультета В-10 одного из учебных заведений КГБ СССР. «В» означало «восточный язык», 10 – срок подготовки 10 месяцев (в отличие от В-5, где учились «пятимесячники», уже имевшие определенные языковые навыки). У тех и других главная задача – из- учение экзотического языка фар- си (персидский) либо еще более

экзотического – дари (дари – это фарси-кабули, то есть кабульский диалект персидского языка). Занятия проводились ежедневно и более чем интенсивно. В основном по четыре часа с преподавателем и плюс самоподготовка с магнитофоном – занимайся хоть всю ночь и воскресенье. Помимо этого проводились занятия по спецдисциплинам. Слушателями обоих факультетов были сотрудники разных национальностей из различных республик и городов: Азербайджана, Армении, Башкирии, Белоруссии, Грузии, Дагестана, Литвы, Молдавии, Украины, Чечено-Ингушетии, республик Средней Азии, Красноярска, Новосибирска, Москвы, других городов. Всего человек сорок пять в возрасте примерно от 27 до 40 лет. Уровень языковой подготовки к концу обучения, а оно на моем факультете продлилось не десять, как планировалось, а тринадцать месяцев, соответствовал восьми семестрам языкового вуза (полный курс восточного языка – десять семестров). Учебники имелись только по курсу фонетики. Его мы освоили месяца за три, а затем нашими учебниками стали персидские газеты и записи радионовостей агентства «Рейтер» на фарси и дари. В языковых группах было по четыре-пять слушателей, что позволяло на протяжении занятия выговориться каждому. Своеобразный язык, который называют «французским языком Востока» (а еще говорят, что «язык фарси сладок»), не давал нам покоя ни днем ни ночью. Поставленную задачу необходимо было выполнить.

В один из дней в конце ноября перед началом занятий прозвучала команда «Построиться!». Слушатели обоих факультетов выстроились. Начальник объекта попросил сделать шаг вперед добровольцев для участия в выполнении специального задания. Все сделали этот шаг в едином порыве. Он поблагодарил слушателей, отпустил их на занятия и вместе с руководителями факультетов отправился изучать личные дела. Выбор был сделан в отношении трех слушателей факультета В-5, имевших специальную подготовку и неплохие языковые навыки. Вскоре они покинули объект, а возвратились только в середине января 1980 года, после выполнения боевой задачи в Кабуле. Все были награждены правительственными наградами. Их встретили как героев, первыми вступившими на ту дорогу, к которой всех нас готовили. Несмотря

на многочисленные вопросы товарищей по учебе о характере выполненной задачи, о событиях и ситуациях, участниками которых они являлись, парни держались достаточно сдержанно, ничего не говорили. Все как положено. К их возвращению мы уже знали о произошедших в ДРА событиях, однако официальная скудная информация не могла нас удовлетворить. Из радионовостей агентства «Рейтер» и газетных публикаций на фарси и дари мы имели возможность следить за развитием ситуации, но ее освещение шло с позиций наших политических и идеологических противников.

Позже, уже в Афганистане, из разговоров с участниками тех событий можно было реконструировать весь ход спецоперации – что, где и как происходило в последние дни уходящего 1979 года, и самому побывать в этих местах. События тех дней были скрупулезно описаны их участниками, своевременно доложены по инстанциям в виде телеграмм, отчетов, записок и докладов. Давно уже все многоотные материалы на эту тему проанализированы, многие документы опубликованы. Но у каждого афганца в памяти и в сердце остается свой Афганистан.

Развитие событий в те декабрьские дни с исторической, политической и оперативной четкостью описано в воспоминаниях Андрея Таледовича Ибрагимова, работавшего в то время в кабульской резидентуре. Каждый сотрудник являлся одним из звеньев сложного и мощного механизма, понимал высокую ответственность за порученное ему дело и исполнил свой долг.

ДРУГИЕ УЧАСТНИКИ СПЕЦОПЕРАЦИИ 27 ДЕКАБРЯ 1979 ГОДА

Сергей Александрович Чернухин, старший лейтенант Управления КГБ СССР по Горьковской области, участвовал в штурме дворца Амина в составе одной из групп численностью 18 человек. В эту же группу входил сотрудник из Управления КГБ СССР по Ленинградской области Виталий Захарович Щиголов. В ноябре все группы под руководством полковника Г.И. Бояринова были собраны на Курсах усовершенствования офицерского состава (КУОС) в Балашихе. В течение нескольких дней они прошли дополнительные тренировки и инструктаж, получили задание и спецрейсом вылетели в

Ташкент. В аэропорту их встретил сотрудник Особого отдела, разместил в военной гостинице. Персоналу было дано указание постояльцам не мешать, вопросов не задавать. Воспитанный персонал гостям не мешал и вопросов не задавал, искренне полагая, что это группа готовящихся к запуску космонавтов – все как на подбор красивые крепкие парни. Командир группы утром и вечером ходил на связь с Москвой, ожидая условной фразы. В напряженном ожидании прошло несколько дней, и наконец – вылет. Самолет приземлился в аэропорту Баграм. Группа разместилась в палаточном городке, где собрались участники спецоперации. Все были одеты в афганское обмундирование. Будущий руководитель государства Бабакар Кармаль тоже прибыл туда. Чтобы отличить своих во время операции, использовалась белая нарукавная повязка из перевязочных материалов. Опять потянулись тревожные дни подготовки и ожидания часа «Ч». Как-то вечером один из парней затянул под гитарный перебор песню из кинофильма «По ту сторону» «На безымянной высоте», в которой были слова: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...» Остальные 17 парней дружно и не очень деликатно попросили исполнителя сменить репертуар.

Во время штурма дворца Сергей Чернухин получил пулевое ранение в ногу. Был награжден орденом Красной Звезды. Вновь приехал в ДРА в 1981 году.

Федор Анатольевич Коробейников, майор Управления КГБ СССР по Красноярскому краю, командовал группой, которая штурмовала знаменитую тюрьму в местечке Поле-Черхи (в переводе – «Мост с мельницей»), построенную немцами (ФРГ) в пустынном месте на юго-восточной окраине Кабула, недалеко от магистрали Кабул – Джелалабад. С высоты тюрьма выглядит как колесо, лежащее в центре прямоугольника – высокой стены со сторожевыми башнями. А колесо – это круглое здание, внутри которого шесть внутренних дворов. Там, в тюрьме, наряду с уголовными преступниками содержалось несколько тысяч подвергавшихся жестоким пыткам политзаключенных – оппозиционеров аминскому режиму, среди которых были руководители и члены крыла «Парчам», религиозные деятели, члены семьи Нур Мухаммеда Тараки. Группа Коробейникова также находилась

в Баграме в режиме ожидания. Ее задача – не допустить уничтожения людей, провести среди заключенных фильтрационную работу, освободить незаконно арестованных политических и общественных деятелей.

С Федором я познакомился весной 1981 года на вилле «Каскада» в Кабуле, когда он руководил одной из групп этого спецподразделения. В большинстве своем члены групп спецназначения – это талантливые люди, прекрасно владеющие специальными знаниями и навыками, имеющие чувство юмора, поэтически и музыкально одаренные. О тех декабрьских событиях и стремительных штурмах были сложены песни, которые, несмотря на строжайшие запреты, моментально распространились на магнитофонных кассетах на Родине. Среди них были песни-баллады с описанием конкретных событий и участвующих в них людей. Иногда бралась либо мелодия известной песни военных лет, либо популярная мелодия из кинофильма. Многие из них мы слышали еще в Москве. Вот слова одной из песен о группе Федора Коробейникова:

*К нам пришел в палатку Федя
с озабоченным лицом
И с прискорбием объявил нам,
хоть держался молодцом:
«Брать мы будем в чистом поле,
отказаться не с руки,
То ли Пуле, то ли Поле,
знаю только что Черхи...»
Хоть в буржуйке дров уж нету,
жарко в споре молодцам.
«Как же взять нам крепость эту?» –
спорим мы и тут и там.
Силы как расставит, спорим, –
ох, дебаты нелегки,
Как нам взять же эту Поле,
эту долбану Черхи?
Наконец-то есть решение,
все расселись по местам,
И теперь уже не в споре
будет жарко молодцам.
Понеслись, готовясь к бою...
Ох и стены велики
В этой Пуле или Поле,
в этой крепости Черхи!*

Далее речь шла о перипетиях этого штурма, о завязавшемся бое с самоходной артустановкой афганцев, их яростном противодействии. И все это с юмором, который появился уже после завершения операции, а во время атаки было совсем не до шуток – например, когда одна из боевых машин заехала в канализационный коллектор тюрьмы и застряла. Несмотря

на возникшие проблемы, боевая задача была блестяще выполнена. Ф.А. Коробейников был награжден орденом Боевого Красного Знамени; высокими государственными наградами были награждены и другие офицеры.

КОНЕЦ УЧЕБЫ

Настало лето Олимпиады-80. Москва опустела, поскольку незваных гостей в город не пустили, неблагонадежных предупредили, склонных к психическим расстройствам изолировали. И наш факультет переехал из Москвы на один из загородных объектов. «Пятимесечники», как и планировалось, уже улетели в страну с жарким климатом. Прощаясь, товарищи по учебе выражали надежду на предстоящую встречу в ДРА. И хотя нам во время учебы говорили, что предстоит трехмесячная командировка, каждый понимал, что тремя месяцами дело не ограничится – просто нерентабельно отвлекать офицеров от службы для изучения языка в течение года и направлять их в командировку за границу на такой короткий срок. Конечно, начальству виднее, но здравый смысл должен же быть! Как оказалось впоследствии, здравый смысл имел место. И когда мы прибыли в Кабул, генерал В.Н. Спольников, начальник представительства, нам все объяснил: три месяца – это только начало. Три месяца – это срок для того, чтобы только ознакомиться с работой, а вся работа нас ожидает впереди. Три месяца, как он сказал, это только с дуканами ознакомиться. На практике короткая командировка являлась своего рода испытательным периодом, по истечении которого сотрудникам предлагалось ее продление.

Во время московской Олимпиады умер Владимир Высоцкий, песни и голос которого дороги всем нам уже много лет. А осенью умер известный французский певец, песни которого также до сих пор трогают сердца людей своим лиризмом и тревожной мелодичностью – Джо Дассен.

Период обучения был продлен, и вот в ноябре наконец-то успешно сданы экзамены и пройдена мандатная комиссия. Нам предоставили отпуск и назначили день сбора.

В декабре все слушатели вновь встретились в одной из московских гостиниц. Сдали партийные билеты в орготдел ЦК КПСС, получили синие (служебные) заграничные

паспорта, прошли инструктаж. Вылет спецрейса из аэропорта Внуково был назначен на 15 декабря 1980 года. Багаж – не более двадцати килограммов.

ДАЛЕКИЙ КАБУЛ

Ранним утром группу из 12 человек (примерно половина моего выпуска) привезли в аэропорт Внуково. Спецрейс – это самолет ТУ-134, принадлежавший погранвойскам КГБ СССР. Погранвойска в ту пору возглавлял генерал Матросов, поэтому такие спецрейсы называли еще «матросовскими». Нам предстояло загрузить свой багаж и многочисленные посылки – коробки с написанными на них фамилиями получателей в Кабуле. Забрел рассвет. В иллюминаторе – пустое поле аэродрома, по которому какими-то кривыми языками пробегает снежная пойма. Самолет начал движение. Я увидел одинокую фигуру аэродромного техника. Он заметил прощальный взмах моей руки и помахал в ответ. Так было приятно! В самолете по трансляции включили пленку с популярными в те времена песнями Джо Дассена. Честно скажу, что от этих песен на душе стало грустно и тревожно. Впереди нас ожидал Афганистан.

Полет с посадкой для заправки в Ташкенте продолжался несколько часов. По виду обработанных земельных участков безошибочно можно было сказать, что мы пересекли границу и летим уже над афганской землей – бескрайние наши поля сменились небольшими участками возделанной земли разного цвета: зелеными и коричневыми. Потом под крылом потянулись заснеженные горы с глубокими ущельями.

Под вечер самолет начал заходить на посадку, снижаясь и совершая круг над Кабулом. В лучах заходящего солнца были видны улицы и дома, площади, протекавшая через город река, телевышка на горе в центре города, на возвышенности – старинная крепость Бала-Хисар, внутри которой виднелась военная техника; стройные ряды домов «старого» (его еще называли «советским») и «нового» микрорайонов, в пригороде под крылом появился и проплыл назад огромный прямоугольник тюрьмы Поле-Черхи со своим «колесом». Середина декабря, а снега нет и в помине (за исключением горных вершин), только желто-коричневая земля, черные камни,

голые деревья и лишь иногда темно-зеленые сосны.

Самолет остановился, мы вышли и принялись за разгрузку. Иногда налетали порывы ветра, поднимавшие тучи пыли и катившие сухие клубки перекати-поля. Было много встречающих. Но оказалось, что встречали не нас. Люди явились за своими коробками-посылками. Когда все разъехались, за нами прибыли два микроавтобуса представителя с водителями-прапорщиками. Солнце ушло за горы, и короткие сумерки ментально перешли в ночь. Первое испытание мы прошли сразу после выезда с территории аэродрома: в свете фар на шоссе вдруг возникла фигура немецкого солдата в характерной каске с рожками и шинели мышиного цвета с широкими обшлагами на рукавах, с наведенным на нас автоматом ПППШ. «Немец» (впрочем, он явно был не арийского происхождения – смуглый и с черными усами) издал ранее не известный нам раскатистый клич «Дрр-е-е-ш!», звучавший так, как будто был рожден в глубине его желудка. Водитель остановил машину, и тут же к нему в боковое окно заглянул другой «немец», но не в каске, а в немецкой суконой солдатской фуражке (или это кепка?) с козырьком и опускающимся на уши и затылок верхом. Водитель с ним перекинулся шепотом условными словами, обе фигуры исчезли во тьме, и мы двинулись дальше к городу. Оказалось, что уже наступил комендантский час и для передвижения по городу нужно знать пароль и отзыв. А «дреш» – это «стой» на языке пушту, которым мы не владели. По дороге на водителя посыпались наши вопросы и о комендантском часе, и в отношении странной формы, и есть ли на реке пароходы. А когда вдвали над городом появились многочисленные огоньки – не небоскребы ли это? Он засмеялся, сказал, что действительно небоскребы и что завтра мы увидим и небоскребы, и пароходы. Нас разместили на вилле неподалеку от посольства. Эта вилла называлась «Широнинской», поскольку там какое-то время до отъезда в Хост проживал наш земляк Борис Александрович Широнин. Конечно, жил он там не один, но почему-то благодаря именно ему этот топоним закрепился в нашем кабульском сообществе на несколько лет (а с самим Борисом Александровичем я познакомился уже после возвращения из командировки).

Рано утром нас разбудил мулла

– рядом находилась мечеть, на минарете которой было установлено два «колокольчика», многократно усиливавших истонные призывы к правоверным совершить утренний намаз. Появился мальчишка с осликом, приглашая далеко слышными криками «Шир о ши-и-и-р!» купить у него свежее молоко. Так начался первый день в Афганистане. Вскоре каждого из нас вооружили пистолетом и автоматом с запасом патронов, ввели в курс дела, ознакомили с оперативной обстановкой, с продвижением земельной реформы (несколько позже, когда все спохватились, она стала называться земельно-водной, так как оказалось, что без воды урожая не будет, а воду в арык можно дать, но можно ее и перекрыть, сидя с пулеметом на горе, и направить в другой арык, на другой земельный участок), с проблемами в национальном и религиозном вопросах, с особенностями взаимоотношений с подсоветными. Нам рекомендовалось не подпадать под их влияние, не позволять втягивать себя в существовавшие политические интриги, проявлять осмотрительность. Особое внимание обращалось на вопросы личной безопасности, безопасности пребывания в этой стране советских граждан и учреждений. Структура СГИ (Службы государственной информации) практически повторяла структуру КГБ, и работа представительства велась по всем направлениям. Вновь прибывших распределили по провинциям и участкам работы. Из моего выпуска в Кабуле остались я и еще один сотрудник. Чаше всего в Кабуле оставались москвичи, которых в провинциях почти не было (центр есть центр). Вагиф Алиев получил назначение в Мазари-Шариф, Константин Вергасов – в Джелалабад. Моим участком работы стал Провинциальный отдел Управления СГИ по городу Кабулу и Кабульской провинции.

В отношении пароходов на реке Кабул могу сообщить, что ни в декабре, ни в каком другом месяце года они там не появлялись. Не было там даже и простых лодок, тем более подводных. Набережные, кое-где с чугунной оградой, не являлись преградой для многочисленных домашних хозяек (а также их хозяев), чтобы спуститься к реке для стирки белья, мытья посуды и пр. Забавно было видеть, как сидят люди в ряд у воды на корточках, работа кипит: кто-то чистит кастрюлю, кто-то зубы,

кто-то стирает, здесь же закипает самовар (кстати, афганцы искренне считают, что слово «самовар» исконно афганское). Что касается небоскребов, то при свете дня стало понятным наше заблуждение: гора в центре города, на которой возвышается телевышка, вся застроена глинобитными домиками, стоящими на крышах один у другого, и все они поднимаются над городом метров на сто пятьдесят, в ночное время своими светящимися окнами создавая иллюзию небоскребов. В напряженные, с оперативной точки зрения, и тревожные дни под вышкой включались мощные зенитные прожектора, свет которых достигал окружающих город гор и освещал даже самые темные закоулки.

Не встречавшееся в процессе изучения персидского языка слово «духан» встретилось и материализовалось буквально на следующий день после прибытия в Кабул. В отличие от грузинского «духан», означающего то же самое, что по-русски «кабак», на дари это слово означало почти все, что касается вопросов купли-продажи, включая и место, где можно перекусить. Но в одних дуканах действительно бывает почти все, а вот другие специализируются на определенных видах товаров – например, продают только дубленки, либо антиквариат, либо мясо и кур, либо они предназначены только для приготовления и употребления шашлыка, либо для продажи дров. Мастерская по ремонту автомобилей тоже может быть названа этим словом. Вместе с тем, в обиходе есть слово «кантин» – «маркет», «базар», «ресторан». Основные продукты всегда, за исключением комендантского часа, можно было купить на базаре в микрорайоне. Здесь же есть дуکان, где пекут и продают лепешки. Этот самый важный продукт – хлеб – с утра и до вечера выпекает целая семья хлебопеков-хазарейцев. Снаружи видно всю нехитрую технологическую цепочку, в которой участвуют мальчишки под руководством отца. Один замешивает тесто, другой лепит шарик стандартного размера и перекидывает его своему брату, тот раскатывает шарик в продолговатый лист, передает следующему, который сидит у печного отверстия в полу и ловко закидывает туда заготовки, прилепляя будущую лепешку к металлической сетке-рабице взамен уже готовой, выложенной на прилавок. Впрочем, это трудно назвать прилавком: ты

стоишь снаружи под навесом, а на уровне твоей груди за открытым оконным проемом находится помост, он же прилавок. Под помостом находится печь-пекарня, а на помосте, сложив ноги по-турецки, сидят все действующие лица.

Ближе всех к покупателю сидит последний участник процесса, так же сложив босые ноги либо на корточках. Он получает деньги, отдает лепешки и острым ножом делает соответствующее количество зарубочек на коре лежащей перед ним веточки, составляя таким образом «финансовый отчет». К концу дня таких веточек набирается целый пучок. Общее количество зарубочек умножается на стоимость лепешки – и получается дневная выручка.

Картошку, мандарины, помидоры, виноград и другие продукты можно купить прямо на улице либо около домов у мальчишек-торговцев с осликами. Возвешивание продавец осуществляет на весах-коромыслах: на одну чашку он кладет товар, а на другую – разновес в виде камушков различной тяжести. Приходится верить на слово. Также на вес, но на больших, как качели, весах, с деревянными платформами вместо чашек и с большими булыжниками для противовеса, продают дрова. По улицам в одну и в другую сторону катят хазарейцы свои огромные, как автомобильные прицепы, телеги. Этих людей называют «карачи», с ударением на последнем слоге.

Обычно отцу помогают мальчишки. Вся компания с утра до вечера измеряет кабульские улицы босыми ногами, перевоза мебель, ворота, дрова. Мальчишки-попрошайки то и дело подбегают со словами: «Инженер, дай афгань» (прсят всё: и газету, и карандаш, и тетрадку). Такие же мальчишки, снующие на рынке, подкладывают гвоздики под колеса стоящих там машин, и такие же (возможно, что те же самые) ловко осуществляют шиномонтаж и ремонт камер в расположенных поблизости маленьких мастерских.

Почта МИДА работала исправно, и письма из дома приходили достаточно быстро. Я сам старался отправлять письма регулярно, время от времени сопровождая их короткими стихотворениями для жены и сыновей:

*Сейчас я далеко,
под звездами чужими,
Где месяц рожами
бодает облака,*

*А бедная Медведица Большая
Напиться из ковша
не сможет никогда.
Звезда Полярная,
едва горы касаясь,
Здесь не глядит в зенит
над головой –
Она глядит на север,
сердиу милый,
Где ждете вы меня,
Где милый город мой.*
(Кабул, 1981 г.)

Вот такие получились короткие картинки кабульских будней.

РАБОТА И ЖИЗНЬ

Сотрудники представительства – «краткосрочники» (в том числе и «трехмесячники»), а также сотрудники, прилетавшие в Кабул из провинций, жили в «старом микрорайоне», в доме №21, в двух подъездах которого размещалась наша гостиница квартирного типа. «Долгосрочники» арендовали квартиры в этом же микрорайоне либо жили на виллах, как и многие сотрудники посольства и других учреждений. Первые месяцы я жил в гостинице. Для работы и передвижения по городу почти всем сотрудникам предоставлялись машины – белые «Нивы» и «Лады» («тройки» либо «шестерки»). Между собой мы называли их «чекавозками», поскольку ни у кого в ДРА, кроме как у чекистов, таких машин не было. На ночь их оставляли на огороженной и охраняемой площадке рядом с 21-м домом. Сам микрорайон был построен с помощью советских строителей, создавших в 70-е годы за аэропортом Кабульский домостроительный комбинат. Потому микрорайон назывался еще «советским». Четырехэтажные дома, собранные из стандартных панелей, проектировались с учетом климатических и сейсмических особенностей и имели в квартирах дополнительные усиленные балки. Рядом с микрорайоном располагалась подстанция, обеспечивающая подачу холодной и горячей воды. Сам микрорайон, а также объекты его жизнеобеспечения неоднократно подвергались обстрелам из стрелкового оружия, минометов и гранатометов. Время от времени диверсии совершались на высоковольтной ЛЭП из Суруби – тогда приходилось сидеть без света и воды, электроплита также не работала. Для таких ситуаций я раздобыл кусок парафина, а банки изпод сгущенки стали основой для горелок, на которых можно было

что-то согреть или приготовить.

Кабул – это центр, мимо которого не проедешь. «Питерские» очень быстро находили здесь друг друга. Я встречался с Александром Ивановичем Борисенковым, Петром Алексеевичем Гнесем, Александром Андреевичем Григорьевым, Михаилом Александровичем Дедовым, Владимиром Васильевичем Егеревым, Валерием Аркадьевичем Жаворонковым, Юрием Николаевичем Журавским, Андреем Таледовичем Ибрагимовым, Евгением Александровичем Ивановым, Николаем Михайловичем Калугиным, Евгением Александровичем Лыковым, Юрием Владимировичем Мамедовым, Анатолием Ивановичем Михалкиным, Владимиром Георгиевичем Тарасовым, Владимиром Григорьевичем Тере-щенко, Александром Михайловичем Хромовым и другими моими земляками. Всего в Афганистане в разное время и в течение различных сроков работали 62 сотрудника Управления КГБ СССР по Ленинградской области. Кто-то из них работал там еще до 27 декабря 1979 года, а кто-то находился там и после 15 февраля 1989-го. Питерское сообщество выглядело в период выполнения афганской миссии очень достойно. Со многими из этих парней отношения крепкой мужской дружбы, начавшиеся далеко от родного дома, скреплены прошедшими годами и продолжают до сегодняшнего дня. У каждого из нас свой Афганистан, свои воспоминания о нем, о тех дорогах и встречах. Но я уверен, что каждый, кто там был, вспоминает то время как лучшие годы своей жизни. К великому прискорбию, уходят от нас боевые товарищи, и нет сегодня рядом с нами Александра Андреевича Григорьева и Петра Алексеевича Гнеся.

УПРАВЛЕНИЕ СГИ ПО КАБУЛУ И КАБУЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ

Особенностью и существенной проблемой в СГИ ДРА был тот факт, что кадровые сотрудники-афганцы принадлежали и к пришедшему к власти крылу «Парчам», и к бывшему ранее у власти крылу «Хальк». На словах и те и другие выступали за единство; название этих крыльев НДПА старались вслух не произносить, но искоренить вражду и забыть наблевшее было очень не просто. Начальник Кабульского управления Джалал Разманду не-

сколько месяцев провел в аминских застенках, подвергался жестоким пыткам электротоком. Заместителем у Джалала и одновременно начальником городского отдела был бывший халькист Амон, о котором говорили, что он сам лично пытал парчамистов. Поэтому между начальником и его замом существовала определенная напряженность и взаимное недоверие, что сказывалось на работе. В конце 1981 года на место Амона назначили бывшего парчамиста по имени Саид Джафар, хорошо проявившего себя на посту руководителя одного из районных отделов, и обстановка стала совсем другой. В провинциальном отделе начальником был Хаджи Сахи – бывший парчамист, а его заместителем – бывший халькист Никбин. И здесь тоже, при всей внешней гладкости во взаимоотношениях, чувствовалась определенная напряженность.

Первоначально в Управлении было два отдела – городской и провинциальный. Городской отдел имел подразделения в каждом районе города, а провинциальный – подразделения в нескольких (но не во всех) улусвали (волостях). В его же обязанности входила работа совместно с Царандоем (народной милицией) на контрольно-пропускных постах основных магистралей вокруг Кабула. Физической возможности перекрыть все многочисленные дороги и тропы, ведущие в город, не было. Отсутствовали подразделения в алакадари (уездах) Исталиф и Хаке Джабар, куда мы – советники и наши подсоветные – попадали только во время афгано-советских войсковых операций. Обычно при этом изымалось большое количество оружия и боеприпасов, противотанковых и противопехотных мин, взрывчатки, детонаторов, наркотиков, а боевики старались уклоняться от боя, уходили по горным тропам или по древним сетям подземных оросительных систем с их колодцами-каризами. Позднее на базе городского и провинциального был создан еще отдел по борьбе с бандитизмом в Кабульской провинции, который возглавил сотрудник по имени Бабрак (Тигренук).

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ДЖАЛАЛ

Джалал Разманду, тогда ему еще не было тридцати лет, – высокий, красивый и энергичный таджик. После перенесенных аминских пыток долго не мог жениться и

ежегодно выезжал в Союз на лечение. В 1983 году Джалал женился, у него родился сын. Руководитель СГИ доктор Наджиб (сменивший через несколько лет Бабрака Кармаля на посту руководителя партии и государства), бывший напару лет старше Джалала, относился к нему требовательно и одновременно с вниманием и теплотой. Их связывала многолетняя совместная партийная работа и дружба. Брат доктора Наджиба – инженер Наджиб – возглавлял Оперативно-техническое управление СГИ, которое находилось в соседнем с Кабульским управлением здании. Руководители этих управлений тесно взаимодействовали при решении конкретных задач. Джалал был в курсе всех проводимых мероприятий и разработок, внимательно относился к мнению своих советников – полковника Шарофа Насибовича Ядгарова, полковника Анатолия Андреевича Андрианова, генерала Гиви Шалвовича Джорбенадзе, работавших с ним в разные периоды времени. Особое внимание уделялось вопросам работы с оперсоставом, приобретения и проверки источников для их использования в разложении банддвижения, углублении противоречий между многочисленными оппозиционными организациями. Выявлялись руководители и члены подполья, их связи в государственных и силовых структурах, каналы поступления оружия и боеприпасов, наркотиков. Велась работа по привлечению бандгрупп на сторону народной власти, по инспирированию кровопролитных столкновений между наиболее активными бандгруппами и отвлечению их сил и средств на междоусобную борьбу за власть в регионах. Добывалась упреждающая информация, которая реализовывалась в ходе оперативно-разыскных мероприятий в городе либо в результате бомбоштурмовых ударов или наземных войсковых операций в провинции. Джалал, в соответствии со своим статусом, принимал участие во всех мероприятиях по переходу бандгрупп на сторону правительства. Обычно этому предшествовала большая подготовительная работа, связанная с проведением переговоров, обсуждением прав, обязанностей и гарантий, договоренностей о сдаче гранатометов, минометов, крупнокалиберных пулеметов, взрывчатки, мин и др., с оставлением только стрелкового оружия. Главное – отказ от партизанских действий против прави-

тельстванных и советских войск, блокирование своими силами путей доставки оружия и боеприпасов через контролируемую ими территорию. Такие мероприятия проводились в центре конкретных уездов, обставлялись очень торжественно, с флагами и транспарантами, в присутствии муллы, губернатора, улусвола (руководителя уезда), партийных руководителей, руководителей народной милиции, СГИ, местного населения. Перед мероприятием бывшие бандиты проходили с оружием через досмотровый пост, разряжая оружие и оставляя там патроны и гранаты, выстраивались напротив прибывшего руководства, торжественно складывали оружие на землю, произносили слова присяги народному правительству. Прибывшие руководители обращались к «новообращенным» с речью, потом все вместе совершали намаз, новые бородастые защитники революции поднимали свои винтовки и автоматы, появлялся маленький оркестр, и митинг перешел в танцы под звуки барабанов, бубнов и флейты. Мне вместе с Василием Сафоновым и Сергеем Чернухиным несколько раз доводилось присутствовать на таких мероприятиях в улусвали Пагман, Шакардара, Мирбачекут. Наиболее остро стояли вопросы обеспечения безопасности таких митингов, поскольку, несмотря на всю их торжественность и помпезность, большой веры в искренность новых защитников революции никто не испытывал. И действительно, через пару лет после моего возвращения из командировки я узнал, что Джалал, а вместе с ним и весь президиум аналогичного митинга стали жертвами кровавой провокации и предательства, когда один из новых «защитников» достал спрятанную под одеждой обойму и расстрелял всех их в упор из автомата.

Начальник Провинциального отдела Хаджи Сахи возглавлял Провинциальный отдел Управления. По национальности он был пуштун, родом из улусвали Мирбачекут, что лежит к северо-востоку от гор, обрамляющих аэродром. Мы были примерно одного возраста и, как говорили, внешне похожи друг на друга. Он окончил Кабульский политехнический институт, много лет являлся членом НДПА, бывший парчамист.

Первые полтора месяца я испытывал при общении с ним определенные языковые проблемы. Всё же местный язык дари суще-

ственно отличался от фарси, кроме того, в своей речи Хаджи Сахи часто использовал слова из языка пушту. Надо также иметь в виду, что оперативная и бытовая лексика существенно отличается от освоенной нами политической и литературной, с которой не стыдно выступать с трибуны ООН. Например, если перевести дословно фразу, что кто-то получил пулевое ранение, то получится, что он «съел пулю»; у женщины родился ребенок – «она нашла ребенка» и т.д. Приходилось по ходу общения терпеливо вникать во многие лингвистические тонкости, использовать разработанный в представительстве нашими предшественниками словарь оперативной терминологии, распечатки которого имелись во всех его подразделениях.

Большие усилия совместно с другими советниками пришлось прилагать для организации надлежащей работы с аппаратом помощников, подавляющее большинство которых трудилось на материальной основе. Была прекращена практика выдачи им денежного вознаграждения в здании Управления в определенные дни, поскольку образовывались очереди в коридоре. Постепенно акценты в работе подсоветных перемещались на обслуживаемые ими территории и объекты. Мы обучали афганцев правилам конспирации, делопроизводству, всем навыкам оперативной работы. Возникали и решались проблемы по организации связи с подразделениями на местах, без которой получаемая там информация становилась бесполезной, а также проблемы транспорта и т. д. Хаджи Сахи много и упорно работал, часто оставаясь в Управлении на ночь. Он постоянно обращался к нам с вопросами, терпеливо работал со своими подчиненными, но иногда не выдерживал и распекал на высоких тонах нерадивых сотрудников. Тогда на его крики, хорошо слышные внутри здания, приходили Джалал или Амон, а то и оба, с вопросом: «О чем галымалась?» и просили так не шуметь.

Особого внимания в связи с активностью душманов требовало подразделение отдела в улусвали Пагман. В административном центре, расположенном в живописных предгорьях с хрустальными речками и тенистыми фруктовыми садами, когда-то размещались летние резиденции королей и их приближенных. Там были прекрасные дворцы с фонтанами, на

центральной площади стояла изящная триумфальная арка с текстами, прославляющими королевскую династию.

Прямое «как стрела» шоссе протяженностью около двадцати километров, ведущее в Пагман из Кабула, шло от великолепных (но пустующих) полей для игры в гольф и водохранилища Карга. В районе местечка Ходжа-Мосафер оно поворачивало вправо, шло прямо примерно триста-четыре-ста метров и делало новый поворот, уже влево. Дальше шоссе шло снова практически по прямой, постепенно поднимаясь к горам. Таким образом, около Ходжа-Мосафера получался зигзаг. И если основная часть дороги проходила через голую пустынную местность, то в районе Ходжа-Мосафера, где били родники, жили люди, росли сады, вдоль придорожных арыков стояли заросли тополей, была типичная «зеленка» – идеальное место для организации бандитских засад.

В ходе реализации оперативной информации на прилегающей к Пагману окраине Кабула удалось изъять фотопленки. На снимках были запечатлены бородатые душманы с оружием на фоне подбитой колонны бронетехники, празднующие выигранный ими бой. Изучение и анализ снимков показали, что данное событие произошло именно в Ходжа-Мосафере. В дальнейшем эти снимки использовались для опознания бандитов сотруниками СГИ в Пагмане, на КПП, на фильтрационных пунктах во время войсковых операций и в следственном Управлении СГИ. Была проведена работа с немногочисленным населением этой деревни, которое страдало от периодически происходящих рядом с их домами боевых действий.

Команда Хаджи Сахи разоблачила и пресекла деятельность крупной террористической группировки маоистского толка, которая базировалась в его родных местах – улусвали Мирбачекут. Основным направлением их деятельности было физическое уничтожение партийных и государственных лидеров, организация диверсионных актов, проведение среди молодежи антиправительственной и антисоветской агитационно-пропагандистской работы, организация в городе массовых беспорядков. Финансовую и военную помощь, пропагандистскую литературу маоисты получали из Китая. Многих членов этой группировки Хаджи Сахи знал лично.

Оставшиеся на свободе маоисты не оставляли идеи отомстить ему за своих товарищей, подкидывали Хаджи Сахи письма с угрозами. Поступали такие письма на его имя даже по адресу Управления СГИ.

Однажды в середине мая 1981 года Хаджи Сахи ехал на «Волге» по проспекту Дарулеман в Министерство обороны ДРА. За рулем был его младший брат. В районе Советского культурного центра, неподалеку от телевышки, «Волга» была блокирована двумя машинами террористов, из них раздалась автоматные очереди. Оба брата погибли на месте, не успев воспользоваться имевшимся у них оружием.

На должность начальника отдела был назначен заместитель Хаджи Сахи по имени Никбин.

БУДНИ

Жизнь в Кабуле шла своим чередом. Нашу работу нельзя было назвать скучной или однообразной. Ежедневно в городе и прилегающих районах происходили события, свидетельствующие о том, что столица страны является главным объектом посягательства со стороны многочисленных вооруженных оппозиционных группировок.

Обычно с наступлением весны и открытием горных перевалов численность населения в городе значительно возрастала, и различные группировки весной активизировались. Появлялись многочисленные кочевники со своими верблюдами, шатрами, козами и овцами. Одно из их традиционных становищ находилось рядом с микрорайоном. В одноэтажном обширном и беспокойном районе Хайр-Хана, прилегающем к аэропорту с северо-запада, практически каждый дом являлся пристанищем для прибывающих людей. Естественно, что в их числе было значительное количество врагов нового режима. Все чаще с приходом весны в городе происходили инциденты с применением оружия, время от времени раздавались взрывы. Большое число таких происшествий удавалось предотвратить в результате проведения проверки документов, досмотра автотранспорта и караванов с товарами на КПП при въезде в Кабул, проведения целенаправленных облав и обысков в различных районах. Было несколько случаев задержания душманов, переодетых в женскую одежду (чадру) и

пытавшихся пронести в город оружие.

Отследить, пусть приближенно, но достаточно объективно, динамику возрастания-убывания людей в районах города (что существенно влияло на оперативную обстановку) помогла идея одного из наших советников – по количеству продаваемых ежедневно хлебных лепешек. Учитывая, что ежедневно каждый в среднем съедает по три лепешки, по количеству их продаж в течение дня можно определить число людей в прилегающих домах. Все дуканы, где пекут и продают лепешки, известны. Нашим афганцам эта идея понравилась. Действительно, от хазарейцев-хлебопексов стала поступать интересная для нас информация, которая учитывалась при проведении «зачисток», облав и проверок в том или ином районе города.

При получении информации о готовящихся противником акциях, а также в дни мусульманских праздников либо советских государственных праздников членам советской колонии во избежание провокаций запрещалось появляться на улицах и рынках города.

Трехмесячный срок действительно прошел очень быстро. В марте большинство моих однокурсников, и я в их числе, прошли реоформление для продолжения работы в длительной (трехгодичной) командировке. Статус «долгосрочника» предполагал аренду квартиры и возможность приезда жены и детей. Из гостиницы я переселился на некоторое время к молодому сотруднику отдела лейтенанту Николаю Денисову, окончившему в 1980 году ВКШ КГБ СССР. Он жил пока один на первом этаже торцевой пятикомнатной квартиры, к нему собиралась приехать жена с дочерью. Спустя некоторое время дворник этого дома – убеленный сединами крепкий старик, которого все называли Бобо (дедушка), – сообщил, что в этом же доме, тоже на первом этаже, но в другом подъезде, сдается трехкомнатная квартира, куда я и перенес свои нехитрые пожитки и куда после отпуска в июле 1981 года приехал с женой Аллой и двумя сыновьями – семилетним Игорем и трехлетним Димой. Обстановка в тот период не была столь напряженной, как в последующие годы, и позволяла находиться в Афганистане семье с детьми. В посольстве работала восьмилетняя школа, куда детей из микрорайона и обратно привозил автобус представительства.

Внутри автобуса вдоль бортов были прикреплены бронежилеты, на окнах – занавески. Водитель-прапорщик и сопровождающий автобус солдат-пограничник были вооружены автоматами. За время моей командировки каких-либо провокаций в отношении детей не было.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

За время моего отпуска наш отдел понес первую потерю – после ДТП скончался в госпитале Николай Денисов. В выходной день – пятницу – он вместе с еще одним сотрудником отдела, майором Виктором Дмитриевичем Холкиным из Москвы, и соседом по лестничной площадке, работавшим по контракту в «СовАвто», ехал на «Ниве» из микрорайона в центр города. На широкой пустынной улице встречный большой автобус готовился к повороту в автобусный парк. Он стоял на Т-образном перекрестке, пропуская «Ниву». Но при ее приближении резко рванул и тут же остановился, полностью перегородив проезжую часть. Николай применил экстренное торможение, одновременно попытавшись объехать автобус слева. Однако «Нива» зацепила его своим правым бортом. В этот момент машина получила мощный удар от ехавшего следом за «Нивой» подъемного крана на базе «КРАЗа», который не успел остановиться после неожиданного маневра автобуса. Николая и его пострадавших товарищей доставили в госпиталь, но спасти Николая не удалось. В. Д. Холкин получил серьезную черепно-мозговую травму, за его правую руку долго боролись наши врачи в посольском госпитале, а потом в Москве. Сосед по площадке «отделался» переломом ноги.

Анализируя ситуацию, все пришли к выводу, что водитель автобуса специально подставил свой многотонный автобус под «чекавозку», рассчитывая на возможную аварию и тяжелые последствия для шуравы. Однако доказать наличие такого умысла не удалось. Для нас всех этот трагический случай явился уроком в вопросе обеспечения личной безопасности во время нахождения в городе.

ГЛАВНЫЙ ГЕОЛОГ

Первого сентября перед зданием школы на территории посольства, как и во всех школах на Родине, состоялась торжественная линейка, посвященная нача-

лу нового учебного года. Главное внимание было уделено самым маленьким – первоклашкам, которых набралось человек двадцать. И мой Игорь тоже был среди них. Все нарядные, в новеньких школьных формах, с букетами красивых цветов. Пионеры в красных галстуках, октябрята со звездочками, а девочки еще и с белыми бантами в косичках. Мы с Аллой и Димкой – среди родителей, провожающих своих чад в новую дорогу.

К присутствующим обратились директор школы, представители посольства и ветеран Великой Отечественной войны, руководитель контракта геологов Охремюк, на груди которого в лучах утреннего солнца сверкали боевые награды. Произнося свои искренние отеческие приветствия и поздравления, он заострил внимание присутствующих на вопросе безопасности маленьких членов советской колонии, призывал родителей быть внимательными в этом вопросе, выполнять установленные правила и требования во время нахождения в городе, не посещать, а тем более с детьми, дуканы и рынки в запрещенных посольством районах. Он обратил внимание на тот факт, что наши дети находятся в стране, где идет война, и в этой войне у противной стороны в арсенале имеются «сюрпризы» для детей в виде игрушек либо электрических фонариков, начиненных взрывчаткой. Он просил родителей не ослаблять бдительности во имя жизни и здоровья детей. Прозвенел первый звонок, и школьники под звуки военного оркестра пошли в свои классы, к своим партам, учебникам и тетрадкам.

В то солнечное сентябрьское утро никто и представить себе не мог, что в следующем году главный советник геологов будет похищен душманами. Этого пожилого заслуженного и уважаемого человека, много лет проработавшего в Афганистане, внесшего огромный личный вклад в геологические исследования и открытия многочисленных месторождений полезных ископаемых в различных районах страны (а Афганистан – это целая кладовая ценнейших залежей, некоторые из которых в других районах мира почти не встречаются), передававшего свой огромный опыт афганским коллегам, предал, по одной из версий, его личный водитель, с которым он проработал несколько лет. Свидетели видели, как Охремюк утром садился в приехавшую за ним «Волгу», но

до работы он не доехал. По другой версии, трагическую роль могли сыграть его боевые награды, которые Охремюк иногда надевал к торжественным мероприятиям, и душманы могли принять его за важного военачальника. Начались поиски. Размноженные фотографии Охремюка были направлены во все подразделения представительства и СГИ. С задержкой в несколько дней удалось проследить маршрут движения похитителей до Пакистана, установить их принадлежность к одной из исламистских группировок, выяснить численность банды. Но задержать бандитов и освободить похищенного предпринятыми мерами не удалось. По дошедшей до нас информации, его видели в одном из отдаленных горных районов к югу от Кабула верхом на ослике, босым, в сопровождении вооруженных людей. Местные жители давали народные снадобья для лечения его стертых до крови ног. Потом он оказался в Пешаваре. Как сложилась его дальнейшая судьба, мне не известно.

ВАСИЛИЙ

Капитан Василий Сергеевич Сафонов, 1947 года рождения, сотрудник Управления КГБ СССР по Омской области, прибыл в Афганистан в июне 1981 года. Стал моим напарником в провинциальном отделе, сменив предшественника-«трехмесячника» из Казахстана.

Высокий, стройный, симпатичный сибиряк, мастер спорта по самбо, Василий довольно быстро освоился с обстановкой, познакомился с начальником отдела Никбином, с личным составом подразделений. Одногодки, в одном звании, мы с ним сразу подружились. Через некоторое время к нему приехала жена Зоя с дочерью и сыном. Жили мы в соседних домах, жены наши тоже подружились, по праздникам ходили в гости друг к другу. И хотя в какой-то степени мы были антиподами: имя и отчество противоположны, он эмоционален, иногда горяч, а я более спокоен, у него рост сто восемьдесят пять, а у меня сто семьдесят, – на работе это абсолютно не сказывалось. А начиналась работа с получения и обобщения добытой оперативной информации – результатов работы подразделений, информации о событиях на территориях за прошедшие сутки. Такая сводка передавалась начальнику отдела на коротком совещании в здании представи-

тельства, расположенном на Дарулемане, недалеко от нашего посольства. На основании поступившей информации начальник отдела делал доклад по наиболее важным вопросам на совещании у начальника представительства в посольстве. Аналитики представительства и резидентуры ежедневно обобщали поступающий поток информации об обстановке во всех провинциях и готовили телеграмму в Центр. При поступлении острой информации, требующей принятия согласованных решений, руководство представительства немедленно связывалось с руководителями соответствующих структур.

В августе 1981 года от надежного источника в улусвали Мирбачекут поступила информация о прибытии туда к местному главарю исламистской группировки нескольких крупных, хорошо вооруженных бандгрупп для совершения одновременных силовых акций против государственных и партийных учреждений, объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения в разных районах города. Эта информация на совещании у начальника представительства была подтверждена сведениями от источников Управления по борьбе с бандитизмом СГИ. Начальник представительства генерал В. Н. Спольников пригласил меня с Василием к себе для доклада, выслушал, поинтересовался надежностью источника. Он дал нам понять, что реализация информации полностью ложится на ее инициаторов. Поскольку мы к этому были готовы, он, после короткого разговора по ВЧ, направил нас в штаб 40-й армии.

Штаб армии располагался в красивом дворце на холме в глубине огромного старого сада, обнесенного высокой стеной, в районе Чехель-Сотун («сорок колонн»). Это название происходит от каменных высоких колонн, которые, согласно преданию, были установлены еще при Александре Македонском для обозначения пути в Индию. Одна из таких колонн стояла на ближайшей горе. На КПП нас пропустили, указав направление движения к дворцу по поднимающейся по спирали дороге. Нас ожидали офицеры штаба, вместе с которыми мы подробно обсудили имевшуюся информацию. Появился начальник штаба – генерал-полковник С.Ф. Ахромеев. Мы представились, доложили об имеющейся у нас информации, ответили на ряд уточняющих во-

просов. На следующий день в этом районе планировалось проведение войсковой операции, и была возможность проверить результаты БШУ (бомбоштурмового удара), назначенного на раннее утро.

Еще до рассвета мы привезли наводчика на аэродром в вертолетный полк В. Е. Павлова. Последовал короткий инструктаж командира о маршруте, направлении захода на цель из-под солнца, установке на бомбах времени замедления взрывателей. Наше место – в командирском МИ-8. Предстояло перелететь через ближайшие невысокие горы за аэродромом, а там и Мирбачекут. По прямой от аэродрома до цели было не больше десяти километров. Вертолеты с полным боезапасом начали разбег и поднялись в воздух – всего двенадцать машин, в основном хищные штурмовые МИ-23 и МИ-24 и несколько МИ-8. Наш вертолет направился к перевалу, а остальные начали свой неспешный хоровод между аэродромом и горами, до поры скрывая от противника свои намерения и ожидая команды. Уже с горной седловины наводчик сориентировался на местности, взяв на мушку пулемета приметный дом с башенками по углам, который он ранее нам описывал. Командир взял курс на цель, вертолет быстро устремился вниз, скользая вдоль шероховатости земли, по спускающейся к деревне долине. Было такое впечатление, что мы не на вертолете летим, а съезжаем с крутой горы на санках. Подлетали, едва не касаясь колесами высоких чинар. Такая тактика позволяла скрытно подобраться к цели и неожиданно ее атаковать. ПЗРК типа «Стингер» у душманов тогда еще не появились. Точность бомбометания с малой высоты была очень хорошей. Трассеры пулемета, за которым сидел наводчик, обозначили нашу цель, вертолет пошел в атаку – обработал с дальней дистанции НУРСами этот дом и прилегающий участок с установленными там большими шатрами кочевников, сбросил одну бомбу, пробившую плоскую крышу, и ушел вверх. С высоты были видны убегающие под деревья люди и вспышки выстрелов. Прогремел взрыв, разметавший часть дома и поднявший тучу пыли. Стрелок вел огонь по шатрам и деревьям из хвостового пулемета, Василий и я из своих автоматов – через бортовые иллюминаторы. Из-за горы цепочкой пошли другие вертолеты, ориентируясь на поднятую пыль и дым. Один за другим

они обрабатывали ракетами местность с шатрами и шли на бомбометание, дождавшись взрыва предыдущей бомбы. Отбомбившись, вертолеты выстроились в большой вращающийся круг. Но этот зловещий хоровод был уже совсем иным, нежели минут пятнадцать назад, – носовые пулеметы и НУРСы все время были направлены в центр огромного круга, где находилась цель. Наш командир, не переставая общаться с другими летчиками, снизился и занял свое место в этой карусели. Повторив атаку, вертолет вновь ушел наверх, командир продолжал наблюдение и управление боем. С высоты было видно, как остальные вертолеты поочередно покидали круг хоровада, заходили на цель и после атаки уходили к горам в направлении Кабула. А совсем, казалось бы, рядом с этими взрывами, дымом, пылью, человеческой болью были видны дехканы, занятые раскладыванием на земле на просушку винограда для приготовления изюма. И весь этот кошмар как будто их совсем не касался. Такая мирная картина! Мы думали, что работа уже завершена, но неожиданно появились два стремительных Су-25. В мгновение ока машины с ревом промчались под нашим висащим высоко над землей вертолетом, отбомбились, и вот они уже развернулись и пролетели над нами и так же стремительно исчезли.

Возвратившись на базу, летчики осмотрели свои машины. На нашем вертолете была пробоина от попадания из пулемета ДШК в районе двигателя, но серьезных повреждений не было – пробит только кожух.

В тот же день в район нанесенного БШУ вошли подразделения мотострелковой дивизии 40-й армии. Ими было собрано большое количество стрелкового оружия и гранатометов, безоткатных орудий, крупнокалиберных пулеметов ДШК. Потери душманов, по их данным, составили более ста человек.

При последующих встречах с С. Ф. Ахромеевым он приветливо обращался ко мне и Василию с вопросом: «Что на этот раз принесли, два капитана?» и после подробного нашего доклада обычно принимал решение о нанесении БШУ.

Войсковые операции в провинции всегда проводились с участием сотрудников СГИ. Мы с Василием Сафоновым, а потом и с Сергеем Чернухиным находились в постоянном контакте с командующим 103-й воздушно-

десантной (Витебской) дивизией генерал-майором Альбертом Евдокимовичем Слюсарем и его разведчиками. О подготовке операций, датах и планируемых районах мы афганцам не сообщали до самого последнего момента. В назначенный день практически весь провинциальный отдел (а потом и отдел по борьбе с бандитизмом) собирался в Управлении, ожидая нашей команды. Выдвижение военной техники начиналось в полночь. Приходили в движение танки, БТРы, БМП, БРДМ, тягачи с орудиями, установки залпового огня «Град», машины связи, обеспечения, медицинской помощи и т.д., постепенно вытягиваясь на шоссе в нужном направлении. В афганских колоннах после боевых машин, в «обозе», шли грузовики с палатками, кроватями, матрасами и «живыми консервами» – овцами. Городские магистрали оглашались ревом и лязгом гусениц, на перекрестках нужное направление указывали военные регулировщики. При крупномасштабных операциях движение советских и афганских колонн происходило из различных районов города, и с окружающих высот были хорошо видны ручейки света от фар двигающихся машин, сливающихся в один многокилометровый поток. С началом движения техники на прилегающих горах то в одном, то в другом месте появлялись сигнальные ракеты наблюдателей противника, предупреждавшие душманов о начале операции. К рассвету войска подошли к назначенному району. Нам с хадовцами приходилось какое-то время ожидать начала нашей работы на фильтрационных пунктах. Мы развертывали свой палаточный лагерь неподалеку от командного пункта, где находилось советское и афганское командование подразделений.

При движении и развертывании техники впереди нее дорогу и местность проверяли саперы, извлекавшие мины и фугасы. Чаще всего мины были итальянского производства, в ребристом пластмассовом корпусе желтого цвета, с «подкачкой». Их срабатывание происходило не под первой наехавшей на нее машиной либо под катком саперного танка, а на какой-то из последующих. Обнаружить такие мины удавалось не всегда, и в этом случае происходили подрывы. На горных дорогах мины устанавливались со стороны горы, чтобы при подрыве машина опрокинулась вниз, в ущелье. Во

избежание людских потерь, саперы работали очень тщательно, используя миноискатели и шупы. У некоторых из них были обученные этому делу немецкие овчарки, но на жаре собакам было очень трудно работать. Получалась, что продвижение войск осуществлялось со скоростью продвижения саперов. Этим пользовались душманы, которые получали запас времени для того, чтобы уйти из района операции. Но унести на себе все вооружение и боеприпасы они были не в состоянии, и в результате целенаправленных поисков удавалось изъять большое их количество. Чаще всего в домах жителей оставались только женщины и малолетние дети. С учетом этой тактики накануне операции проводилось скрытное выдвижение в горы разведчиков-наблюдателей, которые засекали движение бандгрупп, сообщали на КП их координаты, проводили корректировку артиллерийского огня. Иногда для уничтожения уходящих бандгрупп вызывались вертолеты.

На фильтрационном пункте сотрудники СГИ осуществляли проверку доставленных туда мужчин, проверяли их документы, делали сверку с имеющимися списками разыскиваемых лиц. При наличии достаточных оснований (изъятое оружие, взрывчатые вещества, компрометирующие документы, оказание вооруженного сопротивления и т.д.) оформлялись документы на задержанных лиц, которых передавали в следственное Управление СГИ. Очень важными вопросами являлись объективность в оценке действий задержанных и доказательность их преступной деятельности для последующего расследования и предъявления обвинения.

Через три месяца после моего отъезда 20 июня 1984 года во время проведения одной из таких войсковых операций в улусвали Мирбачекут Василий Сергеевич Сафонов погиб, получив ранение в голову и руку при минометном обстреле фильтрационного пункта. Он был награжден орденом Красной Звезды.

СЕРГЕЙ

Капитан Сергей Александрович Чернухин, 1947 года рождения, вновь приехал в Кабул летом 1981 года. С ним в паре я работал почти полтора года в отделе по борьбе с бандитизмом в провинции Кабул, участвовал с ним и нашими подсоветными в наземных войсковых

операциях 103-й дивизии ВДВ и афганских войск в улусвали Пагман, Карабаг, алакадари Исталиф и Хаке-Джабар, где мы с ним, так же как и с Василием Сафоновым, организовывали работу сотрудников отдела на фильтрационных пунктах. Несколько раз летали на вертолетах полка В. Е. Павлова для нанесения бомбоштурмовых ударов по выявленным в провинции складам с боеприпасами.

Мне запомнился далекий воздушный рейд в долину реки Гурбанд, протекающей к северо-востоку от Кабула между заснеженными вершинами Гиндукуша. Этот БШУ по крупным складам с различными видами мин и вооружения, поступавших оттуда к душманам в Кабульскую провинцию для диверсий на автотрассах, тщательно готовился. Несмотря на определенные сложности в продвижении информации от ее получения до реализации, связанные с установленным порядком взаимодействия между ведомствами, удар был организован и нанесен буквально через сутки. Утром информация нашего надежного источника была доложена в посольстве начальнику представительства генерал-майору Б.В. Воскобойникову, сменившему на этом посту генерала В. Н. Спольникова, затем – в Чехель-Сотуне начальнику штаба 40-й армии С. Ф. Ахромееву. Сведения о наличии в этом труднодоступном районе крупных складов подтверждались, дополнялись информацией военной разведки о крупном скоплении живой силы и возможном огневом противодействии со стороны противника. Было принято решение направить истребитель для проведения аэрофото съемки местности и готовить бомбоштурмовой удар. Мы с Сергеем с юго-западной окраины Кабула мчимся в отдел за источником, затем в северо-восточном направлении, на аэродром, к летчикам В. Е. Павлова. За это время уже возвратился на базу самолет-разведчик, пленки проявили, снимки отпечатали. Вместе с летчиками и источником, которому теперь предстояло стать наводчиком, расположились вокруг еще мокрого планшета длиной метра два с половиной и шириной метр, на который нанесли места расположения складов. «Привязались» к карте, определили на планшете и карте расположение огневых позиций противника (несколько пулеметов ДШК и ЗГУ-1), наличие в указанном месте мирного населения. Было принято решение о времени нанесения БШУ, определены

маршрут, курс и направление захода на цель, необходимые для удара силы и средства. И вот ранним утром, еще до восхода солнца, 12 вертушек одна за другой побежали по ребристой полосе аэродрома. В воздухе они выстроились в цепочку вслед за командирским МИ-8, где находились мы с Сергеем и источником-наводчиком. Впереди засверкали под утренними лучами многочисленные острые снежные вершины. По команде командира строй вертолетов изменился, и все одновременно стали преодолевать горные снежные зубцы. Казалось, что острые вершины чуть не цепляются за брюхо машин. Таким образом, одновременно все вертолеты оказались в верховьях реки Гурбанд, потом все повернуло вправо и снова устремились цепочкой за нами – вниз по узкой долине. Наводчик, сидевший между командиром и штурманом за носовым пулеметом, узнал местность. Справа и слева над нами вздымались каменистые отроги, кое-где поросшие кустарником. Внизу бежит, извивается и поблескивает река. Мы с Сергеем всматриваемся в проплывающие мимо нас горы с разных бортов. Автоматы наготове. Иногда на склонах видны пещеры, но людей не видно, нас в этом тихом месте явно не ждали. Долина и река стали шире, и наконец впереди показалась наша цель – несколько глинобитных домов на краю небольшой деревни, раскинувшейся на довольно широком пространстве между горами. Наводчик обозначил это место трассирующими пулями, вертолет пошел в атаку, обработал несколькими залпами НУРСов пулеметные позиции, сбросил бомбу на один из домов и пошел по спирали вверх для управления боем и корректировки бомбометания. Было видно, как бомба пробилла стену дома. Через положенный интервал времени замедления, когда вертолет уже ушел на достаточную высоту, прогремел взрыв, подтвердивший нашу информацию о боеприпасах – они начали детонировать и разлетаться во все стороны огненными фонтанами. Дальнейшее бомбометание проводилось сопровождавшими нас вертолетами уже со значительной высоты. Долина наполнилась огнем и дымом, время от времени при удачном попадании вздымались все новые и новые мощные взрывы.

Сергей за время своей командировки самостоятельно изучил язык дари, сдал экзамен за полный курс. Это был рубаха-парень,

с вьющимися светлыми волосами, в нем было что-то гусарское и одновременно есенинское, очень русское, иногда бесшабашное, а иногда – трогательно-лирическое. Он хорошо пел и играл на гитаре, когда собирались по праздникам у кого-то из наших товарищей в гостях. Часто пели мы с Сергеем и Василием, с полным на это правом, полюбившуюся нам песню, в которой говорилось, в общем-то, о нас:

*Вот опять летим мы на задание,
Режут небо кромки лопастей,
А внизу земля Афганистания
Разлеглась в квадратах полей.
Но не верь в спокойствие ты
вечное –
Вот уже к тебе, под облака,
Тянутся прерывистые встречные
Огненные трассы ДШКА.
И кому судьба какая выпадет –
Предсказать об этом не берись:
Нам не всем ракетой алой высветят
тут
Право на посадку и на жизнь.
Ни к чему гаданья и пророчества,
И о прошлом тоже не жалея.
Не спасись порой от одиночества
Даже в окружении друзей.
И опять летим мы на задание,
Режут небо кромки лопастей.
И опять земля Афганистания
Разлеглась в квадратах полей*

Сергей трагически погиб через несколько лет после возвращения из Афганистана.

САША

С капитаном Александром Андреевичем Григорьевым, 1949 года рождения, мы дружили уже много лет, наши судьбы неоднократно пересекались и переплетались.

Приближался новый, 1984-й год. Мы с женой Аллой встретили сына Игоря на площади нашего микрорайона, куда привозил детей после учебы в школе автобус. Игорь с воодушевлением рассказывал о подготовке к новому году празднику, на котором ему в спектакле по мотивам «Буратино» предстояло выступить в роли Нового, 1984 года. Подходя к своему дому, я вдруг увидел Сашу и не поверил своим глазам – думал, что обознался. Но это был он: только что прилетел «матросовским» рейсом, узнал мой адрес и шел ко мне с пушистой елочкой. Это была очень теплая и трогательная встреча.

...Познакомились мы еще школьниками. Жили в разных концах Петроградской стороны (я около Домика Петра Первого, а он на углу

Чкаловского проспекта и улицы Ленина), но регулярно три раза в неделю встречались на тренировках по конькобежному спорту на стадионе – либо «Динамо», либо «Ленметрострой» на Левашовском проспекте. А с весны до осени по воскресеньям мы совершали многокилометровые велосипедные прогулки по дорогам Карельского перешейка, проезжая через Парголово до озера Красавица, где останавливались и играли в футбол, а затем возвращались домой по Приморскому шоссе. Иногда выезжали на тихое Горское шоссе. Тренировались мы в районной детской спортивной школе, где тренером работал учитель физкультуры из Сашиной школы.

Сашино детство не было радостным и безоблачным. Отец умер в молодом возрасте, когда Саша учился в младших классах. Через несколько лет от тяжелой болезни умер Сашин старший брат. Его мама Анастасия Петровна работала завучем в школе на улице Мира, там же учился Саша. Она одна вырастила и воспитала замечательного сына, вся сознательная жизнь которого была посвящена служению Отечеству. Его знания, профессиональный опыт, личные качества позволили ему занимать очень высокие посты в системе госбезопасности, а в последние годы, в звании генерал-полковника – должность начальника федерального агентства «Росрезерв».

Жарким летом 1964 года мы жили в одной палатке в спортивном лагере неподалеку от поселка Лосево с его знаменитыми бурлящими порогами, среди соснового векового леса на берегу глубокого озера с изумрудной водой. В палатке нас было шесть человек: трое перешли в одиннадцатый класс, Саша с двумя ровесниками – в восьмой. Тренировались вместе, старшие курировали младших, помогали им осваивать необходимые навыки, опекали во время велосипедных тренировок на шоссе. В озере водились раки. Иногда ловили щук, из которых вечером по-походному варили уху, и пировали вместе с тренером и другими ребятами.

Следующим летом трое старших обитателей той палатки (и я в их числе) дружно поступили в «Военмех» на приборостроительный факультет, а через пару лет и Саша поступил туда же. Мы продолжали вместе тренироваться и выступать на соревнованиях уже за институтскую команду. В летние каникулы он работал в составе строительных студенческих отрядов сначала бой-

цом, потом комиссаром, командиром. В 1970 году в стройотряде он познакомился со своей будущей женой Светой, которая училась на том же факультете. Зная его практически с детства, могу сказать, что он всегда отличался высокой порядочностью, был обаятельным и скромным, за что его любили окружающие.

Я работал в «Военмехе» в вычислительном центре, а Сашу вскоре после защиты диплома приняли на службу в органы КГБ. Через некоторое время и я получил предложение связать свою судьбу с органами государственной безопасности. После двухгодичной подготовки я работал вместе с Сашей в одном отделе. Приезжая из ДРА в отпуск, делился с ним своими впечатлениями о работе. Ему очень хотелось попасть на работу в Афганистан, и его желание сбылось. Все тревоги и переживания, тоску по дому, родным и близким, работу в жару, ответственность за порученный участок и своих сотрудников он испытывал там в полной мере. А неожиданности начались с первых дней его пребывания на этой земле...

Вернемся в декабрь 1983 года. Конечно же, Сашу мы разместили у нас, и так прожили несколько дней до его отъезда на место назначения. Вместе с ним и Колей Калугиным коротали вечера, знакомили его с городом и с нашими друзьями, побывали в гостях на одной из вилл, в так называемом «Бермудском треугольнике» (место постоянных провокаций террористов), где жил питерский сотрудник резидентуры «кавказской национальности», с которым я и Николай успели подружиться.

И вот 30 декабря мы уложили Игоря (младшего, Диму, после болезни больше в Афганистан не привозили), и допоздна разговаривали с Сашей, вспоминали общих друзей и знакомых, вспоминали забавные истории из нашего детства, как бегали на коньках, крутили педали на шоссе, как уже в Управлении вместе с Пашей Кошелевым делили между подразделениями билеты в театры (нашей общественной нагрузкой была работа в культкомиссии, которую возглавлял П. А. Гнесь). Наконец улеглись спать. Среди ночи я проснулся от сильных толчков. Это было очередное землетрясение. Были слышны крики и топот ног афганцев, выбегающих во двор, вой собак, реагирующих на землетрясения. Разбудил жену, велел ей хватать сумку с документами и выходить из дома. Сам, одеваясь на ходу, промчался по качающему-

ся, как палуба на корабле во время шторма, полу в гостиную, где спал Саша, разбудил его. Схватил на руки вместе с одеялом спящего сына, но не мог выбраться в коридор: дом ходил ходуном и трещал, все двери в квартире распахнуты, мотаются на петлях, хлопают, свет погас. Саша, держась за стены, стоял в коридоре под усиленной балкой, а я – в дверном проеме. Мне приходилось буквально увертывался от дверных косяков с сыном на руках, подставляя то левое, то правое плечо. Из спальни что-то испуганно говорила Алла. Выбегать на лестницу было боязно – казалось, что она может рухнуть. Эти несколько минут показались вечностью. Неожиданно толчки прекратились, потом включился свет, и мы, пребывая под сильным впечатлением, собрались на кухне, теперь уже готовые при малейших признаках новых толчков организованно покинуть квартиру. Как оказалось, сила этого землетрясения составляла 6,8 балла, в городе были незначительные разрушения глинобитных домов. Обошлось без жертв.

Второе сильное впечатление было приготовлено для Саши через несколько дней. Около трех часов пополудни он вместе с А.И. Борисенковым прилетел в аэропорт, находящийся между Шендантом и Гератом, чтобы далее следовать на место назначения в Герат. Об этом они сами потом с юмором рассказывали в кругу друзей. Юра Мамедов, который встречал их, иногда тоже вспоминал эту историю. По телефону Юре сообщили, что прибыл борт с советниками. Их нужно встретить. Дорога из Герата до аэропорта с утра и часов до 16-17 контролировалась советскими войсками. Там выставлялись посты для обеспечения безопасности воинских колонн и грузов, следующих из Кушки. А вечером и ночью эта дорога практически полностью была в руках душманов, устраивавших засады.

В этой связи в Кабул неоднократно обращались с просьбами не направлять туда людей после обеда. Тем не менее, люди прибыли, и Ю. Мамедов выехал за ними на «каскадовском» БТРе. Как оказалось, на дороге шел бой, два армейских БТРа были подбиты. К месту ожесточенной перестрелки подтягивалась дополнительная техника. Мамедов проскочил это место и забрал в аэропорту прибывших товарищей, которые издали вместе с летчиками наблюдали за далеким боем. Встал вопрос: ехать в

Герат или в противоположном направлении – в полк к osobистам? По времени это было примерно одинаково. Решили – домой! Уже в приближающихся сумерках подъехали к месту, где еще продолжался бой, по броне простучали пули, выстрел из гранатомета их БТР не достал. Из КПВТ и своих амбразур открыли ответный огонь, но в бой ввязываться не стали, развернулись и ушли в полк, куда прибыли без приключений, отметили приезд. Вот такое получилось боевое крещение в первый рабочий день на порученном участке, только только по прибытии из спокойного Ленинграда. А первое впечатление, как известно, самое сильное.

После моего отъезда и до возвращения Саши домой мы постоянно переписывались, держали друг друга в курсе дел, делились проблемами, поддерживали и подбадривали друг друга. Он очень переживал, что погиб мой напарник Василий во время войсковой операции. И если бы не мой отъезд домой в марте, то я тоже был бы там, в Мирбачекуте, на филтрационном пункте около КП. Как и все мы, не избегал он, как поется в песне, «чувства одиночества даже в окружении друзей». Сообщал, что несколько месяцев «на общественных началах», до официального назначения (по-видимому, берегли для кого-то должность), исполнял в Герате обязанности руководителя группы советников. Писал, как ожидал приезда к нему осенью 1984 года жены Светы, как готовился к этой встрече...

Я сохранил несколько Сашиных писем из Герата, написанных его уверенным, ровным, красивым почерком. Они проникнуты теплом, юмором и неистощимым оптимизмом.

БОБО

Это был очень дружелюбный и трудолюбивый старик, который постоянно находился во дворе, где наводил порядок: сажал и поливал цветы, убирал мусор... Либо сидел в тени на лавочке перед одним из подъездов и был здесь почти как консьерж. Он с любовью ухаживал за своими цветами либо занимался сортировкой мусора (буквально все находило свое применение, а что-то можно было еще и продать), присматривал за машинами. К нам, шурави, он относился очень приветливо, а нас в этом доме проживало немало.

Однажды летом я увидел через свое окно такую картину: пять

пуштунских женщин-кочевниц с огромными, как наметасники, мешками, вошли во двор. Они быстро-быстро начали напильник свои мешки веточками зеленых кустов, высокими и маленькими цветами, бережно выращенными Бобо, веточками деревьев, которые они обдирали до той высоты, до какой могли достать. Эти жительницы пустыни после своего стремительного набега, подобного налету саранчи, упаковав в бездонные мешки цветы и веточки для своих верблюдов-коз-баранов, оставляли осиротевшую землю. В разгар этого безобразия с криками, размахивая руками, прибежал Бобо. Женщины, прежде рассредоточенные по двору, побросали свои мешки, стали стягиваться к Бобо, что-то выкрикивая на пушту ему в ответ, и окружили его кольцом, жестикулируя и угрожая короткими серпами с длинными ручками. Бобо был разгневан. Выкрикивая проклятия, он с какой-то торжественностью обеим руками поднял свою чалму, обнажив лысую голову, и со всей силы швырнул ее себе под ноги. Тотчас же женщины смолкли, побежали за своими мешками, заковыкая на ходу серпы за пояса, и покинули негостеприимный двор.

Примерно в десять часов утра в один из осенних дней 1983 года мы с Василием и Сергеем находились в Управлении СГИ. Вдруг со стороны микрорайона раздался звук мощного взрыва. Буквально через несколько минут мы были там вместе с нашими подсоветными. Как оказалось, взрыв прогремел перед первым подъездом дома (там раньше на первом этаже жил Н. Денисов, я тоже некоторое время жил в этом доме). От взрыва погиб Бобо, останки которого были разбросаны вокруг. В квартирах первого этажа этого подъезда были выбиты все двери и окна. Окна также были выбиты в соседних подъездах и в доме напротив. Других пострадавших не было, хотя во многих квартирах находились люди. Из показаний нескольких свидетелей выяснилось, что Бобо заметил молодого человека с чемоданчиком-«дипломатом», в европейском костюме, зашедшего в первый от улицы подъезд. Буквально через пару минут молодой человек вышел, уже без «дипломата», и быстрым шагом ушел со двора. Бобо зашел в подъезд, обнаружил «дипломат», выбежал с ним на улицу, пытаясь вернуть его владельцу, но тот исчез. Бобо вернулся, положил «дипломат» на свою скамейку и открыл его. Сработал взрыватель.

Сразу же силами сотрудников СГИ и Царандоя была организована работа по проверке всех подъездов в домах микрорайона. Аналогичное взрывное устройство было обнаружено в 21-м доме, в его крыле, противоположном подъезду гостиницы представительства. Это тоже был «дипломат», стоявший на лестничной площадке между первым и вторым этажами. Срочно была организована эвакуация жителей дома. Примерно через сорок минут прогремел взрыв. От взрыва никто не пострадал. В стеновой панели образовалось круглое отверстие диаметром около шестидесяти сантиметров, лестничные марши рухнули вниз, были выбиты стекла. Примерно через месяц рухнувшую лестницу восстановили. В течение этого времени жильцы подъезда ютились у друзей и родственников, в свои квартиры попадали с помощью приставных лестниц, а также через лоджии квартир соседних подъездов.

Целью этих акций не являлись конкретные лица, это были своего рода акции устрашения, направленные против проживающих в микрорайоне советских граждан и афганцев, которые в своем большинстве работали на новую власть.

К сожалению, несмотря на принимаемые меры и изымаемые взрывные устройства, которыми на-чинялись то ссоры, то коробки или банки из-под сухого молока, детские игрушки, вылазки террористов продолжались. Однажды днем в нашем микрорайоне при взрыве на базаре были ранены металлическими обрезками несколько человек. Иногда за первым взрывом, когда на месте происшествия работала оперативная группа, раздавался второй взрыв. На улицах гибли и получали ранения ни в чем не повинные жители, несли потери сотрудники СГИ и Царандоя, пожарные, медицинские работники.

Казалось мне, что сердце огрубеет: Здесь нищета, и роскошь, и война – Душманы, карачи и муэдзины, Винтовки, бомбы, танки, ордена. Нет, огрубеет не сможет сердце, И не закроет его паницерем мозоль, Когда страдания другого человека Воспринимает

словно собственную боль.

(Кабул, 1982)

АФГАНЕЦ

Утром 9 мая 1981 года, в 36-ю годовщину Дня Победы, я вошел

в кабинет своего подсоветного. У Хаджи Сахи сидел посетитель – молодой симпатичный афганец. Смутный, волосы коротко острижены, он был аккуратно одет: в новом жилете поверх свитера, афганских национальных брюках, галошах, носках. Хаджи Сахи и посетитель оживленно беседовали на пушту. Я поздоровался и хотел сесть за отдельный стол, чтобы не мешать беседе. Однако Хаджи Сахи пригласил меня принять участие в разговоре. С удивлением я узнал, что его собеседник – наш советский солдат, похищенный душманами и бежавший из плена. Парень очень удивился и одновременно обрадовался, что видит перед собой советского человека. Он рассказал мне о своих приключениях. По определенным причинам я не склонен полностью верить его рассказу. Вот его история.

Олег Николаев родился и вырос в оренбургских степях. В семье кроме него были еще брат и сестра. С детства помогал отцу – колхозному конюху, любил лошадей и умел с ними общаться. Там же, в колхозе, овладел специальностью тракториста и водителя. Осенью 1980 года Олег был призван в армию, прошел «учебку», где освоил специальность водителя. Утром 14 января 1981 года колонна военных грузовиков вышла из Кушки и двинулась по афганской территории. Машины были загружены строительными материалами, металлическими плитами для полевых аэродромов. К вечеру колонна остановилась на ночлег около советского блокпоста на ночевку. Олег был назначен дневальным. Солдаты и офицеры поели и разошлись по своим машинам на отдых, установилась тишина и покой. Олег обходил машины своей колонны, охраняя сон товарищей и технику. Спусти некоторое время к нему подошли «местные» солдаты из блок-поста, стали просить его достать для них тушенку, сгущенку и пр. Он им отказал. Солдаты ушли, но все же утром оказалось, что в одной из машин пропал ящик с тушенкой. Капитан при всех врезал ему как следует за плохое несение службы, пообещал еще и наказать. Парень очень обиделся. Он пошел к протекавшему неподалеку ручью, стал сидеть на корточках смывать слезы, боль и обиду. Он не слышал, как к нему сзади кто-то подошел. На голову ему накинута и завязали одеяло, руки связали сзади и куда-то повели. Какое-то время он слышал шум ручья, потом его вели по горной тропе, где при-

ходило спотыкаться о камни. По словам Олега, привели его в горную деревню. Обращались вполне терпимо. Когда Хаджи Сахи сказал мне, что парень очень прилично говорит на пушту, я поинтересовался у Олега, где и как он выучил язык за четыре месяца. Оказалось, что учеба проходила сугубо в бытовых, но несколько необычных условиях с помощью плетки. «Учитель» показывал предмет и произносил его название, например «калям» (карандаш). Ученик должен повторить. Если ошибался – получал сильный удар плеткой по спине, покрытой ковриком. Кожа не рассеклась, а содрогалось и болело все тело. При одном виде плетки охватывал ужас. Приходилось быть внимательным (я тогда вспомнил свою учебу, и о том, что иногда мы чертыхались от интенсивного курса языка, но, по-видимому, восприятие предмета у Олега было более эффективным). Довольно скоро он смог общаться с местными жителями. О побеге он думал, но в какую сторону бежать? Где он находится? Кругом горы! Мужчины привлекали его к полевым и хозяйственным работам. Практически у всех были либо винтовки времен войны с англичанами «Бур-303», либо автоматы Калашникова китайского или египетского производства. По его словам, местные мужчины в каких-либо военных вылазках не участвовали, однако обращались к Олегу как к военному человеку с вопросами по военной подготовке, например о том, как лучше сбить вертолет. Он якобы рекомендовал стрелять в хвостовую часть, поскольку там тоньше: хвост быстро отвалится, и вертолет упадет. Иногда над деревней пролетали вертолеты, но ее не бомбили, и сами жители по вертолетам не стреляли. По его словам, в сложившейся ситуации ему удалось завоевать у местных жителей определенный авторитет за счет хороших навыков работы с лошадьми и верховой езды. Несколько раз он с успехом участвовал в конной игре «бозкаши», что означает «козлодрание» (это заявление Олега меня насторожило, так как афганцы кого попало для участия в этой игре не приглашают, к тому же каждый участник должен иметь своего коня, подобно тому как гольфист или хоккеист использует только свой инвентарь). Поскольку он был обучен военному делу и его за это уважали, то и избрали своим вожаком местные сторонники Исламского общества Афганистана Бурхануддина Раббани. Однажды от Раббани пришло

указание явиться в Пешавар на личную встречу для знакомства и записи телеинтервью о «советской агрессии». Олег верхом на лошади, в сопровождении своей «группы» из шести пеших человек направился в Пакистан. Передвигались в ночное время, а днем отдыхали у своих сторонников. И вот однажды ночью в провинции Вардак, прилегающей к Кабулу с юго-западного направления, нужно было перейти шоссе на дорогу, проходившую по высокой насыпи. Олег, по его словам, отошел от своих сопровождающих на некоторое расстояние, чтобы лошади было удобнее забраться на насыпь, и уехал на ней в сторону Кабула. Через несколько километров его остановили на КПП сотрудники провинциального отдела СГИ и сопроводили в Кабул к своему начальнику Хаджи Сахи. Такова была история пленения и освобождения Олега Николаева в его изложении. Когда я сказал ему, что сегодня отмечается годовщина Дня Победы и поздравил его с этим праздником и удачным побегом, парень заплакал. Олега передали в Кабульскую военную комендатуру. Каково соотношение правды и вымысла в его необычной истории, я не знаю. А вот с трофейной лошадью несколько дней были проблемы: чем кормить, куда ее девать?

Вот такие получились воспоминания и размышления об Афганистане, о моих сослуживцах, друзьях и коллегах, о некоторых событиях и о тех далеких жарких буднях.

Буду очень рад, если эти строчки кому-то в чем-то помогут, или просто окажутся интересными, или всколыхнут воспоминания о собственном пережитом прошлом и вызовут желание снова встретиться, поделиться своими новостями, погрузиться в воспоминания и поднять застарелые кубки.

*Я поднимаю высоко бокал
За нашу службу, боевых друзей,
За тех, кто на посту стоит
сейчас
Вдали от Родины, которой нет
родней!
Пью, опер, за тебя, мой младший
брат!
Успех придет в бою,
будь молодцом! Не ценность –
бриллиант во сто карат:
Пусть крепким будет тыл –
надежный дом!
Пью за тебя, коллега-ветеран!
Ты по глазам – все тот же,
оптимист!
Не унывай, дружище, ты всегда,
Как был, так и останешься
ЧЕКИСТ!*

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ШИРОНИН

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ, НЕНУЖНАЯ ВИКТОРИЯ, ЗАБЫТАЯ ВОЙНА...

Я родился на Алтае после Великой Отечественной войны в семье служащего. Окончил школу в Барнауле. С юных лет увлекался спортом, был чемпионом города по баскетболу. В 1971 году получил диплом об окончании Алтайского политехнического института. За период обучения приобрел специальность командира танка.

Эти навыки мнегодились во время войны в Афганистане, где я побывал дважды: в 1980 и 1981 годах. Перед отправкой в Афганистан я прошел трехмесячные курсы подготовки при Высшей Краснознаменной школе КГБ СССР. Из Алтайского управления КГБ СССР были направлены двое: Владимир Стремилов и я.

Наша группа состояла из сотрудников КГБ, прибывших с Украины, Алтая, из Таджикистана и Новосибирска. В своей работе мы помогали друзьям из ХАД (служба госбезопасности Афганистана) в оперативном поиске бандформирований из Пакистана и организации контрразведывательных мероприятий в беспокойном приграничье.

Советники, прибывшие в Афганистан, прошли солидную страноведческую подготовку, хорошо знали обычаи, нравы, традиции, историю страны. Они имели также немалый опыт оперативной работы. Например, я был направлен в Афганистан с должности заместителя начальника контрразведки Алтайского края.

Это был непростой период в становлении республики. Межплеменные и внутрипартийные конфликты раздирали страну. Однако наше отношение к коллегам-афганцам всегда было уважительным. Нередко после боевой операции мы вместе с сотрудниками ХАД долгими зимними ночами грелись у костра на границе с Пакистаном, хотя граница была условным понятием.

Афганистан стал очередным объектом противоречий в геополитическом споре между СССР и США. ЦРУ США и другие спецслужбы закладывали в «южном подбрюшье» СССР очаг политической нестабильности, бомбу замедленного действия для южных регионов будущей России. Входя в

Широнин Борис Александрович
(р. 1944), полковник.
Окончил Алтайский
политехнический институт,
факультет повышения
квалификации руководящего
состава и специалистов при
Высшей Краснознаменной школе
КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского.
В республике Афганистан
находился в 1980-1981 гг. Владеет
английским языком.
Награжден медалями КГБ СССР
«За безупречную службу»
и правительства Афганистана
«За верность долгу и Отечеству»

Б. А. Широнин и группа советников со старейшиной племени в день переговоров. Хост, 1980 г.

Афганистан, мы, к сожалению, не учли уроков истории. Как говорил в 80-е годы американский идеолог Збигнев Бжезинский: «Главное – затянуть Советский Союз в его собственный эквивалент Вьетнама».

Десятилетнее пребывание советских вооруженных сил в Афганистане в числе других причин привело в конечном итоге к распаду СССР.

Воспоминания о тех днях и сегодня тревожат мои мысли. Трагические события этой человеческой драмы останутся до конца непонятыми родными и друзьями погибших в мирное время «афганцев» – офицеров КГБ СССР. По нашим данным, за десять лет боев погибло 13 тысяч солдат и офицеров, в том числе 576 военнослужащих КГБ СССР.

Однако вернемся к противоречивым событиям в республике Афганистан. Получая оперативную информацию, мы все больше убеждались в присутствии иностранных разведок в стране. Их планы не отличались большой оригинальностью. Ставка, как подтверждали шурави – советники из СССР в 80-е годы, вновь делалась на афганскую контрреволюционную эмиграцию, бывших крупных помещиков и феодалов, реакционную часть вождей племен, окружение короля Дауда, стремящегося с помощью интервенции восстановить свою власть.

Особая роль отводилась моллому Гульбедину Хекматияру, лидеру эмиграции, возглавившему враждебную СССР организацию

Хезб-и-Ислами, филиал известной с 1966 года правовой религиозно-политической системы «Братия мусульмане». Особая роль «братьев» была определена адмиралами и дипломатами атлантической группы стран НАТО в 1978 году на совещании в Аннаполисе (США), где присутствовало свыше 270 генералов.

В 1979 году на встрече эмигрантов в Мюнхене был поднят вопрос о создании «исламского совета спасения Афганистана», костяк которого составили «немецкие афганцы» и представители Исламабада.

По данным управления государственной безопасности города Хост, враги демократического Афганистана надолго окопались в соседнем Пакистане, где получали

деньги, оружие из США, «гуманитарную помощь» из Англии и некоторых арабских стран.

ЦРУ США в 1979 году создало Ассоциацию американской помощи афганским беженцам и Национально-освободительный фронт Афганистана во главе с С. Маджадди.

Разведке КГБ СССР удалось подтвердить, что американской «крышей» для легионов в Пешаваре стала в 1980-1981 годах организация «Фонд Азия», созданная с целью помощи спецслужбам Пакистана в организации разведывательных операций в приграничных районах.

В те годы ЦРУ перевел свою штаб-квартиру из Тегерана в Пакистан для организации «священной войны» с его территории. Данный объект стал основным интересом советнического аппарата в период моей второй командировки в ДРА в 1981 году.

Используя наши оперативные возможности в Пакистане, мы тщательно перепроверяли заинтересованность США в сотрудничестве с Ираном и Пакистаном в этом районе. Интерес представляла программа помощи террористическим группировкам Дауда для разгрома партий «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»).

Тайная полиция Ирана стала вести прямую подрывную деятельность в войсках в округе города Хост. Мы были свидетелями, как в 1980-1981 годах старшие офицеры афганской полиции направлялись «обучаться антисоветскому ремеслу» в Западную Германию. На эту программу правительство Западной Германии выделило около двух миллиардов марок.

Как показал анализ оператив-

Митинг по случаю перехода бандгруппы на сторону правительства в уезде Мибачеку, Кабульская провинция. 1983 г.

ной обстановки, одним из мест для размещения разведывательно-го центра, нацеленного на СССР и его «подбрюшье», оставалась Турция. В это время афганские мятежники получили от США около 40 миллионов долларов для закупки оружия, боеприпасов и организации преступной деятельности террористов, в том числе в районах союзных республик и самом Кабуле.

В октябре 1979 года Амин утвердил «союз» с Исламской партией Афганистана с целью ликвидации НДПА. Только его своевременное разоблачение и дальнейшая ликвидация не позволили совершить переворот в декабре 1979 года.

Было достоверно известно, что афганских моджахедов для мятежа готовили по соседству, в лагерях на территории Пакистана, агенты ЦРУ и инструкторы из Пекина. Не случайно афганские старейшины предупреждали мировое сообщество о возможном разделе Афганистана в 80-х годах. Восточная и южная части страны и город Хост должны были отойти Пакистану, а северная часть – превратиться в зону влияния Китая. Намечалось создание так называемого «террористического движения» для борьбы с советским режимом. В коалицию вошли Пакистан, Китай, Саудовская Аравия, Египет и Великобритания.

В Пешаваре нашли убежище террористы, наркодельцы и другое отребье с юга Афганистана.

Именно здесь срочно готовились боевики, засылаемые в нашу страну, участвующие в уничтожении воздушного моста с 40-й армией.

Десятки миллионов долларов были выделены ЦРУ для приобретения тысяч «Стингеров» в помощь моджахедам. В 1980-1982 годах в Египте были закуплены автоматы Калашникова на 50 миллионов долларов якобы советского производства (с клеймом «Сделано в Китае»).

Обстановка в городе Хост в начале 80-х годов была беспокойной. На горных тропах, ведущих из Пешавара в Афганистан, бандиты чувствовали себя вольготно и подбিরались вплотную к окраинам города. Террористические акты были почти повседневными событиями. Первыми жертвами террора моджахедов стали местные партийные лидеры НДПА, проживавшие в Хосте.

В целях безопасности мы категорически запретили собирать оперативный состав одновременно вместе. Одно из таких совещаний,

на нашу общую беду, закончилось расстрелом всех «хадовцев», которых мой друг из Новосибирска, заменивший меня, в нарушение инструкции все-таки рискнул собрать. Это случилось в 1983 году. Среди афганцев оказался предатель, который привел банду в нужное время и место. Нападение группы моджахедов произошло утром, когда сотрудники ХАДа собрались на совещание в помещении Управления безопасности для подведения итогов. Бандиты забросали их гранатами, а оставшихся раненых добили. Погибло более десяти сотрудников, подготовленных за два года для негласной борьбы с бандами моджахедов. Семьи афганцев потеряли сыновей и мужей. Это была большая человеческая трагедия и всем нам жестокий урок. Вечная память моим афганским коллегам: Накибулле, Нурали Махмаду-Али, Гульпаче, Махмаду-Таиру, Гуламиру – трагически погибшим от рук бандитов.

В процессе расследования этого теракта оперативным путем были получены неопровержимые данные о том, что в ряды сотрудников управления безопасности был внедрен агент моджахедов. Этот прием бандиты использовали неоднократно, пользуясь тем, что подбор в местные органы безопасности осуществлялся без должной проверки кандидата на лояльность к власти.

В начале командировки мне пришлось вспомнить навыки командира – водителя танка, приобретенные еще на военной кафедре в политехническом институте.

Спать в доме было опасно, пришлось позаимствовать танк у 40-й армии. Грозное оружие применялось для обороны «хадовцев» от нападения бандитов. Броня танка оберегала от пуль и гранат противника, да и давать отпор легче не под открытым обстрелом, а под броней и на надежных «гусеницах» родного советского танка. Холодная сталь не грела нас долгими ночами, но сберегла, помогла вернуться домой живыми.

Кстати сказать, единственными документами, удостоверяющими личность советника – шурави, были афганское разрешение на ношение оружия в городе и автомат Калашникова с гранатой для походов в горы.

Боевое братство с военными советниками Хоста многие годы продолжалось у меня и в СССР, а позже в России и на Украине.

Фамилий, теперь уже иностранцев, по причине конспирации не

буду называть. Но дружба с ними для меня священна. Мы вместе участвовали в боевых действиях в приграничье, где нельзя было допустить ни единой ошибки или промедления, ибо это грозило смертью сотням людей.

Порой они вызывали огонь «вертушек» на себя, отводили удары от мирного населения. Итоги подводили по числу уничтоженных бандитов, чаще всего пришедших из Пакистана. Я видел наяву, как сели головы молодых военных советников после каждой такой атаки. Результаты боя всегда требовалось подтвердить лично. Это была тяжелая и ответственная работа.

Не менее опасной была и работа наших таджикских переводчиков, ныне работающих в органах безопасности. Нередко им приходилось лицом к лицу разговаривать с бандитами, исполнителями кровавых акций в Афганистане. Необходимо было не только хорошо знать язык, но и использовать его для получения необходимых сведений в разных ситуациях. При этом нужно было обладать большим мужеством, чтобы в девятнадцать-двадцать лет разбирать подробности сотен убийств.

Можно только склонить голову перед смелостью этих молодых ребят – участников «оперативных игр», когда обстановка требовала немедленного внедрения молодого сотрудника в банду, которая нередко после этого уничтожалась.

Хотел бы поделиться своим опытом с учетом сегодняшней обстановки.

Не вызывает сомнения, что офицер государственной безопасности должен быть умным, образованным, хорошо физически подготовленным.

В условиях военных действий он должен понимать солдат, относиться к ним как к членам своей семьи, принимать все возможные меры к снижению риска для их жизни. Только так можно обеспечить успех оперативных действий. Работая сообща, в группе риска всегда надо помнить о неоднократном увеличении степени собственной уязвимости.

Решающую роль в такой ситуации приобретает мотивация действий офицера, его отношение к службе и Отечеству, то, насколько он верен завету: «Сам погибай, но товарища выручай». Сегодня этот мотив еще способен помочь нашей молодежи укрепить русский национальный характер, сохранить традиции доблести и чести.

Горлинский Александр Васильевич (р. 1952), полковник. Находился в республике Афганистан с января по июль 1981 г. За проявленное мужество во время командировки в республику Афганистан награжден медалями «За боевые заслуги», «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа»

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ГОРЛИНСКИЙ

ХОЛОДНЫЙ ГЕРАТ

Это было в районе города Шинданд в провинции Герат. Наша группа в составе тридцати человек прибыла в феврале 1981 года. Весной ночью были заморозки. Днем столбик термометра поднимался до двадцати градусов. Представляете перепады? Но это было только начало. Летом в тени температура воздуха достигала пятидесяти градусов. До брони БТР дотронуться было невозможно. Климат в Афганистане резкоконтинентальный, и привыкать к нему было трудно. Инфекционные заболевания были обычным явлением. Гепатитом в войсках переболел практически каждый. В нашем отряде благодаря принятым профилактическим мерам гепатитом никто не заразился. Посуду после еды мыли хлоркой, и эта процедура нас, видимо, спасла. Вода была привозная. Жили в палатках и фанерных домиках. Быт спецназовцев, мягко говоря, не отличался комфортом, но, как могли, пытались его наладить.

Краски окружающей природы были контрастными. Весной степь и горы расцветали маками и тюльпанами. Летом все превращалось в

выжженную пустыню. Но там, где была вода, природа одаряла человека обилием овощей, фруктов.

Кроме офицеров, прошедших специальную подготовку, в группу входили врач, финансист, завхоз. Группу формировали из сотрудников территориальных органов КГБ Северо-Западного региона: Ленинграда, Архангельска, Белоруссии, Латвии, Эстонии. И сегодня, листая страницы памяти, я вижу их задорные, живые лица и горящие глаза. На таких ребят можно было положиться, идти с ними в разведку.

Дисциплина в отряде была железная, действовал сухой закон. Такой порядок был жизненно необходим в боевых условиях. Могу с уверенностью сказать, что все небоевые потери в Афганистане происходили из-за грубого нарушения дисциплины и употребления алкоголя. Мы привыкли к индийскому чаю, который поднимал жизненный тонус. В вечернее время после очередного рейда было приятно посидеть и послушать песни нашего коллеги и поэта Юрия Кирсанова из Мариуполя, которые он исполнял под гитару. Кстати, он по собственному желанию остался в Афганистане на второй срок командировки. Свое решение Юрий объяснил тем, что влюбился в эту страну Востока. Война войной, но романтики никогда не переведутся и в нашей системе. Сегодня песни Юрия Кирсанова популярны не только в среде офицеров спецназа. На память пришли строки из гимна «каскадеров», написанного Юрием в Шинданде:

Куда бы нас с тобой ни занесло, Мы пронесем удачу как награду, Мы средь живых, нам, значит, повезло, Папаша Бог дежурит по «Каскаду».

22 июля 1980 года председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов подписал приказ, в котором были отражены все направления деятельности отряда «Каскад» в Афганистане. Так, там говорилось: «Спецподразделение «Каскад» создано для оказания практической помощи афганским друзьям для организации борьбы с бандформированиями и контрреволюционным подпольем».

Первый отряд, состоявший из тысячи офицеров, возглавил квалифицированный разведчик полковник Александр Иванович Лазаренко. С его легкой руки диверсантов-разведчиков «Каскада» стали называть «каскадерами». И действительно, аналогия с известной профессией прослеживается: выдержка, мастерство, высокая степень риска.

Команды отряда дислоцировались в восьми крупнейших территориально-административных центрах Афганистана. Их называли зоны ответственности. Провинции Кандагар, Газни, Джелалабад были удалены от Кабула на расстояние до двухсот километров. А расстояние, например, до провинций Герат, Файзабад составляло от пятисот до тысячи километров. В отдельные периоды большую часть территорий, находящихся в зоне ответственности, контролировали душманы. Поэтому только высокая дисциплина, строгое выполнение указаний руководства отряда, поддержание надежной связи с главным штабом в Кабуле являлись залогом успеха деятельности «Каскада». К слову замечу, что, как только солнце садилось за горы, радиосвязь прекращалась. Эту особенность приходилось учитывать.

Основными задачами «Каскада» были оказание помощи в создании органов безопасности на местах, организация оперативной работы против бандформирований, проведение специальных мероприятий в отношении наиболее активных противников афганского народного режима, получение достоверной и своевременной информации о противнике.

«Каскад» имел двойное подчинение: Центру, а на месте, в Афганистане, – представителю КГБ СССР. О деятельности отряда ежедневно докладывали Ю.В. Андропову. Он проявлял внимание к его нуждам, отмечал сотрудников за достигнутые результаты.

Рейды, засады, боевые операции были нормой нашей повседневной жизни. В редкие часы отдыха находили время, чтобы сходить на горную речку порыбачить и искупаться, но под охраной автоматчиков. Сегодня трудно себе представить, что против нас, я имею в виду 40-ю армию, включая все спецподразделения, сражались до ста тысяч человек мятежников, объединенных приблизительно в 1500 бандгрупп.

Противник действовал крайне изощренно. Помню, во время очередного совместного рейда был задержан афганец. Во время обыска в его одежде и на теле нашли

целую коллекцию: карты, списки, явки. Глядя на этого грязного калеку, трудно было представить, что перед нами опытный эмиссар одного из центров по подготовке террористов.

Был случай, когда во время рядовой проверки автомобиля была выявлена крупная сумма валюты. Всех задержанных афганцев сотрудники безопасности ХАД для дальнейшего следствия отправляли в Кабул. К сожалению, нам были известны случаи, когда лиц, имеющих прямое отношение к мятежникам, отпускали на волю.

Нашим главным противником были банды душманов, которые проходили подготовку в лагерях исламских лидеров Хекматияра и Раббани. Банды численностью пятнадцать-двадцать человек наносили удары по народнохозяйственным объектам, подрывали линии электропередач, совершали дерзкие теракты. После нанесения удара они исчезали, используя подчас подземные переходы, пещеры, складки местности.

На первом этапе нашими переводчиками были советские солдаты срочной службы, таджики по национальности. Позже их заменили офицеры с высшим образованием.

«Каскад» числился отдельной воинской частью. По приказу командарма весь личный состав отряда был поставлен на довольствие в 40-й армии. А это значило многое: переброска по воздуху военной транспортной техники и вооружения отряда, снабжение продуктами и ГСМ, медицинское обслуживание.

Самое тесное взаимодействие мы осуществляли с нашими соседями – мотострелковой дивизией.

Командиром этой дивизии был обаятельный подтянутый полковник Борис Всеволодович Громов. Он пользовался заслуженным авторитетом среди солдат и офицеров.

Систематически наше подразделение «Каскад» передавало в дивизию информацию, объективность которой подтверждалась во время боя, нанесения по скоплению отрядов вооруженной оппозиции бомбоштурмовых ударов (БШУ). Во время этих операций командование дивизии и руководство нашего отряда придерживалось принципа: мирное население не должно страдать.

Отряд принимал участие в крупномасштабных войсковых операциях, добывал сведения о передвижениях противника, пресекал каналы снабжения на караванных тропах, освобождал пленных и заложников. Естественно, руко-

водство дивизии было благодарно «каскадерам».

К информации, передаваемой в Центр, относились предельно ответственно, неоднократно ее перепроверяли. Отряд замыкался напрямую на одного из руководителей разведки КГБ СССР Юрия Дроздова, имевшего огромный авторитет в органах, профессионала с большой буквы. Напомню, что именно Юрий Дроздов был руководителем операции «Шторм-333» по взятию дворца-крепости Тадж-Бек и других восьми объектов Кабула в декабре 1979 года.

Контактируя с сотрудниками ХАД, мы передавали свой опыт молодым коллегам. Большинство из них были талантливые молодые люди, глубоко верившие в идеалы революции. К сожалению, был случай предательства со стороны начальника отдела ХАД провинции.

В то же время тесные сердечные отношения сложились с заместителем начальника ХАД Мухетдином. Он много рассказывал об особенностях психологии, национальных традициях и обычаях народов, населявших подконтрольную территорию.

Нам приходилось вступать в контакты с руководителями племен, склоняя некоторых из них к лояльности по отношению к режиму. Это был сложный процесс. Мы просчитывали каждый шаг, так как старейшины племени могли изменить решение в любую минуту, не объясняя мотивов.

Хлеб и опасность я разделял с моими друзьями-чекистами из Ленинграда: Борисом Васильевичем Качаловым, Борисом Николаевичем Вязовым, Владимиром Григорьевичем Терещенко. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с такими верными и надежными боевыми товарищами. В нашем отряде потерь не было, и это было большой удачей.

В мир иной ушли Петр Алексеевич Гнесь, Борис Васильевич Качалов. Светлая им память!

По-прежнему считаю, что ввод войск в декабре 1979 года в Афганистан позволил на длительный срок обеспечить безопасность наших южных границ от прямого вмешательства со стороны сил вооруженной контрреволюции, размещения на территории Афганистана стратегических сил НАТО. Полагаю, что принятое политическим руководством СССР в 1991 году решение о прекращении военной и экономической помощи Афганистану было недостаточно продуманным и дальновидным.

А. В. Горлинский (5-й справа во втором ряду), Б. В. Качалов (2-й справа во втором ряду) и губернатор провинции Герат (7-й справа во втором ряду) с группой сотрудников ХАД и детьми. Провинция Герат, 1981 г.

Журавский Юрий Николаевич (р. 1937), полковник. Окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения. Находился в республике Афганистан в 1981-1983 гг. Владеет немецким языком. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды, орденом Звезды и медалью «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа» республики Афганистан

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖУРАВСКИЙ

«НЕТ УЗ СВЯТЕЕ ТОВАРИЩЕСТВА»

В Афганистан я прибыл в звании майора с должности заместителя начальника Петроградского отдела УКГБ СССР по Ленинградской области. Это был период, когда молодая республика укрепляла свою обороноспособность, при нашем самом активном участии создавалась система государственной безопасности: разведка, контрразведка, спецсвязь, шифровальное дело. Одним словом, всё, что необходимо государству для его защиты от вмешательства из-за рубежа разведок противника. Как мы ни старались, практически сразу после ввода войск, как тогда говорили – «ограниченного контингента», наши подразделения были втянуты в гражданскую войну. Естественно, советники службы безопасности ХАД находились на переднем крае обороны. Имелись боевые потери.

Я был направлен старшим советником в зону «Запад», куда входили провинции Фарах и Нимруз. Данный регион в оперативном отношении был одним из самых сложных. На его территории проживали белуджи, пуштуны, таджики. Здесь говорили в

основном на языках пушту, дари и на таджикском. Население, в целом, относилось к нам доброжелательно. Природа в этих местах была щедрой. Земля провинции позволяла снимать три урожая в год. Особенно эти места славились удивительно крупными и сладкими гранатами.

Местная легенда гласит, что когда-то в городе Фарахе оставался с войсками Александр Македонский. И сегодня можно увидеть среди местного населения мужчин с голубыми и зелеными глазами, которые считают себя потомками великого полководца.

Меня поселили в доме бывшего губернатора провинции, в комнате площадью девять квадратных метров без элементарных удобств. В этом же доме проживали и другие советники. Дом состоял из глинобитных куполообразных помещений с маленькими окнами, выходящими на северную сторону. Постепенно мы наладили наш нехитрый быт.

С первого дня я окунулся в непростую работу по обучению оперативного состава службы безопасности ХАД азам контрразведывательной работы.

После событий декабря 1979 года и ввода наших войск численный состав сотрудников безопасности увеличился. В отдельных провинциях росло количество оперативно-боевых групп, прошедших специальную подготовку по борьбе с террористическим подпольем, хорошо оснащенных в боевом отношении. Эти группы самостоятельно решали вопросы по изучению обстановки, поддержке структур новой власти на местах, практически принимали решения по применению оружия в столкновениях с душманами.

В тесном контакте мне приходилось работать с земляками-ленинградцами – участниками групп специального назначения «Каскад»: А. В. Горлинским, Б. Н. Вязовым, Ю. И. Локтевым, П. Н. Гнесем, Б. В. Качаловым. Как бывший руководитель группы советников в провинциях Фарах и Нимруз буду всегда помнить Б. Н. Вязового и Б. В. Качалова, оказавших мне неоценимую помощь в ознакомлении с особенностями оперативной обстановки.

Хотелось бы отметить профессиональную работу сотрудников центрального аппарата, которых мы называли «направленцами»: В. Сухова, В. Данилина, В. Груздова, А. Андреева. Они неоднократно выезжали в нашу зону для участия в планировании наиболее сложных оперативных мероприятий.

К большому сожалению, среди нас нет сегодня начальника штаба отряда «Каскад» участника Великой Отечественной войны Бориса Васильевича Качалова, командиров Э.М. Козлова и П.Н. Гнеся, М.М. Денскевича, Н.П. Барышева (последние два из Белоруссии), Г.В. Милашвили (из Грузии), военного советника генерала П.В. Ларина.

Это были верные, надежные товарищи, профессионалы с большой буквы. Светлая им память!

Как старший советник, я регулярно поддерживал контакт с подразделениями 40-й армии. Глубоко дружеские, доверительные отношения у меня сложились с командиром дивизии полковником Борисом Всеволодовичем Громовым. Этого прямого, открытого, очень доброжелательного человека уже тогда можно было назвать командиром новой формации.

Чтобы избежать ошибок, особенно при принятии решений о нанесении бомбовых ударов, мы договаривались операции такого масштаба согласовывать со всеми ведущими советниками. Борис

Всеволодович Громов поддержал наше предложение.

Например, в ущелье Нардар была проведена первая такая операция. В ней принимала участие опергруппа в составе военных, партийных советников, представителей МВД, КГБ, ГРУ.

В тот период даже старшие советники принимали личное участие в оперативно-войсковых операциях, в прямом смысле рисковали жизнью. Был случай, когда оперативно-боевая группа «Каскад» во главе с советником Э. Махортовым (из Украины) в местечке Лашиджаун на бронетранспортерах с марша вступила в бой с бандой душманов, успела оказать огневую поддержку представителям органов власти района и тем самым спасла их от полного разгрома и уничтожения.

Огромное положительное влияние на подсоветных всех уровней оказывал старший партийный советник Игорь Григорьевич Астафьев (бывший секретарь Астраханского обкома КПСС).

Укреплению его авторитета способствовал тот факт, что некоторые руководители управлений губерналовства, в частности Ханата, ранее учились в Астраханском сельхозинституте. Они хорошо знали русский язык, стали отличными специалистами своего дела.

Хотел бы выделить следующих афганских руководителей: Хабиба (секретаря НДПА), Нурзая (члена ЦК НДПА), Бакташа (губернатора). Они пользовались заслуженным авторитетом и влиянием среди населения.

Говоря о характере афганцев, хотел бы заметить, что они активные, самоотверженные и невероятно храбрые люди. Во время операции по уничтожению крупной банды Мамед-Шаха на моих глазах погиб начальник царандоя (полиции) Азис, который шел в первой шеренге нападавших. Под танком погиб и начальник службы безопасности Хазрат.

Одной из главных задач в работе службы безопасности было склонение главарей банд к переходу на сторону народной власти. Эта работа требовала больших усилий и предельной осторожности, так как нужно было учитывать особенности национальной психологии и отдельные отрицательные черты характера: лицемерие, двуличие, алчность.

Были факты, когда лидер повстанцев подписывал договор о сотрудничестве, а на следующий день вновь становился врагом респу-

блики, поскольку эмиссар той или иной организации предлагал ему за сотрудничество большее вознаграждение. Днем мирный дехканин работал на поле, ночью шел на совершение террористического акта. Так что выявить такого участника банды было непросто.

Не всегда результаты операций нас удовлетворяли. Подчас наши подразделения приходили на «пустое место». Бандиты исчезали, словно духи. В процессе оперативной работы мы получили неопровержимые материалы о широкой сети их агентуры среди населения, администрации, полиции, армии. Передвижение советского контингента отслеживалось ими круглые сутки, и информация своевременно передавалась руководителям банд. Душманы применяли тактику использования небольших групп, которые объединялись в случае необходимости для нанесения удара по крупным объектам. Тайники, устроенные в пещерах, пополнялись оружием и боеприпасами из Египта, Китая, Пакистана, Ирана. Фактически мы столкнулись с международной поддержкой контрреволюции.

Эффективную пропагандистскую, идеологическую работу, направленную на подрыв авторитета правительства республики, проводили религиозные организации: Исламская партия Афганистана (ИПА) – руководитель Хекматияр, Исламское общество Афганистана (ИОА) – руководитель Раббани, Национальный фронт исламской революции Афганистана (НФИ-РА) – руководитель Гилани и другие.

Справедливости ради нужно отметить, что борьба велась не только за политическую власть. Амбициозных лидеров повстанцев и их покровителей привлекали богатства Афганистана: нефть, газ, золото, редкоземельные металлы, его уникальное географическое положение.

Заканчивая свой рассказ, я хотел бы процитировать слова моего любимого писателя Николая Васильевича Гоголя: «Нет уз святей товарищества». Мои друзья, чекисты, в горниле тех событий неоднократно подтверждали эти слова великого писателя и патриота России.

Пройдя тревожные дороги Афганистана, сотрудники УКГБ СССР по Ленинградской области зарекомендовали себя как профессионалы высочайшего уровня, до конца выполнив свой профессиональный долг.

Локтев Юрий Иванович (р. 1941), полковник. Окончил Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1981 г. Владеет испанским языком. За операцию по ликвидации центра подготовки террористов Награжден медалью «За боевые заслуги». Службу в КГБ СССР Ю. И. Локтев закончил в звании полковника, возглавляя резидентуру в одной из зарубежных стран

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ЛОКТЕВ ВОСПОМИНАНИЯ

В начале 1981 года я был в Афганистан в составе группы специального назначения «Каскад». Вдохновителем и организатором подразделений специального назначения был генерал-майор Юрий Иванович Дроздов. Докладывая о результатах операции Ю.В. Андропову, председателю КГБ СССР, о смене власти в Кабуле в декабре 1979 года, он сумел убедить Юрия Владимировича в целесообразности создания таких подразделений. Штатные подразделения «Вымпел», «Каскад», «Омега» предназначались для выполнения задач только за рубежом. В книге «Вымпел», изданной в 1997 году, Дроздов рассказывает об истории создания групп специального назначения, их целях и задачах. Особенно подробно Юрий Иванович касается подготовки кадров, которая проходила на объекте Балашиха.

В числе других оперработников я прошел кратковременные курсы, которые не только не уступали программам американского спецназа, но во многом превосходили их по насыщенности. Приходилось стрелять из всех видов стрелкового оружия, в том числе иностранного производства. Мы научились водить весь автотранспорт: от мо-

тоцикла до бронетранспортера. В воздушную подготовку входили обязательные три прыжка с парашютом. Нас научили использовать самые современные виды связи. Уделялось внимание рукопашному бою. Нас «обкатывали» танками. Но самое главное – учили принимать нестандартные решения. Все оперработники имели высшее образование, некоторые по два, в совершенстве владели несколькими европейскими языками. Правда, специалистов со знанием восточных языков были единицы.

Мы были молоды, однако у большинства офицеров нашей группы за спиной имелся опыт оперативной работы. Я, например, к моменту командировки в Афганистан, побывал в Египте и на Кубе. Перед отправкой нас знакомили с историей, культурой страны, традициями, особенностями оперативной обстановки.

Наша группа в составе двенадцати офицеров была направлена в район Герата, в ста пятидесяти километрах от границы с Ираном. Граница проходила реально только на карте. В жизни эти места представляли собой бесконечные пересеченные районы сопок, холмов, переходящих кое-где в невысокие горы, иссушенные долины. Самой большой проблемой была нехват-

ка воды и бесконечные эпидемии. Исторически эти места населяло довольно большое воинственное племя белуджей, в своем развитии достигшее примерно XVI века.

Это были очень красивые, благородные люди, не лишенные азиатской гибкости и коварства. Молодого юношу четырнадцати-пятнадцати лет племя могло признать мужчиной только в том случае, если он приносил голову врага. Белуджи вели кочевой образ жизни. Они были в союзе с теми, кто им больше платил, но чаще выступали против правительства, находящегося в Кабуле. Идеология для них имела относительное значение. Основным аргументом для воина белуджа было только одно обстоятельство: племенное родство и его место в иерархии племени. Оружие и лошади для этих людей заменяли золото.

Вот с такими людьми нам пришлось работать, получать разведывательную информацию, строить деловые отношения. В своей работе, естественно, мы взаимодействовали с частями спецназа МВД «Кобальт», мотострелковыми подразделениями министерства обороны, со спецназом военной разведки, с ХАД (служба государственной безопасности Афганистана), с советниками нашего профиля.

Одной из задач, которую ставило руководство КГБ СССР перед отрядами специального назначения, было получение разведывательной информации об объектах противника и их дальнейшей ликвидации.

Вспоминаю случай, который у меня по сей день стоит перед глазами. По данным диверсантов-разведчиков нашего подразделения на границе с Ираном в труднодоступном ущелье разместился крупный учебный центр по подготовке боевиков-душманов. По оперативным данным в центре одновременно проходили подготовку более пяти сот повстанцев разных национальностей. После двухмесячных курсов за пределы лагеря выходили профессионалы, владеющие стрелковым оружием, минно-взрывным делом. Сбив в небольшие отряды, их отправляли для совершения диверсий, террористических актов на территорию Демократической Республики Афганистан. Было известно, что данный центр финансировался и снабжался иранскими спецслужбами.

Как я уже говорил, лагерь находился в труднодоступном месте До-Шах. У нас был горький опыт,

когда наши вертолеты пытались сделать разведку местности и были сбиты расчетами душманов, словно воробы из ружья. Противник применял крупнокалиберные спаренные пулеметы ДШК, которые буквально прошивали снарядами обшивку корпуса. Потери среди летного состава в отдельных провинциях юга были тяжелые. Наши попытки проникнуть в лагерь, используя помощников из числа мирных молодых дехкан, не увенчались успехом. Как правило, афганец уходил, и больше мы его не видели. Но информация о центре подготовке нужна была позарез: именно диверсионные группы, подготовленные в местечке До-Шах, наносили существенный урон живой силе и технике советских войск.

И тут в какой-то степени помог случай. Как я уже рассказывал, в своей работе наша группа активно поддерживала контакт с советниками службы безопасности ХАД. Были получены оперативные данные о том, что «хадовцы» пленили авторитетного душмана, родной брат которого являлся главарем банды. По проверенным данным банда состояла из шестисот человек и действовала в нашем районе. Я встретился с пленным душманом и сумел установить с ним доверительные отношения. Понятно, что такие отношения сложились не за одну встречу. В процессе общения была достигнута договоренность: если наш новый «друг» организует встречу со своим братом, ему в обмен на эту услугу на первых порах изменят режим содержания и окажут дополнительную медицинскую помощь – он был ранен осколком гранаты.

Чуть позже все произошло так, как мы договорились. Представьте себе встречу в полупустыне, куда я прибыл в сопровождении пяти бронетранспортеров. Поразительно, но главарь банды в обмен на освобождение своего брата дал согласие проникнуть в лагерь До-Шах. Оговорили условия связи, а это был самый уязвимый момент. Режим охраны объекта был жесткий. Практически никого за период обучения за пределы территории лагеря не выпускали. Правда, у нашего «друга» был особый статус: он сам был лидером крупного отряда. Представьте себе, через месяц он вышел на связь в обусловленном месте. Встреча происходила в условиях повышенной конспирации. И все-таки плыва в тот памятный вечер мы поели вдоволь. Наш «друг» нанес на карту координаты казарм

охраны, минных полей, пулеметных гнезд, блок-постов, пещер, где хранились боеприпасы, оружие, наркотики.

В операции по уничтожению лагеря принимало участие три мотопехотных полка с приданной артиллерией и вертолетными звеньями. Артиллерия нанесла удар ранним утром, когда душманы готовились к намазу. Затем в бой вступили вертолетные звенья и только потом подразделения пехоты. Примерно через час после начала операции лагерь душманов прекратил свое существование. Трофеев было много. Только стрелковое оружие периода Второй мировой войны вывозили сутки, захватили несколько тонн наркотиков, готовых к продаже.

Да, чуть не забыл дополнить. После успешно проведенной операции, согласно нашим договоренностям, брат нашего «друга» оказался на свободе, и они еще длительное время сотрудничали с советской разведкой.

Говоря о вводе войск в Афганистан, могу сказать, что это решение принималось на основании информации разведки КГБ СССР. В то время действовали мощные аналитические центры, которые просчитывали варианты на десять ходов вперед. Информация, естественно, перепроверялась. Как ни странно сегодня покажется, последним толчком для принятия решения послужил визит в СССР премьер-министра Индии Индиры Ганди. Она любила посещать Советский Союз. С Леонидом Ильичем у нее сложились особенно доверительные, глубоко дружеские отношения. Во время очередной встречи Индира Ганди передала нашему генсеку материалы, свидетельствующие о том, что США намерены осуществить скоротечную операцию по высадке десанта и вводу в Афганистан ограниченного контингента войск. Согласно плану ЦРУ, Пентагон планировал разместить в северных районах Афганистана радары и ракеты среднего радиуса действия. Ну, такого мы допустить не могли. Другой вопрос, чем вся эта история закончилась. Ни один из стратегов так до конца и не смог представить и оценить, с какими людьми им придется иметь дело. Многонациональные племена Афганистана за всю его историю никогда и никому не подчинялись. Не имело значения, кто был завоеватель: Александр Македонский, англичане, СССР, США и какое у них было вооружение.

Калугин Николай Михайлович (р. 1949), полковник. Окончил Ленинградский кораблестроительный институт. Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1983-1986 гг. Владеет языком фарси. Кандидат экономических наук, член-корреспондент Петровской академии Николай Михайлович Калугин за высокие результаты работы в Афганистане награжден орденом Красной Звезды и орденом правительства республики Афганистан «За храбрость»

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАЛУГИН ЛУЧШИЕ ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

С возрастом, когда человек начинает чаще оглядываться на прожитые годы и подводить итоги своего прошлого, я отчетливо понял, что многолетняя работа в органах государственной безопасности подарила мне большое количество ярких и незабываемых событий, встреч, поездок. Но, пожалуй, самым замечательным этапом в моей чекистской жизни была командировка в Демократическую Республику Афганистан в качестве сотрудника представительства КГБ СССР в этой стране. Я проработал там более трех лет – с 1983 по 1986 год.

Командировка в Афганистан не была для меня неожиданностью, так как я перед этим окончил двухгодичный факультет руководящего состава Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского (сейчас это Академия ФСБ России). Я прошел полный курс подготовки для работы в этой стране, изучал персидский язык (фарси).

Я очень благодарен своему преподавателю Лейле Ганиевне Ахмедьяновой, которая помогла мне не только овладеть трудным для рус-

ского человека восточным языком на достаточно высоком уровне, но и своими рассказами привила мне любовь к Востоку, к его людям. Вместе с мужем, специальным корреспондентом газеты «Известия», она более десяти лет прожила в Иране.

С учетом моего опыта работы в службе промышленной контрразведки в Управлении КГБ СССР по Ленинградской области я был направлен советником в Четвертое управление министерства государственной безопасности ДРА. Это подразделение центрального аппарата министерства занималось организацией на территории страны оперативной работы по контрразведывательному обеспечению безопасности экономики страны в таких областях, как авиация и автотранспорт, энергетика, промышленность, добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, финансовая сфера.

Афганистан в силу исторических обстоятельств и географического положения является слаборазвитой страной. В то же время он имеет богатейшие природные ресурсы: газ, нефть, медную руду, уголь и многое другое. Однако их

разработка была приостановлена из-за военных действий.

В силу специфики оперативной работы я и сейчас не могу раскрыть многое из того, чем приходилось заниматься нашему советническому аппарату и нашим афганским коллегам, хотя принципы этой работы ничем не отличались от тех, которые всегда использовались советскими спецслужбами.

В то же время мы должны были вникать во все проблемы афганской экономики, в чем нам помогали руководители, ведущие специалисты министерств и ведомств страны, а также работающие в этих структурах советские специалисты. При этом одним из основных направлений нашей деятельности было обеспечение безопасности.

В основу работы Четвертого управления МГБ ДРА был положен план социально-экономического развития страны, разработанный Советом министров, который позволил нам определить основные направления оперативной работы, порядок взаимодействия с органами власти, министерствами и ведомствами, ведущими предприятиями страны, к числу которых относились, например, транспортное предприятие аэрофлота, завод азотных удобрений в городе Мазари-Шариф.

Большую роль в успешной организации этой работы сыграло то обстоятельство, что многие руководители управления из числа афганцев прошли обучение в высших технических учебных заведениях Советского Союза и как инженеры достаточно хорошо ориентировались в сложной экономической обстановке. Так, начальник Управления, а в дальнейшем заместитель министра Фарид закончил Бакинский нефтяной институт. Он был широко эрудированным человеком и мог решать самые сложные задачи.

Одним из основных объектов нашего внимания была энергетическая отрасль, так как любые нарушения в энергоснабжении Кабула и других крупных городов страны приводили к самым негативным последствиям как в экономике, так и в социальной сфере, вызывая у местного населения страх и разочарование в народной власти.

Построенные при экономическом содействии Советского Союза две гидроэлектростанции (Наруби и Соруби в районе Кабула) и первая в стране ТЭЦ вблизи города Мазари-Шариф, а также линии электропередач протяженностью около тысячи километров посто-

янно являлись объектом террористических актов моджахедов.

В целях защиты этих объектов энергетики пришлось провести огромный по объему комплекс мероприятий по четкой организации взаимодействий министерства энергетики, МГБ, МВД Афганистана, подразделений афганской армии, местных органов управления.

Несмотря на всю сложность обстановки, удалось на минимальном уровне все-таки обеспечить их охрану, в том числе с использованием мобильных групп в районе прохождения ЛЭП, а также наладить работу по получению и реализации упреждающей оперативной информации о планах противника в отношении его действий по различным объектам.

Наиболее «валидным» для нас был кабульский международный аэропорт – афганское «окно в мир», куда прилетали и откуда улетали все советские граждане и афганцы, приезжавшие в Советский Союз и в другие страны мира. Помимо периодических обстрелов аэропорта, которые благодаря общим усилиям с кабульским Управлением МГБ удалось свести к минимуму, постоянно пресекались попытки моджахедов подорвать здание аэропорта. К сожалению, один раз им это удалось. В период массового выезда афганских студентов на учебу в Советский Союз они пронесли чемодан со взрывным устройством в зону досмотра, которая находилась на улице, вне самого здания. Это обстоятельство спасло жизнь многим авиапассажирам, хотя были жертвы и раненые.

Был также случай, когда моджахедам удалось ракетой «стингер» сбить грузовой самолет при посадке. Это потребовало принять экстренные меры по изменению схемы посадки и взлета самолетов за счет создания десятикилометровой зоны безопасности вокруг аэропорта, использования военных вертолетов, оборудованных касетными ракетами, которые «отводили» от основной цели ракеты противника.

Всей этой работой занимался профессионал в области контрразведывательного обеспечения объектов авиации Виталий Ильич Прокопешкин, пользовавшийся большим уважением в Советском Союзе среди летчиков Аэрофлота, сотрудников аэропорта Шереметьево, а также его молодой коллега Владимир Носков. Оба они имели летное образование.

Большие хлопоты доставля-

нам автотранспорт, точнее постоянные разбойные нападения на автоколонны, как правило, в районах трасс, находящихся под контролем афганской армии. К сожалению, надо констатировать тот факт, что в полной мере обеспечить безопасность потока военно-хозяйственных грузов не удалось. С другой стороны, была налажена работа по получению от вездесущих афганских водителей ценной информации о бандах, занимавшихся подрывной деятельностью на дорогах, которая затем использовалась при проведении операций против моджахедов. Большая роль в налаживании этой работы принадлежит советнику Геннадию Ивановичу Игнатьеву, который в Советском Союзе также занимался вопросами контрразведывательного обеспечения автотранспорта.

Особенно сложная обстановка была на дорогах перевала Саланг и прилегающих к нему территориях. Однажды по просьбе нашего военного командования я вылетал на Саланг для решения вопросов по организации досмотра афганцев, проезжавших через перевал. Там пришлось создать специальное подразделение из числа женщин – сотрудниц министерства безопасности, чтобы не нарушать законы ислама при досмотре женщин.

Для решения различных вопросов на местах все советники, как правило, неоднократно вылетали в служебные командировки в различные провинции, особенно на север Афганистана как наиболее развитый в экономическом отношении район страны.

Из-за сложной военно-политической обстановки в ДРА разработка всех основных месторождений природных ресурсов была законсервирована, так как они находились на территории, контролируемой моджахедами. По этой причине для обеспечения нужд национальной экономики от границы СССР до Кабула был протянут нефте- и газопровод, который требовал особо надежной защиты с использованием всех имеющихся сил и средств. Для этого советниками центрального аппарата и территориальных аппаратов МГБ был разработан и реализован соответствующий комплекс мероприятий, позволивший надежно оградить эти жизненно важные артерии от враждебных посягательств противника.

В Афганистане я впервые столкнулся с распространением фальшивых денег, которые в основном поступали из Пакистана и расхо-

Н. М. Калугин в окружении афганцев. Кабул, 1986 г.

дились по всей территории страны. Уровень подделок был крайне низкий, однако большинство неграмотных дехкан попадались на уловки фальшивомонетчиков. Опыт этой работы пригодился мне в девяностые годы, когда я перешел на работу в банковскую сферу.

В настоящее время Афганистан является мировым поставщиком наркотических средств. Это стало возможно только после вывода ограниченного контингента советских войск и вследствие слабости кабульского руководства. В восьмидесятые годы эта проблема так остро не стояла и не требовала каких-либо решительных действий со стороны МГБ, МВД. На фоне возникших в стране противоречий между различными группировками было не до наркотиков. Однако со временем проблема из региональной превратилась в мировую. Необходимо также учитывать, что исторически власти страны контролировали только Кабул и основные города. А мак, как известно, произрастает в горах, где своя власть и свои законы.

Пройдя хорошую школу в Ленинградском управлении КГБ СССР и накопив перед командировкой определенный оперативный и жизненный опыт, я хорошо представлял себе образ идеального руководителя в системе госбезопасности. И именно с таким человеком я встретился в Кабуле и работал под его руководством. Это был один из руководителей нашего представительства генерал Владимир Павлович Зайцев – большой человек в прямом и переносном смысле, интеллект, отличный организатор, хороший аналитик, человек, прошедший многие горячие точки мира и пользовавшийся

безграничным уважением своих коллег.

Ярким событием для меня стала встреча в Кабуле в числе других сотрудников представительства с председателем КГБ СССР Владимиром Александровичем Крючковым, который уделял большое внимание нашей работе в ДРА, был в курсе всех наших дел.

Свой посильный вклад в информирование руководства КГБ СССР о социально-экономической обстановке в Афганистане внесли и советники Четвертого управления, которые постоянно готовили аналитические документы о ситуации в экономике страны.

Судовольствием хочу отметить, что мне неоднократно приходилось слышать добрые слова в адрес земляков. Например, очень тепло отзывались переводчики о генерале Федоре Алексеевиче Мясникове, с которым они работали за несколько лет до этого. Они отмечали его профессионализм, высокий культурный уровень, называли его истинным ленинградцем.

Работа в Кабуле позволила мне познакомиться практически со всеми земляками, которые работали в то время в столице. Многие из них стали моими близкими друзьями, с которыми и сейчас я иду вместе по дороге жизни.

Это прежде всего Валерий Александрович Серёгин, работавший в Афганистане по линии ЦК КПСС, и комсомольский советник Борис Ильич Матвеев. Хорошие отношения также сложились с земляками из Ленинградской военно-медицинской академии, составившими костяк кабульского военного госпиталя, посещение которого я всегда вспоминаю с особой остротой. Там лечился наш земляк, ком-

сомолец, отличный парень Григорий Сёмченко, который во время одного из артиллерийских обстрелов был ранен в ногу. Мы его часто навещали. Чтобы попасть в его офицерскую палату, надо было пройти через длинную палату, где находились рядовые. Эту картину я не забуду никогда. Молодые красивые парни лежали в кроватях без ног, рук, с тяжелыми ранениями. Такие молодые, они уже были инвалидами. Это страшно.

С годами в памяти стирается все плохое и остается хорошее, а в Кабуле самым хорошим было общение в кругу земляков. Мы тогда были молоды, и ничто человеческое нам не было чуждо. Мы вместе справляли праздники, дни рождения. Многие жили в Кабуле с женами и детьми, но всегда поддерживали друг друга и чем могли помогали. Поэтому хочу выразить сердечные слова благодарности всем тем, с кем мне пришлось в те годы вместе жить и работать в Кабуле. Прежде всего Сергею Васильевичу Карпекину и его жене (кстати, только в Кабуле выяснилось, что мы в детстве ходили в один детский сад). Очень теплые слова могу сказать о семействах Хромовых, Дедовых, о Валерии Аркадьевиче Жаворонкове, о Владимире Васильевиче Егере, а также офицере безопасности нашего посольства Юрии Андреевиче Рахманенко, с которым мы сейчас вместе работаем в Санкт-Петербурге.

К сожалению, в настоящее время наши ряды начали редеть. Недавно ушел из жизни Александр Андреевич Григорьев, еще раньше – его жена Света. Помню, как мы встречали Свету в Кабуле, когда она прилетела из Советского Союза, как я летал с Сашей в командировку в Герат. Светлая им память!

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ХРОМОВ

СОБРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

В Управление КГБ СССР по Ленинградской области меня приняли на должность оперуполномоченного оперативно-технического отдела в 1973 году. Отработав в отделе три года, я получил предложение перейти в отдел кадров. В 1983 году, когда я уже был капитаном и начальником отделения, меня пригласили на беседу к Александру Петровичу Корсакову. Я, конечно, догадывался зачем: для обсуждения вопроса моей командировки в Афганистан. Александр Петрович как заместитель начальника Управления в то время курировал кадры. Он задал один прямой вопрос: «Александр Михайлович, в Афганистан поедешь советником по линии кадров в одну из провинций?» Психологически я уже был готов к ответу и, честно говоря, ждал этой беседы с нетерпением. Да и моя супруга, Валентина Николаевна, легкая на подъем, с энтузиазмом поддержала идею поработать в далекой восточной стране. Не раздумывая, с легким сердцем я дал положительный ответ. Хотелось бы добавить, что с Александром Петровичем Корсаковым у меня сложились деловые и в то же время доверительные отношения. Он был человеком очень «теплым», с широким кругозором, чекистом и учителем, как говорят, от бога. Корсаков

пользовался огромным авторитетом среди сотрудников, и его было за что уважать. Честность для него была главным критерием в оценке человека.

Итак, 1 февраля я разместился в одном из номеров гостиницы «Пекин» в Москве, чтобы получить перед отправкой в Афганистан последний инструктаж в центральном аппарате КГБ СССР.

11 февраля в числе других тысяч граждан России простился с Генеральным секретарем ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного Совета СССР Юрием Владимировичем Андроповым. Как председатель КГБ СССР, по отзывам работавших с ним, он был знающим, требовательным, справедливым, исключительно трудолюбивым руководителем. Андропов участвовал в принятии решения о вооруженном вмешательстве СССР в Афганистане. Прощание происходило в Колонном зале Дома Союзов СССР.

12 марта я прибыл в Кабул и длительное время работал в коллективе единомышленников: Евгения Митрофанова, Юрия Яковлева, Владимира Дёктева. Это были умные, находчивые, эрудированные сотрудники.

Меня отправили в провинцию Кундус, но в последнюю минуту решение было изменено. Я привык

Хромов Александр Михайлович (р. 1945), полковник. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича. Находился в республике Афганистан в 1984-1987 гг. За службу в Афганистане награжден медалью «За отвагу», орденом «Слава» и медалью правительства Афганистана

Жены советников. Кабул, 1986 г.

Советники с семьями. «Старый микрорайон». Кабул, 1986 г.

Семья Хромовых. Кабул, 1986 г.

1986 год, Кабул. Вручение Александру Хромову афганского ордена «Слава»

к самостоятельной работе. Все основные приказы держал в голове. За годы работы с Корсаковым привык к четкой профессиональной работе и получил участок работы, который мне был хорошо понятен.

Начались трудовые будни. В тот период времени 27 провинций из 30 были укомплектованы советниками, примерно в среднем по 5-7 человек. Группе советников был придан экипаж передвижной радиостанции. Краткосрочная командировка обычно длилась один год, долгосрочная – два и три года, соответственно: два в провинции, три в Кабуле.

Боевые потери оперативного состава составляли до десяти человек ежегодно. За десять лет КГБ СССР потерял более ста оперативных работников. Безусловно, это были тяжелые утраты.

Ясно помню веселого, энергичного сотрудника Евгения Шелохая, погибшего в Кандагаре во время налета банды на городок советских специалистов. Он был убит осколком разорвавшейся мины. Светлая ему память! Он был замечательный человек и прекрасный оперработник. У него остался сын, которого мы направили в Суворовское училище.

За период командировки мы в полной мере прочувствовали, что такое война, хотя ее никто официально не признавал и не объявлял. Ночные обстрелы, гибель наших советников, солдат и офицеров, – все это было. Пережили и землетрясение.

Городок, в котором мы снимали трехкомнатную квартиру, занимал небольшую территорию. Он состоял из пятидесяти 4– и 5-этажных домов-блоков. В каждом подъезде находился пост афганских солдат. Квартиру старались снять на длительный срок. Жители Кабула относились к нам доброжелательно, в целом миролюбиво. До ввода наших войск на русских в прямом смысле молились. После декабря 1979 года отношение к нам изменилось.

Сотрудники Ленинградского управления были всегда на высоте. Они участвовали в непростых мероприятиях и операциях и делом доказали свой высокий профессионализм, не раз рискуя жизнью. Однако проведение хранило нас. За весь десятилетний период войны среди сотрудников Ленинградского управления КГБ СССР не было ни одной потери.

С теплым чувством, смешанным с горечью ранней утраты, вспоминаю своего коллегу и большого

друга Александра Андреевича Григорьева, ныне, к сожалению, покойного. С Александром Андреевичем я познакомился 1983 году во время его отпуска в Ленинграде, когда он вернулся из Герата. Как известно, это было одно из самых беспокойных мест республики. Провинция постоянно подвергалась налетам мелких и крупных банд, которых снабжали западные спецслужбы.

Александр Григорьев был назначен на должность старшего оперативного сотрудника, что соответствовало должности полковника. На мой вопрос, не боится ли он трудностей, Александр ответил: «Я, как сотрудник госбезопасности СССР, готов работать на том участке, куда меня направит руководство». С этого момента не было случая, чтобы Александр Григорьев не заглянул бы ко мне на огонек во время очередной командировки в Кабул. У него было удивительное чутье на людей и на ситуации. По рассказам очевидцев, он был хладнокровным, рассудительным и в то же время, если этого требовала обстановка, бесстрашным сотрудником.

В Афганистане Григорьев пробыл с 1983 по 1985 год. За высокие показатели в оперативной работе в республике Афганистан он отмечен правительственной наградой.

В 1987 году я рекомендовал его на должность начальника отдела. У Александра Андреевича была одна черта: он мог находить контакт с людьми, разными по уровню образования, культуры, интересов. Например, на протяжении не одного десятилетия он был близким другом человека, который возглавлял православную церковь в России. Что сблизило старшего офицера госбезопасности с одним из иерархов православной церкви, сегодня трудно сказать. Но я не сомневаюсь, что между Александром Андреевичем и Алексием было нечто большее, чем мужская дружба, возможно, взаимное духовное притяжение. Во всяком случае, смерть Алексия нанесла Александру Андреевичу такую рану, от которой он уже не смог оправиться. Он ушел в мир иной вслед за своим другом и духовным наставником через неполных сорок дней. Так бывает, и в этом случае есть что-то загадочное.

Закончил службу Александр Андреевич Григорьев в должности начальника Управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области и после увольнения в запас до последних дней работал руководителем «Резерва». Достойный был человек, светлая ему память!

Для меня было огромной поддержкой присутствие семьи в Афганистане: моей верной спутницы и хранительницы очага Валентины Николаевны и детей – дочери Елены и сына Сергея. Они были самыми активными участниками всех событий советского землячества. Помню случай во время учебных стрельб, когда моя двенадцатилетняя дочь так увлеклась стрельбой из автомата, что у нее его еле отняли. Дети в прямом смысле росли под свист снарядов, жили в атмосфере, которая накалялась с каждым днем.

Несмотря на то, что обстановка в республике усложнялась, мы были не чужды человеческих радостей. Силами аппарата советников и членов их семей проводили соревнования по волейболу, футболу, стрельбе, выезжали на экскурсии.

Наши отечественные звезды эстрады поддерживали, как могли, наше моральное состояние. Неоднократно в Кабул с концертами прилетали Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Валерий Леонтьев, Александр Розенбаум. Солисты эстрады, как правило, работали до полного изнеможения. Помню случай, когда Иосиф Кобзон, отпев обязательную программу, продолжал концерт еще в течение трех часов.

В 1985 году Кабул посетил новый председатель КГБ СССР Владимир Алексеевич Крючков. На совещании руководящего состава в своем выступлении он прямо говорил о том, что система социализма дала серьезную трещину и что если партия не предпримет радикальных мер, может наступить крах. Собравшиеся были удивлены его прямоотой и откровенностью. Как известно, через четыре года пророчество Крючкова сбылось: Советский Союз развалился.

С теплым чувством вспоминаю своих коллег по совместной работе в Афганистане: Владимира Павловича Зайцева, Анатолия Викторовича Сурова, Талиба Кадырова из Самарканда и многих других. Все они с честью представляли наши интересы и показали в своей деятельности высокий профессиональный уровень.

Сегодня, глядя на список из шестидесяти двух фамилий «афганцев», сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области, невольно вспоминаю те уже далекие времена, ставшие историей России, и вижу задорные, молодые, дышащие энергией лица. Они, в конечном счете, выполнили свой профессиональный долг, какую бы сегодня не давали оценку тем непростым и противоречивым событиям.

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА ХРОМОВА

АФГАНИСТАН. 1984-1987

Я уезжала в Кабул с двумя детьми. Таксист не поверил, что я лечу с ними в Афганистан, и презрительно бросил фразу: «Тоже мне, декабристки нашлись!»

Да, мы не декабристки, и могли бы Спокойно дома жить вполне с детьми, И писем ждать, как мать твоя когда-то Ждала хоть строчки от отца с войны.

И грустно мне, что ты не понимаешь, Что вместе мы должны всё пережить, Поймёшь, конечно, если испытаешь, Любовь захочешь в сердце сохранить!

В Кабуле я поняла, как страшно быть узником в одиночной камере.

Мы жили вчетвером. С десяти часов вечера был установлен комендантский час – опасно. Днем мужчины уезжали, а мы с детьми гуляли по кругу: была выделена небольшая площадка, в центре которой находился дуكان (так назывался магазин).

Дуكان представлял собой ма-

ленький ларек, в котором лежали пыльные товары. Все переливалось и блестело, что характерно для южан. Это было нашим единственным развлечением. Сначала мне было там не интересно, но мне сказали, что через два-три дня все изменится, и действительно, уже на третий день я рассматривала все эти побрякушки, бусы, ткани и т.д. И так было изо дня в день. Поскольку мы жили всей семьей, у нас был телевизор. И все-таки по вечерам было так тоскливо! А каково было тем, кто жил один, с кем жены по какой-то причине не поехали?!

Если до революции в Афганистане с русского пылинки сдували, то после прихода новой власти в комендантский час советский человек мог пропасть бесследно. Да и жены с детьми рисковали, уходя в дуканы с охраняемой территории.

Душманы, зная места, которые чаще всего посещали их враги, не раз оставляли в этих местах замаскированные снаряды, которые взрывались вместе с теми, кто там находился.

Слава Богу! Нас Бог миловал. Я со своей соседкой тоже нарушала запрет. Однажды, только мы вышли из дукана, раздался взрыв. Как добежали до своего шестого блока, не помню. Опомнились только, когда увидели бледные лица своих

мужей, от которых, конечно, нам досталось, но мы все были рады, что остались живы.

Помню еще один случай, когда ракета душманов попала в соседний дом. Дети спали. Мощный взрыв потряс все здание. Мы соскочили с кроватей, не помня себя от ужаса. Было половина первого ночи. Оконные стекла разлетелись вдребезги. Утром подметали осколки.

Еще вспоминается один случай. Собрались мы и еще несколько семей на Кабул с высоты посмотреть. На машинах отправились в гору. Надо было проехать по узкой дороге, заминированной с обеих сторон. Трудно представить, что с нами в пути творилось, особенно когда возвращались домой. Каждое мгновение могли взлететь на воздух. Кто не испытал поездки по минному полю, тот не поймет меня. После пережитого мы больше таких вылазок не делали. Но, конечно, вид на Кабул и вокруг него открывался замечательный: оказалось, и озеро есть, и речка Кабулка. Мы же, как я уже говорила, кроме площадки, жилых блоков, маленького клуба и дукана ничего не видели. Но там, где русский человек, всегда, несмотря на опасность: взрывы и бомбежки, – будут и маленькие радости.

1986 год, Кабул. Сотрудники представительства КГБ СССР в Афганистане с членами семей на стрельбище. Сидит – шестилетний Сережа Хромов

Авганское стрельбище. Крайняя слева – В.Н. Хромова с дочерью Леной

Мы устраивали детям праздники. Я научилась там вязать. Мы также читали книги, осваивали оружие, чтобы защищать своих детей.

Каждый подъезд нашего дома охранялся афганскими солдатами, но неподкупность их оставляла желать лучшего. Мы очень боялись, ведь днем оставались одни женщины с детьми.

В нашем подъезде жили четыре русские семьи. Я подружилась с Раей. Только у нас с ней было по двое детей. Характер у Раи был бойцовский. Она всю жизнь провела по военным городкам, следуя за мужем. У нее был пулемет и гранаты. «Ничего не бойся, отобьемся, если что», – говорила она с улыбкой. Под нами жили Рудольф Ломехов с женой Валентиной. Мы часто собирались, отмечали праздники, дни рождения, сочиняли стихи, пели, дарили подарки.

Банально звучит, но там, в Афганистане, наши сердца переполнялись гордостью за мужей, за всех солдат, за всех, кто служил там. Мы познали, что такое настоящий патриотизм. 20 декабря обязательно отмечали день чекиста.

*Чекисты! В этом слове всё:
И честь, и совесть, труд и слава.
Отвагу, мужество свое
Ничем оно не запятнало.*

*Если мы три года одолели,
Остальное в жизни пустяки.
Трудно нам, но мы не сожалеем,
Что живем в условиях войны.*

9 мая 1985 года.

Мужу – в день вручения афганского ордена «Слава»

*Поверь ты мне, мы очень рады,
И все друзья твои поймут:
Вручает вам страна награды
За ваш бесценный, нужный труд!*

*А во-вторых, твои награды –
В какой-то степени мои,
Ведь в эти годы лишь отрада,
Что были вместе мы с детьми!*

*Всё пережили вместе, дружно.
Волнений сколько и тревог!
И детям объяснять не нужно:
Ты с честью выполняешь долг.*

Прощай Афганистан

*Прощай Афганистан
Ты стал таким мне близким*

*Не думал, не гадал
Что слезы будут близко!*

*Когда в последний раз
Окину взором горы...
Скажу всем бас-халас
И смолкнут разговоры!...*

*Пока идет война
На сердце – не спокойно
И общая судьба
Связала нас достойно!*

*Цветет вокруг миндаль...
Прощай Афганистан
Как расставаться жаль...
Не думал, не гадал...*

*Мы расстаемся... очень грустно!
Сдружила общая судьба!
И в мирной жизни помнить нужно
Что есть надежные друзья!*

*И как бы жизнь не закрутила
В водовороте дел мирских,
Хочу, чтоб память сохранила
Всех боевых друзей твоих!*

В Кабул приезжали Валерий Леонтьев, Юлиан Семенов, Александр Розенбаум. Помню, как все стояли в очереди за билетами. Валерий Леонтьев вышел, не поздоровался, пошел ужинать. Народ нервничал, не всем хватило билетов, началась давка. Концерт прошел на ура! Артистов встречали такими овациями, что они сами не ожидали такого успеха.

20 декабря 1985 г. Ю. Семенову

*Спешим на встречу с Юлианом,
На праздник этот для души.
Его герой – наш Штирлиц славный
Понятней стал с чужой земли!*

*Как трудно жить вдали от дома,
Где не объявлена война
И где солдат советский снова
Встречает смерть из-за угла!*

Жены с детьми, гуляя по кругу, если видели, что идущий навстречу афганец за чем-то полез за пазуху, хватали детей и быстро удалялись прочь. Они боялись взрыва, боялись выстрела.

Ох, как не любили афганцы русских, но не все. Рядом с нами жила богатая афганская семья. Ко мне приходили занимать соль, спички. Когда мы приехали, я вымыла лестницу. Они очень удивились, что я, жена советника, мою пол. (До нашего приезда полы мыли афганцы.) Объяснялись мы с ними на пальцах, жестами – и понимали друг друга. Очень красивые были люди

внешне, но одеждой не выделялись, а квартира была обставлена очень богато. Я думаю, что они помогли бы мне, если бы сложилась плохая ситуация.

Купили мы как-то лепешки. Мы их ели со стуженкой и в тесте обнаружили стекла. Всё обошлось, но больше лепешек мы не покупали. Овощи и фрукты, купленные на рынке, приходилось тщательно мыть в марганцовом растворе из-за страшной антисанитарии.

С детей надо было не спускать глаз. Не дай бог что-то подберут без разрешения. Душманы специально разбрасывали ручки, игрушки – всё могло взорваться. Был случай, когда во двор школы, где училась наша дочь, попал снаряд. Слава богу, никто не пострадал!

*Вдруг взорвется!
Сердце заходилось.
То не делай, это не бери,
Должен помнить,
Что бы ни случилось,
Что живешь
в условиях войны!*

*Тут взрывают,
там землетрясенье,
Тут не езди, не ходи туда,
Вместо пятницы
у нас тут воскресенье, –
В общем, мусульманская страна!*

Еще вспомнила. Дрова в Кабуле продают на килограммы, и листва осенью не лежит, как у нас, радуя глаз богатством красок. Афганцы ее собирают для корма скота и сжигают для тепла зимой.

*Папа мой активный самый!
Сокращенно – активист,
Говорят, что папа главный,
Потому что он – чекист!*

*Я уверен, что душманов,
Он давно бы выгнал вон,
Но война в Афганистане
Не подходит под закон.*

*Не объявлена, и всё тут.
Нелегко врага найти!
Вот поэтому так трудно
Папе службу здесь нести!*

*Слово трудное какое.
Трудно мне еще понять,
Но не зря прислали папу
Долг в Кабуле выполнять.*

*Подрасту и тоже буду:
Там, где трудно, – там и я.
Никогда я не забуду?
Кем был папа у меня!*

(Стихотворение сына
В.Н. Хромовой)

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЕГЕРЕВ

ДНЕВНИК. АФГАНИСТАН. 1985-1988

25 апреля 1988 (понедельник)

Встал в 5 часов. Искусала какая-то мошкара. Весь чешусь, в волдырях.

Сделал пробежку по стадиону. Вернулся в 06:30. Солнце. Тепло. Захватил с собой взрывника Виктора. Собрались на совещание из УВКР: Ареф в военной форме Кабульского Управления, Нахшбанд, 2-го Управления, и 7-го Управления – Азиз. Сигналов нет. Людей не установили.

Обещали сделать сегодня. Идет вся подготовка к празднику. Город украшен флагами, лампочками. Почти все деревья в листьях. Приехал советник министерства ирригации Лабфукко за письмом в отношении ремонта машины. Дал Абдулле задание написать ответ.

Затем переводили протоколы допроса Вали и обсуждали план его поездки в командировку в Баглан по убийству Арзу.

Говорили с Беляевым о вручении медалей-сувениров. Не понимает.

Старается уйти от этого. Высказался, что, вероятно, придется прятать афганские награды. О желании советников отличиться в

получении наград – пример с Ковко. Получил 2 ордена «Красная звезда». В характеристике прописали, что использовал служебные связи в личных целях. Проверил, что все афгани переводил в чеки. Брал только минимум. Из армии привез 2 мешка картошки и др. продукты.

Колонну, вернувшуюся из Кандагара, обстреливали неоднократно. Три человека ранены. Всех советников оттуда забрали. Хотят взорвать городок. Афганский армейский корпус разбегается.

В обед загорали. Потом небо затянуло тучами. Поднялся ветер.

Ничего не делали во второй половине дня из-за отсутствия подсоветных. Гани вернулся из Джелалабада. Говорит о сильной жаре. Ночью из аэропорта шел пешком.

В конце дня поиграли в настольный теннис. При выезде из бани увидели шеренгу сотрудников ХОЗО (с цветами, фотоаппаратом) от ворот на расстоянии 50 метров – встречают начальника Управления тыла Фаризона, которому присвоено звание генерала. Яркое проявление подхалимства восточного и преклонения перед личностью.

Егеров Владимир Васильевич
(р. 1939), полковник.
Окончил юридический факультет
Ленинградского государственного
университета.

Находился в республике
Афганистан в 1985-1988 гг.
Владеет английским языком
За проявленное мужество
в республике Афганистан
награжден орденом Красной
Звезды, афганским орденом
«Слава», медалью
«Воину-интернационалисту
от благодарного афганского
народа»

Сборные по волейболу советников и сотрудников ХАД.
Кабул, 1985 г.

В. В. Егеров. Волейбол. Посольство СССР в Кабуле,
1987 г.

Были удивлены увиденным. В КПИ состоялось торжественное заседание по случаю 10-й годовщины. Выступил Наджибулло. Шутят, что это последнее празднование Апрельской революции. В городе на улицах солдаты вооруженной гвардии несут охрану. Самочувствие нормальное. Началась стрельба в честь праздника с 19:40-20:30. Завтра на работу к 07:00.

Годовщина революции. Все сотрясается от пальбы. Стреляют вблизи дома.

26 апреля 1988 (вторник)

Встал в 5 часов. На зарядку не пошел. Солнце, тепло. На работу поехали с Туликом к 7 часам. Линия автобусов, солдат, трафик. Готовятся к параду и демонстрации.

Сразу провел политзанятие о партконференциях и статье о сыне Сталина Якове.

Немного поспорили. Как всегда, Лепетунов обвиняет Сталина в репрессиях и смешивает его с (**). Нехороший человек. Подстраивается под время. Не видит, что творится сейчас.

С 8 часов смотрели по телевизору парад. На трибуне посол Егоричев с Наджибуллой, Нешмандом, Зераем. Слева – Якуби, Гулябзой и военные. У посла юбилейная медаль.

Показали комиссию наблюдателей из ООН. Также с юбилейными медалями. Министр обороны Рафи произнес речь. Началось прохождение войск: барабанщики, слушатели курсов офицерских, курсанты военных училищ, академия Царандоя, малиновые береты – очень четко и красиво шли, с большим интервалом, в добротной форме. За ними проследовали отряды самообороны, малиши, и отряд защитников революции – с автоматами, в разноцветной красивой одежде. Есть симпатичные лица.

Потом пошла военная техника: танки, пушки, ракеты средней дальности, реактивные установки «Град». Вес было внушительно и многогласно. Парад длился около часа. После этого началась демонстрация. Красочная. Много флагов, транспарантов, танцев, разукрашенных машин с панно. На плакатах голуби.

Закончилось все около 11 часов. В конце – концерт.

Вызвал Абдуллу и Хайрмохаммада. Поздравил открытками с праздником. Работает все Управление. Абдулла сказал, что Гани

заставил солдата тащить жребий, кто поедет в Москву. Абдулла, Хайрмохаммад или Шарифи. Жребий выпал на Абдуллу. Беляев бросил реплику, что моего Абдуллу он посылает в Москву.

Лицемер. Никогда ни за кого не ходатайствовал. Все поставлено на самотек.

Вчера в 22:30 было выпущено 4 ракеты, которые упали в районе Хайрхане (2 шт.), Таймани и Баби Малтрел. Одна попала в дом. Есть убитые.

В 12:30 позвонила Люда. Все нормально. Добралась домой через день. Мандарины довезла. С Кислых встретила. Ира писала письма 5-го и 8-го апреля, я их не получал.

Работал до 2-х часов. В 15:30 поехали с Леней на волейбол в Посольство. Играли вдвоем с Олегом против троих. Выиграли 3:1, устали очень. Вернулся домой в 18:30, смотрел концовку передачи о событиях в Сумгаите.

27 апреля 1988 (среда)

Сделал пробежку по стадиону. Вернулся в 06:30, тепло. Зацвели акации.

Сегодня на стадионе молодежный праздник. Улицы перекрыты. Поехали к Вазир абазу. Там еле-еле прорвались к перекрестку у Турецкого посольства. Кругом пробки.

Пришли Ареф из УВКР и Кадыр из 5-го Управления. Другие обслуживают мероприятие. От Кадыра узнал об аресте группы Ахмад Шаха. Поставили велосипед с «ВВ» в колесах у гостиницы «Арьяна» в районе Сгинзар, «НН» обнаружена.

Это было 23.04, взяли их почему-то 25.04. Оказалось, что трое – агенты РУМО, один – Кабульского Управления. Посмеялись, что искать надо среди агентов МГБ.

В 11 часов собрал отдел и вручил Абдулле медаль. Одна молодежь. Из старых двое – Хамиди и Вали. Анемона не было.

С 13 часов на бассейне. Делали настил. В 15 часов узнал о взрыве.

В 12:40 на набережной р. Кабул в 200 м от высотного здания Страховой компании (к/т «Памир») на стоянке взорвана грузовая машина «Ракета» №9545. Погибли 5 человек, 49 ранены (17 женщин). 23.04 машина ушла в Пакистан. Сегодня в 7-8 часов вернулась в Кабул с грузом мануфактуры. Досматривалась в Пушчарах. Водитель записан как Нурами Шах. Повреждены рядом стоявшие ав-

тобус, мини-автобус, два такси «Тойота». Выбиты стекла в домах на расстоянии 150 м, двигатель оказался на берегу реки.

«ВВ» было не более 100 кг. В контейнере был сделан пункт трафика. Находился на расстоянии 30 м, весь изрешечен. Трафик находился внутри, убит. Лужа крови, белье в крови. Был небольшой пожар.

Место оцепили. Грузят на КА-МАЗ остатки машины. Подняли опрокинутый автобус. Сразу убирают грязь, осколки, стекла. Узнал, что был сигнал о готовящемся взрыве машины. Поэтому утром все машины советников пустили по набережной в обход обычного маршрута. Говорили с Гани о выезде криминалистов. Не было. Уехал на совещание. Созванивались со спецотделом Царандоя. Вернулся домой в 18:30. Мылся, стирал, самочувствие нормальное. Настроение плохое.

Вчера же в 12:40 подорвались в доме два солдата. Рядом сов. в/ч. Видимо, скупали у них что-либо. Следы «ВВ» в каком-то изделии. Двое убиты и один ранен. Передано заявление ТАСС по Афганистану. Общие слова.

28 апреля 1988 (четверг)

Сделал зарядку на стадионе. Собрал букет колокольчиков. Тепло. Солнце. Утром взял советника 5-го Управления Виктора. Готовит инструкторов-взрывников. Собирались на совещание 7-е, 5-е, 2-е, 4-е Управления, УВКР, Кабульского Управление. Разговор пошел по вчерашнему взрыву.

Уточнили пострадавших: 6 убитых и 67 человек ранены (10 тяжело).

По данным поста Пушчархи, 23.04 машина «Бэдфорд» ушла в Пакистан, а 27.04 с грузом ткани вернулась в Кабул. Дал задание проверить по таможне.

В 9 часов начали проведение занятий. Выделили маленькую комнату на 1-м этаже. В зале вручают награды – юбилейные медали. В перерыве осмотрели машину «Бэдфорд», направленную Нахшбандом.

Вчера Царандой не отдал номер взорванной машины. Генерал Сайфулло сказал, что он отдал номер после проведения интервью с иностранными журналистами в гостинице. Все были возмущены.

Осмотрели машину, установили, что «ВВ» могло быть заложено в четырех местах: под передними крыльями, у заднего моста и в бен-

зобаке. По характеру разрушений это хорошо видно. Был прилеплен детонирующий шнур, а также химический замедлитель с бикфордовым шнуром для страховки безопасного ухода от места взрыва. Криминалисты делают смывы. Амон составляет протокол осмотра со специалистами автодела.

Продолжили занятия. Экспериментировали с «ВВ», несколько вопросов было задано об определении мощности взрыва.

Очень напряженная была первая половина. В обед был на бассейне. Загорали. Стругал доски.

Во второй половине отдел ушел на занятия в Посольстве. Вручили Гани медаль. Доволен. Были одни в его кабинете. Затем искали номер шасси на раме машины.

Перебирали части, переворачивали. Ничего не нашли. Узнал, что такую машину задержали с водителем Нурами Шахом в таможене. Царандой задержал еще четырех Нурами Шаха и владельца машины Атаулло. Переговаривался с Анвари из Царандоя в отношении задержанных. Говорит, что нете. Ссылается на 4-е Управление. Мало верю. Беляев сказал, что Зайцев говорил с Егоровым. Тот дал команду отправить всех нам.

Приехали с занятий. Делятся впечатлениями. Доклад делал генерал из Политбюро, советник афганской армии.

Много высказал критики в адрес партсоветника Полепичка, Наджиба, Хешманда, МО, бывших военных руководителей. Скептически отнесся к возможности удержать власть. Возмущен, что погранвойска сняты с границы и занимаются охраной дорог. Свободно идут караваны с оружием в Афганистан. Активная переправка из Пакистана в Афганистан.

Фракционность в партии: Карчаль и Хальк. В армии все халькеисты.

Грозятся за 3 дня перерезать карчалистов после ухода наших войск. Заместитель министра обороны – халькеист. Обиделся, что не дали генерала, и неделю не выходит на работу в знак протеста.

За год 28 тысяч дезертиров из армии. Продолжают отлов в армию. Никто служить не хочет. У Ахмад Шаха 100-тысячная армии, хорошо вооруженная. Защищают позиции вдоль дороги Саланг и трубопровода. Идет подготовка к захвату освобожденных нами пунктов. Трудно в это поверить. Наджиб не пользуется авторитетом. Кешманд боится, что его сместят с поста премьера.

В ЦК большинство халькеисты. Критиковал Панджшерскую операцию и получение за нее Героев Советского Союза. Сейчас армия насчитывает порядка 160 тысяч человек. На пост министра обороны планируется вместо Рафи начальник генштаба Ганая.

По телевидению Лещинский передал репортаж о вчерашнем взрыве, увязав его с активизацией террора после подписания женевских соглашений. Глупо думать, что кто-то отдаст оружие или власть. Все должна решать сила.

К вечеру погода портится. Небо затягивает тучами. Поднимается ветер с пылью. Заехал к китайцу за хлебом. Нет. Самочувствие нормальное. Сделаны фото погибших и раненых.

29 апреля 1988 (пятница)

Встал в 05:20, в 6:00 увидел самолет. Поехал встречать спецрейс. Погода теплая. Солнце. Небо в тучах. Самолет уже стоял на стоянке. Выгружался. Много машин у ворот. Видел Беляева. Шел к самолету, как обычно – получить посылку из Москвы. Здесь же татарин Гаяр из ХОЗО рвется к самолету. Обратно выезжал. Узнал от Киселева, что для меня есть коробка. Тогда я прошел к самолету. Отыскал коробку. Взял и уехал один. В 07:30 поехал с соседом Николаем в Посольство на волейбол. Играли с командой «Советник». Легко выиграли. Пошел мелкий дождь. Смотрели игру «Звезды» с «Динамо». Интересная. Напряженная. Драматичная. Команда «Динамо» выиграла – 2:0, потом было награждение. Дали кубок, грамоты и призы – антигипертонические браслеты.

В посылке была половина сыра – 5 кг, мясо – 5 кг, конфеты и письмо от Кислых. Очень теплое.

В 14:00 поехали с Туликом и Борей в баню. Парились до изнеможения. Были Мосянин, Леня, Лепетунов.

Вечером варил щи и тушил картошку. Самочувствие нормальное. Только колени болят. От Рыкова узнал, что нас выведут не позднее 15 июля. Николай также сказал, что сроки нашего ухода укоротились. Обстановка заметно меняется. На улицах идут обыски машин. Наши машины тоже задерживают. С 16 часов пошел сильный дождь, с грозой. Опять лужи и грязь.

30 апреля 1988 (суббота)

Из-за ночного дождя не пошел

на зарядку. Грязь, лужи. Занялся уборкой. Залил пол водой, чистил, мыл.

К приезду все из группы уже собрались. Узнал, что 4-е Управление задержало машину Нурами Шаха.

Долго разбирались в его показаниях. Не могли понять, где он и что с ним. Царандой тоже охотился за ним. Отправили Субмани в Управление.

Беляев идет к Послу на доклад. Попросил об информации.

Сказал ему о несогласованности наших действий – передаче Царандоем задержанного владельца машины Атаулло, несмотря на просьбы Зайцева и Егорова. Позднее он вызвал меня в Посольство для встречи с военным из особого отдела, который получил информацию и письменно направил Зайцеву, что о взрыве машины было сообщено за 3 часа в Царандой генералу Сайфулло. Указаны имя исполнителя – Барат Али из Даштибарчи – и номер машины.

Как выяснилось, произошла ошибка. Источник со слов своего знакомого знает, что давали информацию о взрыве. Приехал армейский подполковник, сказал об ошибке. Я попросил уточнить информацию.

Посол на встрече с Беляевым сказал, что Царандой задержал водителя. Его якобы опознал кто-то из солдат Царандоя. Мы подшучивали над этой информацией. Никакого взаимодействия в обмене информацией. Кто что хочет, тот то и докладывает. Все воспринимается как истина. Нас об этом никто не спрашивает.

Абдулла рассказал о допросе последнего владельца машины «Опель» – Навруза. Он говорит о продаже машины некоему Хадечи.

Видел эту машину недавно в его дукане. Заставил поехать с ним и получить документы на продажу. День опять был напряженный.

К 15:00 поехал на волейбол в представительство. Играть не стали в знак протеста, так как Савченко не хотел, чтобы мы играли вместе с отделом. Очень сильная команда получается.

Пошел мелкий дождь. Доехали с Туликом и Борисом до «Лебеда». Зашли в дуканы. Самочувствие нормальное. Болят колени.

1 мая 1988 (воскресенье)

Проснулся в 5:00, занялся уборкой. Смотрел телевизор. В 10 часов поехал на стадион. Там играли в бадминтон и волейбол.

Загорали. Вели разговоры с по-

границниками. Их войска выводят от границы на охрану дорог. Это единственные войска, которые воевали с душманами. Примерное количество – 27-32 тысячи человек. Армия никаких боевых действий не проводит. 1-й армейский корпус намеревается направить в Джелалабад. В нем собрана вся кабульская элита. Никто не хочет воевать. Мнение такое, что режим Наджиба падет в первые же дни нашего ухода. Они не готовы к защите. Армия укомплектована на половину. Набор происходит путем отлова. Дезертирство в год – 26-28 тысяч. Создаваемая гвардия своих задач не знает. Набрать полностью около 15 тысяч очень трудно. В разговоре сквозил большой пессимизм. Дороги захватят душманами. Отрежут Кабул от продовольственных зон.

Неправильно, что создают демилитаризованную зону. Это зеленый массив, который сразу же будет захвачен душманами.

О главном военном советнике – некомпетентен. Ничего не решает. Подсоветные его не слушают. В дивизии по 36 советников. Тогда как в пограничном – 7 человек.

Во второй половине дня небо затянуло тучами. Солнца нет. Сегодня не рабочий день. Все афганцы сидят дома. Никаких шествий не видно. На улицах тишина. Находился дома. Смотрел телевизор.

2 мая 1988 (понедельник)

Пошел на зарядку на стадион в 05:30, пробежал 2 круга и обратно. Вернулся в 06:30. Тепло. Солнечно.

По приезду в кабинете уже Ареф, Нахшбанд, Субмаил и другие. Выясняли, что сделали за праздники. Ничего.

Царандой опять не отдает задержанных. Перезванивались. С «Опелем» – зашли в тупик. На вруза отпустили за документами в Баурам. Много не выяснили у него. Противоречия в показаниях. Сделал выговор Абдулле, что плохо работает. Обиделся. Ругает оперативных работников, что никого не застал.

Ни одного вопроса не решил. Сам он дежурил. Вчера в 22:30 было выпущено 3 ракеты. Упали вблизи нашего дома, на собственную территорию ЦК НДПА. Кажется, один ребенок ранен. Я слышал полет ракеты и разрыв. Неприятное ощущение.

После совещания Абдулла уехал в 7-е Управление на съемки Башира. Мы занялись просмотром книг тамошни.

Через Зайцева вытащили из

Царандой задержанных по взрыву грузовика. Пошли допрашивать Амон и Зами. В обед загорали. С сегодняшнего дня обед с 12-15:45.

Продолжили работу по поиску машины. С Амоном переводили протоколы допроса. Очень новые номера машины. Краска свежая. Подозрительно.

Самочувствие нормальное. Болят колени.

3 мая 1988 (вторник)

Зарядка на стадионе. Тепло. Солнце.

Утром заехали в Представительство. Писем нет. На работе в 08:10 собрались все. Даже из 12-го Управления говорит об агенте, который может дать информацию о машине – пакистанская или местная. Выяснил, что Абдулла не знает материалов дела. Не знакомился с показаниями задержанных. А они заслуживают внимания. Особенно солдат, задержавший Атаулло, который предлагал ему 100 тысяч афгани – взятку, чтобы он его не задерживал. Атаулло отказывается. Нур Али, водитель машины 9545, путается в своих показаниях.

В обед загорали. Обсуждали статью в «Правде» за 02.05, очень интересная. В духе времени. С предложением к партконференции.

После обеда вызвал Вали, от которого узнал о слухах по перекрытию душманами дороги на Джелалабад. Стало известно о приостановлении вывода советских войск из пр. Наигархар и возвращении опергруппы в Джелалабад.

Отправил нового следователя, Хасана, на допрос Джандоли. Дали вопросы.

До конца знакомились с изъятими материалами.

Заходили к Гани. Уточняли информацию Баки. Узнали о назначении Михроба начальником политотдела.

Самочувствие нормальное.

Сделал пробежку. Тепло. Солнце. Нарвали маков. В кабинете собрались люди. Нет никого из Кабульского Управления и УВКР. Ареф пришел позднее. Обеспечивал безопасность проезда Наджиба в аэропорт. Улетает сегодня в Индию. Обменялись информацией. Нет сигналов. Из 2-го Управления принес информацию по вопросу месячной давности. Все дружно смеялись.

4 мая 1988 (среда)

Сделал пробежку. Тепло. Солнце. Нарвали маков. В кабинете собрались люди. Нет никого из Кабульского Управления и УВКР. Ареф пришел позднее. Обеспечивал безопасность проезда Наджиба в аэропорт. Улетает сегодня в Индию. Обменялись информацией. Нет сигналов. Из 2-го Управления принес информацию по вопросу месячной давности. Все дружно смеялись.

Упустили водителя Нурами Шара.

Инструктировал на допрос Хамиди и Насара. Дал журналы для допроса. Отказываются. Солдат с поста, видимо, наврал в своих показаниях. Юнус искал машину по журналам.

Ареф высказал мысль, что не будут слушать советников, так как раньше делали из боязни, что советник плохо ответится при движении. Теперь знают, что советники уходят.

В обед загорали. После обеда вызвал Шах Назара и Наби. Докладывали новое дело на 10 человек из 7-го Управления. Банда «ИДА». Ничего конструктивного нет. Членские карточки, брошюры и признания. Слабое дело.

К концу дня заскочил Гани с совещания. Возмущается, что Кабульское Управление захватило капитана, владельца «Опея». Допросили. Вышли еще на 3-х человек.

Последний – вольнонаемный из 5-го Управления. Нет на работе около 20 дней. Это доложил Баки на совещании. Вчера он отказывался в разговоре с советником. Обман. Врут советникам.

После работы заехали к Василию на провода. 2л водки, хорошая закуска. Неожиданно завтра улетает вместе с Варенниковым, послом и Зайцевым.

Вылетает в 8 часов. Распрощались. Вручили орден Красной Звезды.

Вернулся домой в 20:00, пошел неожиданно дождь. Болят колени.

5 мая 1988 (четверг)

Пробежка до стадиона и обратно. Утром съездил в Представительство за письмами. Получил на имя Шлыкова. По возвращении встретили Арефа – ждет солдата Асоадулло для допроса. Того, что задержал водителя машины Атаулло на выезде из 12-го Управления. Новостей нет. В кабинете остались 5-е, 7-е, 2-е Управления. У них тоже сигналов нет. Звонили Нахмбанду в отношении протоколов по «Опелю». С неохотой согласился приехать. Привез купчую на машину дукана Халида и для протокола со справкой. Из показаний не видно, кто последний владелец. По справке – некий Хусейн. Задержало 3-е Управление. Опять утряска, решение о допросе. Сказал Гани. Тот – Фарари.

Отправили Аммона. С Нахмбандом долгий разговор о взаимодействии. Смеется. Говорит, что

наверху не хотят взаимодействия. Долго внушал необходимость вместе работать. Слышал: «Сэйс, сэйс (хорошо)». А уйдет и снова скрывать начнет от нас материалы.

Потом пришел следователь из 3-го отдела. Переводили протоколы по 3-м задержанным, члены «ИДА» (дело на 10 человек).

В обед загорали. Долго искали кого-нибудь для чтения протоколов. Все дома. Управление пустое. Наконец-то одного молодого нашли. Перевели показания по «Опелю». Все плохо. Цепочка обрывается. Опять на подозрении дукан Халеда, который продал «фолькс» (взрыв у гостиницы «Кабул»), причастен к группе Исмадулло («Волга»).

С 17 часов политзанятия. Прошел слух о ранении двух советских корреспондентов – один из «Известий» (Мещанинов).

Самочувствие нормальное. Болят колени.

6 мая 1988 (пятница)

Утром занялся уборкой. Сварил манную кашу. В 7:30 поехали с соседом Николаем на игру в Посольство. День жаркий. Солнце. Выиграли у «Звезды» 2:0. «Динамо» не явилось. Сыграл еще 3 партии. Устал. Взял 4 письма в Представительстве. Отдыхал до 14 часов. Читал прессу.

В бане слабый пар (80 С). Собралось много народа. Тулик, Боря, Леня Яковлев, Мосянин, Куликов, Лепетунов с женой, Сергей Гришечкин. Парились долго.

Вечером смотрел фильм «Доченька».

Побаливает голова. Самочувствие нормальное.

Лепетунов отмолил. Играл за 6-й отдел против Олега. Проиграл.

7 мая 1988 (суббота)

Пробежка по стадиону и обратно. Утро теплое. На работе собрались почти все, кроме Кабульского Управления и 4-го Управления. Вышел Абдулла, после 2-дневного отдыха. Сын 2-годовалый болен туберкулезом. Отец занят хождением по врачам.

Все крутится вокруг допроса Хусейна.

Назвал последнего покупателя «Опея». Представил купчую. Мать покупателя работает машинисткой в 4-м отделе Кабульского Управления. Сам он в Кандагаре – солдат.

Задержали продавцов. Вызва-

ли посредника из дукана Ниязи. Опять закрутилась работа. Хайрмохаммад доложил о выезде на пожар складов МГБ. Сгорело медицинское оборудование, электродвигатели, стулья, спички и т.д. – большой ущерб. Дал задание, что сделать.

После 12 провели политинформацию.

В 14:30 поехал на волейбол в Посольство.

Играл часа полтора. Небо в тучах. Ветер поднялся.

Вечером смотрел фильм «Обыкновенный фашизм». Ничего особенного в постановке. Хотя тема взволновала. Самочувствие нормальное. Вчера в 14 часов вблизи министерства обороны подорвался мальчишка, видимо, готовя взрыв. Взрывчатка была в сапоге. Произошел взрыв. Парню оторвало ногу.

В 21 час у здания Управления Просвещения на набережной р. Кабул произошел в переулке взрыв. Выбиты стекла у зданий. Жертв нет. Возбудили дела.

8 мая 1988 (воскресенье)

Пробежка по стадиону. Небо пасмурное. Солнце слегка пробивается. Тепло.

После завтрака писал письмо Глушкову. Утром собрались почти все члены группы. Обсуждали установление последнего владельца машины. Его розыск. Подходы к его матери.

Шутили в отношении взаимодействия, говоря, что, наверное, он уже сидит в Кабульском Управлении. Нахмбанд обещал выдать информацию к обеду.

В других Управлениях сигналов нет. 12-е Управление имеет сигнал о готовящемся взрыве грузового автомобиля. Виктор (инструктор минно-взрыв.дела) беседовал с Пугаси Соки, осужден к ВМА. Заменена на 20 лет. Доволен беседой. Тот показывает хорошие знания. Смекалист, умен, производит хорошее впечатление. Обучал «заложке» ракет по Посольству СССР, инженер. Хорошо знает схему соединений. Образование – 12 классов и 1 курс ЦУ. Подготовленный террорист.

К 11 часам поехали в Представительство за наградами. Машину поставили негде.

Оставил на дороге. Собралось 30 человек в парткоме. Столпотворение. Еле-еле затолкали. Лепетунов бросил реплику о колхозном мероприятии.

Проходящий рядом начальник

О.К. Авруцкий услышал. Вернулся. Спросил: «Это вы сказали о колхозном мероприятии? Извините, что я доставил неудобство Вам. Вы можете быть свободным».

Лепетунов вышел из парткома. Правильно сделал. Награждали всех подряд. Особенно бросился в глаза Мох из секретариата. Даже 2 женщины, майоры, капитаны-дежурные. Больше нашего отдела. И афганские ордена, и советские, и юбилейные медали.

Нас, как всегда, обошли. Оставили последними. Не подготовили награды. Ерунда. Формализм. Кадровикам лишь бы отчитаться.

Заехали в Посольство за хлебом. В обед загорали. Абдулла дежурил. Ареф нашел Хади. Звонит из гарнизона. Говорит, что без запроса не дают солдата. Там его уже допрашивать привезли. Посадили в камеру. Выяснилось, что в марте он продал машину. Работа пошла дальше.

Дал задание на завтра.

Стирал. Самочувствие нормальное.

Видел Вахтанга из Джелалабада. Говорит, что дорогу размыв в результате дождей. Их группу размещают в Модуле на аэродроме. Граждан из Саморхейле вывезли. Считают себя заложниками. Оказывать влияние не смогут. Сами афганцы будут избегать с ними встречи. Режимная зона создается в радиусе 15 км.

Душманы подойдут и будут обстреливать вблизи. Устоит ли 1-й армейский корпус. Никто ответа дать не может. Время покажет.

9 мая 1988 (понедельник)

Проснулся в 05:00. занялся влажной уборкой. Затем поехал в Посольство на волейбол. Приехал рано, к 8 часам. Начали играть в 09:00.

Сначала играли за 3-е, 4-е места. «Звезда» – «АЭС». Последние проиграли со счетом 1:2, интересная была игра. Затем мы со связистами. Выиграли 3:0, легко, хотя первая партия была напряженной. Солнце. Загорел. Много пил. Вернулся к 12 часам. Заходил в дуканы. Кое-что купил для подарков. Нам вручили грамоты и ремни брочные.

Отдыхал до 15 часов. Затем поехал в Посольство на концерт группы «Медео». Были Лепетуновы, Яковлевы. Первый выступал с психологическими опытами. Гипнотизировал лиц из числа зрителей. Называл на память по 30 слов зрителей.

Потом пела артистка. Голос хороший. Во время пения в 17:20 были выпущены 3 эреса. Два разорвались вдаль, а третий – за стеной Посольства. Все увидели столб черного дыма и пыли. Присутствовавшие солдаты сразу же ушли с концерта. Был примерно взвод. Дальше концерт шел уже в напряжении и закончился в 18:15, заехал за письмами. Там видели, как упали ракеты недалеко от Представительства.

Самочувствие нормальное, болят колени. Получил письмо от Иринки.

10 мая 1988 (вторник)

Сделал пробежку на стадионе. Афганцы играют в футбол. Утром на работе узнал о вчерашнем ракетном обстреле. Начался в 17:30, было выпущено 17 эресов по 12-ти районам города, 23 человека погибли, 21 ранен. В старом микрорайоне у дома №54, за клубом, было убито трое детей. В одном из домов – семья из 6-ти человек. Стреляли примерно в 20 км. Ракеты запущены с утановки «БМ-21». Более мощные, арабского производства. Нашли части ракет. Это трагедия. Самая страшная за все время войны. В основном погибли дети. Сделано специально, видимо, в связи с уходом советских войск. Сегодня из Гардеза вывели авиаполк. Самолеты улетели в СССР.

На совещании ничего нового нет. Установили последнего покупателя. По данным в паспортном столе не значится. Изготовили фотоальбом мест падения ракет.

В обед загорали. Немного ветрено. Во второй половине дня переводили протоколы допроса матери Хади. Она оформляла купчую. Просилась на свидание с Валодом, сыном.

Лещинский передал по телевидению о вчерашнем обстреле. Напустил страху.

Прошелся по дуканам. Купил подарки для отправки с Виктором. Потратил более 1,5 тысяч афгани. Самочувствие нормальное. Весь день – в разговорах о случившемся. Беляев с утра смылся с остатками ракет, сказав, что едет в армию. Так весь день на работе и не появлялся.

В 16:30 объявился по телефону. Сказал, что едет в армию. Ну и бездельник. Думает, что никто ничего не замечает.

11 мая 1988 (среда)

Утром пробежка по стадиону.

Спал плохо. Давит затылок. Разбегался.

На работе собралась оперативная группа. Опять сигналов нет. 4-е Управление совсем плохо работает. Не занимается проверкой.

На допрос привезли одного из соплеменников Атаулло. Пошел допрашивать Халиди. С Арефом и Нахшбандом обсуждали, как вытащить Г. Абоса, установить его друга Муссо.

Потом позвонил Беляев. Сказал ему об обнаруженном куске ракеты с арабской надписью. Оказывается, на совещании кто-то сказал, что это китайские, с дальностью полета – 15 км. Все говорят бездоказательно. Лишь бы что-нибудь сказать. Отвезли Беляеву ракету. Он переложил к себе в багажник и опять скрылся на весь день. Видел в 13 часов в машине в городе. Чем занимается – никому неизвестно.

Халиди докладывал допрос Атаулло. Тот вынужден был признать наличие 3-х машин, только после очной ставки. Плакал, говорил, что его были и подключали ток к ногам в Царандое. До этого, якобы, говорил неправду.

В обед загорали на бассейне в Представительстве. Взяли справку. Измерил давление – 95 на 130, вода нормальная. Собралось прилично народу.

Вышел и увидел спущенное колесо. Пришлось менять. Съездил на заправку. Сдали колесо хазарейцу.

Во второй половине переводили протокол допроса Атаулло. Анализировали списки машин по таможене. Обсуждали обстрел ракетами 9-го мая. Пришли к выводу, что запуск был с земли, а не с установок. Выпущено 12 ракет, а не 17.

Отдал для отправки бандероль. Самочувствие нормальное, болят колени.

12 мая 1988 (четверг)

Пробежка по стадиону. Утро теплое.

Заехали за колесом в мастерскую. Ждет опергруппа. Сняли информацию. Заслуживающей внимания – нет. Кого-то Кабульское Управление задержало из знакомых последнего владельца «Опея». Потом Беляев предложил поехать на осмотр ракет, обнаруженных афганским полком. Выехали на трех машинах. Приехали в полк, размещенный в Даштибарчи, за элеватором и КПИ. Две ракеты RSI-12M – арабского производства. 4 другие – без мар-

кировок. Снабжены взрывателями и пультом для запуска. Такие ракеты захвачены впервые. Длина 273 см и 175 см.

Пробыли в военной части до 12 часов. Говорили о работе с нашими советниками.

Командир полка – племянник М Рафии. Очень недовольны оставлением советников в Герате, Кандагаре и Джелалабаде. Считают, что они являются заложниками. Выручить их никто не сможет.

Жаловались на Варенникова, который заставлял советников идти в атаку вместе с афганцами. Не знает обстановки в стране. Говорили о бестолковости командиров и нежелании афганцев воевать. О дезинформации Лещинского по телевидению (все были единодушны), о сдаче афганской армией гарнизона в Сардабаде, куда на выручку было брошено 600 машин (так они и не смогли войти), о захвате части дороги Кабул – Газнис, ежедневных вылетах советских самолетов в район Суруби для обстрела.

После обеда – прокол колеса. Пришлось менять. Время провели на бассейне. Оттуда – на занятия в Посольство. Читали лекции из 1-го Управления о внешней разведке и новый начальник УВКР. Говорил, что численность армии – 150 тысяч вместо штатных 250 тысяч. Дезертиры – 20 тысяч человек ежегодно. Много боевой техники. Большая фракционность среди офицеров. Более 70% – халькеисты.

Узнал от Лепетунова, что звонила Люда в 9 часов.

Вернулся домой в 18:20, самочувствие нормальное, день был жаркий.

13 мая 1988 (пятница)

Встал в 05:30, занялся влажной уборкой до 07:30, потом поехал в Посольство на волейбол. Играли втроем: я, Лепетунов и Леня Гудков – против пятерых. Выиграли 3:1, потом еще 2 партии. В 10 часов поехали на бассейн. Много народу. Искушался. До 11:30 готовил обед.

С 14 часов – баня. Пар отличный (105С).

Очень много парились. Вызвал Абдулла. Он рассказал, что Кабульское Управление во время засады задержало свидетелей: Халеда, Муссо и брата Сарвара, покупателя «Опея» – Хайдара. Выколачивали из них показания. Следы побоев. Не хотели отдавать. Вели телефонные переговоры. Затем Абдулла не стал противиться,

сказал, чтобы забрали всех в СУ.

К вечеру появились грозовые тучи. Стал накрапывать дождь. Гром вдаль. Небо потемнело. Ожидается гроза. Телевизор перестал работать.

Самочувствие нормальное, очень болят колени.

14 мая 1988 (суббота)

Тяжело было ставить. На зарядку не пошел. Неожиданно в 05:40 раздался вблизи взрыв. Приподнялся на кровати. Из окна увидел за дорогой у дома Наджиба столб черного дыма. Заглушка от распределителя электропроводки вылетела от взрыва. Тулеек рассказал, что у них выбило окна в комнате, а также еще в нескольких квартирах. Оказывается, как выяснили позднее, взорвана грузовая машина «Бенц» модели 1620. Поставили на набережной р. Кабул в пятистах метрах от старого микрорайона, вблизи 4-го, 2-го, 7-го Управлений МГБ и Министерства. 9 человек убиты, 17 ранены. В одном доме заживо погребена семья из 5 человек. Полуторагодовалый ребенок чудом остался жив. Вытащили из под обломков дома.

Вероятно, в грузовике было не менее 200 кг тротила. На месте обнаружили куски тротила.

Попутно установили владельца, прибывшего из Кандагара. Разыскивается. Свезли части машины, от которой остался двигатель, рама. Ни одного целого колеса. Гани подобрал осколок на стадионе старого микрорайона во время зарядки. На месте обнаружены 4 части.

Сошла от ракет забрал Царандой. Опять нет взаимодействия. Сгребли все себе. Абдулла приехал с места взрыва. Рассказал. Посмотрели остатки тротила.

Обсуждали статью «Лишь бы не было войны» в «Известиях» от 9 мая. Остро, с новым уклоном к подходу свода войск в Афганистан, с осуждением Брежнева и мужеством в отношении нынешнего генсека.

Между собой касались статьи Андреевой. Лепетунов – противник. Яро, злобно ненавидит Сталина, все отрицает, но о нынешнем периоде молчит.

Страна в кризисном положении. Миша думает поднять с/а путем совместного подряда и получить снабжение с помощью кооперативов. Это глупо и недальновидно. В народе поддержку не получает. Так среди отдельных лиц пользуется одобрением. Один – кукурузой

хотел улучшить благосостояние, другой – администрированием из кабинета, а третий – кооперативами, запретом спиртного, разгулом демократии, гласности и призывами при ничегонеделании.

День жаркий. Все в ожидании завтрашнего дня. Много сигналов о предстоящих обстрелах, взрывах и т.д. Ожидается проведение праздника.

15 мая 1988 (воскресенье) переломный период

Пошел на зарядку. Советских никого нет. Афганцев тоже мало. Необычно. Неприятно. Никаких движений не ощущается. Гражданские контракты не поехали на работу. Все из опергруппы на охране мероприятий. Узнал от Абдуллы, что по трем районам были выпущены 3 ракеты. В 16:30 – Таймани, Бибишахру, Шаكريна – весь запад. Также выпущены по аэродрому. Одна упала у дома командира 103-й дивизии генерала Грачева. Говорят, что запуск был из города. В переговорах со спецотделом Царандоя установили контакт. Направил следователей за протоколами и частями ракет. Вали принес 3 части. Одну оставили у себя Царандой. Очень многое ими сделано. Установлен водитель Джумахан.

Прибыл 9 мая в Кабул из Кандагара через Газни. Есть свидетель, который ехал с ними. Допрошен. Дал приметы: 55-60 лет, с седой бородой.

Направил Роззeka на место происшествия для розыска частей ракет и трупов.

Версия, что взрыв произошел произвольно. В кузове были ракеты или их части. Возможно, машина была с «ВВ» или заминирована. Водитель погиб.

Потом переводили документы, найденные на месте.

Беляев не проявляет интереса. Готовится к отъезду. Эпизодически проявляет интерес с репликами. Принес с совещания справку 12-го Управления, где говорится о совместной работе с 7-м Управлением по предотвращению взрыва машины, готовящегося в Пешаваре. Установлена машина с номером №129. Агент задействован в этой игре. Все неопределенно. Может быть, сам агент и участник взрыва. Работали до 14 часов. Предупредили, чтобы не появлялись на улице.

Все запуганы серией взрывов и обстрелов. Во время вчерашнего обстрела погибли 3 человека (2-е

из них – дети).

С 16:30 играли в волейбол в Посольстве с Олегом, Леней, Геной – 3 на 2 – 5 партий. Проиграли. Устали.

Вернулся в 19 часов. День жаркий.

Завтра утром войдут войска в город из Джелалабада. Вышли сегодня.

16 мая 1988 (понедельник)

Вышел на зарядку в 05:40. Оживление на улице. На стадион не побежал. Сделал зарядку у дома Наджиба. В 07:30 выехал на работу. Невозможно попасть на трассу. Впереди грузовики с солдатами, за ними БТР и БМП, а последними – танки. Солдаты на броне улыбаются, машут руками. Журналисты и фотокорреспонденты на броне и «джипах». Толпы людей вдоль дороги. Женщины бросают венки из цветов и дарят открытки. Много флагов, транспарантов.

Колонна идет медленно со стороны Пушчархи, мимо нашего микрорайона, американского посольства и в сторону Хайржаны, где был митинг. Выступил Наджиб, начальник политотдела 401-й армии генерал Захаров.

Скопление машин. Всеврвутся на трассу. Не пускают. Ругань между водителями. Ведут себя нагло, вызывая еще. Один водитель с каким-то начальником в «Волге» по тротуару вылез вперед. Задел машину советника с афганским водителем. Ссора. Наш советник петухом налетел на водителя. Передразнил. Показал рога и косоглазие. Смех. Любят только силу. Это может заставить уважать.

Шествие продолжалось около 20 минут. Попытка проскочить в других местах, нечего не вышло. Заехал за Тулеком. Тот уехал. Хотел проехать через мост Махмуджан, не удалось. Перекрыто. Вернулся своим маршрутом.

Отругал Тулека за то, что уехал. Подсоветные все на обеспечении безопасности митинга. Вызвал Абдулла и Роззeka. Говорили о ракетах, обнаруженных при взрыве грузовика. Нашлись еще 3 части корпуса ракеты, разорванные вдоль. Послал в 5-е Управление для сравнения.

Версия, что в грузовике были ракеты, которые предназначались для запуска или по микрорайону, или по ЦК НДПА.

Просил Беляева оказать содействие в организации розыска водителя. Говорит, что никому не надо. Зайцев – физкультурник, не

понимает следствие. У него другие заботы.

И вообще – всем до феньки эта работа. Лишь бы прокукарекать что-либо на совещании.

Удивляет газета «Известия». Много интересных статей. И за 14 мая о встречах-проводах, орденах и т.д., ритуалах.

В обед – бульон мясной и жареная картошка с яйцом и огурцом, чай. Загорал на бассейне в Управлении.

Собрались все в кабинете. Обсуждали обстрел, взрыв последний. Яр Мохаммад пояснил в отношении хвостовой части ракеты: отверстия разные по диаметру. Потом Лепетунов рассказывал о беседе кадровиков Авруцкого, Доценко и секретаря парткома и его заместителей – Кузина и Скобелева. Профилактировали за высказывание: «колхозное мероприятие» по случаю вручения наград. Нападал Авруцкий, Лепетунов отгрызался, оспаривал. Привел в бешенство Авруцкого своими доводами. Тот пригрозил откомандированием в Ленинград. Вот тебе и перестройка. Подслушанное мнение для бюрократа, как ... Типичный командно-бюрократичный стиль, не в духе перестройки. Испорчено настроение. Спрашивал, что делать с ним. Парадокс.

День был жаркий, ветреный после обеда. Самочувствие нормальное. Прошел спокойно. Без ЧП.

17 мая 1988 (вторник)

Тяжело было вставать, хотя проснулся с пением воробьев. На зарядку не пошел. Выехал из дома в 07:30. Афганцы спят. Выходной. Улицы пусты. Машин мало. В Управлении тоже нерабочий день. Абдулла дежурит. Поздравляем с праздником солдат. Фраза на дари звучит: «Ид томб мубарак». Все улыбаются.

Провели политинформацию по газетным статьям с критикой науки и др. Настолько много звучит критики, что забываешь, о чем говорят. А воз и ныне там. Нужна ломка, а не косметический ремонт, всего госаппарата и системы отношения к труду.

Потом поздравил Ашрафа из 7-го Управления, Нахшбанд из Кабульского Управления. Ашраф приехал с сотрудником и с делом по теракту. Общий разговор о работе, бюрократизме, нежелании взаимодействовать, стремлении самим вылезти вперед и показать результаты. Отсюда не хочется делиться информацией. Об этом

свидетельствует тот факт, что раненый (без ног) террорист был допрошен сотрудниками 7-го Управления. Получена информация. Изъято 4 кг «ВВ» и брошюры. Ругал Ашрафа за эту инициативу. Он соглашался. Говорил, что работник достал ему кровь и лекарство. Спас жизнь. Вот афганская гуманность.

В 9 часов по телевидению передали всеобщую молитву по случаю праздника (молчание рузы), который провели во дворце. Выступил Наджибулло по телевидению. Затем был концерт.

Вернулся Халиди из госпиталя. Сказал, что от дежурного врача ему стало известно, что человек, поступивший в больницу 15.05 в состоянии комы, взят, якобы, людьми из банды Ахмад Шаха.

В 11:30 съездили в Посольство за хлебом. Обед провели на бассейне. Много узнал от политехника Новикова о его службе в Газни (см. на последней стр.). Улетают Лепетуновы и Гришечкины с Ивановой Верой. Недовольны. Во второй половине никого нет в СУ. Говорили о перестройке между собой. Обсуждали статьи. Подкусывали Беляева в связи с его предстоящим отъездом в Москву. Из-за него высидели из самолета пять женщин. Гришечкина ругается на весь микрорайон. Самочувствие нормальное. Побаливают колени.

Из теленовостей узнал, что вчера по Джелалабаду было выпущено 6 ракет. 14 штук якобы были изъяты.

При движении колонны по Салангу были выпущены 3 ракеты. Пострадавших нет. Это говорил Лещинский.

Ада Петрова опять ввела в заблуждение, сказав, что после 15-го мая совершены взрывы, обстрелы. Показала старые кадры раненых и убитых. Ну и дезинформация.

18 мая 1988 (среда)

Пошел на стадион. Чувствуется, что прохладное утро. Сделал пробежку.

На работу приехал к 07:45. Никого нет. Все отдыхают. Позвонил в Кабульское Управление Нахшбанду. Занят. Приехать не может. Потом в Царандой – никого нет на месте. Говорил с советником о взаимодействии и задержании Хасана. Потом поехал в 7-е Управление с Абдуллой. Просматривали материал видеозаписей взрывов и обстрелов в течение часа. Очень неприятное зрелище: кровь, трупы обгорелые, расчлененные тела,

раненые дети, искалеченные люди. Богатый материал для фильма пропагандистского.

В 12 часов было партсоборание по мобготовности. Ерунда, формализм с администрированием.

В 16 часов играл в волейбол в Представительстве. Потом – бассейн.

Вечером стирал. Самочувствие нормальное. Болят колени.

19 мая 1988 (четверг)

Пробежался по стадиону. Утро теплое, солнечное. Нарвал маков. В огороде выросли салат, редиска, чеснок, зелень.

На работу к 07:45. Заправился бензином. Несколько машин всего. Все дуканы в связи с праздником закрыты. Вызвал Нахшбанд.

Говорили о взрывах последних. По «Опелю» установили последнего покупателя по имени Собер. Убежал в Пулихушри в связи с розыском Кабульским Управлением. Установили и мастерскую, где за неделю до взрыва стояла машина, угнана была потом в Пагман. Мастер задержан. Еще 3 машины куплены этой группой. Кабульским Управлением изъяты 2 ракеты в уезде Пагман.

Никого из подсоветных нет. Беляева направил в Посольство к Василию Васильевичу, который занимается сбором документов по преступлениям душманов.

Готовится ответная акция. Пропагандистский ход душманов после нашего ухода.

Вчера на дежурстве Зайцев рассказал Лепетунову, что военные 15.05 в целях профилактики ударили по квадрату и снесли начисто 2 кишлака. Погибли дети. Жители принесли трупы к расположению советских войск.

Зайцев матерился по этому поводу. Договорился доставить Василию Васильевичу 21 том уголовного дела – на семерку.

Зашли за хлебом. Потом заехал в магазин. Купил ручки для Баркова и Кислых. Отдал Беляеву. Завтра улетает в Москву с Гани, Мухбаром, Авзаком, Абдулло. Работали до 14 часов.

Вернулся в 18:30. Самочувствие нормальное. От Кузьмы узнал, что их срочно отправляют домой 25.05.

20 мая 1988 (пятница)

Вскочил со звонком будильника в 05:20. Помчался в аэропорт провожать Беляева с делегацией: Гани, Авзаль, Мухтар, Абдулла.

Все ждут на поле самолет. Поднялись вертолеты сопровождения. Появился в воздухе самолет. Пошли на посадку.

Много машин, и мне не известно, для чего собрались. Наш Корнев получил 2 коробки, Иванов из 105-го Управления – тоже. Кадровики постоянно около самолета. Поговорили с Гани о совещании у Фарина. Кабульское Управление доложило о задержании взрывников последнего грузовика. Пошутили. Началась загрузка багажа. Я уехал. Самолет взлетел в 07:00. Видел пролет над домом.

Занялся уборкой. Сварил манную кашу. Затем поехал с Тулеком и его ребятами в Представительство на волейбол. Играли 6 на 7, проиграли. Солнце. Жарко. Потом бассейн. Вернулся в 11 часов. Обед не стал готовить. Похватал кое-что.

21 мая 1988 (суббота)

На зарядку не пошел. Устал. Болят колени. Выключили воду, потом электричество. На работе собрал группу. Пришли Нахшбанд, из 4-го Управления, из 7-го Управления – Ареф. Дал задание. Потом направил Халиди в больницу устанавливать раненых после взрыва 14.05. вызвал Роззек. Говорили об изготвлении фотографии. Потом поехали в Посольство. Повезли фотографии по взрывам заместителю резидента Василию Васильевичу. Чувствую, что он сам ничего не знает. Выполняет тупо приказ. Ничего не выражающее лицо. Без улыбки и привлекательности. Сидит. Как птица в клетке. Кабинет 1,5 на 2 м, делает вид занятого человека.

Потом заехали в старый микрорайон. Там нарезают стекла для окон, которые были выбиты в результате взрыва. Огромная очередь. Ждать не стали.

На работе Лепетунов все переговаривается с Лещинским по поводу записи террориста Башира по Минпросу.

Должен быть суд, по словам Беляева. Однако его уже приговорили к ВМН. Рвется сделать видеозапись. Просил организовать на 15 часов встречу.

Халиди сказал, что из больницы два трупа забрали родственники из Вардака и Панжшира. Никто не может сказать – кто.

С 16 часов играл в волейбол в Посольстве (1,5 часа). Погода испортилась. Поднялся сильный ветер с пылью. Небо в грозových тучах. Болит голова.

С 20:34 началась какая-то хорошо слышимая стрельба из пушек. Все это настораживает. Первый рабочий день после праздника.

22 мая 1988 (воскресенье)

Пробежался по стадиону, не смотря на то, что вчера лег поздно, в 23:00.

У подсоветных занятия. Собрались на совещание к 09:00. Из Кабульского Управления не приехали. Всем дали задание по установке машин. Узнал о вчерашнем обстреле 15-й бригады, дислоцированной в Пули-Чархи. Было выпущено 35 ракет с 18:10 до 19:00. Обстрел корректировали. Стреляли с юга – из м.Хуркабуль. Ранено 5 солдат, 4 танка загорелись, 2 машины повреждены, разбиты стекла в казармах. Вечерняя стрельба вчера была ответной мерой, не принесшей никаких результатов, кроме жертв населения в кишлаках. Нашли несколько частей от ракет. Похожи на те, которые изъяты.

Потом переводили протоколы. От Лепетунова узнал о выводе опергруппы из Джелалабада, которая туда направлена якобы экспериментально. Гульбедин заявил, что через 20 дней он возьмет Джелалабад. В Панджшере сданы 3 поста. Обстановка накаляется.

В обед загорал на бассейне. Потом пришли Роззек, Юсуф, Халиди. Рассказывали об осмотре места обстрела, изъяты части ракет, переводили протоколы допрошенных в больнице. После работы прошли по дуканам с Тулеком. Купил заколки для Кати. Купил много манго по 30 афгани. Самочувствие нормальное.

23 мая 1988 (понедельник)

Сходил на стадион. Вернулся в 06:25. Цветут маки в огороде. Афганцы играют в футбол. Тепло. Солнце. После рузы афганцы работают с 8-17:30.

До 9 часов никто не появляется. Отправил Роззек в Пуличархи за остатками ракеты. Оказывается, машины все сломаны. Следователи не могут выбраться из СУ. Обращался к Михробу. Помог. Постепенно подъезжали из 5-го, 7-го, 4-го Управлений. Работа идет с трудом, медленно, вяло. Активности никто не проявляет. Приходится заставлять.

Получил отчеты с работы. В 5-м отделе 6 уголовных дел на 14 человек, а в 3-м отделе – 5 уголовных дел на 14 человек. Следователей

соответственно 7 и 17 человек.

Знакомился с вновь поступившими мне делами в 3-м отделе. В обед загорал на бассейне у себя.

Очень много вернулось оперативных групп из провинций. Народ в Представительстве. Кандгар покинули консульства Индии и Пакистана.

Съездил за письмом. Беседовал с Халиди. Устанавливал в больницах погибших и раненых. Нет положительных результатов.

Информацию по делу на группу банды ИДА докладывал Шах Назир. Ничего нового нет. После работы заехали в дуканы «Романа». Купили сумку Иринке и сережки для Л.

Готовил блины. Хлеба в обед не было. Пил кофе. К вечеру погода портится. Ветер, тучи пасмурно. Самочувствие нормальное, болят колени.

Ночью был напуган ревом низко пролетавшего самолета.

День и ночь – без обстрелов.

24 мая 1988 (вторник)

Сделал пробежку на стадионе. Проснулся около 5 часов. Рано вышел на улицу. Солнце. Тепло. Стаи собак. Мальчишки с мешками – по помойкам.

Мальчишки окружают и просят: «Инженер, бубыль, банка, газет, тряпка, ботинка, конфет...». На работе подсоветные опять собрались поздно. Доложили первыми криминалисты, что вчера выезжали на обстрел Кабула. Запущено 6 ракет. Одна – вблизи министерства геологии, напротив старого микрорайона, другая – в таможене. Один человек убит.

Ареф принес сведения, что в 04:20 сегодня выпущено 8 ракет – все в районе Даруламана. Одна упала вблизи стены Советского Посольства. В результате этого обстрела 1 человек убит и 5 ранены. Ракета пробилла крышу, прошла через комнату и разорвалась в подвале. Семья сотрудника Царандоя пострадала.

Обсуждали сложившуюся ситуацию. Направил на осмотр места. К тому же вечером взорвался дуканчик, который якобы купил у водителя металлические предметы. Стал разбивать на металлолом и взорвался. Было 2 взрыва. Выслали на первый. Саперы не проверили дукан. Через час раздался второй взрыв.

Съездил залить масло и заплатил за электричество. В обед был на бассейне.

Во второй половине дня слушал

Юсуфа о выполнении заданий. Написал письмо домой. Узнали, что требуют списки – кто с кем желает вместе жить. Вечером заехал к Кузьме. Его не было дома. Тогда занес передачу Ивановым.

Самочувствие нормальное, побаливает голова.

25 мая 1988 (среда)

Сделал пробежку по стадиону. На огороде торговцы собирают салат. Чистят, грузят на тачки и развозят по городу.

На работе опять группа собралась поздно, причины разные: нет машины, занятия, выполняют поручения и т.д. Так, с утра искали Арефа (УВКР). Очень туго идет работа 4-го Управления. Появились данные о вылете в Герат 2-х человек.

Интересные данные. Трудно будет установить в Герате, где душманы собрались на совещание с командирами полков, которые были на стороне народной власти. Делили зоны влияния после ухода наших войск. Там же был Ислаб Муслим.

Сегодня в 11 часов улетел грузовик, на борту – 120 человек. Говорят, что кое-как загрузили людей. Последние вошли и стояли в самолете.

Масса коробок. Улетели 35 пограничников. Бардак.

Посол дал указание всем женщинам покинуть Кабул до 20-го июня. Детей отправить немедленно. Насчитали 27 детей в бассейне. Неизвестно, о чем и чем люди думают, проживая с детьми. Предполагают, что будет 3 дополнительных самолета «Аэрофлота».

Отмечается большая пассивность в работе оперативных работников. Напоминать надо по несколько раз. Началась регистрация депутатов в Парламент.

28 мая – первое заседание. Поехали на занятие в Посольство. Зачитали письмо ЦК КПСС по Афганистану. Очень содержательное, в духе времени. Говорится, что 10 раз просили ввести войска. Группа совершила переворот, прикрываясь марксистско-ленинскими лозунгами. Потом отошли от них. Ставка на силу не дала результатов. Погибло 13 320 человек, без вести пропали – 371, ранены – 35 тысяч. Ежегодно тратили на войну 5 миллиардов рублей. Узнали, что Наджибулло 04.06.1988 собирается посетить ООН. Возможно, Кубу. Я думаю, встретится втихаря и с американцами.

Сейчас в партии глубокий рас-

кол и разлад между парчамистами и халькистами. Последние обижаются, что им мало дают руководящих должностей и званий. Гвардию создают только из парчамистов. Укрепляют свою власть.

Советник по погранвойскам заявил, что они укомплектованы на 62%. Из 55 тысяч – всего 36 тысяч. Издана директива №4 Наджибулло об отборе погранбригад из пограничных районов: Джелалабада, Кандагара, Парачшарского выступа. Они передислоцировались на охрану дорог: Кабул – Джелалабад – Герат – Кандагар.

Растеряли свои оперативные возможности. Погибли командиры. В одной бригаде – сразу 11 офицеров. Началось повсеместное дезертирство с офицерами. Советники возмущены таким решением.

99 караванных маршрутов остались полностью открытыми. С этим связывают участвовавшие обстрелы Кабула.

26 мая 1988 (четверг)

Сбежал на стадион. С неохотой, но потом разбежись и нормально себя чувствуешь. Утром провели политинформацию об академике Легасове, ответах Горбачева. Затем собрались члены группы: УВКР, 5-е, 4-е Управления. Позднее подошел Нахшбанд, которого разыскал по телефону. Готовятся к открытию заседания парламента (Нац. Совет).

Опять заставляли 4-е Управление работать. Никаких ответов пока нет.

Какая-то пассивность у сотрудников. В 5-м Управлении вообще ничего нет. Поговорили и разошлись.

Наджибулло в телемосте заявил, что обеспечит безопасность советских специалистов после вывода советских войск. Его армия справится с оппозицией.

Вернулось более 130 тысяч беженцев. В 11 часов приехали в 7-е Управление. Очень много кустов роз у входа.

Беседовали с Асефом, Ашрафом и Исмаилом. Наджибулло рассказал о себе: «Мне исполнится 42 года, трое маленьких детей, врач».

Никто из наших не верит, что Наджибулло удержит власть.

Говорили о нежелании работать, отсутствии взаимодействия, создании группы для розыска преступников.

В обед на бассейне играли в волейбол. Потом смотрели телепередачи про Афганистан. Поставили телевизор в кабинете.

Самочувствие нормальное. После обеда погода испортилась. С 19:00 начало «ухать», артиллерия проводила профилактику.

27 мая 1988 (пятница)

Проснулся в 05:20, занялся уборкой. Сварил геркулес. В 07:30 поехали в Посольство на волейбол. Играли 4 на 4 до 10 часов. Устали. Затем – бассейн. Битком забит. Еще много женщин и детей.

В 11:30 был дома. Обед не готовил. Отдохнул час, и поехали с Тулеком и Борей в баню. Парились до усталости. Много пили: кефир, спайт, чай. Вернулся в 17:30.

Говорят, в клубе микрорайона выступает Кобзон. В армии – Пьеха.

Самочувствие нормальное. День был жаркий. К вечеру, как всегда, набежали тучи. Ветер.

28 мая 1988 (суббота)

Утром болела голова. На зарядку пошел. Видимо, вчера переутомился: волейбол, бассейн, баня. На работе узнал о возвращении из Москвы Гани, Абдуллы, который пришел утром. Приехали в течение часа Исмаил из 7-го Управления, 4-е Управление, УВКР, Нахшбанд.

Говорили о Джелалабаде. Обстановка плохая. Каждый день обстрелы. Дороги перекрыты душманами. По взрывам никто не работает. Сигналов нет. Проверки идут медленно и плохо. Ссылка на обеспечение открытия Национального Совета завтра. Заставил доложить Гани о создании оперативной группы для выезда в Кандагар, Герат, Пуличшари, о розыске преступников. Это же самое дал для доклада Лепетунову на совещании.

Вчера с 18:00 до 18:30 было выпущено более 10 ракет по 6-му району (Калас Шада, в 2-х км от Посольства СССР). Выезжали в 4 места: школу, дом, на одну из улиц, берег реки. Один убит и 3-е ранены. Очень беспокойная обстановка.

Леня Яковлев рассказал, что вчера президент Наджибулло позвонил батальону МГБ, который попал в засаду в Баграме. Зайцев поехал к военным в 105-ю дивизию. Тот отказался дать людей. Сказал, что у них договоренность с бандглаварями. Он обсудит этот вопрос с ними. Губить наших солдат не будет. Бардак. Ярчайший пример бездеятельности президента, который не может напра-

вить туда армию. Надеется на население.

От Царандоя узнал, что вчера вечером был задержан грузовик с 950 кг «ВВ» тротила. Все из Гази. Появились сотрудники МГБ и забрали машину. Оказалось, это сотрудники 5-го Управления. Грузовик 1620 «Мерседес» 39-69. Выяснили, что это оперативная игра 5-го Управления. Просят не соваться.

В 10 часов поехали с Абдуллой в Кабульское Управление за делом по «Опелю». Долго разговаривал с начальниками отдела Тахером, следователем Куддусом о соблюдении закона. Ссылаются на указание начальника. Задержали 10 человек. Требуется задержать всех. На примерах объяснял, что их беззаконие ссылается на 37-е годы. Соглашаются, но делают все равно свое.

На мой шуточный реверанс, что если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету, ответили, что сейчас другие времена: гора должна идти к Магомету. Посмеялись. Потом назвали советники-начальники. Обижаются, что я, минуя их, пошел в изолятор. Им объяснял неправильность действий. Не понимают, не желают соблюдать закон. И подсоветные их не слушают. Работают каждый сам по себе. Обсуждают оперативные проблемы, находясь в своих кабинетах. Варятся в собственном котле.

Высказали версию, что взрыв грузовика с ракетами произошел в результате радиотрала, то есть при включении наших передатчиков на выявление радиоуправляемых взрывных устройств. Надо проверить. Хотя маловероятно, так как произошел бы запуск, а не взрыв ракет, что имело место.

Лепетунов вернулся с совещания. Ругался с Алевтином в отношении задержанных по «Опелю». Не понимает, что не должно быть возбужденных 2-х уголовных дел. Потом сказал: «Какая может быть законность в нынешней обстановке?»

Премьером назначен Мох. Хасан Шарк, 62 года, задерживался при Зохер Шахе. Также избран из 8 кандидатов новый губернатор Кабула. Прошло заседание Национального Совета. Выступил Наджибулло. Сослался на сложность обстановки. Видимо, будет создано новое правительство.

В обед загорали у себя в СУ. После обеда переводили протоколы допроса раненых при взрыве на набережной р. Кабул, ясности нет.

Затем прощались с Нуром, устроил хороший стол. Ушли в 20:30.

30 мая 1988 (понедельник)

На зарядку не пошел. Тяжесть после вчерашнего вечера. Утром заехали за газетами в Представительство. Много машин. Пробки. Очень тяжело ехать. Все лезут, торопятся, забивают встречную полосу. Нет предела наглости.

Собрались к 9 часам. Опять обсуждали проблему розыска. 4-е Управление вновь ничего не сделало. Также как и УВКР и 7-е Управление.

Затем оперативные работники из 5-го Управления сообщили, что задержанный грузовик с «ВВ» – это комбинация 1-го отдела. Привезли в результате перевербовки из Вардака в количестве 350 кг.

В обед загорал и мыл машину на бассейне. Погода испортилась. Солнце спряталось за тучи. Ветер. Пыль. После обеда переводили документы убитого водителя Хабабуллы, говорили о поездке в Москву.

От него узнали, что сейчас было объявлено об уходе в отставку правительства Пакистана. Объявили чрезвычайное положение.

В газетах сообщено о жертвах в Афганистане – 13310 человек, ранены 35487, без вести – 311.

31 мая 1988 (вторник)

Сделал пробежку по стадиону. Афганцы играют в футбол. Комиссия собралась не в одно время. Новых сведений нет. Дал снова задание Супмани (4-е Управление) по установке и проверке.

Выбивали машину для осмотра. Спорил о работе с советниками из 7-го Управления. Спихнули дела и ничего не делают. В обед – на бассейне. Погода ветреная, тучи, солнца мало. Играли в волейбол 2 на 2, потом один против Тулека и Бори. Затем – в магазин. Купил сахар, сыр, молоко.

Вызвал Абдуллу и Халиди. Тот жалуется, что жена в больнице с маленьким сыном. Сам остался с двумя детьми. Родственников нет. Долго обсуждали допрос Атауло, водителя машины 95-45, взорванной на майдане. Очень устал от объяснений.

Узнали о гибели в районе Макура, между Кандагаром и Гази, троих советников. Одного убили, двух увели. Идет десантирование по их спасению.

Самочувствие нормальное.

1 июня 1988 (среда)

День горячей воды. После пробежки мылся. Ночь теплая, утро ветренное. Сегодня собрались все члены комиссии. Фарин дал указание по работе. Все присутствовали, опять пришлось повторить задания, которые не выполняют.

Утром по 15-й бригаде в Пуличархи выпущено 7 ракет. Наши постоянно дают артобстрел, сегодня в 11:30 здорово бабахали. Думали, взрывы. Это ответный был удар. Потом пришли из 7-го Управления по делу в отношении старика из «ИДА», якобы вынашивающего терроризм. Никаких доказательств. Одно агентурное сообщение. Ссылаются на указание брать всех перед праздником. Работают нашими старыми (37-го года) методами. И еще оправдывают себя. Долго доказывал им с Лепетуновым. Договорились о завтрашней встрече. Первая половина дня до предела загружена. В обед – на бассейне. Много народу.

Опять вызвал Абдуллу. Переводили показания допроса солдата с поста Пуличархи. Потом анализировал материалы по машине 95-45. Составил вопросы. Утомился. Вечером стирал. Получил из дома по письму – от Володи и Люды. Третий день идет заседание МИД о положении дел за 15 дней. Высказана угроза о приостановлении графика вывода войск, поскольку Пакистан не выполняет соглашения.

Якобы Наджибулло обратился по телефону к Горбачеву с просьбой не выводить в ближайшее время войска из Кандагара. Получено согласие.

В связи с этим остаются опергруппы в Фаране и Кандагаре.

Говорят о преобразовании МГБ в Управление ГБ.

2 июня 1988 (четверг)

Пробежка по стадиону. Вернулся в 06:25.

Утром политинформация по афганским назначениям. Затем собрались все из оперативной группы. Опять поступили сигналы о 2-х грузовых машинах с «ВВ». Выясняли решение текущих вопросов. Направили следователей для допроса водителей. Дали новые задания. Кабульское Управление не работает. Одни отговорки. Интересное сообщение из камеры по Атаулло.

Обедали с Тулеком в Управле-

нии. Дали мясо, рис. Купили кефир.

Потом поехали на бассейн. Загорали до 14:20. Оттуда – в ДСНК на концерт Кобзона. Приехал позднее посол – Егорычев Николай Григорьевич. Кобзон рассказывал анекдоты: про наркотик хохла, который сказал, что, когда ест сало, кайфует. Про 2-х хохлов, которые в окопе в Афганистане мечтают о Венгрии... Шутил с послом: спрашивал, почему он опоздал и что хочет увидеть и услышать. Может быть, за кулисами встречу организовать? Тот ответил, что он видел его уже за кулисами, наемкнув на пьяный вид. Кобзон заявил, что он не может быть на сцене в том виде, как за кулисами, так как там он без брюк – бережет их для выхода на сцену.

Все смеялись. Кобзон пел русские песни и романсы в течение часа, прерывая воспоминаниями о поездке в Боливию. Концерт начался в 15:07, закончился в 18:20.

По телевидению А.Петрова передала, что в Кабуле происходят ежедневные взрывы и обстрелы. Показала репортаж о взрыве в Минпросе, а также исполнителя Башира. Все скромно. Запугана.

Передают отъезд Рейгана из Москвы и пресс-конференцию Горбачева и Рейгана.

3 июня 1988 (пятница)

Встал в 05:30. Занялся уборкой. Вымыл пол. Протер пыльный стол, подоконник, двери. В 07:30 заехал в старый микрорайон за Гудковым, поехали на волейбол в Посольство. Играли 5 партий. Ругались. Проиграли 2:3. Потом – бассейн. Много народу. Вода грязная. В 11:20 уехал, заехал к китайцу за хлебом. Ел грибной суп. Отдохнул. Взвесился – 90 кг 200 гр. В бане парился до 16:30.

Поехал на концерт Пъехи. Зал к 17:00 был уже полон. Мест нет. Кое-как устроился на стульях батальона охраны. Потом начали стонать. Пересел на другое место. Зал – битком. Духота.

По неизвестной причине Пъеха появилась только в 18 часов с ящиками аппаратуры. Стали размещать, настраивать. Прошло еще полчаса. Концерт начался в 18:30. Выглядит молодо, хотя возраст дает о себе знать. Трижды меняла платье: черное, красное и розовое – с бантиками! Здесь ее дочь, у которой двое детей. Объявили как Илону Поклявицкую. Были жонглеры и фокусник, мужчины из оркестра – с ними. Много и не-

нужных песен. В общем, встретили хорошо. Она была довольна.

Вернулся домой в 20:30. У клуба много машин, БТР, солдаты, автобусы.

Вечером почувствовал землетрясение. Покачивание в кровати. Через час толчки еще раз почувствовал.

4 июня 1988 (суббота)

Пробежка на стадионе. Завтрак: манная каша и сыр. Теплое утро. У Влада узнал об обстреле 4-мя ракетами районов Министерства Ирригации, медицинского факультета КГУ. Один человек ранен. Обстреляли в 16:45. Выезжали на осмотр. Затем пришел представитель опергруппы из 12-го Управления. Разговор с ним о плохой работе МГБ. Причина – продажная агентура, малограмотная или вообще безграмотная. Только за деньги дают информацию. Племена исторически ближе к Пакистану. Они оттуда черпают все необходимое для жизни. Контрразведка им больше платит, поэтому они работают на их стороне. Назвал работу с именами – ювелирной. Обстановка сложная, плохая.

Вчера вечером в Москву, Нью-Йорк, Гаванну вылетел Наджибулло.

Потом пришел из Кабульского Управления Нахшбанд. За ним – из 7-го Управления советник Спиридонов с начальником отдела по реализованному делу. Ругались с ним. Нет доказательств. Не дают осмотреть магнитофонную запись разговора с агентом. Все натянуто. Схвачен накануне праздников за террористические высказывания. Признался в членстве «ИДА». Доказывал, что по указанию взят, огрызнулся. Дал задание найти свидетелей, осмотреть магнитофонную ленту и т.д. Видно, что обманывают советника. Потом схватился с Лепетуновым по новому делу. Подсунул взятых 10 человек в районе Мукура в связи с убийством 6-и советников. Взяли случайных. Работать некому. 3 следователя, хорошо работающих, заставил передать в другой отдел. Угрожал написанием аттестации, поставить смирно. Заносит иногда. Много берет на себя. От безделья иногда перебарщивает.

Обед – грибной суп, хлеб. Собрался ехать в Посольство на волейбол.

Играли с Олегом в волейбол 1 на 1, затем 2 на 3 6 партий. Устали. Интересно. Потом искупались в бассейне. Поехали в магазин.

Купили батарейки, мыло, молоко сгущенное, сливки и т.д. Зашли с Олегом в кафе -большой зал с двумя десятками столиков. Народу мало. Смотрят телевизор.

Буфер хороший: соки, вода, кура, печенье. Не взяли 2 банки огурцов. Обманула продавщица. Очень много женщин молодых. Это все разбитые судьбы. Зачем они, злые, грубые, мужиковатые, – для кого?

Самочувствие нормальное. Смотрел телевизор об афганской песне. Воины интересно выступали. Очень интересная передача. Слезы на глазах.

5 июня 1988 (воскресенье)

Пробежка по стадиону. Солнце. Прохладное утро. Много машин у моста Макмуджи, мотоциклист врезался в УАЗ.

Первым пришел из 12-го Управления Вали. Ничего нет – общие разговоры. Затем поочередно приходили из Кабульского Управления, 4-го, 7-го. Кое-что сообщали. А работа по раскрытию взрывов идет вяло, с затуханием. Вызвал Халиди. Говорили о допросе водителя Нурами. Смотрел снова документы. Анализировали. Тут же пришел следователь, который доложил о посещении 7-го Управления. Очень устали в первой половине дня. В обед никому не поехал. Занимался делами: гладил, делал квас.

Заехали в книжный «Байкахи» – журналов нет. Р. Гамзатов в плохом издании – 109 афгани. Проехали на АЗС. Много машин.

Вызвал Халиди. Водитель Нурами не пришел на допрос. Стал готовить к допросу. Составили вопросы, которые надо выяснить. Плохо понимает. Долго втолковывал, разбирался с документами. Потом провели политзанятия. Опять ерунда. Рывданов защищает кооперативы, их обогащение. Лепетунов вторит ему. Как похоже на занятия эпохи застоя. На мои возражения никто не реагирует. Спорят. А все это ерунда о кооперативах, портят людей. Дали не ту направленность. Потом будут исправлять.

Вечером стирал, мылся. Самочувствие нормальное.

Из телновостей узнал о взрыве 3-х вагонов поезда в районе Арзамаса Горьковской ж/д. Погибло 68 человек, 250 – ранены.

150 домов разрушены. Воронка от взрыва – глубиной 26 м и шириной 50 м.

6 июня 1988 (понедельник)

токол допроса Нурами, водителя 95-45.

Пришли к выводу, что Атаулло не причастен к взрыву. Проанализировали все доказательства. Потом говорили с Роззекем о криминалистских заключениях 105-го Управления, о новом правительстве, его желании уехать в Союз.

Получил из дома 2 письма. Самочувствие нормальное. Запущены болгарский и советский космонавты. День обычный, жаркий, к вечеру ветреный, пыльный.

8 июня 1988 (среда)

Зарядка на стадионе. Утром холодно. Ветер, небо в тучах. Вечером покапал дождь.

На работе то же самое. Утром – совещание опергруппы. Из Кабульского Управления никто не пришел. С другими обменялись информацией. Следователи на занятиях. Никого не дозвешься. Очень трудно приходится.

В обед на бассейне. Солнца нет. Погода испортилась. Черные тучи, ветер. Купались.

Взял талоны на бензин, купил продукты, заехали к политсоветникам за статьей «Кость мамонта» (о деятельности Щелокова, бывшего министра МВД). Поразила своим изложением и фактами. Как могло случиться в наше время? И мы это знаем. Жена и он застрелились.

Потом Беляев налетел, почему я не забрал с обеда Рывданова. Зло, в приказном порядке заставил ехать. Даже слушать не хотел. Не успел приехать – начал перехватывать. Ну и манера московская. В конце дня Б. рассказал о поездке в Москву.

Вечером отключили свет до утра. Самочувствие нормальное.

9 июня 1988 (четверг)

Пробежка на стадионе. Погода наладилась. Небо без туч. Утром смотрели фильм о параде в Пакистане и взрыве складов в Пешаваре.

Увидели 3 женских полка. Оказывается, они служат в армии. Открытие. Показали скаутов. Совещание проводил без меня Абдулла. Потом рассказал, что задания не выполняют. УВКР сообщило о 6-ти грузовых машинах с «ВВ» в Пакистане. Дали номера. По-моему, это ерунда. Приходили криминалисты в отношении экспертиз. Выяснили все вопросы по взрывам. В грузовике сначала взорвались ракеты, а потом «ВВ».

В обед на бассейне. Кабульское

Управление вводит в заблуждение в связи с раскрытием взрыва в Шахршау. Тахер сначала доложит, а протокола нет. Потом выкручивается.

После обеда переводили с Абдуллой протоколы показаний Халеда Кунаме. Кажется, приближались к раскрытию взрыва «Опеля». Хотя исполнители в бегах. Один в Кандагаре, другой в Пуличархи.

Работа идет медленно. С трудом. Договорились о поездке в баню в Пуличархи. Самочувствие нормальное, болят колени. Узнал, что у соседа с 5-го этажа украли видеоманитофон.

Идут разговоры об оставлении в отделе к новому году 2-х человек и замене Беляева на другого начальника.

10 июня 1988 (пятница)

Встал в 05:30. Вчера лег после 23:00. Смотрел «Взгляд». Пустая передача. Делают на дешевой сенсации культ и чуть-чуть сегодняшних событий. В итоге – скромная говорильня. Ничего не остается в голове и не над чем задуматься. Делал уборку. В 08:20 поехали в Управление и оттуда на 3-х машинах – в Пуличархи.

Собрались все, кроме Беляева: Рывданов, Иммурастов, Корнеев, Кулаков, Лепетунов, Усенов.

День ветреный. Прохладный, но солнечный. Был Гани с детьми: трое пацанов – 15, 12 и 6 лет. Авзаль с автомобилем – в качестве охраны.

Дорога асфальтированная. Кусок грунтовой и пыльной дороги. В поле стоит несколько зданий за высокой стеной с башнями по 4-м углам. Внизу – врытые танки. Проехали через трое ворот с остановкой у каждого.

Бассейн полон чистой, холодной воды с голубым оттенком. Парилка холодная. Только начали топить. Играли в волейбол. Много камней, ноги накололи. Купались. Парились.

Здорово загорели. Обедали в 13 часов. Хороший стол: салат из овощей, жареная картошка с котлетой, плов с мясом, фанга, кола, арбуз и бананы.

После обеда снова парились и купались. Закончили в 17 часов. До СУ езды всего 30 минут. Заехали в Представительство за письмами. 3 письма из дома. Вечером проявлял пленки. Моя не получилась. А Муштафы – вышла хорошо.

Очень устал. Болят колени. Авзаль сказал, что сейчас в Кабуле находится Ахмад Шах Масуд.

Видимо, с ним ведут переговоры

о занятии поста Министра обороны. Об этом давно ходили слухи. А может быть, это вымысел. Был бы успех Наджибулло в вопросе национального примирения.

Сегодня улетели 76 человек на грузовике.

11 июня 1988 (суббота)

На зарядку не пошел. Тяжесть в организме.

Встал в 05:40. Утром пришел Абдулла.

На совещание группы пришли только 12-е Управление, Хаят (УВКР), Азиз (7-е Управление) и Кабульское Управление. Ничего нет.

Занимался переводом показаний, звонил в Кабульское Управление, Шевелил Нахшбанда. Разговоры о ничегонеделании, нежелании работать, перекладывании работы. Высказал мнение начальнику. По его просьбе писал справку о взрывах. Так закончился рабочий день.

На улице жарко. Играл в Посольстве в волейбол. Там делают скважину. Одна площадка занята. Играл 3 на 3, 4 партии. Устали. Потом купались в бассейне. Вечером много пил: квас, молоко, чай. Заболел желудок. Всю ночь не спал.

Утром сварил манную кашу, чай крепкий. Полегчало, но болят колени.

Всю ночь летали вертолеты, и от них не было покоя.

12 июня 1988 (воскресенье)

Самочувствие плохое. Слабость, боль в коленях. На зарядку не пошел.

На работе поставил машину на мойку.

Подсоветных нет до 9 часов. Занятия. Другая половина уехала в Пуличархи на военную подготовку. Затем пришел Абдулла и представители из 5-го и 7-го Управлений. Есть сигналы о взрывах. Все общее. Говорили о выступлении делегатов Национального Собрания.

Очень много критикуют правительство, которое составлено из представителей 3-х провинций: Пактли, Кабула, Кандагара. В основном пуштуны. Говорят о взяточничестве среди членов правительства, нежелании посылать своих детей воевать в провинции. О получении льгот, длительном занятии своих постов, освобождении всех политзаключенных.

Все сотрудники МГБ высказывают неудовольствие по случаю поголовного освобождения осужденных. Потом пришел Шайб из 3-го Управления. Много говорит о

своих заслугах. Привел на избирательный участок 2000 избирателей, которые проголосовали за нужно-го кандидата.

Подписал договоры с бандами. Ездил в Джальрез. Там все руководство сотрудничает с бандами. Рассказал, что при сдаче уездного центра Баграм в Парване окруженные бандитами сотрудники Царандоя, МГБ, военные советники по указанию военного советника отдали ему оружие, он передал душманам, а они выпустили их живыми из окружения.

Этот факт используют в пропаганде, что советники вооружают душманов.

Спрашивал, уйдем мы или останемся. Высказывал мысль о переходе в 7-е Управление или провинцию – так и не ясно, зачем он приходил.

В обед отдыхал. Слабость. Во второй половине дня приезжал Ашраф. Дал ему задание на поездку в Пуличархи для задержания террористов Сарвара, Соира и др. Он сослался на Фарина, что тот приказал выполнить мои указания. Асеф жаловался по телефону на плохую работу. Абдулле дал задание по установке и допросу лиц, проходивших по показаниям.

К вечеру самочувствие лучше. Смотрел футбол: Англия – Ирландия (0:1)

13 июня 1988 (понедельник)

Встал как обычно. На работе собралась группа не в полном составе.

В 13:20 на бассейне узнал от дежурного о смерти матери ночью 12 июня.

Сообщил дежурный Представительства. Срочно выехал в Посольство. Дежурный Миша помог оформить документы – паспорт, отпускной. Позвонили в Ленинград об отсрочке похорон. Взял у ребят деньги – 170 р. И срочно с Тулеком в аэропорт. В 17:30 вылетел в Ташкент. Летели 8 человек военных. В Ташкенте таможня. Летели 01:40. Прибыли около 19 часов. Там было 22:00. На автобусе доехали до города. В аэропорту начались мучения по доставке билета. В воинской кассе огромная очередь. Пошел к коменданту за броней. Закрыв передо мной окно до утра. Хотя должен работать. Кинулся к начальнику вокзала. Очень большая очередь и трудно прорваться. 4 часа отстоял в кассу. Дали билет на Москву на 02:55. Час подождал.

В 7 часов был в Москве. Летел в комфортабельном самолете ИЛ-86. Кормили. Из Внуково до Шере-

метьево добрался за 1 час 20 мин автобусом. Там взял билет на 14:50. Улетел в 12:50. В Ленинграде был ровно через сутки, в 14 часов.

Встречали у метро Катя с Людой. Начались хлопоты с похоронами. Мать лежит в морге 1-го Медицинского института. Разрешение дали на 16.06. Похоронили на Южном кладбище. 15.06 ездил в Пушкин к отцу. Все нормально. 16.06 были поминки у Раи. С 17 по 20 июня провел на даче. Весь в делах. 20.06 – 9-й день. Собрались Роза, Борис, Рая, Ира, Катя. Шел дождь, все вымокли. 21.06 встречали с Катей белые ночи. В 24 часа вышли на набережную Макарова. Сели на теплоход. Прокатились до Смольного и обратно. В 4 часа вернулись домой. 22.06 вечером были в кафе «Литературное» на Невском. Очень хорошо провели время за бутылкой шампанского. Смотрел футбол. Наши выиграли у Италии 2:0.

23.06 утром сбегали в магазин, в 12:45 поездом ЭР-200 выехал в Москву. В 17:15 был в Москве. На такси в 19 часов приехал во Внуково. Позвонил Кислых. Узнал о замене Беляева. В 23:00 улетел в Кабул. Приземлились в 5:20. Встречал Тулек.

В это же время улетал самолет с делегатами партконференции. Избраны – Варенников, Громов – советник и командующий 401-й армией, посол – Егорычев, партсов как гость – Поленичка и солдат. Зайцев опоздал на проводы.

24 июня 1988 (пятница)

Квартира вся в пыли. Занялся уборкой. В 14 часов в баню. Очень заметно, что вышел из формы. Слабо. Плохо держу пар. Мыл машину долго.

От Лени Яковлева узнал, что в 9 часов в аэропорту взорвались и сгорели 9 советских самолетов МИГ-2. Афганцев не пустили на осмотр. Говорит о попадании ракеты. Самолеты были начинены ракетами, которые рвались. Очень сильный пожар и разрывы.

Сегодня же запущены несколько ракет по Карбе Нау. Погибла одна девочка. Тулеек сказал, что на днях был обстрел Хайрханы. Погибли 7 человек. Многие ранены. Взрыв у мечети Полн Хешти. Погиб 1 человек. События трагические. Наступила жара.

25 июня 1988 (суббота)

Очень плохо спал. Был жарко. Голова тяжелая. Кровь из носа.

Проснулся в 06:50. На работе все высказывали соболезнования. Собралась опергруппа: 12-е Управление, 7-е Управление, УВКР. Прошли слухи о захвате духами Майдан Шаха (Вардак). Позднее узнали, что освободили, бросив 1000 солдат.

В кабинете жарко. Съездил за деньгами. Дали полностью. С 16 часов играли в волейбол в Посольстве 3 на 3. Очень чувствуется усталость. Вышел из формы. Жара, быстрая утомляемость. Купались в бассейне. Выпили с Леной Яковлевым по 2 банки холодного пива.

Смотрел футбол. Наши проиграли чемпионат Европы Голландии 0:2. Читал сообщение резидента МВД. Высказывает домыслы по покушению на Зироя. Говорит, что Наджибулло не пользуется авторитетом в партии и народе. МГБ – кучка бандитов.

26 июня 1988 (воскресенье)

Спал немного лучше. Чуть прохладнее. На зарядку не пошел.

Собралась часть опергруппы – 12-е и 7-е Управления. Вели общие разговоры. Потребовал исполнение задания у Абдуллы. Ничего не сделал из того, что было дано. Вызвал нового следователя, который работает с Якубом. Не знает материалов. Заставил изучить. Много говорили о сдаче Майдан Шаха. Ни у кого точных данных нет.

Купил арбуз и вишню. В обед убирал квартиру. После обеда зашел Хаким, сейчас назначен начальником 9-го отдела (операций и сбыта). Рассказывал, что афганец уважает силу, поэтому ПНП воспринимают как слабость власти Наджиба.

Отметили заметное ухудшение обстановки. Спад в работе оперативных Управлений. Вошли Нахшбанд и Ашраф. Высказали соболезнования. Вечером началась сильная гроза, был дождь.

По телевидению выступает Распутин. Общие фразы. Не впечатляет. Самочувствие нормальное. Очень много пил. Приезжает Крючков.

27 июня 1988 (понедельник)

На улице сыро после дождя. Жарко.

Утром собрались Азиз и Кодер из 5-го Управления. Говорили о сдаче Майдана. Был захвачен несколькими бандами под руководством капитана Амманулло из «ИПА» в 15 часов 24.06 и удерживался до 5 часов утра 25.06, взяты пленные. Все руководство бежало в Кабул

много убитых с обеих сторон. По делу новостей нет. Работа идет медленно. Дал задание Халиди по проверке машин, прибывших в Кабул. Проверил готовность к допросу следователя Нозера. Он составил план. Подошел сознательно. Затем переводил показания Г. Абоса о продаже «Опеля». Оказался агентом 4-го Управления. Был в Пакистане.

В обед отдыхал дома. Затем вызвал Халиди. Спросил о выполнении задания. Сделал. Долго обсуждали результат. Затем заставил Абдуллу звонить Арефу, Акбару из Царандоя. Съездил в Представительство. Опустил письмо.

Покапал дождь. Но еще жарко. Прочитал в «Правде» статью о Шемьякине М. Создал Комитет по спасению советских военнопленных. Интересные события.

28 июня 1988 (вторник)

Ночью прошел дождь с сильной грозой. Жара. Проснулся в 05:15. От зарядки воздержался. Опухшее лицо, в глазах тяжесть.

На работе никаких новостей. Пришли из 7-го и 12-го Управлений. Потом Абдулла. Позднее – Субмани и Нахшбанд. Одни разговоры о работе. Сдвигов нет. В 10:20 включили телевизор. Открытие 19 партконференции. Все как прежде. Доклад Горбачева. Вел Лигачев. Выступал до 14 часов. Затянул.

В обед были на бассейне. После обеда никого нет. Вели разговоры о докладе. Самочувствие нормальное. Жарко.

29 июня 1988 (среда)

Встал в 06:15. На работе пришли только из 12-го и 7-го Управлений. Новостей нет. Обменялись общими фразами. Лепетуну вручили награды – орден Дружбы, почетную грамоту и «10 лет Саурской революции». За что грамоту – неизвестно. За безделье. Все повторяется – награда по должности. Здесь не отрываешь зад от стула, никто не замечает.

Приходил Халиди, говорил о поездке в Пули-Чархи. Книг учета не нашел. В обед играли в волейбол 6 на 6. Устал. Вечером беседовал с Хайр Мохаммадом. Дел мало.

В дуكانе купил зелень и арбуз. Ругался. Обманули. Дукащик наглый. Дал ему 500 афгани.

Сдачи дает меньше. Бросил качан капусты, которую не хотел брать. Назвал жадным. Так и обманул на 20 афгани. Наглости нет предела. Больше не буду покупать.

Самочувствие нормальное. Немного прохладнее стало.

30 июня 1988 (четверг)

Встал в 6 часов. Ночь была прохладнее. Утром провели политинформацию по материалам газеты «Афганистан и факты». Затем пришел Вали из 12-го Управления. Ничего нет. Халиди поделился впечатлениями о возвращении уголовного дела на Атаулло из прокуратуры. Много поставили вопросов для уточнения. Потом вызван Аммон и Нозер. Разбирали допросы Якуба и Хайдара. Дал задание уточнить некоторые вопросы. Проверяется версия о их причастности к взрыву у мечети Хадече Якуб.

В обед на бассейне играли в волейбол 3 партии. Жарко. Выкупил в магазине продукты. Остаток дня изучал доклад Горбачева.

Самочувствие нормальное. Сби-ты подошвы ног. Уснул в 23:00.

01 июля 1988 (пятница)

Встал в 06:30. В 07:30 поехал в Посольство.

Очень жарко и быстро устаешь. Выпили по литру воды из холодильника.

Потом – бассейн. Много народу. Был час. От Лени Яковлева узнал о гибели двух офицеров позавчера, хобистов в Кундузе. Подорвались на mine. Там намечается вывод советских войск.

Купил арбуз и огурцы. Засолил. Мысль в бане до 17 часов. Обсуждали вопросы партконференции, выступления делегатов.

Вернулся домой в 18:30. Из дома писем нет.

02 июля 1988 (суббота)

Вчера смотрел программу «Время» до 12 ночи. Встал в 06:20. жара поменьше.

Утром активное обсуждение выступления Ельцина и Лигачева, а также других делегатов. Много суждений. Единое – говорильня, может все так и остаться, как было уже не раз. Потом пришел Хасан с делом из Царандоя: арестовали 3-х человек, проживающих в одном доме, имеющих родственные отношения. Нашли 1,6 кг «ВВ» тротила и 4 кг гашиша. Задержанные отказываются от «ВВ», хранились в сарае, куда имели доступ многие люди. Один признает гашиш. Имеет 3-х красивых дочерей. Видимо, один офицер из Царандоя, чтобы избавиться от отца любовницы, подстроил комбинацию с «ВВ», до-

казательств никаких. Посоветовал прекратить дело в отношении 2-х человек. Вменить Хасану хранение гашиша, допросить агента.

Царандой не идет на это. Остаток дня тянулся медленно. Зашел Михроб. Говорили о работе в новых условиях. Трудностях, единстве среди членов партии, мероприятиях правительства.

Играли в волейбол в Посольстве с 16 часов, сыграли 5 партий. Выиграли у Лепетунова, Яковлева, Медведева, Германга. Пошли в бар, а затем – компанией на виллу к Яковлеву. Его жена накрыла стол на 6 человек.

Очень была веселая, непринужденная обстановка. Пели песни. Разъезжались в 21 час. Темень. Лепетунов при выезде из ворот задел передний фонарь. Разбил. Ехали в кромешной темноте. Дорога пустая. Изредка попадались машины.

Дома был в 21:30, самочувствие нормальное.

3 июля 1988 (воскресенье)

Спал плохо. Встал в 06:20.

На работе подсоветных не вызывал. Зашел Амон. Поделился вчерашними допросами. Авзаль рассказал о своей поездке в Майдан Шах в составе комиссии. Взятые душманами 305 автоматов, 18 РПГ, ЗУ, 5 ДШК, пулеметы, ящики с боеприпасами. Командный состав первым разбежался. Полк хазарейцев ушел в сторону Кабула. Командир полка недавно на Пленуме лично от Наджибулло получил звание генерала. Царандой тоже бросил посты. Сейчас оттесняют душманов из районов города.

4 июля 1988 (понедельник)

Впервые после приезда спал хорошо. Видимо, акклиматизация закончилась.

На работе утром пообщался с Нозером, Сохи, Юнусом. Приезжал Кудус из Кабульского Управления в отношении передачи уголовного дела. Абдулла занимается личными квартирными вопросами. Третий день на работе не показывается. Часть следователей – на военных занятиях в Пули-Чархи. 1-го и 3-го июля были мелкие взрывы у дома Министерства высшего образования. Значения не придали. Узнали, что из 2-го отдела сбежал следователь Латиф Шарифи. Все удивлены. Остальное время – в обсуждении итогов партконференции.

В обед занимался уборкой. После обеда ездил в Представительство МВД на беседу с Шальневым.

Его встретили в штyki. Агентуры у него мало, да и та уже не работает. Все делают свои дела, готовясь к уходу. К сентябрю их останется около 200 человек. Заехал в Представительство в отношении заявления, присланного Людой. Вернулся с газетами. Обсуждали выступления на партконференции.

5 июля 1988 (вторник)

Проснулся в 05:20, встал в 06:30. Стало прохладнее. На работе никого нет. Одни в Пули-Чархи, другие – на занятиях. Вызвал Нозера. Поговорили о вчерашних допросах. Кое-что сделал. В 09:30 поехали с Юнусом в Кабульское Управление. От него узнали, что Абдулла занял чью-то квартиру в старом микрорайоне и оформляет документы. Уже который день не появляется на работе. В Кабульском Управлении встретили нас Куддус, начальник Тахер уехал куда-то. Стали знакомиться с материалами дела о краже джипа у советского госпиталя.

Задержанный категорически отказывается, хотя взят при просьбе отогнать машину. Сотрудник случайно узнал украденную у него машину. Он приезжал с советским офицером для продажи кондиционера, чайников и других вещей. Во время захода в госпиталь машину угнали.

Дал много рекомендаций, что нужно сделать. Были около часа. Сидели в темном, без окон, кабинете. Неприятное ощущение.

В обед – на бассейне. Заезжал в Посольство заверить заявление-доверенность. Не оказалось секретаря. Общался с Ю.Романенко. Потом говорили о партконференции, работе.

Самочувствие нормальное. Вечером поднялся сильный ветер. Прохладно.

6 июля 1988 (среда)

Ночью в 4 часа 18 минут проснулся от сильного взрыва. Утром узнали (выезжали на место): вблизи здания ЦК НДПА, Министерства финансов, горкома партии, 2-го РОЦа взорван грузовик «Бэдфорд». В 3:45 трое неизвестных заехали во двор базара и оставили машину, видимо, прибывшую из Пакистана. 7 человек убиты, 13 ранены. Следователи с криминалистами делали осмотр. Народ возмущен, что госвласть не может оградить их от взрывов. Никто показаний давать не хочет. Ругаются.

Один собрал вокруг себя народ и ругает власть. Картина странная. Все мясные дуканы разрушены полностью. Воронка размером 3 на 3 на 1,5 м в центре двора. От машины почти ничего не осталось. Номер двигателя видно.

Приезжавший мэр города сказал, что это сделано в отместку за дороговизну мяса. Народ возмущился таким заявлением. Ругается. Не хочет разговаривать.

В нашем Управлении вылетели стекла на 2-м этаже и при входе. В старом микрорайоне также выбиты некоторые стекла. Без стекол здания ЦК НДПА, Горкома, Министерства финансов. На другом берегу реки много дуканов без окон и дверей. Взрыв был большой мощности. Вернувшись, обсуждали с криминалистами осмотр. Дал задание Гани по разбору двигателя для исследования номера. Переводили протоколы. Дал следователю рекомендации.

В обед занимался глажением. В бассейне поменяли санитарный день.

Поехал в Посольство. Ждал начальника секретариата Тетерина, чтобы заверить заявление во Внешторгбанк. Обменялись с Лейней Яковлевым мнением по взрыву.

Ракеты падали на северо-западе, в Хайрхане. 13 ракет упало. Есть жертвы. Следователи выехали на место.

Узнал, что Гани разобрать двигатель удалось, вырезал часть с номером. Отправили на экспертизу. Проезжая по городу, видел выбитые стекла в здании Министерства Просвещения. Никто никаких мер по розыску преступников не принимает. По телевидению показали этот взрыв и сказали о ракетном обстреле и приезде Кордовеса.

Вечером стирал, мылся. Тяжесть в пояснице и коленях.

7 июля 1988 (четверг)

Ночью беспрерывно раздавались разрывы. Стреляли наши и душманы.

Утром поехал на стрельбы – полигон 103-й дивизии, за аэродромом. Стрелял из автомата. Попадал. Стрельбы организованы нормально. Был чай и вода. Сделан навес. Солдат разливал. Стреляли из пулемета и винтовки.

Вернулись с Тулеком в 10:30. вызвали Абдулла и Вали. Выяснили, что сделано, – ничего. Затем говорил с Нахшбандом. Якобы в Кандагаре установили водителя Джума Хана. Пошли к Гани, чтобы направить следователя. Он звонил Фа-

рину. Договаривался. Выяснили по вчерашнему обстрелу. Отправил к Актару в Царандой знакомиться с материалами дела.

Без подгоняя ничего не делают. Возвратившись с обеда, узнал о взрыве в 12:45 «Тойоты» у западной стены советского госпиталя. Один человек погиб. Остатки машины привезли во двор. Долго разбирались с ними, определяли марку и модель. Звонил Актару. Опять обещания приехать. Ничего не делает. А взрывы продолжают.

По телевидению передали о вчерашнем обстреле Кабула, событиях в Ереване. Забастовке, захвате аэропорта.

8 июля 1988 (пятница)

Встал в 05:20, поехал в аэропорт. Отдал письмо. Прилетели 9 человек.

Утро прохладное. Приятная погода. Солнце. Небо чистое, голуби.

В 06:45 был в Посольстве. Турнир. Играли с Торгпредставительством. Проиграли 1:2. Очень плохо играли Л. Яковлев и Олег, партии были 15:13, 13:15; 16:14, переругались. Закончили к 11 часам. Очень жарко. Потом бассейн. Вода холодная, чистая. На обед блины и пожаренная колбаса с яйцом. Баня с 14:30, жарко – +120С. Париться невозможно.

Вернулся в 18:00, купил арбуз (оказался белым).

Все обстрелы и взрывы можно увязать с приездом Кордовеса. Сегодня он улетел.

Заболела поясница сильно. Лепетунов и Мосянин говорят об отъезде 30-го сентября. Мосянин подписал рапорт. Ерунду мелют, не хотят уезжать.

9 июля 1988 (суббота)

Встал в 06:00, очень болит поясница. Кое-как расхотелся. Утро солнечное. Небо чистое. Вызвал Вали. Говорили о том, что надо сделать.

Абдулла опять ушел в город по своим делам. По радио сообщили о взрыве грузовика в Джелалабаде вчера. 31 человек погиб и 33 ранены. Разрушены близлежащие дома. Вали сказал, что три дня назад по Майдан Шаху было выпущено более 250 ракет. В Кабуле пока тишина. К душманам ушел полк муллы Маланга численностью 200 человек. Был сформирован народной властью.

Остаток дня провели в разговорах о партконференции.

Очень болит поясница. Поехал

на заправку. Много машин. Не заправился.

10 июля 1988 (воскресенье)

Встал в 06:00, болит поясница. Уборку делать не могу. Утром заехали на АЗС. Невероятная очередь. Работает одна колонка. Простоял 1 час 20 минут. Приехал БТР на заправку. Едет в Майдан Шах. С обезьяной на цепи. Сидится на пулемет, бегают по броне. Осторожна с людьми. Интересно наблюдать.

Вернулся на работу в 10 часов. Приехал Виктор из 7-го Управления. Вернулся из Ленинграда, был в отпуске. Говорили о работе. Как заставить работать Ашрафа и других. Халиди и Шаиб до сих пор не улетели в Кандагар. Нет самолета.

Каждый день ездят в аэропорт и к обеду возвращаются. Никого из следователей до обеда не вызывал. Абдулла занят домашними делами. По последним взрывам никакой активности не проявляют. В обед был на бассейне. Затем занимался машиной, магазином. Купил арбуз, вишню. Заехал в Представительство МВД. Говорил с Шальневым. Информации у него нет. Говорит о продаже советниками запчастей в дуканы. Все разговаривают и продают. Оформляют фиктивные командировки. Около 18 часов пообщался с Абдуллой. Он тоже ничего не делал весь день.

Очень болит поясница. Получил 2 письма из дома. Стирал. Мылся.

11 июля 1988 (понедельник)

Встал в 6 часов. Болит поясница. Делать ничего не могу. На работе вызвал в 9 часов Вали. Пришел и Абдулла. Знакомили с планом работы по взрывам. Затем обсуждались показания террориста Идфиса, убившего советского солдата. Говорит, что он моджахед. Создал молодежную организацию по типу молодоговардейцев в годы ВОВ в СССР. Натолкнула книга «Молодая гвардия». Первое задание – завладеть оружием.

Затем обезоружили советского солдата. И попались на 3-м солдате случайно. Очень злобно настроен. Ведет активно беседу с осуждением советских войск, которые разрушают кишлаки, убивают людей. Дальше Шакардары власть шагнуть не может. Опять никто не пришел из оперативного подразделения, хотя Яр Мохаммад дал указание о работе в группе. Поговорил с Хайр Мохаммадом. Тот мусолит дела. Никак не может закончить. Обстановку в стране не комментирует, ссылаясь

на то, что давно не читал газет и не слушал радио.

В обед был на бассейне. Спорил с Мосяниным о том, кому заводить дело розыска по взрывникам. Не понимает существа. Искажает информацию о террористах. Пользуется случаями. Спит после разговора в кресле на бассейне. Жарко. Вода грязная. Очень хочется пить. Тулеек подписал обходной лист по итогам политзанятий. По телевидению показали немца из ФРГ, раненного в ногу. Есть записка о нем в «Комсомолке» за 7-9.07.88. Болит поясница. Делал квас. Прибавили зарплату до 63 тысяч.

12 июля 1988 (вторник)

Встал в 6 часов. Болит поясница. Занялся уборкой, так как много песка в квартире, на балконе. С трудом все сделал.

На работе первым пришел Субгман. Дали задание по взрывам. Больше никто не пришел. Пришел после звонка Шаиб из 3-го Управления. Принес кое-какие данные по взрыву мечети Полехси, там погиб сам взрывник.

Говорили об обстановке в стране. Отмечает моральный упадок духа членов НДПА. Все выжидают. Душманы активизировались. Правительство ничего не может противопоставить. Спросил, что ему делать. Приглашал в гости перед отъездом. Мое мнение – напращивается на сотрудничество.

Написал письмо. Отправил с Иммурастовым, который завтра уезжает в отпуск.

В обед на бассейне. Вода грязная и теплая. Потом проехали в дуканы к Посольству. Купил брюки для Кати, гранатовые бусы, сливы, арбуз.

Вернулся в 17 часов. Абдулла сказал, что из Кабульского Управления прислали уголовное дело и 3-х террористов.

Боли в пояснице. А так самочувствие нормальное.

13 июля 1988 (среда)

Тулек приехал на машине в 07:30. Машина была у его дома.

Пришел из 4-го Управления Субгмани. Дали задание. Принес сообщение об исполнителе взрыва. Ранее источник говорил о машине с «ВВ» №1413, она взорвалась. Проверять некому. В 10 часов поехали с Абдуллой в Кабульское Управление. Говорили с Тахером о взятых террористах. Рассказал подробности захвата. После убийства советского солдата бежали на

УАЗе. Ударили «Тойоту» бывшего бандглаваря, он погнался. Стукнули «Волгу», залетели в кювет. Через дукан хотели скрыться, но Идрис был схвачен, а Башир перелез через забор и спрятался в городе. Позднее нашли сотрудники Кабульского Управления. Вернулись в 12 часов.

В обед загорал на бассейне в СУ. Ездили в Представительство. Оформляли отпуск Тулеку. Вернулся в 17 часов. У афганцев – партсобрания по решениям майского Пленума. Пришел Михроб. Рассказал о трудностях призыва в гвардию. Платят от 10-15 тысяч.

Абдулла сказал, что вынуждал задержать водителя машины, которой пользовался Идрис. Очень подозрительно.

Боли в пояснице небольшие. Стирал. Мылся. Сегодня +37С.

14 июля 1988 (четверг)

С трудом встал в 6 часов. Болит поясница.

Особенно разболелась на работе. Пришел Азиз из 7-го Управления. Принес два письма от нас в отношении совершения терактов. Общие фразы. Ругался с Абдуллой, который отправил эти сведения. Долго спорили на повышенных тонах Азиз и Абдулла. Последний не понимает, что ерунду направил. Потом Абдулла принес агентурное сообщение из-под Идриса. Еще раз убеждаешься в ненависти афганцев к советским. Создана группа «Мстители». Никто больше не пришел. Около 12 часов пришел Беляев. Ничего не говорит. Видно его не заинтересованность.

В обед готовил мясо.

Ездил в Представительство с Тулеком. Он ходил к Авруцкому. Тот сказал, что разговор о работе будет после его возвращения. Теперь уже точно, что переводят его из отдела. Говорил с Антощенко и Мосяниным о работе по делу. Полнейшая незаинтересованность. Ссылки на других, что должны делать, но не они. Якобы, ушла телеграмма в центр в отношении откомандирования Мосянина и Лиотусова – двух хитрецов.

Вернулся в 17:20, никого нет. Боли в пояснице.

15 июля 1988 (пятница)

Встал в 5:30, спал с открытым окном. Все равно жарко. В 5:30 начался обстрел районов Кабула. Из окна видны за горой в районе Дженгалана столбы дыма. Узнал из сообщения по радио (послед-

ние известия) в 10:30, что выпущено много ракет. Убиты 20 человек и ранены 37. Из Посольства хорошо были видны разрывы. Олег сказал, что духи планировали нападение на посты 14-15.07, дали угрожающий удар. Видимо, бесполезно.

С 8 часов играли до 10 в волейбол 6 на 6. Сыграли вчетвером: Ленья, Володя, Кулаков и я. Жарко. Очень хотелось пить.

Отдыхал с 10 утра дома. В бассейн не пошел. С 14 часов – в бане. Собрались Ленья Яковлев, Лепетунов, Мосянин, Борис Бугров, Тулек. Говорили об обстреле сегодняшнем. Выпущено около 30 эрэсок. Позвал Абдулла. Он говорит, что положение плохое. На осмотр население не пустило. Начальника 7-го РОЦа палками прогнали. Кричат, что это советские стреляют по Кабулу. Ругают Правительство и советских. Все возбуждены. Весь вечер детали пары наших МИГов. Куда-то наносили бомбовый удар. Афганцы уклоняются и не совершают вылетов.

Поясница болит меньше.

16 июля 1988 (суббота)

Ночь была прохладная. Небо в тучах во второй половине дня. Жара меньше.

Утром обменялись теленовостями. Обсуждали обстрел. Потом пришел начальник следотдела из Кабульского Управления Тахер. Просит провести опознание задержанного Идрисом террориста. Не опознал. Дали задание Субмани. Болел. Ничего не сделал из прежнего задания. Со слов Аханта, зафиксировано 45 мест падений ракет. 20 человек убиты и 35 ранены. Население возмущено, не допускает к месту осмотра. Абдулла ушел на допросы. Сетует, что всех осужденных выпускают. Работа их идет впустую. При такой обстановке в стране все боятся переборщить. Поэтому проявляют пассивность в работе. Обстрел был семи районов на юго-западе. Якобы взяты посты в Пули-Чархи.

С 16:30 играл в волейбол в Посольстве 3 на 3 (с Л. Яковлевым, Женей – советником. Потом сидели в баре, пили пиво). Вернулся в 19 часов.

Вечером, видимо, проводился профилактический обстрел советскими войсками. Слышны разрывы. В МИДе проведена пресс-конференция по поводу вчерашнего обстрела. Демонстрировали остатки ракет. Самочувствие нормальное. Болит поясница.

17 июля 1988 (воскресенье).

Встал в 6 часов. Слышны разрывы. Ночью было ветрено, прохладно, накрапывал дождь.

Утром собрались у меня в кабинете Рыдалов, Лепетунов, Кулаков, Тулек. Говорили о событиях в Союзе и вчерашнем выступлении писателя Дуденцева и критика. Сошлись во мнении, что беседа была резкая.

К 9 часам собрались члены опергруппы – Субмани, Вали, Кодер. Особых новостей нет. Вали ругался с Абдуллой из-за задержки с делом Атаулло. Джирга не может больше ждать. Не правильно оформлен протокол осмотра. Надо переделывать. Следователи на учениях или болеют. Работы не видно. Просидели без дела до обеда. В обед – на бассейне. Играли в волейбол. Во второй половине никого нет. Читка газет, общие разговоры между собой. Мылся, стирал.

С 20 часов слышны выстрелы пушек. Опять наши ведут профилактику. Очень интенсивно.

Поясница болит меньше.

18 июля 1988 (понедельник)

Проснулся рано. Встал в 6 часов. Небо в тучах. Солнца нет впервые.

Утром поговорили о новостях. Пришли члены опергруппы. Вали принес путевую книжечку владельца машины 2699 с номером двигателя, который взорван в Мурадхани. Невероятно. Кое-что выяснилось. Значит, была машина с таким номером двигателя. Прибыла из Пакистана 4-го июля. Дал задание о проверке. Потом поехал в 40-ю армию за справкой в отношении убитого солдата: 19 лет, Богомаз Андрей из Белгородской обл. Тулек зашел в магазин. Нужных товаров нет, много народу.

В разведцентре пообщались с начальниками штаба, показал приказ в отношении Богомаза. Начал рассказывать о случаях с ним на Зеленом, как хотели вытащить документы. Видели фотографии солдата в гробу перед отправкой на Родину. Вернулись в 12:30.

Потом на обед и бассейн. Играл в волейбол 3 на 3. Устал. Проиграл.

Пошел к врачу и сделал процедуру – электродинамик на поясницу.

На работе были в 17:00. Читал статью в «Правде».

Зашли к Гани. Сказал в отношении автомата солдата, чтобы взяли у Хисалмудина из УВКР. По Кабулу 367 ракет выпущено с мая по 18 июля.

19 июля 1988 (вторник)

С 5:30 начали раздаваться разрывы. Ответила наша артиллерия.

На работе узнал от возбужденного Абдуллы и Халиди, что с упора идет обстрел района Хайрхана. В машину следователей чуть не угодила ракета, разорвалась в 20-30 метрах.

На месте обстрела население вновь ругает Наджибулло, советские войска, правительство, МГБ. Кричат, гонят прочь. У одного трупа снесен наполовину череп. Обстановка наколенная. Беляев опять не появился на работе. В 11 часов позвонил и понес какую-то ерунду о том, что взорвалась гостиница Фаризона. Ну и лодырь. Встречал военный самолет вместе с Кутышевым (начальник ОО 40-й армии). Кутышев привез огромную передачу. К 9 часам собрались из опергруппы. Обсуждали сигналы и задание. Работа идет вяло, ничего не делается.

Приехал Тахер, начальник след. отдела Кабульского Управления. Общие разговоры о сигналах и продолжающейся работе. Конкретного ничего нет.

С Абдуллой пошли к Гани по делу Атаулло. Вопрос не решен. Вали требует. Косема (прокурор) не оказалось на месте. На стрельбах.

Говорили о контрпропаганде. Ведется плохо. Не используют наши возможности среди следственных лиц. Интервью берут у начальников Царандоя или мальчишек с улицы. У народа нет доверия к таким выступлениям. Оба крайне возмущены низким профессионализмом.

В обед у себя на бассейне. Мыл баню.

Потом делал процедуру. В 17 часов приехали из 7-го Управления Ашраф, Асеф, Виктор Рябов, Нодир – начальник 7-го отдела. Вызвал Абдулла. Говорили о террористах. Зачитывал агентурные сообщения. У них тоже есть сигнал в отношении б.г. Самата Санги. Спорили по работе. Говорят, что нет людей. 4 группы в Управлении созданы для координации. Много времени на координацию уходит. Обижаются на грубость Абдуллы. Не хотят приходить. Интересы к работе не проявляют.

Самочувствие нормальное. Поднялась пыльная буря. Небо затянуло.

20 июля 1988 (среда)

Спал хорошо. Проснулся с пени-

ем воробьев в 04:30, встал с трудом в 06:30.

Собрались все члены группы: 7-е, 4-е, 5-е, 12-е Управления. Говорили об освобождении Атаулло. Дело не пришло из прокуратуры. Абдулла заявил, что все сделает для его освобождения. Новостей нет. Затем приехал Тахер из Кабульсокго Управления. Привез списки машин. Говорит, что он является передаточным звеном. Власть не имеет. Бесполезность своего прихода видит. В 09:25 услышали мощный хлопок взрыва вблизи. Выскочили из кабинетов. Ничего не заметили. Абдулла срочно выехал в город, оставив у нас свои записи. Оказалось, что это самолет преодолел сверхзвуковой барьер. Абдулла ездил по городу до 13 часов. Смеялись вместе после обеда. К 11 часам поехал в 103-ю дивизию, в особый отдел. Долго ждали на КПП разрешения. Въехали. Нашли блок-модуль. Зам. начальника Анохин дал справку о происшествии. Солдат Ниматулло, татарин, договорился сбыть шмотки. В машине Идрис ударил его по голове, отнял автомат и скрылся на «Волге», были они втроем. Торговали сапогами. Договорились о допросе солдата и опознании на завтра.

В обед был на бассейне СУ. Загорал. Потом ездил на процедуру в Представительство. Вернувшись, говорил с Абдуллой, Ашрафом и Виктором, которые не выполнили просьбу в госпитале.

Вечер провел у Тулека за пивом с рыбой. Вернулся в 19:30. Самочувствие лучше. Ночью, в 3 часа, были запущены 4 ракеты по двум районам (4 и 9), жертв и разрушений нет. Попали в гору.

21 июля 1988 (четверг)

Проснулся около 5 часов. Встал в 5:30. Занялся уборкой. Небо чистое, голубое, солнце. К 8 часам поехали с Тулеком в 103-ю дивизию. Опять тянули с въездом. Затем стали выбивать солдата Ниматова, на которого напали. Пошли к нему в полк. Познакомились с и.о. командира полка майором Замотаевым. Он звонил куда-то, искал солдата. Затем нашли его в медсанбате. Приказал переодеть и явиться к нему. Оказывается, весь полк на операции в Пагмане. Сегодня вызовут оттуда. Вернулись в особый отдел дивизии. Ждали в Ленинской комнате. Познакомились с героем и другими награжденными. В 9 часов привел солдата. Среднего роста, худощавый, мальчишка одним словом. Татарин по национальности,

молчаливый. Дали в сопровождение солдата-белоруса Лозовского.

Вызвал Абдулла. Наби сел допрашивать. Подробно рассказал о происшествии. Подвела «Волга» с синим номером. Двое вышли и попросили что-либо продать. Предложил им сапоги. Залезли в кузов смотреть. Идрис схватил сзади за горло, чем-то ударил. Потеря сознания, схватили автомат и бежать. Очнувшись, побежал к патрулю, это было 4-го мая. Опознал Идриса и Омара. Третьего не узнал. Предъявили на опознании «Волгу». Тоже узнал. Закончили к 12 часам. Отвез его в часть.

В обед ел окрошку и макароны. Потом в Представительстве играли в волейбол.

В 17 часов приехал Ашраф с Козиром из 7-го Управления. Говорили о сигналах по взрыву машины в Муродахане. Ничего общего нет с нашими данными. Долго разбирались в информации сигналов. Потом говорили о Самате. Он привозит «ВВ» в Кабул. Опасный человек.

Закончили работу в 18:40. Самочувствие лучше. Вечером было +32С.

22 июля 1988 (пятница)

Дни покатались под горку. Утром отправили в отпуск Тулека. Собрались в 7:30. Отвез в аэропорт. Там уже разгружался грузовик. Привез около сотни афганцев с Ташкентских курсов.

Поразило большое количество багажа у каждого. Везут детские велосипеды, кровати, телевизоры. Огромные неподъемные коробки. наших улетело около 15 человек.

Оттуда – в Посольство на волейбол. Приехал к 08:30. Сыграл 2 партии без интереса. Болит спина. Провожали Гену из Министерства связи. Улетел «арианой».

В бассейн не пошел. Купил картошки, помидоров, огурцов, лука, слив. Отварил картошку. Сделал салат. Отдыхал до 14:00.

Парились впартером в бане. Разговоры о взяточниках среди парработников, злоупотреблениях служебными полномочиями. Говорят, что Раиса Г. перестроила уже многие дома отдыха на юге. Проложила дорогу, которая обошлась в 2 раза больше сметы. В общем, разворачивается.

В 17:20 отвезли с Борей солдата Араншо домой в Дженгалак. Заехали в Представительство, взяли газеты. Самочувствие нормальное. Смотрел по телевизору беседу с Карповым. Интересная передача. Сегодня афганцы работали.

23 июля 1988 (суббота)

Утром провели политзанятия. Затем вызвал Абдулла. Поговорили о прошедших днях. Ничего нет. Вчера был пожар в доме торговца вблизи 7-го Управления. Дым был виден из бани.

В 10 часов позвонила Лепетунова из Ленинграда. Съездил в госпиталь, в судмедлабораторию. Оказываются, не вскрывали солдата.

Сделал процедуру в Представительстве. Вернулся к 11 часам. Общие разговоры о жуликах, Карпове и т.д. В 15:30 поехали в Посольство на волейбол. Поднялся сильный ветер, пыльная буря. На площадке пыль столбом. Играли 4 на 4 против Лепетунова, Яковлева, Виктора Медведева и Германа. У нас – Олег, я, Женя, Кулаков. Выиграли у них пиво. Лепетунов опять психовал, ругался, спорил. Злости на весь Афганистан хватит. Показывает всю свою ненависть. Яковлев сообщил об обстреле центральных районов города с 16 часов. Ожидаются еще. Приехал домой в 19:30. Начался снова сильный обстрел. Рвались где-то недалеко. С 22 часов полетели самолеты на бомбовый удар.

Смотрел концерт из Витебска. Самочувствие нормальное. Боли в пояснице. Спать не хочется. Сделал салат из огурцов и помидоров, пек блины. Писем нет.

24 июля 1988 (воскресенье)

Ночью слышны разрывы вдали. Утром узнал от Роззeka, что с 15:45 и до 19:30 был обстрел Кабула. Установлено 12 мест попаданий. Это старый и новый микрорайоны. Что я и слышал вчера вечером. Далее попадания на территории посольств США и Франции – в последнем выбиты стекла, в склады МО в АЗС МГБ, следизолятор 7-го Управления. Ракета угодила прямо в комнату. В соседней комнате – замначальника изолятора. Привезли остатки ракеты. Осталась даже часть головки взрывного устройства. Убиты 8 человек и ранены – 19. В 9:15 слышали разрывы. Оказалось, что выпущены 12 ракет по району Вазирабад вблизи аэродрома. Убито 9 человек, ранено – 16. Осмотрели остатки ракеты. Типа – БМ-22, длина 3 м, дальность до 25 км. Это самые мощные ракеты. Очень опасные. Также стреляли и меньшими – длина 178 см. Сделали вывод, что был круговой обстрел Кабула – с юго-запада, юго-востока и запада. Остался восток – Пули-Чархи. Душманы распространили

листовки, чтобы не выходили на улицу в праздник. Сегодня первый день праздника жертвоприношения.

В обед были на бассейне. Затем процедура. В конце дня говорил с Абдуллой по взрывам. Он дежурный.

Вечером стирал, мылся. Зияульхан направил ноту протеста в связи с приостановкой вывода советских войск и стягивании 10 тысяч солдат в Кабул.

25 июля 1988 (понедельник)

Ночь и день прошли спокойно. Встал в 6:30. В 9:00 поехали с Виктором Рябовым в инфекционный госпиталь за свидетельством о смерти солдата Богомазова. В 7-м Управлении узнали, что джелалабадская дорога не охраняется, поэтому надо ехать через Хайрханд. Поехали. Плутали, прежде чем выбраться на кольцевую дорогу. На улицах много народу в связи с праздником. Ехать трудно. Лезут под машину. Госпиталь – напротив аэропорта, под горой. Деревянные бараки за колючей проволокой. Работников не видно. Тишина. Зашли не в те ворота сначала. Затем нашли заместителя начальника. Он быстро сообразил, что от него нужно. Объяснил, что этот случай списал на боевые потери, поэтому вскрытие не делали. Патологоанатом записал, что ранение в грудную клетку, пуля ПМ – 9 мм. Взяли справку. Поговорили с начальником лаборатории. Сворачиваются, готовятся к уходу. Из графика на стене видно, что боевые потери самые большие (320 человек) приходятся на 1984 г. потом идет снижение. Обратное возвращались джелалабадской дорогой. Машин нет.

По пути два поста советских солдат. Добрались благополучно.

При въезде дурачок царандоевский хотел остановить машину и поставил автомат. Потом пугал вдгонку. Вызвал Абдулла, отдал справку. Сделали перевод с Кулаковым.

В обед был на бассейне. Общался с Ивановым. Узнал о торговце по безналичному расчету. Назначении Шулекина на должность старшего оперсотрудника. Его отказ. Пригрозили.

Сделал процедуру. Стало легче. Во второй половине дня – в кабинетах жара. Собрались у Беляева в кабинете. Говорили о сообщении госплана и др.

На кругу купил дыню. Очень сладкая. Получил 4 письма.

26 июля 1988 (вторник)

Впервые после перерыва вышел на зарядку. Прошел до стадиона. На полях помидоры, кабачки и баклажаны. По-прежнему много афганцев, грающих в футбол. Пробежал один круг и обратно. Бежалось легко.

Слегка убрался. Болит поясница.

На работе никого нет. Заправил машину, поставил на мойку. Вызвал Абдулла. Все спокойно было в течение вчерашнего дня. Затем говорили между собой. Лепетунов заболел – жалуется на желудок. Ушел домой. Начальник бездельничает.

В обед варил мясо. Устал. Заснул впервые на час.

Съездил на процедуру. Полегче. Узнал от врачей, что с 1-го августа прекратят трансляцию телепередач. Сидели вдвоем с Рывановым и Кулаковым в кабинете Беляева. Общие разговоры о перестройке.

Никто ничего конкретно не знает. Вечером варил кислые щи и тушил капусту.

27 июля 1988 (среда)

Сделал пробежку на стадионе. Тепло. Гладил. Боли есть в пояснице.

На работе утром собрались Вали, Азиз (Абдулла выразил недовольство, что не пришел Исмаил), Тахер, Субмани. Вали принес какие-то агентурные сообщения по водителю.

Говорил о джирге, которая забрала Атауллу. Среди них были и агенты Пакистана, которые хотели сорвать усилия джирги. Есть сообщения, что джирга положительно оценила действия правительства. Сегодня ночью был обстрел. Обнаружено 5 мест попадания: Хайрхана, Шахраро и др. районы. Есть убитые и раненые. Абдулла дежурит.

В обед впервые уснул на 2 часа. Какая-то усталость. Лепетунов заболел. Освободили.

Съездил на процедуру. Долго говорил с доктором о болезни. Все что говорит, я и сам знаю. Остаток дня провели в кабинете Беляева, там прохладнее. Говорили всякую ерунду приехавшему Доренко. Он любит собирать сплетни.

Вечером мылся, смотрел передачу о журнале «Наш современник». Не понравилось выступление писателя Астафьева. Как будто только и говорит правду о войне. Сослался на внуков, что те поклоняются могиле Солженицына и извиняются за наши действия.

Привлекла внимание статья-

письмо Афанасьева в «Правде» за 26.07.

28.07.1988 (четверг)

Плохо спал. Жарко. Встал в 5 утра. На работе собрались в 8:30. Пришли почти все: 4,5,7,12-е Управления. Сигналов нет, кроме 12-го Управления – о подготовке к взрыву еще одной машины и уточнении по взорванной. Говорили о выступлении Наджиба перед душманами. Все это было организовано Кабульским Управлением. Наджиб говорил о жертвах во время обстрелов. В основном, гибнут дети. Некоторые духи прослезались. На подарки было истрачено 700 тысяч афгани. Был концерт в одном из районов. Духи присутствовали. Потом поехали с Абдуллой в 105-е Управление. Взяли видеозапись обвиняемых – Шарифа, Акбара и др., причастных к терактам. Договорились, что выберем отрывки с 7-м Управлением и потом согласуем показ по ТВ. Вернувшись, вызвал Роззeka. Составил дня него инструкцию, что поправить для экспертизы. Высказали претензии по поводу назначения экспертизы. Роззек говорит, что Почигуль, начальник Управления, предвзято подходит. Мужа его племянницы привлекали по шпионскому делу.

В обед был на бассейне. Процедуру не сделал из-за отсутствия электричества. Вернулся в СУ. Остался один. Рыдванов увез Вовика на дежурство. Поехал с Роззек в УВКР за автоматом. При въезде увидели Хесамудина – начальника УВКР. Не знал его. Прошел мимо. Он остановил. Выяснили, зачем приехали. Поднялись к нему в кабинет. Отдал автомат и кошелек с записями.

От Сергея получил письмо и банку икры. Вторую съел Николай, который привез письмо. Тоже наглец. Вечером заехал к Борису. Завтра улетает в отпуск. Дал ручки, чтобы отправил Сергею. Заехал к Лепетунову. Чувствует себя плохо. Эрозия кишечника. Гастрит. Предлагают улететь домой. Расстроен. Вернулся в 19:00. Самочувствие нормальное.

29 июля 1988 (пятница)

Встал в 5 утра. Поехал в старый микрорайон.

Мосянину прислали передачу вместе с Лепетуновым. Взял коробку для Лепетунова. Чувствует себя плохо. Слабость. Очень хорошую передачу прислали: кура, мясо, со-

сиски, сливки, творог, колбаса и т.д.

От него поехал к 7 часам в Посольство. Играли в волейбол 6 на 6 до 9:30. Очень устали. Оттуда – в бассейн. В 11 часов – домой. На кругу купили дыню на 5 кг.

Был ночью обстрел района Суруби, 10-го района. Жертв нет.

30 июля 1988 (суббота)

Самочувствие неважное. Голова болит. На работе принял опергруппу. Новостей и информации нет. Потом отвез Кулакова домой. Захлопнули дверь и забыли ключи. С Лепетуновым съездил в Представительство. Его записали на 10-е августа. Вернулся в СУ. Общие разговоры о работе. Намечен вывод войск из Кандагара. Поставил посты. После обеда играли в волейбол в Посольстве. Подключился Коля. Пока неважно играет. Посидели в баре за пивом. Вернулся в 19 часов. Жарко. Пыльная буря. Усталость.

31 июля 1988 (воскресенье)

Встал в 6:40. Спал нормально. Боли в пояснице. На работе никого нет. Абдулла уехал на место обстрела в 7:30, было выпущено 6 ракет в район Хайрханы, Вазирабада. Убит 1 человек, 6 человек ранены. По одному приходили члены опергруппы. Информации никакой. Переводчика нет. Очень плохо. Кулаков отлынивает. Не поговорить.

В обед на бассейне. Собрались ленинградцы: Виктор Иванов, Коля Кольцов. Говорили о работе, возвращении домой.

Сделал процедуру, переписал холодильник. Отвез Кольцова домой и – на работу. Вернулся в 17:00. Кулаков и Рыдванов читают газеты, переводят. Говорили о докладе Горбачева на Пленуме 28.07. Беляев появился в 17:30. Сделал вид работы. Самочувствие нормальное.

01 августа 1988 (понедельник)

Встал в 6 утра. Пол в пыли. Утро прохладное. Занялся уборкой. На работе пообщался с Роззекком. Он дежурил. Обстрелов не было. Затем начали приходить из опергруппы: Вали, Субмани, Кодер. Говорили о плохой работе Управления. Оправдываются. Затем приехал Исмаил с Виктором. Мы уже выезжали в армию. Взял Абдулла и фотографа с Кулаковым. На выходе встретили из 105-го Управления советника Насира.

Говорит, что идет на занятия со следователями, якобы договорился с Беляевым. Отправил его к Беляе-

ву. Сами уехали. С переводом очень плохо.

Кулаков не понимает афганцев. Старается не переводить разговор. Стесняется незнания. В Армию приехали в 10:00. Выясняли отношения на проходной. Пустили. Проводили нас к командиру части, который проводил совещание. Принял всех. Рассказал существо дела. Взял объяснительную офицера. Он сказал, что надо поблагодарить Егорова (советник Царандоя). Я сказал, что мы от Зайцева. Пустая, короткая встреча, ни к чему не обязывающая, быстро закончилась. Затем пошли осматривать УАЗ. Выяснили, что водитель лежал с правой стороны машины лицом вниз, рука прижата к груди. Машина застряла в арке в районе советского госпиталя. Вероятно, его вызвали из машины обманном путем и убили. Фотографировали машину, осмотрели.

По возвращении заехали в «Лебедь», купил овощи.

В обед – на бассейне. Сделал процедуру. Выкупил в магазине продукты. Остаток дня провели в общих разговорах о перестройке. Самочувствие нормальное. Получил 3 письма.

2 августа 1988 (вторник)

Спал хорошо. Не жарко. Утром пришел Исмаил. Узнали, что Асеф и Фарин уехали в Джелалабад вчера вечером.

Опять убеждали заняться взрывом у госпиталя. Затем явились Кодыр с сигналом о доставке радиоуправляемых мин на самосвале в Кабул и подготовке взрыва на маркете. У Субмани ничего нет. Только названивает. После этого занимались переводом агентурных сообщений. Общие фразы и разговоры о деятельности террористов Идриса. Знакомился с делом, поступившим из УВКР. Заведено по сообщениям агента, что человек взял двигатель для ремонта по просьбе бандглаваря в пр.Гази.

Много нарушений в оформлении процесса. Пришел Лепетунов. Говорили в работе. Поел рыбы и стало плохо. Беляев уехал на «зеленый» с военными. Работать не хочет.

В обед сварил грибной суп с мясом, баклажаны с картошкой и пюре.

Съездил в Представительство. Сделал процедуру. Вернулся в СУ. Узнал, что Беляев звонит из Посольства. Просит приехать с Рыдвановым. Выехали. Своя машина на мойке. Солдаты Джамиль и Алель

не подходят. Опечалены. Говорят, что отправляют всех (100 чел.) в Кандагар. В Посольстве встретил Яковлева. Спросил о справке в отношении вывода доказательств. Потом рассказал одному из сотрудников в ИАГ о группе Идриса. Готовят телепрограмму. Их там собралось 20 человек. Сидят по 5 лет. Меняют друг друга. Много машин на дороге. Движение затруднено. Домой вернулся в 18:20.

3 августа 1988 (среда)

Впервые была прохладная ночь с ветром. Пояснице легче. Утром зашел Шарифи (начальник 1-го отдела), говорили о советниках и трудностях в работе, отправке солдат в Кандагар. Авзоль сказал, что направляют 50 человек и 9 дополнительно. Потом пришел Вали из 12-го Управления, неожиданно – заместитель начальника Управления Асеф. Он второй день не может улететь в Джелалабад из-за сильного ветра. К нему обратился освободившийся из заключения террорист Хасан, арестованный в 1983 г. в группе из 200 человек – членов банды «ИДА» (хазарейцы). Хотели сделать заместителем командира племенного полка. Асеф советует, что с ним делать. В должности отказали. Решил дать задание и направить в Пакистан, он является родственником террориста Анвари. Долго обсуждали эту проблему. Абдулла завел на него дело. Тот ничего не сказал на следствии. Отказывался, рассказывал анекдоты. Его напарника Сори расстреляли. Затем пришел Субмани (4-е Управление). Узнали, что 2-й канал телевидения не работает из-за повреждения в приемной антенны во время чистки. Не могут наладить. Сообщили в Москву. Думают, скоро восстановят. Последним явился Тахер (Кабульское Управление). Есть сигнал о взрывниках у советского госпиталя. Якобы, собираются реализовывать. Заслуживающих внимания дел не поступило.

В 10:14 произошло землетрясение. Было 2 сильных толчка. Здорово качало здание. Все обошлось благополучно. Дует холодный ветер. Со второй половины дня погода испортилась. Тучи, ветер, пыль. Никуда не выезжал. Отдыхал дома. Заехал в книжный, купил книгу Астафьева. Сделал процедуру. Получил путевки в санаторий в Одессу с 24.09.

Вернулся в 17 часов. Все сидят в кабинете у Беляева. Лепетунов выглядит плохо. Скучный, удрученный. Говорили о правах. Завтра

буду делать. Боли в пояснице еще есть.

Из Кундуза показали вывод советских войск. За опергруппой направили самолет сегодня ночью.

4 августа (четверг)

Спал плохо. Проснулся раньше 3-х часов. Около 4-х закричал мulla, призывая на молитву. Было еще темно. Около 6-и часов уснул. Проснулся в 7 часов. Такого еще никогда не было. Быстро собрался.

На работе был в 7:55. Пришел Исмаил (7-е Управление). Общие разговоры о наличии сигнала. Затем зашел Гани и сказал, что произошел взрыв на базаре Шахрар, недалеко от советского госпиталя. Поехал вместе с ним. Следователи в другой машине. Едва прорвались к месту. Много машин. На левой стороне центральной улицы Саланг расположены овощные и фруктовые дуканы. Кругом грязь и масса людей – торговцы, покупатели, нищие, мальчишки и зеваки. Оставили справа машину. Перешли дорогу. Прошли к воротам. Под палку пролезли.

Охрану несет Царандой. Ряды дуканов и около них дуканчики. Толпятся оперативные работники из Кабульского Управления. От Нахшбанда узнали, что погиб родственник Наджиба, который только что вышел из тюрьмы. Сидел на ящике, в это время произошел взрыв. От него ничего не осталось. Часть уха, клок волос, две ноги. Мясо на проводах и крыше. Его дукан, рядом два и напротив – столько же, уничтожены изнутри. Зрелище не из приятных. Наступали на кровь и мясо. Убито 3 человека, ранено – 18. После осмотра и данных рекомендаций решили покинуть место. Пошли с Гани в окружении любопытных. Один – грязный, подозрительный парень – вплотную шел за мной. Пришлось оттолкнуть его.

Быстро добрались до машины и уехали в СУ. По дороге Гани жаловался на бездеятельность 1-го заместителя министра Яр Мохаммада, который был рядовым сотрудником, когда Гани – начальником отдела. На совещании не знает, что сказать и как потребовать. Является родственником члена Политбюро, поэтому выдвинут на высокий пост.

В 9:30 отвез холодильник в Представительство. Затем зашли в Посольство. Ставил штампы на путевках и справках. Зашли за хлебом.

Вернулся в СУ в 11:30. Беседовал

по взрыву с Абдуллои Роззекем. Никаких сведений нет.

В обед был на бассейне. Народу не более 10 человек. Сделал процедуру. С 17 часов в СУ был Лепетунов. Решали вопрос с получением им прав. Общие разговоры.

День был жаркий, душный. Самочувствие нормальное.

5 августа 1988 (пятница)

Встал в 6 часов. Ночь прохладная. Самочувствие нормальное. Поехал в старый микрорайон за ребятами. Взял Леню Г., Кулакова, Кольцова, Женю. Играли до 10 часов. Неожиданно прихватило поясницу. Сильные боли, не наклониться, не повернуться. Такого еще не было. Сделал процедуру – солекс и динамик. Ни сесть ни встать. Вечера прилетели Шеварднадзе и Каменцев. Были расставлены танки и БТР на углах маршрута. Сегодня тоже попали под кортеж. Гоняют с воем и большой охраной. Отдыхал до 14:00.

Собрались в бане 6 человек. Пар за 110С. Очень хорошо попарились. Много пил воды.

Мыл машину. Потом заехали в Посольство. Зашли в бар. Пили пиво. Бурно обсуждали события. Договорились о пельменях на пятницу. Вернулся домой в 19:40. Очень болит поясница.

6 августа 1988 (суббота)

Встал в 6 часов, хотя проснулся рано. Боли в пояснице меньше.

Пришел Абдулла. Новостей нет. Выходные прошли спокойно. Затем появились Исмаил, Вали, Субмани, Кодер. У них тоже новостей нет. Говорили о работе 5-го Управления. Много ведут переговоров с бандами, некоторые вооружают, негласно сотрудничают, заключают соглашения.

Договорились с Субмани о поездке в Траффик в отношении прав Лепетунова. Вернулся из отпуски Корнеев. К нам пришел Иван Максимович, уехавший из Кундуса. Будет якобы вместо Нура 2 месяца: высчитывают 40% из зарплаты в связи с переплатой в прошлом году.

В 11 часов поехал в Представительство на процедуру, значительно легче.

Оттуда вернулся домой. Очень жарко. +36С. Много машин, еле пробился через центр. Весь мокрый.

Отдыхал до 16 часов.

Поехал к Лепетунову. Отвез мясо. Выглядит плохо. Играли в волейбол в Посольстве 6 на 5. Олег,

Леня, Самат из Кабульского Управления, Коля Кольцов против Медведева, Гудкова, Юры Лычева и др. Мы выиграли 3:2.

Потом сели в бар все вместе. Олег и Леня могут выпить бочку пива и съесть быка. Их не насытить. Любители выпить и поесть в огромном количестве. Переспорили, переругались и т.д.

Вернулся в 20 часов. Самочувствие нормальное.

7 августа 1988 (воскресенье)

Спал плохо. Встал в 6 часов. На работе первый пришел Чомашко. Говорили обо всем. Обстановка в стране плохая. Абдулла позвонил Ахату и узнал, что ночью был обстрел. Выпущено 3 ракеты с юго-запада по районам элеватора Сшенколат Пуш Сохта. 1 человек убит, 6 ранено. Из Царандоя поступило уголовное дело. Задержаны 2 человека. Изъято 50 кг «ВВ», 24 ракеты, гранатометы, пулеметы и др. (показывали по афганскому ТВ). Затем поехали оформлять водительские права Лепетунова. В Траффик повез Субмани (начальник отдела 4-го Управления). Кое-как выписали медицинскую карту. Затем пошли к доктору. Я решил показаться вместо Лепетунова. Зашли в грязное помещение, называемое больницей. Все обшарпано, не ремонтировано 100 лет. На втором этаже сидит в белом халате доктор и подполковник из Царандоя. Поставили к стене, чтобы проверить зрение. Буквы в виде Ш и Е. Нужно было сказать, в какую они повернуты сторону. Я сказал правильно.

Но доктор заметил, что на фото не похож. Начал выговаривать за обман. Пехали за Лепетуновым в Представительство. Вернулись. Он не понял, как надо делать. Хотели уже отправить назад, но настояли. Доктор подписал.

На обратном пути попали в пробку. Видимо, перекрыли дорогу из-за приезда Шеварднадзе. Потом машины пустили в сторону 4-этажки. Почти 30 минут добирались до нее от Министерства связи.

Двигатель перегрелся. Машины едут в 5 рядов. Кое-как пробились. Затем заехали на заправку. Там тоже много машин, проскочили без очереди. В СУ были в 11 часов.

Небо покрылось облаками. Солнца нет. На бассейн не поехал. Сделал процедуру. Вернувшись, говорили с Роззекем о пожаре в таможене и экспертизе. Потом Джан докладывал дело.

Во второй половине дня Шеварднадзе улетел в Союз.

8 августа 1988 (понедельник)

Очень тяжело вставал. Хотелось спать. Встал в 06:45.

От Абдуллы узнал (говорил по-русски) о вечернем обстреле 15-й танковой бригады в Пули-Чархи. Выпущено 15 ракет из района Наки-Джабар. 1 человек ранен. Потом пришел Вали с агентурным сообщением в отношении водителя машины, взорванной на Мурадджани. Он здесь – Дельджан. Решили взять подробное агентурное сообщение и задержать его.

В 10 часов поехали в трафик с Субмани. Не нашли Лепетунова. Опять мне пришлось идти на медкомиссию, там подписали быстро. После этого начальник отделения международных прав начал принимать у меня экзамен по правилам. У него были карточки на русском языке. Электронная машина. На 3 вопроса ответил неверно. Стал возражать. Велел прийти через 10 дней. Уговорили подписать. Завтра за правами. Съездил заплатить за электричество (за Лепетунова). Купили ему кошелек за 900 афгани. Полдня с Кулаковым проболтались.

В обед – на бассейн. Оттуда – процедура, отвез Колю в Посольство.

Встретил волейболистов. Поговорили. С 18 часов до 21 часа провозжали у Гани Лепетунова. Был накрыт стол в его кабинете. Присутствовали Михроб, Раджаб, Авзаль, Мухтар и нас четверо (с Геней Ветошкиным из 48-й армии). Много говорили тостов. Как дипломаты на приеме. Устали от длинных речей, особенно – Беляева и Гани. Очень много еды: котлеты, курица, баранина, плов, фрукты (дыня, виноград, яблоки). Пили коньяк «Нерой» афганского производства. Устали от еды и питья.

Гани рассказал анекдот: «Муллу Насреддина долго и много угощали. Он сказал, что у него в желудке нет больше места. Под конец принесли плов и фрукты. Он начал есть. На реплику, что нет места в животе, ответил, что для богатой и вкусной пищи всегда место в животе найдется».

Говорили о террористах, введении комендантского часа с 22:00.

Очень устал за день. Самочувствие нормальное.

9 августа 1988 (вторник)

Встал в 6 часов. Самочувствие нормальное. Утро солнечное, прохладно. Пришли Кодыр, Вали, Субмани, Абдулла – дал задание. Вали

по установке владельцев машины 2699.

Коротко обменялись информацией. Водитель Дежджан задержан. По террористу Идрису задержана его подруга Гити, которая рассказала о краже 2-х пистолетов у дяди.

В 9:30 выезжали в Траффик за правами. Как всегда, обманули. Права не готовы. Заехали в магазин, купили дыню. В обед отдыхал. Съездил на процедуре. Затем в Траффике получили права. Приехал Виктор с Николаем из 7-го Управления с сигналом по Дельджану. Только что поступил к ним. Смешино. Парадокс взаимодействия. Вечером собрались у Лепетунова: Иванов, Яковлев с женой, Кулаков. Узнали, что утром сдали уезд Шакардари (в 8 км от центра Кабула). Вчера же перелетел самолет афганской армии в Пакистан с заместителем командира полка. Возвращались из Кандагара. По ранее сбитоному советскому самолету известно, что ведомый видел, как в результате попадания ракеты, отвалилось крыло у самолета, он взорвался. Сигнал работал 15 сек. По радиоперехвату известно, что летчик катапультировался и взят в плен. Отправлен в Исламабад. В 5:15 упал вертолет в Хайрхане (экипаж жив).

10 августа 1988 (среда)

Встал в 6 часов. Занялся уборкой. В 8 часов поехал к Лепетунову. Самочувствие его неважное. Телевизор продал за 3 тысячи афгани. Коробки дали Мосянин и Яковлев с Рывдановым. Завалили, несмотря на болезнь. Ждали машину до 9:30, разгружался самолет с мебелью. Груз – 12 тонн. Говорят, для Мозари-Шарифа, где будет Представительство Афганистана. В 10 часов стали загружать самолет. Лепетунову вручили медаль воина-интернационалиста на броне.

Потом не могли закрыть люк. Перегрелся двигатель. Ждали, когда остынет. На стоянке еще 2 самолета – ИЛ-76 и ТУ-154, много народу. В наш самолет загрузили машину «Волга». Кто-то из работников Посольства купил за 200 тысяч афгани. Самолет взлетел в 11 часов. В Москве будет в 19 часов.

Заехали с Кулаковым в книжный магазин. Много новых книг, но очень дорогие. На работу не поехал. Вернувшись – обед. Потом процедура. Узнал, что в 13:30 был обстрел аэропорта, попали по близлежащему району. Есть убитые и раненые. В 16 часов повторился обстрел аэропорта. Попали

в какие-то склады в 103-й дивизии. Следователей-афганцев не пустили. Обсуждали все это с Абдуллой и Розеком.

Самочувствие нормальное. Зайцев и Крючков вчера улетели в Джелалабад.

11 августа 1988 (четверг)

Встал в 6 часов. Гладил, убирался.

Первым прибежал Розек. Рассказал о вечернем обстреле района аэропорта. Жертв нет. Говорит о применении новых ракет. Затем пришел Абдулла. Подтвердил то же самое и – что не пустили следователей в аэропорт. Пришли члены комиссии: Вали, Исмаил, Субмани. Говорили о задержании Хана Кучи, водителя машины 2699, дал задание по установке Исмаилу (7-е Управление). Вернулся из Кандагара Халиди. Говорит, что установить невозможно Джума Хана и Сарвара Траиса. Управление распущено. По паспортному столу установить невозможно из-за отсутствия подсобных данных. Обстановка, по его словам, хорошая, хотя каждый день обстрелы. Бьют по Управлениям МГБ и другим центрам. Якобы в одну часть города вошли душманы.

Вылетели военным самолетом. Собирали части ракет с надписями для показа Крючкову. Вчера вернулся с Зайцевым из Джелалабада. Подсоветные устроили субботник. Моют кабинеты и лестницу. Никто не работает.

В обед был на бассейне. Собрались ленинградцы: Иванов, Рябов, Кольцов. Обменивались общественной информацией. 180 человек остается к ноябрю.

12 августа 1988 (пятница)

Ночью лаяли под окном собаки. Плакал ребенок. Встал в 6 часов. Поехали на волейбол. Турнир в Посольстве по случаю дня физкультурника. Играли со «Звездой», затем со сборной АЭС и Торгпредства. Выиграли все игры со счетом 2:0. Играли плохо. В 14 часов поехал в баню с Кольцовым и В. Ивановым. Были втроем. Очень хорошо попарились и отдохнули.

Дома был в 18 часов. Самочувствие хорошее.

13 августа 1988 (суббота)

Встал в 6 часов. Самочувствие хорошее. Поясница впервые не болит.

Сделал влажную уборку.

На работе был в 7:50. Собра-

лась оперативная группа в полном составе, даже пришел Тахер из Кабульского Управления. Обменивались информацией о положении в стране. Кодер из 5-го Управления сказал о плохом положении в Кундузе. Город полностью занят мятежниками.

Только в СУ МГБ обороняются. Им сдался начальник Царандоя с 20-ю солдатами (шутят). Все остальные сидят на аэродроме. Туда выехал заместитель Якуби Фарин. Исмаил из 7-го Управления сказал, что Пайкор (их начальник Управления) звонил из Кундуза. Хвалил обстановку. Все засмеялись. Доклад Халиди о поездке в Кандагар. По его словам, обстановка там тоже хорошая, хотя по 100-200 ракет ежедневно выпускают по городу. Все смеялись.

Опять ссылки 7-го Управления на Кабульское Управление в работе по розыску взрывников. Дали задания Субмани и Вали по установке лиц. Разошлись около 10 часов. Тахер доложил о новом деле по перебивке номеров машин. Арестованы дуканчики. В городе много машин с перебитыми номерами двигателя и шасси. Предложил выставить посты по их выявлению. В 11 часов приехал Нахшбанд из Кабульского Управления, сообщил информацию о взрыве в Шахрара. Есть версия о личной мести дуканчиков. Плохо отзывался об обстановке в Шахардаре. Духи захватили дорогу на Саланг. Есть сообщения о подготовке терактов в Кабуле. Получено оружие.

Последний час вели разговоры с Иваном Максимовичем о работе и нахождении в Афганистане. С 16:30 играл в волейбол 5 партий. Спорили. Выиграли без Олега. Одни малыши.

Сидели в баре. Выпили пиво. Вернулись в 19:15. Стало темнеть раньше. Самочувствие нормальное.

14 августа 1988 (воскресенье)

Спал плохо. Переутомился от игры. Лаяли собаки, мешали спать. Уснул лишь под утро.

Встал в 6:30. Утром пришел Абдулла и сказал, что вчера был обстрел. Выпущены 3 ракеты в районе Посольства СССР. Убито 5 человек, ранено 4. Убиты 3 женщины и ребенок прямым попаданием в дом. Разрывы мы слышали, когда играли в волейбол в Посольстве. Затем со слов Абдуллы и Вали узнали о плохой обстановке в Кундузе. Семью заместителя начальника спецотдела душманы расстреляли. Одного

сотрудника МГБ подожгли, облив бензином. Все скрываются на аэродроме. Город разграбили духи. Взята Шакардара (уездный центр). Там захвачен склад с оружием военной части ПВО, в том числе и ракеты. Готовится операция по очистке Кундуза с помощью советских погранбригад. Город был оставлен нами неделю назад. Обстановка осложнилась, и это понимают подсоветные. В МГБ насчитывается 1 тысяча сотрудников-дезертиров.

В обед на бассейне. Народу не более 10 человек. Конец дня беседовал с Абдуллой по делу Идриса. Настаивал на окончании.

Вечером мылся. Слышны какие-то разрывы в отдалении. Самочувствие нормальное.

15 августа 1988 (понедельник)

Встал в 5:30, пошел на стадион. Легко пробежал круг. Чувствую себя хорошо.

Машину поставил на мойку. От Розека и Абдуллы узнал о вчерашнем вечернем обстреле южных районов Кабула. Есть убитые. Ракета попала в дом. Потом пришли агенты опергруппы: Вали, Субмани, Цемани, Кодер. Заговорили об обстановке в Кундузе. Очень плохая. 162 человека взяты в плен. Провели джиргу душманы. Население поддержало их. Кодер высказал мнение, что советские войска уходят и ничего из оружия не оставляют. Позвал Иван Максимович, который вернулся из Кундуза. Он рассказал, какую технику отдала Хаду, Царандой, армия. 20 грузовых машин патронов, 7 танков, БТР, пулеметы, артиллерию. Согласились, что много. Отметили плохое положение в провинции Тахар. Вчера окончательно сдали Шакардара. Захватил склад с ракетами. Сегодня наши наносят бомбовый удар также по Кундузу и Джелалабаду. Пришел начальник ОО ВВС. Сообщил, что вчера афганский самолет при вылете на Кундуз нанес бомбовый удар по советскому поселку. Почти на границе. Попал в колхоз. Руководители звонили в Москву. Жаловались. Рассказал, что радиоперехвату стало известно о переправке заместителя командира ВВС, сбитого при бомбежке в районе Хост, в Исламабад. Племя, захватившее его, продало за 10 АК и 500 тысяч афгани. Он 2-й раз в Афганистане. Был сбит 2 раза. Повредил позвоночник. Ходил в корсете, но вернулся в Афганистан. Был представлен к Герою СССР, но не дали. По указанию Варенникова их тройка летела на бомбежку. Все

знали, что это очень опасно, так как спасти невозможно. За этот поступок Шеварднадзе ругал Варенникова. Тот обижен. Лопух. Распоряжается жизнями.

В 11 часов начался обстрел Кабула. Ракеты попали по новому микрорайону, в д.36а, убиты сразу 4 человека (3 – дети) и 9 ранено. Также в аэропорт и Калачу. Там жертв не было.

Обед на бассейне, разговор с Ивановым, Кольцовым и другими.

После обеда Кулаков ушел на встречу с писателем Порхановым («Дерево в центре Кабула»). Затем зашел Дарвиш, повели конфиденциальный разговор об обстановке в стране, отсутствии единства в Политбюро, ПНП и Наджибулло. Будучи начальником ХАДА, посадил бывшего министра финансов при Якуби. Тот встречался с ним в присутствии Дарвиша. Назвал его душманом, предателем нации. Он отдал 23 года при Дауде и попал в немилость при Бабраке. Подготовил проект с предложением улучшения жизни в Афганистане. Его обогнали и арестовали. Потом был освобожден.

На машине Наджиба доставили домой, при загадочных обстоятельствах скончался. Брат Наджиба в 1987 году бежал к Ахмад Шаху. Есть его фотография по делу итальянского гражданина, где он сфотографирован с Ахмад Шахом, который переправил его в США с почестями. Говорит об ошибке политики национального примирения. О большом авторитете Кармаля у населения и неуважении Наджиба, который втайне готовил смещение Бабака. Очень интересный разговор получился. Критически оценил нынешнюю обстановку Дарвиш.

Из сообщения агента узнали о готовящемся теракте в отношении пяти руководителей МГБ, в том числе и Гани. Сегодня улетели Зайцев, Скорше, Крючков. Взяли несколько человек с собой.

В обед отключается электричество. Наши части окружили Кундуз.

16 августа 1988 (вторник)

Сбежал на стадион. Сделал зарядку.

На работу, кроме Исмаила, никто больше не приходил. Он собрался на экзамен в Военном институте, в котором учатся 3 года, а затем направляются в СССР – в Академию им. Ленина. Как всегда, у них ничего нет. Приходят формально, чтобы отметить.

Из вчерашнего заявления Наджибуллы ясно, что ими был сдан Кундуз. Однако власть снова восстановлена. Называет это ошибкой, которая больше не повторится. Этим самым заверил народ в отпоре силам контрреволюции. После Абдулла пришел с Розеком. Говорили о переводе экспертиз. Сказали, что вчера оперативная следственная группа выехала на звуки стрельбы. Искали, где разорвалось, оказалось, что стреляли с аэродрома по Пагману.

Конец первой половины дня прошел без дела. Игорь уезжал в Представительство. Беляев на бассейне ковырялся в машине. Обед дома. Вечером никого нет. Абдулла дежурит. Во время движения останавливался транспорт гонкой велосипедистов. Какие-то соревнования

Читал газеты. Зашел Чомашко. Пили чай. Шутили. Говорили о работе. Он расследует дело афганского шпиона. Не вылезает из дел. От приехавшего из Посольства Рыдванова узнали, что надо уничтожить партдокументы. Составляют списки награжденных. Кундуз возвращается.

К вечеру прохладно.

17 августа 1988 (среда)

Было жарко. Спал плохо. Сбежал на стадион. Светает чуть позже 5 утра.

На работе поодиночке приходили сотрудники опергруппы: Исмаил, Вали, Кодер, Субмани. Вали не может установить Хан Кучи, за которого ходатайствует бывший начальник 10-го Управления. Игорь резко сделал выговор. Он обиделся. Абдулла убежал к начальству. Все пришлось взять на себя. Кабульское Управление – пустое место. Ничего не делает и через день приходит. Субмани приносит справки и не знает, для чего они. Розек принес фототаблицы с обстрелами. Переводчики разъехались в Представительство – кому за маслом, кому машину сдавать. Никто не хочет работать.

От Кодыра узнали, о гибели 30 сотрудников 5-го Управления МГБ во время приземления в аэропорту Кундуза. Сбит «Стингером». В обед на бассейне СУ мыл и ремонтировал с Алемом машину. Вызвал Хайр Мохаммада. Говорили о проведении занятий, обстановке в стране. Узнал о передаче ВВС, в которой – интервью брата президента Наджибулло Сиддикулло. Он бежал в США через Ахмад Шаха. Говорит, что он мусульманин и будет бо-

роться до конца. Ругает Наджиба.

Хайр Мохаммад отметил, что если бы его родственник был в банде, то его бы выгнали из МГБ. Затем поймал Абдуллу. Узнал, что арестованы и содержатся в СУ со вчерашнего дня секретарь партгруппцев Кундуза Джаммид и Команд. Они бросили город и бежали на аэродром. Население понесло большие материальные потери. Сожжена фабрика по переработке хлопка. Уничтожено много людей и домов. Арестованные говорят, что они сражались. Были 4 дня без удовольствия. Абдулла настроен решительно. Осуждает их поступок. Я дал рекомендации, как процессуально оформить их содержание.

В городе пока тихо. Подозрительно.

18 августа 1988 (четверг). День независимости

Сбежал на стадион. При возвращении у дома Наджибулло обратился солдат гвардии с поздравлением. По-русски сказал, что два праздника: один – День независимости, другой – гибель Зия-уль-Хака в Пакистане. Солдат был очень рад. На работе тоже разговоры о гибели президента. Оказывается, погиб в самолете вместе с послом США и военными советниками. Самолет взорвался в воздухе на востоке Пакистана.

В Управлении был проведен митинг. Абдулла выезжал на ЧП. В Куте Санги в машину 5-го Управления МГБ бросили гранату. Ранили только 4-х человек из КИП (3-е детей). Новостей нет.

В обед – на бассейне. По арестованным из Кундуза – их трое. Один – заместитель начальника УМГБ – Рафи. Знакомился с показаниями генерала Царандоя. Говорит, что 3 дня отбивались. Кончились боеприпасы. Отошли на аэродром.

После обеда знакомился с газетами. Катастрофа в Березовке, близ Калинки. Сошел с рельсов поезд «Аврора». По телевидению показали репортаж Лецинского из Кундуза. Все разрушено. Очень большие убытки. Неприятное зрелище.

Готовил обед. Самочувствие нормальное. Обстрелов не было. Тишина.

19 августа 1988 (пятница)

Встал в 5:30. Занялся уборкой. Поехал на волейбол с Кольцовым, Гудковым, Кулаковым. Было 3 команды. Пришлось сидеть. Играли плохо.

Потом бассейн. Собрались ле-

нинградцы, обсуждали обстановку. Сломалась машина. Карбюратор забарахлил. Просил механика, чтобы он сделал. Копался в течение получаса. Сделал.

Баня. Было 6 человек. Потом поехали к Мосянину в гости. Ели мясо, студень, огурцы соленные. Все прислано из дома. Вернулся в 19:30. Армия стреляла в обед. Ее склады в Пули-Чархи взорваны. 25 солдат погибли в пожаре: бросились в дома за шмотками и чеками.

20 августа 1988 (суббота)

Встал в 9:20. Пошел на зарядку. Самочувствие нормальное. На работе все собрались в моем кабинете: Рыдванов, Иван Максимович, Игорь. Обсуждали новости. Затем пришли из опергруппы. Опять разговор с Вали, о доставке Хан Кучи. Ссылка на отца, что его нет. Бурно обсуждали сложившуюся ситуацию. Потом разговор с Субмани в отношении сведений по машине. Возбуждались. Ругались. Матерились. Ничего не понимает, как надо. Говорит, что сделает через 3 дня, так как 2 праздника. Заставил сделать сегодня. Отговорки на занятия. Пригрозили позвонить начальнику Управления. Потом пришел следователь Тахер с делом по обнаружению в автобусе «ВВ». Задержано 5 человек. Не успели договорить. Позвонили из 7-го Управления. Взрыв на Майванде. Абдулла выехал. Взорвалась машина ГАЗ-452. Взрыв небольшой силы. Видимо, заложена была мина. 3 человека ранены. Водитель задержан Царандоем.

В 11:00 съездили в Представительство за деньгами. Затем с женой Л.Яковлева – за яблоками к ним на виллу. Очень много яблок. Взяли красного перца. Купил за 6,5 тысяч часы «Касио».

Получил письмо. Играли с 16:30 в волейбол 4 на 4: я, Виктор Медведев, Ленья Гудков, Петя против Олега, Миши, Лени Яковлева и Юры.

Проиграли 3:1. Ставили пиво. Посидели в баре. Поговорили. Очень болят колени. По телевидению Лещинский показал 103-ю дивизию и сообщил, что было выпущено 46 ракет по расположению дивизии. Жертв нет.

21 августа 1988 (воскресенье)

Встал с болью в коленях. Особо в левом. Прошел до поля. Пробегал круг.

На работе обсуждали события по прессе. Собрались у меня. Затем пришли Вали и другие сотрудники.

Новостей нет. Говорили, что вчера убит Гульбедин в Пакистане. Подробностей нет. В отношении Кундуза рассказывается, что вырезали детдом, головы детей вешали на крюки для мяса, вспарывали животы, насиловали воспитательниц. Одну голую протаскивали по городу. Все семьи сотрудников МГБ вырезали. Они были собраны для эвакуации, но не успели. В детдоме в основном были дети сотрудников МГБ. Преступления духов не сравнить с фашистскими: так оценивают наши сотрудники. Говорят, что это для них большой урок. У Царандоя захвачено 7 тысяч автоматов. Сражались только сотрудники МГБ, которые просили патронов. Город полностью разбит и разграблен.

Потом обсуждали уголовное дело по обнаружению «ВВ» в автобусе (из УВКР). Очень плохое. И похоже на провокацию оперативного работника и его доверенного, которого надо допросить, но он скрывается в бандитском районе. Опер был допрошен. Рассказал, что доверенный имеет две связи: одна – жена бандглаваря, другая – ее сестра. Они, видимо, и положили в автобус «ВВ», сообщили доверенному. Из-за этого задержаны 5 человек необоснованно.

В обед на бассейне. Сыграли 3 партии 2 на 2. Очень тяжело. Жарко.

В «Правде» за 19.08 статья о летчике Руцком, который попал в плен во время бомбардировки Хоста.

После обеда ездили в посольские дуканы. Купил кое-что. Никого не вызывал. Не было необходимости. Пыльная буря к вечеру.

22 августа 1988 (понедельник)

Сбежал на стадион. Болит сильно левое колено. Сегодня религиозный праздник Ашура – истязание себя по случаю гибели пророка Хусейна. Никто из гражданских не работает. Машин мало. Свободно.

Пришли Абдулла и Вали. Обсуждали дело по Дельджану. Анализировали его приезды. Много подозрительного, надо выяснить. Затем с Абдуллой коснулись темы Кундуза. Дал идею провести судебный процесс по злодеяниям душманов в Кабуле.

В обед на бассейне. Играли 2 на 3 в волейбол в течение часа. После обеда вели общие разговоры о перестройке. Варил бульон. Гульбедин живой.

23 августа 1988 (вторник)

На зарядку вышел сосед Воло-

дя. Вместе пробежались по стадиону. Утро прохладное. Утром пришли почти все из опергруппы. Новостей нет. Принес Субмани справку по машине. Общие разговоры с Вали. Абдулла вызвали на взрыв. В 10:30 в районе Чиндаваля маленький взрыв. Пострадавших нет. Все напуганы. Пришел Тахер. Принес фото Мидвайна для опознания. Задержаны санитары из поликлиники, которые якобы имели отношение к взрыву «Опеля». Называется другим именем. Послан в Пули-Чархи на опознание по фото. Не опознали. Опять «липа» Кабульского Управления.

В обед ход по маркету. Купил материал. Народу – никого. После обеда от Авзалы узнал о сдаче г. Болиман. Там располагалось 40 по опербатальону МГБ и Царандоя. Рассказывают, что семьи вынуждены были оставить детей при посадке в самолет, так как не было мест. Помощь оказать невозможно. Аэродром захвачен душманами. Считают, что все погибнут. Об этом говорили с Гани и Дарвишем, которые пришли пить чай. Настроены пессимистично. Долго власть не продержится при такой обстановке.

Вечером купил дыню. Самочувствие нормальное.

24 августа 1988 (среда)

Сбежал на стадион. Утро теплое.

Собрались все члены группы. Разговоры о событиях в Болимане, его ключевом значении. Много взято в плен. Сдан один район вблизи Кандагара. Гирик был захвачен духами, советские части выбивали их оттуда.

Занимался чисткой сейфа. Отобрал материалы для вывода. Остальные – сжигать. В обед варил щи и кашу. Отдыхал. Небо пасмурное. Накапывал дождь. Лето и жара ушли. Заметно прохладнее.

После обеда читал газету. Никого нет. Говорили о захвате Болимана. Возмущаются, что армия не помогает. На аэродроме скопилось около 2000 человек. Взяли только сотню. Остальных бросили.

25 августа 1988 (четверг)

Сбежал на стадион. Проснулся рано. Мешал спать сверчок. Утром пришел Абдулла. Говорили о Дельджане. Новые документы получил Халиди. Вызвал его.

Стал внушать о настойчивой работе. Говорит, 2 ночи не спал. Работал. Дельджан неграмотностью прикрывается и незнанием.

Не помнит. Плохо идет работа. Халиди обиделся на резкий тон перевода Игоря. Никак было не понять его перевод. Потом пригласили на награждение медалями «Воину-интернационалисту...». Гани сказал длинную речь в присутствии начальников отделов. Сам прикрепил медаль. Поздравил. В ответ выступил Иван Максимович. Молод какую-то чушь. До обеда больше никого не было. В 12 часов закатал дождь. На 15 минут. Событие. В обед поехали на бассейн с Кулаковым. Народу мало. Заехали в дуканы. Пришел Роззек. Сказал, что в 8:30 было выпущено 10 ракет по району аэропорта. 1 убит, 5 ранено.

Договорились с Гани поехать в баню в Пули-Чархи. Из Вердака пришло уголовное дело на 9 террористов.

Самочувствие хорошее. Сергей прислал письмо.

26 августа 1988 (пятница)

В 9 часов в Пули-Чархи. Встал в 6 часов. Занялся уборкой. Сварил манку, пил чай. С Кулаковым поехали в Управление, оттуда на 2-х машинах – в Пули-Чархи. Гани сказал, что приедет с Бисмилло позже.

Погода по афганским меркам плохая: небо пасмурное, ветер, прохладно, мало солнца. Доехали на двух машинах с Михробом и Раджабом благополучно. Встретили нас начальник Ареф, командир оперативного батальона Самат и комиссар Вохид.

Вода в бассейне чистая, только залили. Баня нагрета очень хорошо. Парились и купались до 12 часов. Затем приехал Гани. Его парили. Потом обед с афганским коньяком. Тост начал Гани. За медали и дружбу, помощь СССР. Все говорил правильно. Предоставил слово Михробу, Арефу, Самату и Раджабу. Слегка захмелев, начали «откровенный» разговор об обстановке в Афганистане, в частности – сообщил в Болимане, когда правительство бросило на произвол судьбы МГБ и Царандой. Не вывезло их семьи. Об угрозе в Кундузе и Вардаке. Почему допустили, хотя было известно. Я подтянул тему Кармалю, сославшись, что у меня есть фото Горбачева и Кармалю. Гани сразу подхватил эту тему и долго говорил. Начал с того, что это не президент, который не может контролировать действия матери и брата. Он специально создает группировки внутри ДПА. При нем появились и качамы. Хотя он сам карчанист, своими действиями ослабляет партию и вносит раскол.

Сказал, что когда он был начальником СГИ, то вызвал Гани и говорили с ним о двух крыльях и борьбе с халькеистами. На самом деле был сторонником раскола. Если раскроется покушение на Зерая («Опель» 23.03.88), то Наджибу несдобровать. На второй день после покушения Баки (начальник Кабульского Управления) заявил, что была взорвана радиоуправляемая мина. В подтверждение сказанного найдено радиоуправляемое устройство. Три ареста группы Сарвара – он был якобы упушен.

Все это сделано специально Кабульским Управлением, чтобы не раскрыть теракт.

Еще раз подтверждается высказывание Зайцева, что нужно искать концы в 5-м Управлении, там-то Баки и работал вместе с Джаном, его другом. Также Гани сказал, что Бабарак пользуется авторитетом. Он был уважаем Тараки, подчинялся ему по возрасту, так как был младше. Арестованному шпиону было дано задание выяснить отношения раскола в партии, в создании оппозиционных групп и их деятельности. Разговор интересный, открытый. Все запомнить невозможно. Затем Гани коснулся Вардака. Сам ездил туда на днях. Арестовали группу офицеров. Дело у Абдуллы.

После обеда снова баня. Погода испортилась. Пошел сильный дождь. За три года такой впервые. С вранды видно поле помидоров, арбузы. По крыше сильно стучит. Через полчаса все закончилось. Опять солнце, тепло.

В конце – чай с дыней. На столе была жареная кура, рис, салат...

Домой выехали в сопровождении джипа с солдатами.

Добрались благополучно. Самочувствие хорошее. В 19 часов вырубил свет до 19:25. В горах выпал снег.

27 августа 1988 (суббота)

Плохо спал. Ночью сильный ветер в окно, моросил дождь. Побаливает голова. Пошел на стадион. Сделал пробежку. Утро холодное, необычное.

На работе пришли все из опергруппы. Абдулла на военной подготовке. Не заходил. Разговоры о Кундузе. Разговоры о зверствах душманов не подтверждаются. Всего убито 7 человек сотрудников ХАДа. В Болимане пленных отпустили. По афганскому ТВ объявили, что Болиман сдан для того, чтобы осуществлять коалиционное

правление провинций. Конец дня – в разговоре о Союзе и перестройке. Расторцева, одного из заводов Баркова, перевели в замы секретариата за диссидентские дела художников.

После обеда стало жарко. В 15:20 по району начался обстрел. Ракеты падали где-то рядом. Очень близкие разрывы. Насчитал 4 шт., люди бегут с улицы домой. Играл в волейбол 5 парий. Вернулся в 19 часов.

28 августа 1988 (воскресенье)

Сбежал на стадион. Прохладно. На работе от Абдуллы и Ахата узнал о вчерашнем ракетном обстреле. Начался в 15:15, закончился около 18:00. Выпущено 175 ракет, в основном по аэродрому (67 шт.), Пули-Чархи и окрестностям Кабула. Несколько ракет попали по взлетным полосам. Одна угодила в модуль 103-й дивизии. Ранены 8 солдат и один офицер. Повреждены 4 вертолета, самолеты АН-26, ЯК-40 и 4 самолета компании «Ариана». В итоге обстрела 5 человек убиты и 35 афганских граждан ранены.

Парадокс: три ракеты попали в 1-й и 2-й блоки тюрьмы Пули-Чархи, а также вблизи бассейна, где мы позавчера купались и загорали. Там солдат убит, 1 ранен. Выезжавшие на место следователи попали также под обстрел. Выскочили из УАЗа и легли на землю. И смех и грех. Делают предположение, что стреляли с северо-востока, возможно – из машин. Вертолеты долго не поднимались. Армия не давала ответного огня, ссылаясь на то, что там идет поиск экипажа советского вертолета, сбитого утром душманами. Обменявшись информацией, разошлись. Были Исмаил, Кодер, Субмани. Есть сообщения, что агент 5-го Управления совершил взрыв в Шахраро. Наджиб открыто заявил, что власть крепка – как никогда за всю историю Афганистана.

В обед – на бассейне. Беляев с Гани улетают в Герат для выяснения обстановки.

29 августа 1988 (понедельник)

Сбежал на зарядку. Прохладно. Афганцы собирают команду для футбола. Бегают.

Утром установили ТВ и смотрели запуск афганского космонавта Абдул Ахант Манона, 29 лет. С ним летели Ляхов, врач Поляков. Пришли смотреть Вали, Исмаил, Абдулла. Запуск в 8:53 по местному времени.

Потом занялись переводом аген-

турных сообщений. В обед играли в волейбол до 15 часов 3 на 3.

30 августа 1988 (вторник)

День Пуштунистана.

Встал в 5:30. Сбегали с соседом на стадион. Прохладно. На работе подсоветных нет. Одни дежурные. Зашел Абдулла. Обменялись информацией. Где-то стреляли, но не знает – не выезжали. Просидели вчетвером у меня в кабинете. Говорили о пьянстве, перестройке и т.д. До самого обеда говорили. В обед начал паковать. Сходил в дулканы. Купил кофты, пальто. После обеда говорили с Абдуллой о деле из Вардака. Арестованы 5 солдат, которые совершили покушение на командира племенного батальона Хазрата. Бросили в него гранату, когда он спал. Он очень хорошо воевал с духами. Все признают связь с бандой Амманулло.

На улице много гуляющих. Город украшен флагами, плакатами.

31 августа 1988 (среда)

Встал в 5:20. Сбегал на зарядку. Сосед опять не вышел. По пути на работу заехал за Кулаковым и Иваном Максимовичем. Собралась вся опергруппа. Говорили о вчерашнем ракетном обстреле: 3 убито и 4 ранено в районе Дашбибарчи.

Исмаил рассказывал анекдоты об индийском космонавте, который вернулся из космоса с перевязанной рукой. На вопрос журналистов, что случилось, он ответил, что, как только он хотел включить какой-нибудь прибор, ему советские космонавты били по руке со словами: «Не трогай, нельзя». Все дружно смеялись. Затем последовал анекдот про космонавта из Лагмана, якобы запущенного в космос. Он был в лаптях из соломы. Спросили, зачем они. Ответил, что сеять будет пшеницу. Оказывается, это был его сон.

Сигналов нет. Рыдванов, вернувшийся с совещания, сказал, что плохая обстановка на северо-востоке и Кандагаре. Духи окружили Джелалабад. Концентрируются в Баглане, Кунаре, Кундузе и др. Обстрел вели с новой установкой. Советская армия заключила с духами договор о ненападении друг на друга. Колонны пропускают беспрепятственно.

В обед на бассейне. Вторая половина прошла в разговоре с Абдуллой. Узнал от него, что поступил приказ об изъятии оружия у сотрудников, которые не имеют удостоверения на право ношения.

Царандой ходил по домам и изымал. Многие возмущаются, нужно удостоверение за подписью Якуби.

1 сентября 1988 (четверг)

Сбегал на стадион. Встретил Авзала. Утром пришел один Субмани. Вели разговор об обстановке в Афганистане. Вчера вечером снова обстрел с трех направлений по аэропорту, общежитию военных курсантов: убиты двое, ранено 16 человек. Наджибулло занимается только разговорами. Активных действий не ведет. На мой вопрос, есть ли выход из этого положения и каков он, Абдулла ответил: «Как бы горы высоки ни были, путь всегда найдется». Умно. Затем пришли из армии по обмену на советских солдат. Сейчас в розыске 63 солдата. Хотят обменять бывшего министра финансов Кабира на 4-х солдат. Но на это афганцы не пойдут.

С сегодняшнего дня обед сокращен на 1 час. Работаем до 18 часов. В обед играл в волейбол один против двоих – Кулакова и соседа Володи. Обыграл в двух партиях.

В 15:15 начался сильный ракетный обстрел аэропорта. Стояли у окна, видели разрывы, дым. Сильно рвались снаряды. Видимо, произошло попадание в склад боеприпасов, так как началась беспорядочная серия разрывов с дымом. Обстрел продолжался до 16:20. Почти полчаса. Летали только вертолеты. Ответных ударов не было. Самолеты не подключались. Гани прилетел из Герата. Сказал, что Наджиб 5 лет говорит и ничего не делает.

Небо пасмурное, в тучах.

2 сентября 1988 (пятница)

Встал в 5:40. Занялся уборкой. В 7:20 поехал на волейбол. Кольцов отказался, сославшись на похмелье. Сыграли 6 партий. Одну проиграли. Потом бассейн. Разговор с Мосяниным о вчерашнем обстреле. Ракеты рвались в 50-100 м от 7-го Управления. Там же 4-е Управление, 2-е, 105-е. Все ушли в коридор. Затыкали уши. Разрывом у стоянки в старом микрорайоне убито 6 детей, повреждены машины. Два осколка в моей квартире. Разбито стекло.

С 14 часов в бане с Мосяниным, Яковлевым, Кольцовым. Вернулся в 17:30. Прилетел Зайцев. Заберет в Москву Гулябзоя, Таная (МО), Якуби для обсуждения положения.

Обстрел корректировался. Стреляли почти прямой наводкой

вблизи советско-афганских постов с востока.

3 сентября 1988 (суббота)

Сделал пробежку до стадиона. Вчера обстреляли днем 6-ю дивизию в Пули-Чархи. На работе собрались все члены группы. Обменялись информацией. Пришел даже Тахер из Кабульского Управления. Дал задание допросить родственников Мирвайда по задержанному ими аппарату. В беседе с Кодером узнал, что мать Наджибулло ходила в банду в Парван на встречу с сыном Сидзекуллом. Ее искали. Весь город знает об этом. Смеются: что за президент, который имеет связи с бандитами.

Я думаю, что Наджибулло убежит в ближайшее время. Этого требует обстановка в партии и ухудшающееся военное положение. Он себя скомпрометировал: коррупция, взяточничество, рост цен, обман государства. Народ все это видит. Переворот сдерживаемы. Каждый чиновник в Правительстве и Политбюро имеет свою группу связников с бандами. Могут в любой момент уйти туда: прикрыться, бросить рядового члена на произвол судьбы.

На вопрос, кто может заменить лидера, Кодер показал на портрет Кармаля. По группе террористов получено агентурное сообщение из-под Шах Мохаммада, капитана архивного отдела МО, о подготовке военного переворота после ухода советских войск. Принимают участие халькисты: Гулябзой, Танай, Авитанджар и другие. Проведено совещание в июне 1988 и принято решение о боевой готовности.

После обеда небо затянуло тучами. Резко изменилось давление.

В 15:30 поехал в Посольство. Турнир по случаю открытия Олимпиады. Играли 3 игры с Посольством и АЭС.

4 сентября 1988 (воскресенье)

Встал с тяжелой головой и болью в коленях. Сходил на стадион. У 106-го дома по-прежнему советская гражданка делает зарядку с мужем. Тот бежит по газону, а она ходит.

Утром собралась вся опергруппа. Переводчика нет. Обменялись общей информацией. В 5-м Управлении агентам доставлено «ВВ», 14 кг. Имитируют взрыв у элеватора с изъятием «ВВ» и показом по ТВ. Кулаков отказался переводить. Разошлись.

В обед на бассейне. Взял «бегу-

нок», санаторно-курортную карту. Начал оформляться. Позвал Абдуллу. Перевели два агентурных сообщения. Взят важный член «ИПА» в Кабуле. В доме у другого изъятые гранаты и патроны. Абдулла говорит о фракциях в НДПА. Халькисты разделены еще на 2 партии. Одной руководит Зерай. Беляев принес весть о том, что сейчас никто не хочет занимать высокие посты, выжидают, боятся. Кризисная ситуация.

Написал письмо, хочу отправить самолетом завтра.

5 сентября 1988 (понедельник)

Зарядка на стадионе. Собрались все из группы. Переводил Кулаков. Говорили о вчерашнем показе по ТВ фактов предотвращения взрывов у элеватора, устроенного 5-м Управлением с целью легализации изъятия «ВВ». Потом Кодер заговорил о Фаризоне и его махинациях с обогащением. Я привел некоторые факты. Все были удивлены. Пристегнул, как жуликов, начальников 5-го Управления – Джалала и Джефора. Заменял их Кодер. Воспринимали настороженно, боясь такого острого разговора. Говорил, что не все жулики среди сотрудников. Сигналов нет. Время тянулось медленно. Абдулла дежурит. Ночью был обстрел аэропорта.

В обед на бассейне. Потом оформлял обходной. Был в Посольстве. Купил сувениры.

Конец дня прошел в споре о гласности, пользе для сотрудников КГБ. Обсуждали статью «Черные камни» в «Комсомольской правде». Договорились, что скоро реабилитируют по делам ВСХСОН 1961 г. и другие. Обвинят следователей. Хохол Иван Максимович рьяно настаивал, что все делается правильно. Переориентировался, как хамелеон, хотя сажал ранее. Особенно хохлы отличались в годы застоя. Теперь мыслит по-другому. Считает, что кооператоры накормят страну и обеспечат товарами. Глупый. И слушать не хочет. Мелет чушь без остановки. Беляев подшучивал.

Рыдванов, учуяв острый разговор, помалкивал, вставлял ничего не значащие фразы, комментировал так, что не понять, чью сторону отстаивает. Хитер. Молодежь в лице Кулакова и Корнеева молчала. Потом зашел Гани. Его втравили в разговор, что СУ мешает проводить пропагандистские мероприятия по ТВ, сослался на Якуби. Я понял, откуда ветер дует. Из Москвы пришла телеграмма с предложением

афишировать по ТВ мероприятия МГБ, чтобы поднять авторитет. По этому поводу Зайцев дал указание Беляеву, тот начал «чесаться». Хотя ранее я предлагал ему подключить корреспондентов – отмахнулся. Как любят все указания сверху. Лоб разобьют на первых порах. Сами никакой инициативы не проявляют и не думают наперед. Вот и вся наша политика – из указаний. Сами не пошевелятся.

Гани рассказал, как обстоят дела. Его сталкивают с начальником 7-го Управления. Якуби сам не приказывает. Лодырь. Ему был дан список дел, по которым можно провести передачи. Гани умница.

Весь день не было электричества. Дали в 18:30.

6 сентября 1988 (вторник)

Сходил на стадион. Собралась команда.

Исмаил сказал о прибытии машины из Пакистана с 1000 кг «ВВ» с автопокрышками. Машину поставили в 7-е Управление. Предложил взять следователя для осмотра. Абдулла со следователем – на полигон.

Много рассказал об этом Исмаил. На посту в Пули-Чархи машину пропустили. Все совещание было посвящено этому. Потом говорили со следователем Гришей из 40-й армии. Он ездил на взрыв складов с боеприпасами армии в Пули-Чархи 05.08. – погибли 7 человек. Женщины выскакивали почти голые. Все имущество сгорело – огромный ущерб. Много нареканий в адрес советских солдат, о фашистских замашках, воровстве.

7 сентября 1988 (суббота)

Зарядка. Встретил Авзала. Жаловался на притеснения Гани, который избавляется от халькистов и лиц, общающихся с советниками. Якуби его хотел сделать прокурором, но он отказался. Подставил Косема. Избавляется от грамотных следователей. Окружил себя неграмотными, подневольными замами и начальниками отделов. Все начальник Управлений не любит его.

Утром Абдулла опоздал на работу. Машина не приехала, добирался автобусом. Пришел Субмани. Обменялись мнениями. Вчера космонавт не приземлился. Отказала автоматика. Сутки были на орбите. Сегодня в 4:50 приземлились. Обстрелов не было. Затем пришел Хаким и начал откровенный разговор по обстановке. В Болиане убито 1200 человек, сотрудники ХАДа и др. В партии раскол. Каждый член По-

литбюро имеет фракцию. МО Танай не слушал Рафи. Сам он халькист. Сейчас отправили в пионерлагерь в СССР богатых и влиятельных членов партии, а сказали, что дети рабочих. При отправке детей подвозили на машинах. Целая вереница машин, народ удивлен. Наджибулло называют моджахдом.

На базаре ходят слухи о перевороте после нашего ухода. 17 тысяч заключенных освободили по амнистии. Они ушли в банды. Хаким этим очень возмущен.

В обед на бассейне в СУ. После обеда оформлял обходной. Договорился в отношении машины. Деньги еще не получил.

8 сентября 1988 (четверг)

Проспал до 5:40. Очень крепкий сон.

Утром уехал на работу с Рыдвановым. Первым пришел Абдулла. Обстрелов у них не зафиксировано, хотя наш дежурный имел сведения об обстреле района аэропорта. В беседе с Исмаилом и Вали выяснили прибытие машины № 129 модели 1620 с «ВВ». Мы насчитали около 744 кг. Они утверждают, что 1500 кг. Агент был в бегах. Помощник Бодийхля также убежал. Говорит, что агенту заплатили 4-6 млн афгани. Начальники приказали молчать Вали и Исмаилу. Пришлось поехать в 7-е Управление с Абдуллой. Там стоит пустая машина, кузов вскрыт, по бортам с внутренней стороны под уклон приварены уголки на высоте 20 см.

В пространство уложено «ВВ» – пластит белого цвета. По днищу протянут детонирующий бикфордов шнур желтого цвета, около 30 м, сложенный в три нитки. Очень интересно сделано. Все это видели на видеопленке. Набрали 11 мешков «ВВ». Конец шнура был выведен к кабине через отверстие в кузове. Детонатора не было. Агент сказал, что спрятал в кабине. Водитель Гунам Сохи сказал, что на машине работает 25 дней. В Пешаваре некий Ала Дод из Ногара попросил у него машину для перевозки людей из лагеря Шамашату в другой лагерь. Отсутствовал 5 дней. Отдал машину с грузом и велел ехать в Кабул. Добирался 3 дня. Больше ничего не знает. Говорит четко, без зажимов. Все это записали на видео. Его никто не допрашивал. Вчера вели съемки иностранные корреспонденты. Сегодня поехали показывать машину и «ВВ» представителям из Комитета ООН.

В кузове валяются мелкие куски пластита. Собрали. Подожгли. Го-

рит хорошо. Взял для образца. Потом смотрели видеозапись. Очень хорошие съемки. Предложил не затягивать и передать дело нам. Ашраф согласился. Хотя ему трудно верить.

В обед на бассейне. Затем оформление «бегунка». Получил 29 380 афгани за 14 дней. Проехали по дуканам. Кое-что купил. Около 19 часов сильно стреляли где-то в районе Посольства.

9 сентября 1988 (пятница)

С 6 часов занялся уборкой. На завтрак – овсянка и чай.

С 9 часов поехали из СУ в баню в Пули-Чархи. Сели в две машины с Азизи и Раджабом. Погода хорошая. Бассейн с чистой водой. Парились до 12. Затем – обед. Шикарный стол: кура, салат, котлеты, баранина и т.д. распили 2,5 л коньяка «Нанаеон». Ни в одном глазу. Потом – фрукты: арбуз, дыня, виноград.

Пытались говорить обо мне, но я не дал развить. Поднимали тосты за дружбу. Гани рассказал анекдот: как выяснили француз, афганец и русский, кто ... Все смеялись, наврвали цветов. Дали с собой по 5 кг помидоров. У них на поле растут арбузы. Очень сладкие.

Вернулись в 18:00.

10 сентября 1988 (суббота)

Спал хорошо, на зарядку не пошел. Замесил тесто для пирогов, нарезал яблоки. На работу пришел только Вали и Абдулла. Обменялись мнениями. Дали задание собрать характерные данные на водителя. Затем ездил в Посольство. Магазин закрыт. На работе новостей нет.

Пек пироги. Пригласил Олега и Аамат Пав-ча с Яковлевым, последний не пришел. Распили 0,75 л. Говорили о работе, сотрудниках: Кузин, секретарь Парткома, груб, некомпетентен, распускает слухи о сложности обстановки, падении Кандагара. Получил раньше срока орден Красного Знамени.

Рабочие разговоры. Сегодня дежурный сообщил о предстоящем обстреле Кабула с 14:00-18:00. Всем сидеть дома. Ложная информация – все как обычно. Слухи идут из армии. Чеки стали обмениваться 1 к 50 афгани. Много товаров в армии. Разрешено продавать афганцам. Начались спекуляции. Сидели до 20 часов. Самочувствие хорошее.

11 сентября 1988 (воскресенье)

Пишу на следующий день, так

как вчера так устал от событий дня, что замертво уснул после ванной.

Утром провели совещание, на которое приехали из 7-го Управления Асеф (зам. начальника Управления), Ашраф, Исмаил, Вали, Кодер. Сигналов нет. Обсуждали последние события, связанные с машиной с «ВВ». Точный вес – 1400 кг. Взвесили в 5-м Управлении. Затем разговор о допросе агента «Хотака» и его связи с Аладода, владельца машины, которая находится в Кабуле. 12-е Управление отказывает в допросе. Мы подозреваем, что они подстроили это, чтобы завоевать доверие МГБ. Возможно, произведут взрыв другой машины. Все были едины во мнении. Особенно Асеф утверждал, что ему не нравится поведение агента, он его подозревает. Тот обманывал 4 раза. Оперативные работники защищают. Он якобы вхож в отделе «шафо» в Пакистане. Знает многих. Я сразу поднял материалы на Аммона. Там проходил Аладод, который доставил «ВВ» ему в Кабул. По приметам похож. Это еще более усилило наше подозрение, что должен быть взрыв. Договорились о координации.

В обед ходил по маркету. Сдал посуду. Облапошили на 600 афгани.

Приехав на работу, узнал о взрыве в Шакринау. Случилось в 14:00. Срочно выехали с Гани и Игорем. Взорвалась «Волга» у здания «Афган Карт», через дом – Посольство Пакистана, напротив – Спецревпрокуратура. Толпы любопытных. Пожарные. Царандой. Приехали через 10 минут после взрыва. Картина удручающая. Кругом выбиты стекла. Сильный пожар в здании «Афган Карт». Горят 2 этажа. Люди кричат. Поднялись к спецревпрокурору на 5-й этаж. У них все стекла выбиты. В окна залетели части людских тел. Пережидали в кабинете. Затем вышли на улицу. Пожарные вовсю работают. Толпятся люди. Следователи стоят в стороне – пока наблюдают. Журналисты снимают. Насчитали около 10 трупов. Увезли много раненых.

Машина принадлежит «Афган Карт». Водитель ранен. Количество «ВВ» – не более 20 кг. Машина сгорела. Остался остов. Решили уехать. Начались звонки Беляева из Посольства. Ждали Абдулла и Роззекка, которые вернулись в 18:00. Сказали, что убито 10, ранено 45 человек. Водитель в больнице. Занимается Кабульское Управление. На этом разъехались.

12 сентября 1988 (понедельник)

Второй день не хожу на зарядку. Провели совещание с Вали, Кодером, Ахатом (сотрудник вместо Субмани), Исмаилом. Говорили о взорванной машине. Кабульское Управление взяло Басира и не допускает следователя. Халиди вынужден был возвратиться назад. Баки, начальник Управления, не разрешил. Говорили об обстановке в стране. Вчера прошло партсобрание в СУ. Просили высказать предложения по улучшению борьбы с духами и о единстве в партии.

Говорили смело, открыто, что родственники руководителей не участвуют в борьбе, а учатся за границей. Хороших сотрудников отправили в провинции, ослабив СУ. Просят вернуть. Говорили об активности в борьбе с духами. Смеялись, что раньше у МГБ спрашивали, когда они будут нападать на духов, а теперь – у духов: когда ждать обстрела Кабула. Ахат из 4-го Управления сказал, что в Чирикаде скопилось 400 машин, которые не могут выехать в сторону Саланга, так как дорога контролируется духами. На днях они разграбили 120 машин, которые шли по дороге на Саланг. Берут продовольствие, деньги.

Мирдачи Нуд контролируется душманами. Под Кабулом сосредоточено 70% всех душманов. Он полностью окружен. Афганцы без советских воевать не могут. Абдулла смеется, что духи советских пропускают, а афганцев грабят. Опять пришло агентурное сообщение, что переворот возглавит Гулябзой (МВД) и заручится поддержкой ВВС и артиллерии, о чем уже был разговор.

В обед собирался. Затем съездили продали ТВ за 14 тысяч афгани – очень выгодно – и радиодетали за 740 афгани. Куча дел. Купил часы. Стоял в гуще автомашин в районе 4-этажки, видел драку. Парень приставал к девочке. За нее вступились прохожие и избивали его.

Перед уходом домой встретил Гани. Тот пожаловался на руководство МГБ. Яр Мохаммад ничего не делает. Якуби боится приказывать начальнику Кабульского Управления Баки, у которого личный друг – Наджибулло. Поэтому тот делает что хочет. Не дал допросить водителя, взорванной «Волги». Долго Гани говорил. Жаловался, что связи решают все в Афганистане.

Вечером собралась я, Игорь и Виктор Рябов. Распили бутылку. Съели дыню. Поговорили о жизни.

13 сентября 1988 (вторник)

Проводы на Родину. Как всегда, утром провел совещание, на котором были Ахат, Исмаил, Вали, вместо Кодера – Насим. Обменивались информацией по взрыву и машине с «ВВ». Получены интересные данные из 4-го Управления. Абдулла сказал, что его родственник, 14-летний парень Фарид, ехал на велосипеде по Зеленому, в это время раздался взрыв. Он погиб. Вечера, погибших отпевали в мечети Вазир Акбар. Мулла во время проповеди заявил, что русские, американцы и китайцы объединились, чтобы расколоть нашу партию на парчамистов, халькистов и ихванистов. Научили народ водку и вино пить. Сейчас очень плохое положение в стране. Из-за этого кладбище забито больше, чем прежде. Мулла часто выступает с такими проповедями против СССР. 7-е Управление не работает.

В обед отвезли холодильник и поехали по дуканам. Истратили последние 6 тысяч. Был в посольских дуканах, Зеленом и в 4-этажке, где произошла любопытная встреча в генералом Исмамом Мусаммом, приехавшим из Кандагара.

Так получилось, что я вошел с Игорем, Ашрафом и Исмаилом, которых встретил у входа в магазин, за человеком среднего роста, в национальном светло-коричневом одеянии, без бороды и усов. На входе его пытались обыскать. Он резко ударил по лицу молодого парня несколько раз. Тот как мог уклонялся. Исмаат кричал. Все продавцы попрытались на разных этажах.

Мы отошли к прилавку с посудой и стали наблюдать. Он начал требовать девушку, которая была очень красивая. Она спряталась. Потом сел, скрестив ноги, на прилавке при входе, положил справа от себя пистолет «ТТ», курил, ругался и что-то требовал. К нему подходил солдат Царандоя. Я, поднимаясь вверх, встретился с ним взглядом и поздоровался, сказав «салом». Он буркнул в ответ: «Салом». Мы пошли с Игорем на выход. Ашраф пошел звонить в Управление. Мы обошли его сзади и прошли молча мимо. Служащие выгоняли всех из магазина. У входа стоял «Мерседес» синего цвета. Кругом телохранители Исмаата. В машине были кобура и патроны. Для нас все обошлось благополучно.

Вечером Гани накрыл прощальный стол. Были приглашены Абдулла, Михроб, Азизи и наши: Рыдванов, Иван Максимович Ка-

раванов, Кулаков, Игорь Корнеев. Стол ломился от закусок.

Получился очень интересный разговор. Сначала весьма высоко оценили мою работу Гани, Абдулла, Беляев, Михроб и др., затем разговор перешел на политические темы. Гани явно не нравился Наджибулло. Его бездействие. Обстановка очень ухудшилась из-за этого. Сейчас нельзя выехать в Паглан и высунуть нос на 200 м от окраины Кабула. Все это связывается с деятельностью Наджибулло, который преднамеренно вносит раскол в партию. При его содействии в 1984 г. был убит бывший министр племен ФАИЗ, который выехал в ХОСТ. Там был захвачен агентами ХАДА и убит. При содействии Наджибулло. Агенты бежали, хотя он дал указание Гани арестовать их после бегства.

Говорил о письме Зиары Автанджара, Гулябзою Горбачеву. Наджибулло был зачитан ответ Горбачева, вызвавший удивление и противоречия. В Политбюро каждый имеет свою фракцию. Амин уничтожил большинство членов партии. Озлобил халькистов. Может восстановить единство только Бабрак Кармаль.

О Наджибе в народе говорят, что он на 18-й Пленум НДПА выехал на советском танке, который стоит в старом микрорайоне. Все дружно смеялись правильности формулировки. На Пленуме он показал документ, якобы выданный советниками для его избрания. Сам углубляет раскол, который ему – на руку. Гани сказал, что сам он находился в Пули-Чархи. Знает методы работы. Вступил в партию в 1968 г. в Герате. Ему сказали, что никаких привилегий партийцу не будет. Почему? Потому что они работают для улучшения жизни народа. Приехавший к ним брат Кармала обратил внимание на серьезный уровень империализма и на борьбу с ним. Бабрак – единственный человек, который еще при Зохер Шахе говорил о дружбе с СССР. И он проводил эту линию постоянно. Кроме него никто этого не делал, даже Амманулло, отец которого был развратником.

Потом Гани сказал, что не будет нарушать революционную законность. Никто не заставит его это делать, хотя Якуби начал давить, толкая на нарушения закона. Он готов оставить пост хоть сейчас, но остаться честным, чистым и независимым. В связи с этим привел рассказ из книги, которую читал в 1-м классе. Собака пришла к волку

с веревкой на шее и пригласила в гости к хозяину, который накормит мясом. Она ест каждый день, но за это хозяин привязывает ее днем и на ночь. Волк ответил, что лучше быть голодным, но свободным. Этот рассказ вызвал сильное оживление. На этот счет последовали и другие рассказы о свободе, добре и зле, рассудительности...

Очень просил сообщить где-нибудь, чтобы мы не уходили из Афганистана. Хотя один советник, но должен быть МГБ, объяснял, что их действия можно сравнить с человеком, поднимающимся в гору, которому необходима опора. Вот эту роль и должны выполнять советники.

После ухода, возможно, будет переворот из-за отсутствия единства, Наджиба не будет. На его месте будет Кармаль. Беляев молотил: какое бы ни было в Афганистане правительство, оно не обойдется без помощи СССР.

Нам надо уходить и не вмешиваться в их дела. Логика его мыслей вызвала противоречие, но я молчал. Очень содержательный разговор – диалог, так как участвовали только Гани и Беляев, – затянулся до 23:30.

Тепло расстались. Подарили чайный сервиз, Гани от себя – красную шапку «адидас». Смеялись, проводили параллели, что в 20-е годы у нас награждали красными шароварами.

На улице распрощались. Машина не завелась, оставил в СУ. Вернулся в 00:00

14 сентября 1988 (среда)

Заехали за мной ребята. Опять пробоовал открыть замок зажигания – ничего не вышло.

Зашел в 5-й отдел. Попрошался со следователями. Из работавших остались Халиди, Юсуф, Хасан, Тахер. Аммон и Вали улетели на таншкентские курсы.

Затем – в Представительство за машиной, которую сделал Якуб. Рассчитался полностью. Встретил Виктора Иванова. Отвез в 7-е Управление. Там Асеф, Ашраф, Исмаил накрыли стол с чаем и пирожными. Подарили рубашку. Асеф много говорил о совместной работе, о последней машине с «ВВ». Интересное дело, связанное с отделом «шафо». Сожалеем, что я уезжаю. Встретил знакомых сотрудников – Шаиба, Шира и др.

Фотографировались. Зашел в дукан «Романа». Истратил последние 138 афгани. Собирал вещи. В 14:15 сильное землетрясение...

Жаворонков Валерий Аркадьевич (р. 1948), полковник. Окончил Ленинградский электротехнический институт, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1985-1987 гг. Владеет языком фарси. За проявленное мужество награжден медалью «За отвагу», афганским орденом «Звезды» и медалями

ВАЛЕРИЙ АРКАДЬЕВИЧ ЖАВОРОНКОВ

АФГАНИСТАН ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Я мог бы назвать свой очерк «Мой путь в Афганистан»...

Показать в нем, как сформировалось мое желание поехать в эту страну. Как даже малые и незначительные события в моей жизни и службе влияли на это. Но быстро-течное время унесло афганскую войну и прошло уже почти тридцать лет с моего возвращения на родину после двухгодичной афганской командировки. Сейчас уже с уверенностью могу сказать, что Афганистан стал частью моей жизни. И те или иные события, связанные с Афганистаном, сопровождают меня чуть менее пятидесяти лет.

В старших классах я учился в школе-интернате, так как родители мои и многих других учеников служили или работали за границей (ГДР, Венгрия, Польша), а родители других школьников работали в Афганистане – строили дороги, дома, предприятия и электростанции. В течение трех лет учебы мы живо интересовались, что за страна Афганистан и зачем мы там, не понимая, что такое «оказание экономической помощи отсталой стране»... Но приезды родителей моих сверстников и их рассказы уже тогда сумели оставить в памяти представления об этой колоритной стране. Особенно запали слова о гостеприимстве и хорошем отношении простых афганцев к Советскому Союзу и его гражданам. А

во время дальнейшей своей командировки довелось своими глазами увидеть часть этих, построенных советскими специалистами, объектов, снимать жилье в этих домах...

В 1969 году я получил место в общежитии иностранного корпуса ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина) на 1 Муринском проспекте. Там проживали студенты всех факультетов ЛЭТИ из многих стран мира. Наибольшие землячества студентов были из ГДР, Болгарии, Польши и Вьетнама. Но был и гражданин Афганистана – Халед Дауд Хан. Перед заселением мне ничего не сказали, кто он, но это для меня было и неважно, так как место в общежитии я ждал два года. Как и я, Халед учился на третьем курсе ЛЭТИ, хотя был старше меня на один год. Судьбой

мне было определено более трех лет бок о бок жить с ним в одной комнате. Время от времени с нами проживали болгарин Цонко, двое-трое русских студентов. Кого-то отчисляли, кто-то заселялся вновь...

Со временем мы познакомились. Русский язык к этому времени Халед уже знал хорошо, т.к. целый год изучал язык на подготовительном факультете, но к общению с нами был не склонен. Позже я узнал, что Халеда и его родного младшего брата Вайса (учился в ЛИСИ) послал в Советский Союз на учебу его отец – двоюродный брат короля Афганистана Мохаммад Захир Шаха – Дауд Хан. И отпрыск «королевской крови» не сильно замечал своих соседей по комнате.

Учился Халед хорошо, глубоко вникая в специальность. Да и развлекался в полную силу, в целом соблюдая правила проживания в студенческом общежитии. Он знал два-три европейских языка, одевался строго по европейской моде. Можно отметить его жестокий характер, силу воли и ум, а также нескрываемое высокомерие. Гордился не только своей принадлежностью к правящему клану Афганистана, но и своим пуштунским происхождением, считая, что афганцы унаследовали благородные черты своих древних предков-арийцев. Чувствовалось неприятие им многих норм жизни в Советском Союзе.

Первый год мы с Халедом мало общались, его поведение умели терпеть: опыт проживания в общежитии за время трехлетней учебы в школе-интернате у меня уже был. Со временем мы с Халедом как-то привыкли друг к другу, стали общаться. Вместе ходили в кино и даже отмечали праздники. Вечерами слушали современную музыку

(у Халеда были HI-FI-приемники и проигрыватели), а также его игру на национальном музыкальном инструменте – рубабе, который он привез с собой из Афганистана. Если современная музыка мне очень нравилась, то можно представить себе игру на национальных инструментах для неподготовленного слушателя. Но не могу не отметить, что его музыкальные интерпретации отличались изысканностью, легкостью и ритмичностью. Когда же он не играл сам, то слушал радио Афганистана, где звучали афганская речь и музыка. И так три с половиной года вхождения в афганскую культуру. Халед дружил с другим афганцем, своим дальним родственником – слушателем Военно-медицинской академии Кайзом Рокай, который часто навещался к нам в общежитие, где они коротали время. На поклон и беседы к «королевской крови» приходили студенты других вузов Ленинграда, иногда приезжали афганцы из Минска, Киева и Москвы. Вот с этими ребятами я имел возможность свободно и долго беседовать. Отмечу, что студенты были в основном из семей богатых чиновников, военнослужащих и торговцев, родом из Кабула, Джелалабада и др.

В это время, в семидесятые годы прошлого столетия, в Иране при шахе Мохаммеде Реза-Пехлеви был чуть ли не европейский образ жизни. Развивался очень быстрыми темпами и Пакистан. А Афганистан оставался одним из самых отсталых государств в мире. С одной стороны, афганцы Халеду, как представителю династии, вроде бы поклонялись. С другой стороны, они видели в нем будущего руководителя, человека с большим влиянием и возможностями для их дальнейшей карьеры.

Приехав в СССР и проучившись два-три года в стране, они стали понимать необходимость перемен в Афганистане – как политических, так и экономических. И часто говорили о невозможности их осуществления при монархии. Да и сам Халед, поддерживая в чем-то их, словно как-то негласно соглашался с возможными изменениями для своей страны.

За три года учебы и проживания в общежитии я много слышал об Афганистане, его культуре, красоте гор и долин, озер и рек, о традициях и обычаях народа Афганистана. Халед часто рассказывал о своем отце, братьях и сестрах. После окончания ЛЭТИ он планировал уехать в Швейцарию или Францию, где хотел бы пройти стажировку и подтвердить диплом советского института в европейской стране. В Швейцарии по словам Халеда проживала его невеста из знатных родов Афганистана.

Из истории известно, что в период Второй мировой войны король Мохаммад Захир Шах проявлял благосклонность к нацистскому режиму, после 1945 года резко изменил свои воззрения, и уже прогрессивно настроенный к СССР король Афганистана в шестидесятых годах двадцатого века отклонил предложение США и европейских государств о присоединении к Багдадскому пакту. В связи с этим данные страны отказали Афганистану в военном и экономическом сотрудничестве. С того момента и стало возрождаться его сотрудничество с СССР.

Уже в 1956 году при премьер-министре Мохаммаде Дауде в Афганистан стали приезжать советские гражданские и военные специалисты, прибывала военная техника – страна полностью вошла в зону

Валерий Аркадьевич Жаворонков

влияния СССР. В 1963 году из-за разногласий с королем по вопросам внешней политики его брат Мохаммад Дауд Хан вышел в отставку. 17 июля опальный премьер-министр Мохаммад Дауд Хан, совершив бескровный переворот, свергнув своего двоюродного брата-короля, повел страну по республиканскому пути. 14 февраля 1977 года он был избран Лойя Джиргой Президентом Республики Афганистан. Целью правления Мохаммада Дауда был провозглашен «исламский социализм». В эти годы СССР стал активно помогать Афганистану встать на путь экономического развития, построив в этой стране сотни экономических объектов, приняв на учебу тысячи афганцев в гражданские и военные вузы.

Но в период своего правления Дауд совершил множество политических ошибок, лавируя между СССР и Западом в достижении своих целей. В конце концов он рассорился с мусульманскими фундаменталистами и патриотически настроенными военными. Реформы Мохаммада Дауда сопровождалась репрессиями. Большинство лидеров будущей афганской революции были брошены в тюрьмы, многие эмигрировали на Запад. Репрессии и «кровавые следы» сопровождали в Афганистане и последующие перевороты, названные революциями...

В апреле 1978 года военное крыло НДПА совершило переворот, уничтожив Дауда и его семью. Перед лицом смертельной опасности президент осознал, что его правлению пришел конец, и повел себя так, как должен был себя повести согласно принципам кодекса чести афганцев Пуштунваляй, на примерах деяний его предков.

Сразу после начала переворота Мохаммад Дауд распорядился привезти во дворец Арк всех членов своей семьи – родного брата, жену, детей и внуков. Различные источники по-разному освещают последние минуты жизни Дауда и его семьи. Якобы он был застрелен офицером афганской армии Имамудином, который в 1980-е годы сделал успешную карьеру и дослужился до генерала. События протекали коротко. Президенту не раз предлагали сдаться, не лить понапрасну кровь, он отказался от убежища, предоставленного ему посольством Франции, оставшись в Королевском дворце. С ним остались и члены его семьи... Он не соглашался, был уверен в своих действиях. Ворвавшийся во дворец молодой офицер по имени Имамуддин заявил Дауду: «Власть взяла революция!» Президент выстрелил в него из пистолета. Тяжело раненный, Имамуддин упал. Сопровождавшие офицера солдаты открыли огонь. По приказу Амина они были все убиты, в том числе и Халед и Вайс.

Революционеры понимали, что если будет жив М. Дауд, то остается опасность реставрации прежней власти. Кровь лилась несколько дней. Этой же ночью был убит шурин короля, бывший военный аташе Афганистана в СССР бригадный генерал Сулейман Рокай. Убит также и его сын, хирург военного госпиталя в Кабуле, окончивший Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Исчезли «без вести» многие чиновники и военные, сторонники президента, в том числе видные члены правительства и военачальники. Так началась Апрельская революция в Афганистане, объявившая о намерении строить

в Афганистане общество, свободное от эксплуатации человека человеком.

По радио было объявлено, что Дауд Хан ушел в отставку по состоянию здоровья. О событиях той ночи я, конечно, не знал, сведения о «революции», печатавшиеся в центральной прессе СССР, не давали ответа, что произошло на самом деле. И даже в дальнейшем находясь в командировке в Афганистане, спрашивая о судьбе семьи М. Дауда, получал ответ: «Убили по приказу Амина...». Тем более никто не знал о судьбе детей Мохаммада Дауда, и я был убежден, что Халед уехал в Швейцарию. Как сотруднику КГБ СССР, мне не хотелось афишировать свои институтские контакты с членами королевской семьи. Но по всему было видно, что к Мохаммаду Дауду многие афганцы относились хорошо, вспоминая стабильную жизнь в то время.

Итак, в марте-апреле 1973 года, когда шла подготовка к защите диплома, меня пригласили в 1-й отдел ЛЭТИ, где сотрудник Петроградского РО УКГБ СССР по Ленинградской области В. Махов сделал мне предложение о службе в органах безопасности. В это время я женился. На свадьбу были приглашены мои друзья из института и Халед. Так и осталась память о нем, запечатленная на фотографиях свадьбы, с надписью: «На память моему хорошему другу...». В конце марта Халед Дауд Хан улетел в Кабул и на прощание пригласил меня в ближайшие годы приехать к нему в Афганистан. В тот момент трудно было представить, как будут развиваться события в моей жизни и в мире...

После окончания института я устроился на работу на Кировский

завод и начал процедуры оформления документов на службу в УКГБ ЛО. Одним из первых сотрудников Управления, направленных в Афганистан после начала так называемой Апрельской революции 1978 года, был один из моих первых руководителей Кировского райотдела УКГБ Геннадий Анатольевич Суровцев. Для него это была очень сложная и напряженная поездка, имевшая целью создание новой спецслужбы для защиты завоеваний «революции». Без переводчика, без силовой поддержки Г. А. Суровцев с честью выполнил поставленную перед ним задачу и вернулся на Родину. Геннадий Анатольевич, как и многие другие возвратившиеся в то время из командировок в Афганистан, очень скупо рассказывал о своей работе за границей. В дальнейшем также из Кировского райотдела в командировку в Афганистан по линии подразделений специального назначения поехал С.Тимохин. Думаю, вообще многие тайны Афганистана и десятилетних боевых действий еще долго не будут раскрыты участниками тех событий.

В 1981 году на учебу в Высшую школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского был направлен Николай Калугин, с которым ранее мы вместе учились на Высших курсах подготовки оперативного состава в городе Минске. Я тогда ждал своего часа, встречался с Н. Калугиным, когда он приезжал в Ленинград в период учебы. И этот час, наконец, настал – меня пригласили в кадры и предложили поехать на учебу в Высшую школу КГБ СССР на факультет подготовки руководящего состава контрразведки с последующим командированием в Афганистан.

Два года учебы пролетели очень быстро. Персидский язык с учетом институтского опыта давался достаточно легко, хотя из-за объемов заданий приходилось заниматься до полуночи и позже. Моими преподавателями персидского языка были Роберт Лордкипанидзе и Евгений Киселев (известный телеведущий). Последний после окончания языкового вуза был переводчиком в Афганистане у генерала Черемных Владимира Петровича – начальника штаба Группы Главного военного советника. После двухгодичной командировки в Афганистан Евгений Киселев был приглашен в Высшую школу КГБ СССР для преподавания языка. Однако его желание заниматься журналистикой, отсутствие должной дисциплины (он опаздывал на половину занятий) не задержали его на преподавательской работе. Из четырех-шести часов занятий Е. Киселев прочитывал нам лекции по международной обстановке, иногда на персидском языке, что было очень интересно. А уже после нашего выпуска Е. Киселев «удачно» женился на дочери одного из руководителей советского телевидения, в дальнейшем засветился на программе НТВ «Итоги». В девятых годах в средствах массовой информации гуляла информация «документального характера» о принадлежности Е. Киселева к агентурной сети КГБ СССР. Не все одинаково успешно изучали персидский язык. Но язык он знал очень хорошо.

Со мной из Ленинградского управления был направлен на учебу один из руководителей областных подразделений управления. Уже на втором месяце занятий он не мог вспомнить и двух десятков персидских слов, несмотря на мою

помощь. Может, это было нежелание ехать в Афганистан после окончания учебы, а может, какие-то иные причины, но после непродолжительного лечения в специализированной клинике КГБ СССР он был отчислен и вернулся на свою работу в Ленинград.

По данным отдела кадров УКГБ ЛО, были и другие случаи высказываний о нежелании выезжать в командировки в Афганистан. В период учебы в Москве я, как и другие мои коллеги по учебе, встречался с возвратившимися из афганских командировок военнослужащими, с нашими сотрудниками. Один из них – Валерий Очиров, Герой СССР, вертолетчик. Его рассказы о войне поражали воображение – горы, караваны, «море огня». Встречи с Сергеем Карпекимым уже приближали нас к пониманию того, чем мы будем заниматься в командировке. Это были интересные и запоминающиеся встречи. Мы стали лучше понимать, как будет устроен наш быт, что нужно взять с собой в командировку, психологически настраивались на трудности, которые могут нас ожидать. Я много читал про Афганистан, активно занимался спортом... Изучать персидский язык мне помогал внутренний настрой, желание быть лучшим и первым (это не удалось) и, конечно, годы, проведенные с Халедом. Знание некоторых идиоматических оборотов, пословиц и скороговорок другого культурного пласта помогли в учебе и страноведческой подготовке. И вот подготовка окончена, получен «красный диплом», мы выпущены... Но вот такой подход и пятерка, полученная на государственном экзамене, не приблизили к свободному владению языком. Нужна была практика.

Руководство подразделения ХАД проводит встречу с оперативными источниками на одной из вилл

Стоянка для автомобилей в старом микрорайоне Кабула

Руководство подразделения ХАД проводит встречу с главарями договорных банд

Парад, посвященный годовщине Апрельской революции

После приезда в Кабул я попал в советнический аппарат Представительства КГБ СССР при Кабульском Управлении ХАДа, в частности – в четвертый отдел (защита экономики). Не буду раскрывать специфику работы советников на данном сложном участке, так как это уже описано в ряде очерков сотрудников Управления, опубликованных ранее. Скажу лишь, что период моей командировки (1985–1986 гг.) был напряженным, но все же относительно стабильным. Советские и афганские войска и органы ХАДа проводили плановые операции, шла напряженная работа по претворению в жизнь так называемой политики «национального примирения».

А внешне все было размеренно и спокойно. Мы ходили на работу в костюмах и галстуках, как в «форме». Кабул охранялся со всех сторон, несмотря на это, время от времени раздавались выстрелы и взрывы на окраинах, крики муэдзинов. Какая-нибудь шальная банда прорывалась время от времени и в наш микрорайон. Выпустив несколько снарядов и постреляв из автоматического оружия, быстро скрывалась. С умилением можно было наблюдать сцену, когда молодая мама, гуляя с ребенком в одном из микрорайонов, говорила малышу: «Ходи только по дорожкам, не ходи по травке – там мины!»

Этот размеренный образ жизни невозможно сравнить с тем, что рассказывали сотрудники, приезжавшие из провинций. Так, по словам А. А. Григорьева, с которым мы встречались у Н. Калугина в Кабуле, в Герате, где А.А.Григорьев был советником, улица с одной стороны контролировалась народной властью, с другой – моджахедами.

Обстрелы носили регулярный и продолжительный характер...

Но вернусь к персидскому языку. Попад в «подсоветное» подразделение, я стал вникать в особенности оперативной обстановки на линии и понял, что свободно понимаю, что говорят афганцы. Но полно изложить свои мысли было поначалу достаточно трудно. Связано это и с тем, что в Афганистане есть два государственных языка: дари и пушту. Так вот, общению на дари надо было еще переучиться. Кстати, на факультете в Высшей школе КГБ СССР в соседних группах изучали дари в полном объеме, этим сотрудникам, естественно, было легче при адаптации.

В подразделении ХАДа сразу нашлось два-три афганца-сотрудника, окончивших советские институты и сносно разговаривавших на русском языке. Выбрав одного из них, я приступил к работе. Уже на второй месяц я понял, что это путь в никуда, в тупик. Афганские сотрудники, конечно, могли переводить, но абсолютно не знали реалий, оперативной лексики, не могли запомнить логику даваемой им информации, последовательность перевода. Пользы от такого перевода почти не было. Такой подход к переводу обижал и афганских руководителей, ставя их в неудобное положение, когда их подчиненные, переводя мысли советника, как бы командуют сказанным. Я специально останавливаюсь на данной теме, так как смог это быстро преодолеть. А что было делать большому количеству советников из СССР (не имею в виду по линии КГБ СССР), которые не владели языком и не изучали страноведение, не знали норм ислама?

Другая часть советников сило-

вых структур (МВД, МО и ГРУ) пользовалась услугами таджиков и узбеков, которые выступали в качестве переводчиков. Так, в провинции Кунар сотрудники ГРУ МО СССР приехали с востока страны, с китайской границы, и владели китайским языком (после окончания Академии Советской армии). А ведь провинция находилась в зоне пуштунских племен, основной язык общения – пушту. В опергруппе, которой я руководил, было два сотрудника, командированных КГБ СССР по Киргизской ССР, которые в Ташкенте прошли языковую подготовку с языком пушту. У политсоветников, которые по линии ЦК КПСС были направлены из числа руководящих партийных работников районов, областей и краев СССР, переводчиками были таджики, иногда не имевшие специального образования, не говоря о высшем. Эффект от такого перевода был небольшой, а вред большой.

В ряде случаев афганские руководители высшего звена, приезжавшие из Кабула, просили нас при проведении служебных совещаний с политсоветником или нашими военными советниками выступать в качестве переводчиков, выставив «горе-переводчика»-таджика за дверь. И политсоветники тоже понимали это. Мне приходилось пару раз не только участвовать в совещании члена Политбюро ЦК НДПА с советническим аппаратом провинции, но и быть в качестве переводчика. Безусловно, неприятные ощущения мы чувствовали от работы отдельных офицеров КГБ-таджиков, которые за шесть-семь лет командировки в Афганистане от старшего лейтенанта дослужились до полковников КГБ СССР,

но мало отличались от своих подсоветных – афганцев. Афганцы их считали за своих. Они окружали себя даже своими родственниками, которых вызывали из родного Таджикистана.

С другой стороны, не хотелось бы приуменьшать их работу, ведь все находилось в одинаковых боевых условиях, но я не об этом, а об отдельных аспектах деятельности советнического аппарата. Мы их называли «афганскими полковниками». А про таджиков-переводчиков шутили: «Таджик – вторая профессия». Достаточно ярко об одном из них – А. Поиндашоеве – написано в книге нашего сослуживца В.В. Егерева «Афган».

За два года командировки, общаясь с «подсоветными» большую часть дня, а в провинции – и вечером, и ночью, с учетом сложной оперативной обстановки, с языком стало хорошо. Мы свободно говорили на языке на любые темы, смотрели афганское телевидение. До сих пор с улыбкой вспоминаю известный советский фильм «Они сражались за Родину», где герой Ю. Никулина говорит герою В. Шукшина: «Салам Алейкум», а тот отвечает: «Алейкум Ассалом»...Так и смотрели афганское телевидение дополняя знания языка. А фильмы переводили десятками, много было издано книг на языках дари и пушту. Но они так и не стали читаемы народом Афганистана, а денег на это потрачено было немало...

Несколько слов хотел бы посвятить вопросам личной безопасности в командировке в Афганистане. Безусловно, в период боевых действий эта проблема сложна, деликатна и носит многосторонний характер. Каждый день мы оказывались один на один с кол-

лективом афганских офицеров и руководителей, с которыми надо было правильно выстроить взаимоотношения. Среди сорока-пятидесяти афганских офицеров подразделения, где я состоял советником, было несколько человек, у которых, по данным службы безопасности ХАДа, родственники находились в бандформированиях. Поэтому требовались хороший личный контакт с «подсоветными» руководителями, глубокие знания в области страноведения, знакомство с традициями и обычаями страны пребывания. Тем более это нужно сотруднику спецслужб, который, выполняя специфическую работу, находится во враждебной среде.

В период двухгодичной учебы в Высшей школе страноведение, основы ислама нам преподавал один из ведущих востоковедов СССР – Пластун Владимир Никитович. Его превосходное знание языка и обычаев иранских народов, глубокое понимание ислама, уважение к мусульманской культуре снискали ему авторитет и уважение. Эти знания он передавал нам в процессе лекций и личного общения. Пластун стал для нас старшим товарищем в Москве, отдавал много времени для общения с нами. Мы даже ездили на экскурсии в Дом дружбы с иностранными государствами, приезжали к нему и домой. А в 1987 году он в очередной раз приехал в Кабул, но уже в качестве советника Главного политического управления армии республики Афганистан.

Знания, полученные в период учебы, имели большое значение в период командировки. Мое пребывание в Афганистане имело место в годы, когда афганские «подсовет-

ные» уже многого насмотрелись, отказываясь на виду от некоторых норм ислама. Понятно, что от нас был скрыт ряд ограничений в исламе (пятикратный обряд поклонения – намаз, Рамадан – месяц обязательного поста – и др.). Всюду в стране это соблюдалось, а наши «подсоветные», общаясь с нами в течение восьми лет, постепенно отказывались от этого, в связи с чем многие из них начинали употреблять спиртное, да и свинину ели. Мы видели, как руководители ряда направлений советнического аппарата считали употребление спиртного при любой встрече с афганскими должностными лицами не только возможным, но даже считалось этакой непреложной нормой, шиком гостеприимства.

Советнический аппарат принимал активное участие в различного рода празднествах по случаю революционных дат и т. д. Было полным шоком празднование седьмого ноября – годовщины Октябрьской революции, – которое проходило на одной из вилл Управления ХАДа по городу Кабулу. На БТР приехал полковник П. С. Грачев, командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и совместно с руководством Управления ХАДа в полном составе оперативная группа советников Представительства гуляла до полуночи. Руководством Представительства КГБ СССР подобное, естественно, не одобрялось, реагировал на это и партком Представительства. Но, безусловно, двойные стандарты существовали.

Мы хотели сблизиться с «подсоветными» для укрепления дружбы, в том числе и во внеслужебной обстановке. Афганцы стремились к этому же, понимая, что именно

Дома, построенные советскими специалистами в Кабуле (старый микрорайон)

Сотрудник представительства КГБ СССР в Кабуле

Залп Града по бандформированиям

от советника зависит – как будут оценены результаты его служебной деятельности, рост по службе. Эти рамки взаимоотношений были очень сложными. С одной стороны, мы были сотрудниками КГБ СССР, с другой – мы понимали, что личные и дружеские отношения помогут в вопросах личной безопасности.

Несмотря на то, что в работе 4-го отдела Управления ХАДа были хорошие результаты (предотвращения диверсий и терактов, изъятия большого количества наркотиков, предоставление информации о предстоящих нападениях на город бандгрупп), наши афганские коллеги одновременно решали и свои личные вопросы, в том числе меркантильного характера. Но информация об этом у руководства Управления ХАДа не всегда находила должной оценки. Были даже случаи, когда, придя на работу в отдел, мы обнаруживали там каких-то бородачей, которых представляли нам как источников информации либо главарями «договорных» банд. Ряд сведений относительно какой-либо преступной деятельности афганских сотрудников от советских советников просто скрывался.

Афганцы хотели хорошо выглядеть перед своими советниками. Несмотря на относительно высокую стабильность в оперативной обстановке, имели место случаи дезертирства – как солдат, так и офицеров Управления. Так, в провинции Кунар с самого раннего утра начался массированный ракетный обстрел. Естественно, работа в этот момент ушла на второй план – думаешь, как выжить... Я обращаюсь к генералу Мультану – начальнику Управления ХАД в

провинции Кунар – и предлагаю спуститься в убежище, укрыться от обстрела. На это он отвечает, что после возвращения из убежища он не увидит части сотрудников своего ведомства. Ладно, что уйдет, так еще и прихватит советника в качестве добычи...

Конечно, дезертирство в афганских спецслужбах не носило столь массового характера, каким оно было в армейской среде. Вот и приходилось идти на работу при пистолете со снятым предохранителем и патроном в патроннике, это придавало определенную уверенность и душевное равновесие. В период 10-, 13-часового обстрела не только персидский язык забывался, но и по-русски говорить не хотелось. Не хочу говорить о чувстве страха, больше проявлялось чувство самосохранения.

С благодарностью вспоминаю вертолетчиков 335 ОБВП, с которыми приходилось летать. Для понимания, что такое полет в Афганистане, нужно хоть раз самому забраться в дрожащий вертолет, оглохнуть от рева винтов, вглядываясь в зияющую темноту Асадабада и мерцающие огни пакистанских лагерей. При этом испытываешь липкое чувство неотвратимой беды, которую надо подавить в себе: «Нет, тебя не собьют, ты долетишь... и на этот раз». Иначе трудно представить, что такое полеты в Афганистане. А еще вертолеты поднимаются выше четырех-пяти километров, чтобы быть в зоне досягаемости от современных ПЗРК, которые в основном и поступали на вооружение моджахедов на приграничных с Пакистаном территориях. И даже когда летишь на этой высоте, видишь, как с земли стреляют по вертолету одиночными

трассирующими пулями, а иногда видишь и ручейки огня из «зеленки». Испытав это, помнишь будешь долго, всю оставшуюся жизнь.

В 1986–1987 годах в провинции Кунар, где я был руководителем оперативной группы Представительства КГБ СССР в Афганистане, действовали сильные, хорошо вооруженные и обученные в пакистанских лагерях многочисленные отряды моджахедов. Сама провинция узкой полосой протянулась на двести километров по ущелью вдоль границы с Пакистаном. В долинах Кунара – зона сухих субтропиков. Здесь растут буйные субтропические леса, банановые пальмы, апельсины. Много диких птиц и обезьян, в горах тигры и вараны. Окрестности Кунара называют афганской Швейцарией – для королевской семьи это место было охотничьими угодьями. Очень красивые виды: сланцевые горы, много рек и ущелий, курортные места. Один из серьезных минусов – большое количество москитов и комаров, переносчиков малярии. Через провинцию Кунар проходило более двадцати караванных маршрутов, на территории находились и иностранные советники – китайские, американские и французские.

Столица Кунара – Асадабад. Моджахеды безраздельно господствовали на всей территории провинции. Небольшой гарнизон советских и афганских войск в столице провинции находился в настоящей осаде. Общая численность моджахедов различной партийной ориентации насчитывала на период 1987–1988 гг. около семи-восьми тысяч человек. Можно себе представить, что связывающие Асадабад с Джелалабадом девять-сто километров мы проходили на

«броню», при поддержке авиации за десять-двенадцать часов. Красота была неимоверная: маковые поля, ущелья, горы... На этом фоне – сброшенная вниз подорванная техника. Противник действовал жестко и умело. Его поддерживала близость Пакистана, сложная гористая местность, постоянное снабжение боеприпасами и новыми обученными кадрами.

Точной границы с Пакистаном не было, хотя на картах Генштаба она и была зафиксирована, но племена пуштунов здесь вообще не признавали никакой границы. По пакистанским картам опергруппа находилась менее чем в одном километре от границы. Ввиду ошибок при чтении карт боестолкновения спецназа с моджахедами иногда происходили в глубине Пакистана, куда спецназ попадал, преследуя моджахедов. Да и сам я, согласуя плановые удары артиллерии по местам дислокации моджахедов, не всегда был уверен в глубине границы. Интересно, что, когда приехал мой сменщик руководителя опергруппы Б. Абрамов из города Иваново, он сказал, что не будет согласовывать эти удары, так как сомневается, что они попадают на пакистанскую территорию и могут привести к гибели местного населения. Но после продолжительных массированных обстрелов (до 250 ракет) территории Асадабада все же приступил к согласованию конкретных ударов.

Согласования с советниками ХАДа военное командование гарнизона в Асадабаде делало исходя из нашего знания оперативной обстановки как в провинции, так и в приграничной территории Пакистана, чтобы не попали под огонь отряды оппозиции (так сейчас говорят), с которыми афганские

органы безопасности работали по склонению их к прекращению огня и переходу на сторону правительства. Ближе к утру, в 4-5 часов, раздавался мощный залп. Два-три боекомплекта улетали в сторону Пакистана по лагерям подготовки моджахедов. Впечатление незабываемое, после которого не удавалось заснуть снова.

После недели регулярных и массированных обстрелов мы давали шифровку в Центр; из Советского Союза прилетали бомбардировщики, которые наносили ответный удар. Следующие три-четыре дня были относительно спокойны для работы и спорта. За полтора-два года до вывода войск в батальонах появились военные переводчики со знанием языка пушту, как я уже отмечал, в нашей опергруппе два сотрудника владели им. Знание этого языка помогало привлекать к проведению операций спецназа как агентов ХАДа, так и сотрудников Управления, наиболее проверенных в реальных условиях. Они привлекались в качестве наводчиков, участвовали в отдельных операциях и боестолкновениях (правда, их не ставили в полной мере в известность о цели и маршрутах операций, количестве участников и средств поддержки).

В ряде случаев афганским моджахедам удавалось наносить ощутимые удары правительственным войскам и нашим батальонам, когда мы проводили боевые операции в горах. К сожалению, были случаи, когда под огонь спецназа попадали мирные жители. По этим случаям разбиралась военная прокуратура, а нам, советникам, с сотрудниками «подсоветного» ХАДа приходилось принимать меры по урегулированию этих конфликтов. Разбирались

и со случаями воровства имущества афганцев советскими военнослужащими. В газетах об этом, конечно, не писали....

Вообще период 1987-1988 годов для спецназа ГРУ МО СССР был наиболее яркой страницей. В сочетании с бомбардировками установка сейсмоакустических и магнитных мин на караванных путях операции спецназа резко уменьшила способность моджахедов осуществлять поставку оружия и боеприпасов в глубь страны. Надо выразить слова благодарности советским солдатам и офицерам, дислоцированным в провинции. Да, это они смогли сбить, пригасить накал «джихада», это они днем и ночью проводили операции по уничтожению моджахедов. И до сих пор, по данным печати, моджахеды и талибы с содроганием вспоминают о беспощадных, опустошительных рейдах и налетах спецназовцев на их караваны, базы и кишлаки. Взлет качества операций спецназа длился до февраля 1989 года, до последних дней пребывания Советских войск в Афганистане.

В период командировки в Кунаре я близко познакомился с начальником разведки (334 ОО СпН) отряда спецназначения лейтенантом Олегом Якутой. В Афганистан Олег попал после окончания Московского высшего военного училища им. Верховного Совета РСФСР. В период службы Якута проявил высокую подготовленность, быстро ориентировался в короточко меняющейся боевой ситуации, мгновенно принимал решения, достигая цели с минимальными потерями. Не буду перечислять боевые заслуги О. Якуты, скажу лишь, что за короткое время службы и участие

Кладбище сбитой авиатехники

Взорванный танк афганской армии

Кладбище сгоревших танков

в боевых выходах (их было около 200) он был награжден тремя орденами Красной Звезды, представлен к ордену Красного Знамени.

Наиболее же выдающимся личным подвигом лейтенанта Якуты явился героизм и мужество, проявленные им при организации разведки и оборонительных боев в районе Нуристана, контролируемого бандглаварем Сарварханом, в рядах которого находилось до двух тысяч моджахедов. Как выяснилось позже, по данным агентурной разведки ХАДа, появление Якуты со своей группой разведчиков в Барикоте совпало по времени с началом реализации военно-политической акции, спланированной ЦРУ и спецслужбами Пакистана совместно с одним из лидеров моджахедов Гуль-бедином Хекматъяром. Суть планируемой ими операции заключалась в стремительном захвате двухтысячной группировки Гульбеддина исторической области Нуристан и объявлении, при поддержке международного сообщества, о создании нового исламского государства со столицей в городе Барикот. Подобные операции бандформирования планировали не раз, выбирая для этих целей Джелалабад, Кандагар и другие города.

Организацию нескольких рубежей обороны О. Якута взял на себя. С помощью советников он привлек все имеющиеся силы афганских пограничников. Непрерывный бой продолжался трое суток. В дальнейшем на помощь защитникам крепости, в которой кроме обороняющихся афганцев находились четыре советских советника, произвели десантирование на вертолетах подразделения афганских командос при поддержке советской авиации. Противника

выбили с занимаемых позиций, он был вынужден уйти на пакистанскую территорию. Таким образом, планы Гульбеддина и его американских советников по изменению геополитической ситуации в Нуристане оказались сорванными благодаря мужеству и героизму советских и афганских военнослужащих. Решающую роль в обеспечении стойкости гарнизона Бирикота оказали личное мужество и боевая активность советского офицера – начальника разведки батальона спецназа лейтенанта О. Якуты.

В этих боях моджахеды потеряли около шестисот человек убитыми и ранеными. Олег был дважды ранен, контужен. По личному представлению генерала армии В. И. Варенникова лейтенант Олег Якута был представлен к званию Героя Советского Союза. Правда, в присвоении звания ему отказали. Кадровики в штабе ТуркВО посчитали, что хватит с него представления к пяти орденам в двадцать два года... Был конец войны, награждать уже было не надо. Это относилось и к советникам КГБ СССР. После вывода войск из Афганистана В. И. Варенников обратился письменно к М. Горбачеву о рассмотрении вопроса. Ответа не последовало. А дальше – известные события августа 1991 года. Об Афганистане забыли...

За неделю до моего отъезда на Родину погибла наша собака – крупная, кавказская овчарка. Любимица опергруппы подорвалась на mine. Она была в Афганистане более двух лет, ее привезли нам щенком от пограничников. Иногда брали на операции разведчики, особенно на зачистки в «зеленке». Иногда летала и на блокпосты в горах, где она и подорвалась. Естественно, мы горевали... Об афганских собаках можно

писать отдельно. Их в 40-й армии были сотни, некоторых привозили из СССР, благо самолеты летали в Союз регулярно, но и привозили после операций в кишлаках. В любом гарнизоне, особенно в малых, были собаки. Они охраняли лучше любого часового, да и общение с ними сглаживало напряжение от тяжелого дня. Выросшие среди нас, они не обращали внимания на офицеров и солдат Советской армии, зато любого афганца готовы были разорвать. Причем даже тех, кто часто приходил к нам по служебной необходимости.

Есть такая хорошая фраза: «Осталось только на фотографиях». От моего отца, участника Великой Отечественной войны и дважды служившего в Группе советских войск в Германии, мне достался фотоаппарат-зеркалка «Практика». В то время владение им было пределом мечтаний. Первые мои фотоснимки относятся к лету 1962 года, когда в аэропорту Адлера Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев встречал одного из лидеров африканских стран. Много фотографировал в институтские годы, в стройотрядах. Фотографировал концерт В. С. Высоцкого в ЛЭТИ в 1973 году. Фото А. А. Григорьева в его рабочем кабинете передал в отдел кадров Управления.

«Практика» оказалась со мной в Афганистане. Сделано, а в дальнейшем оцифровано, около полутора тысяч снимков, из них около сотни цветных. Одновременно со мной, в командировке в Афганистане находился мой друг – сотрудник Центрального аппарата КГБ СССР П. Н. Удалов, который проходил службу в одном из криминалистических подразделений КГБ СССР. Он привез в командировку в Афганистан боль-

шое количество фотоматериалов, которые после его отъезда достались мне. Множество фотографий достались моим коллегам, разъехались по Союзу. Сегодня эти фото – память, дополнение к статьям и очеркам ленинградских чекистов, побывавших в Афганистане, много фотографий моих друзей – А. Хромова, В. Егерева и М. Дедова, Н. Калугина, А. Тетеревкова, А. Фролова, Ю. Рахманенко и их семей. За время учебы в Высшей школе также сделаны десятки фото сотрудников из разных городов СССР, с которыми мы не расстанемся и сегодня, среди них – В. Кунашов, В. Анохин, И. Черноков, Н. Степанов и др. На многих фото – результаты боевых операций, изъятые НУРСы, стрелковое оружие, ПЗРК. Сегодня эти фото – память, связывающая меня и моих сослуживцев, их жен, детей с Афганистаном. Мой сын Жаворонков Андрей, которому уже сорок лет, показывает свои фотографии коллегам с гордостью, что и он был в воюющем Афганистане, ходил в школу в Посольстве. На многих фотографиях мои «подсоветные» афганцы, люди, которые нам поверили, воевали с нами. Красивые и благородные лица...

После нашего ухода из Афганистана мы мало знаем о их дальнейшей судьбе. Ряд из них переехали из Афганистана в Россию и европейские страны. А с некоторыми мы встречаемся и в Санкт-Петербурге, они уже получили российское гражданство, женились, ведут свой бизнес. Часть фото, не связанных со специфической деятельностью, размещена на различных ветеранских сайтах, посвященных афганской тематике. Многие из советских граждан, прошедших Афганскую войну в 1979-1989 годах, вспоминают о сво-

ем пребывании там с необъяснимой ностальгией.

Мы знаем, что в истории нет слагательного наклонения, но, по мнению отдельных специалистов, если бы СССР помог Мохаммаду Дауду в свое время справиться с внутривластными разногласиями, для страны это было бы лучше. Может, ее развитие и не было бы стремительным, но зато Афганистан избежал бы миллионов людских потерь и того хаоса, в который свергла страну длившаяся все эти годы гражданская война. Да и нам не нужны были потрясения, которые произошли в Афганистане.

Через 30 лет после убийства первого президента Республики Афганистан Мохаммада Дауда и членов его семьи, в июне 2008 года, было найдено массовое захоронение в районе тюрьмы Пули-Чархи. После эксгумации и идентификации останков специальной комиссией было подтверждено, что они принадлежат Дауду и его семье. Для меня эти сведения были открытием, документальным подтверждением гибели Халеда. С воинскими почестями было произведено торжественное захоронение останков. Именем М. Дауда назван один из госпиталей Кабула и ряд других объектов.

Не удалось мне поехать в относительно мирный Афганистан того времени, когда меня приглашал Халед Дауд Хан. Не знаю, есть ли желание у моих коллег посетить Афганистан сегодня? Скорее – нет... Сегодня СМИ так описывают Кабул: «Если путешественники оказываются в Афганистане, то их ждет полный шок. Местные миллиардеры с вооруженной до зубов охраной проживают на виллах с вертолетными площадками, а вокруг них одни

лачуги... Несмотря на то, что гостиницы превращены в крепости, на них нападают в первую очередь. А вечером и ночью грабежи и погромы... Вот и вспоминают афганцы время советского присутствия...».

Каждый человек имеет право оценивать прошедшее и вспоминать то, что ему хотелось бы. Как ни странно, но в душе большинства «афганцев» не осталось чувства ненависти к афганскому народу. Афганистан стал для них близким и родным, несмотря на лишения и потери, которые пришлось испытать. Ведь мы были такими молодыми, хотели жить, радоваться жизни, работать, растить детей и внуков, общаться с друзьями... Годы, проведенные в Афганистане, были одними из лучших в моей жизни! Больше всего жалею, что не вел в Афганистане дневника, тогда было бы больше фактов, деталей, а главное – имен и фамилий тех, кто был рядом со мной. Будучи еще там, думал про это, но так и не взялся за этот труд.

Последние 15-20 лет мы собираемся 15 февраля, в день Воин-интернационалиста, и вспоминаем дни, проведенные в Афганистане, своих боевых друзей, в том числе ушедших навечно. Мы думаем, что память вечна, а это не так, особенно когда проходят десятки лет. Память как сито: она оставляет только значимые события, а все мелкое проходит через нее, не задерживаясь. Для многих нас крещение Афганистаном стало испытанием, возможностью познать себя, доказать себе и другим – чего ты стоишь. В период командировки мы приобрели настоящих друзей, научились ценить то, о чем в мирное время мало задумываешься. Это был один из лучших моментов моей жизни.

В. А. Жаворонков.
Джелалабад, 1987 г.

Оружие, изъятое
у моджахедов

Карта проведения войсковой операции
в окрестностях Кабула

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ КГБ СССР В ДРА

В своем рассказе я хотел бы остановиться на отдельных аспектах советнической деятельности сотрудников КГБ СССР в Демократической Республике Афганистан. Прошло более двадцати лет. Многие детали, отдельные имена и даже язык фарси уже забываются. Помнится и останется навсегда в памяти то прекрасное время: в те года мы были молоды, мы хотели жить и верили в свою удачу.

Афганистан – это прекрасная, удивительная страна. Живописные долины, окруженные высокими горами, субтропики, степи, горы.

В то же время за двадцать прошедших лет произошло переосмысление тех событий: наша работа и ее плоды, уроки Афганской войны, – все то, ради чего мы там были, каких результатов достигли и что потеряли, покинув Афганистан.

Наш опыт, полученный дорогой ценой, в полной мере, мягко говоря, не был использован в контртеррористической операции в Чечне. Мы забыли об уроках наших предшественников – чекистов двадцатых, тридцатых годов, полученных в период становления советской власти в республиках Средней Азии, в Афганистане, в годы Отечественной войны в борьбе с агентурой Абвера.

Современнику сегодня до конца трудно представить, каким мощ-

ным аппаратом в период ввода советских войск в Афганистан был КГБ СССР и какой современной была наша 40-я армия. Безусловно, у нее не было на первых порах опыта ведения войны в горной местности. Но этот опыт приобретался достаточно быстро.

Советники, прибывшие по линии КГБ СССР, получили отменную страноведческую, боевую, оперативную, и языковую подготовку: два года подготовки в Высшей школе КГБ СССР, высших курсах КГБ СССР в Москве, Ташкенте. Попав в республику Афганистан, я через два-три месяца уже свободно общался на фарси, естественно, в рамках своей оперативной деятельности.

Оперативная группа советников представительства КГБ СССР в провинции Кунар состояла из пяти офицеров. Ей была придана группа солдат погранвойск КГБ СССР.

Управление службы государственной безопасности (ХАД) в провинции Кунар насчитывало сорок пять оперативных сотрудников. Оно имело структуру по типу территориального управления КГБ советского образца и располагало более чем тремястами источниками информации, из них большинство находилось в бандгруппах, в племенах, органах государственного управления.

Основными задачами ХАД, продиктованными военным временем,

были выявление и пресечение агентурной деятельности противника, борьба с бандформированиями, уничтожение их главарей, проведение спецакций, работа с договорными бандами, поддержка политики национального примирения. Мы как советники имели и другие специфические задачи, в том числе по линии управления разведки КГБ СССР.

Оперативная обстановка в провинции характеризовалась высокой активностью моджахедов (десятки бандгрупп различной партийной направленности). Из числа наиболее агрессивных формирований можно было выделить: Исламскую партию Афганистана – ИПА, руководитель – Хекматияр, Исламское общество Афганистана – ИОА, руководитель – Раббани, Национальный фронт исламской революции Афганистана – НФИРА, руководитель – Гилани; Движение исламской революции в Афганистане – ДИРА, руководитель – Наби; Фронт национального спасения Афганистана – ФНСА, руководитель – Можадеди; Исламскую партию Афганистана (ИПА) во главе с Мухаммадом Юнусом, известным по прозвищу Халес, объединение формирования оппозиции – Исламский союз муджахиддинов Афганистана (ИСМА) во главе с Абдур-Расулом Сайяфом, в который входили ИПА, ИОА, НФИРА, ДИРА, ФНОА и ИПА.

Все эти группировки находились друг с другом в сложных противоречивых отношениях, соперничали в борьбе за лидерство.

Наличие в зоне ответственности иностранных советников, появление в бандгруппах переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер» и «Блоупайп», непосредственная близость к границе Пакистана (восемь километров), непрерывные ракетно-артиллерийские обстрелы (до 10-12 часов в сутки) – все это накладывало свой отпечаток на оперативную обстановку и придавало ей остроту.

Мы активно взаимодействовали с двумя батальонами ГРУ Генштаба. Спецназ ГРУ препятствовал проникновению в Афганистан караванов с оружием и боеприпасами, новых отрядов мятежников. Асадабадский батальон проводил как крупные (в составе ограниченного контингента), так и локальные операции, в основном против укрепрайонов, перевалочных баз, уничтожал склады с техникой и вооружением. Результативность отрядов специального назначения ГРУ была высокой.

Советники по линии КГБ СССР принимали участие в двух крупных операциях в провинции Кунар. В обеих операциях использовали авиацию, артиллерию, десант (до двенадцати тысяч человек). Офицеры и солдаты проявляли беспримерное мужество. Сегодня мы знаем о них из ряда публикаций и кинофильмов, таких как «Девятая рота». Но были и другие примеры. За год до моего прибытия в Афганистан в одном из ущелий Кунара погибла почти в полном составе так называемая Мароварская рота. Только сейчас мне удалось ознакомиться с информацией в сети Интернет об

этих боях. Противник очень высоко оценил героизм наших солдат. Стороны мятежников были серьезными потерями. Кстати, тогда моджахеда выдали нашему командованию тела погибших воинов.

Государственную власть в провинциях представляли губернатор со своим аппаратом, в уездах – уездный начальник и его управление и в волостях – волостной начальник со своим штатом. Однако во всех административных единицах, находившихся под контролем правительства, руководство фактически осуществляли партийные комитеты, что крайне осложняло отношения между партийным руководством и администрацией.

В борьбу между халькистами и парчамистами (двумя фракциями в НДПА) втягивались и советские работники. Афганцы, соответствующим образом информируя своих советников, зачастую не сознавая этого, формировали у них симпатию к той или иной соперничающей фракции.

Весьма сложной, деликатной была работа с племенами. Указанным направлением занимался отдел по делам племен и народностей при губернаторстве. Однако многие джирги (договора) существовали лишь номинально, а подписанные соглашения не имели силы, так как они были подписаны неавторитетными в своих племенах людьми.

При прежних режимах пуштунские племена, особенно из восточной зоны, не служили в армии. Они были независимы и свободолюбивы. У меня сложилась глубокая убежденность, что найти общий язык с их вождями и авторитетами можно было только за столом переговоров, но не используя силу.

ЦК НДПА и Совмин выделяли огромные средства, а также оказывали помощь предметами первой необходимости, прежде всего для приграничных провинций. Отдел по делам племен и народностей при губернаторстве считался самым богатым, однако находящиеся в его распоряжении средства не всегда тратились по назначению.

Работа в ДРА ставила перед нашими советниками немало проблем. Сложность обстановки требовала от них особого внимания в оценке положения, взвешенного подхода в принятии решений. Им приходилось внимательно и объективно изучать своих подопечных – «подсоветных», как их называли, и быть особенно осторожными в оценке и подборе кадров. Ведь не секрет, что огромную роль в подборе и расстановке кадров играли именно наши советники. Все это, безусловно, требовало специальной, хотя бы и кратковременной, подготовки всего советнического аппарата для партийных комитетов, царандоя (полиции), и армии Афганистана.

Советники проходили определенную подготовку, но качество ее зачастую оставляло желать лучшего. Самый низкий уровень знаний о стране и ее современных проблемах был характерен для советников и переводчиков, прибывших по линии МВД СССР, хотя нельзя не признать, что они прилагали огромные усилия для создания народной милиции – царандоя, проявляли личную храбрость, активно участвовали в операциях, нередко связанных со смертельным риском. Тем не менее, к сожалению, приходится отметить, что многие из них приезжали в Афганистан, совершенно не представляя себе,

Дома построенные советскими специалистами

Афганская семья

Парад, посвященный годовщине Апрельской революции

с кем и в каких условиях им придется работать, имея в активе лишь поверхностные представления, созданные нашей пропагандой.

В двух-трех провинциях, в основном на севере страны, были советники и по линии министерств Совета министров СССР. Что касается военных, то в полках, дивизиях, бригадах и корпусах Вооруженных сил ДРА работали советники, которые шли в бой вместе со своими подсоветными.

Усилиями нескольких поколений советников из СССР была проделана немалая работа по обучению молодых афганских партийцев, налаживанию хотя бы относительно нормальной жизни, работы партийных организаций в таких непростых условиях. Однако, отнюдь не умаляя результатов их работы, отмечая исключительную работоспособность, энтузиазм, мужество многих из них, не могу не сказать, что зачастую их усилия не достигали цели. И это объяснялось не столько какими-то личными промахами и ошибками, сколько особенностями нашей системы, которую они пытались перенести на чужую почву.

Институт советничества в таких беспрецедентных масштабах, как это было в Афганистане, базировался на идее возможности перехода отсталых стран от феодализма к социализму, минуя капитализм, при условии получения внешней помощи. За образец принималась советская модель социализма. Логично было бы предположить, что при этом в основном будет использоваться опыт республик советской Средней Азии. Но этого не произошло. Почему-то особо вредными, с точки зрения наших идеологов, считались филь-

мы об установлении Советской власти и о гражданской войне в Средней Азии.

Недостаточная подготовка советников и переводчиков осложнялась еще и тем, что они подчас не проявляли глубокого интереса к жизни и обычаям народа, среди которого находились. На практике это приводило к полному непониманию ими окружающей обстановки.

Вспоминаю случай, когда один из партийных советников определил главным направлением своей деятельности организацию ленинских комнатов и комнатов афганско-советской дружбы, распространение по организациям и кишлакам провинции большого количества портретов классиков марксизма-ленинизма и Генерального секретаря ЦК КПСС, причем чаще всего эти портреты вручались в дополнение или были условием получения материальной помощи, в которую входили, кстати, и добровольные пожертвования.

К сожалению, некоторые партийные советники переносили на афганскую почву привычные для Советского Союза методы работы: командный стиль, жесткое планирование всего и вся, составление разнообразных и нередко никому не нужных отчетов, неоправданное расширение своих полномочий, то есть попытки вмешиваться в хозяйственные дела, что в условиях господства частной собственности выглядело порой комично. Серьезным, причем широко распространенным, недостатком работы наших советников в Афганистане была подмена ими работы своих подсоветных. Нередко, вместо того чтобы давать советы, наши товарищи принимались руководить сами,

ставя этим в неловкое положение своих подсоветных афганцев.

Некая двусмысленность отношений между советниками и их подопечными определялась и тем, что вышестоящие инстанции, оценивая деятельность какого-либо работника, всегда ориентировались на мнение его советника.

Все это, конечно, стало возможным в основном потому, что наши партийные советники фактически выступали негласными хозяевами провинции.

Представителям КГБ СССР приходилось вмешиваться и решать многие проблемы, связанные с межличностными конфликтами в партийном строительстве, и информировать об обстановке в провинции представительство КГБ СССР в Кабуле.

В том-то вся суть, что не мы разделили афганский народ на враждующие стороны и, помогая одной, волей-неволей становились врагами для другой стороны. Хотя помощь наша в виде продовольствия, техники, стройматериалов, организации и охраны ее доставки во все регионы предназначалась всему афганскому народу. И то, что об этом с благодарностью помнит сегодня и бывший хадовец, царандовец, моджахед, говорит о не зря потраченных усилиях, затратах и понесенных потерях.

Вглядываясь в те далекие дни истории России и Афганистана, непростые для обеих стран, хотел бы заметить, что сотрудники КГБ СССР проявили себя достойно, осуществляя свою деятельность на высоком профессиональном уровне. Они выполнили свой долг, какие бы оценки не давали тем событиям сегодняшние политики, историки, политологи.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЗИНОВ

ГОРЯЧИЕ ДНИ В МЕЙМЕНЕ

После окончания трехгодичного курса в Краснознаменном институте КГБ СССР имени Ю. В. Андропова я прибыл в Кабул. Упор во время подготовки в институте делали на изучение иностранного языка, в данном случае фарси. Иностранный язык мы знали в совершенстве. В то время я был в звании капитана и имел опыт работы в Петроградском районном отделе УКГБ СССР по Ленинградской области. В Афганистане пробыл с 1986 года по 1988 год. По распределению попал в город Шибеган провинции Джаузджан, где проработал один месяц. Провинция находилась на Севере Афганистана и граничила с Узбекской ССР. Исторически эти территории населяли узбеки и таджики. Обстановка там была спокойной, и мы только из средств массовой информации знали о боях в южных провинциях. По одиночному ночному выстрелу проводили расследование.

Но все изменилось в одночасье, когда я попал по переводу в соседнюю провинцию Фарьяб в город Меймене. Думаю, что душманы засекли наш вертолет еще на подлете, так как после его приземления

аэродром подвергся интенсивному обстрелу. Еле унесли ноги. Обстрелы нашего городка днем и ночью стали нормой. Но не думаю, чтобы даже самый хладнокровный человек мог к ним привыкнуть. Помню случай, когда снаряд попал в окно моей комнаты. От смерти меня спасло то, что в тот момент я находился в Управлении госбезопасности провинции.

Поселили нас в гостинице. Это было одноэтажное здание с глинобитными стенами и цементным полом, примерно двадцать на сорок метров с двадцатью номерами. Говорят, до появления советников из СССР в гостинице были даже вода и отопление. К моменту нашего прибытия все линии коммуникаций демонтировали. Сняли даже батареи. Пришлось установить «буржуйки» для обогрева помещений зимой. Вода была привозная, и если кто-то хотел умыться, использовал умывальник. Быт все-таки наладили. Организовали в здании гостиницы баню и раз в неделю мылись. Это был праздник, на который приглашали наших коллег из погранотряда, расположенного на окраине города. Самой популярной игрой у нас были нарды и волейбол, но,

Созинов Сергей Александрович (р. 1956), подполковник. Окончил Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, Краснознаменный институт КГБ СССР.

Находился в республике Афганистан в 1986-1988 гг.

Владеет языком фарси. За проявленное мужество в оперативно-войсковых операциях в Афганистане награжден медалью «За отвагу»

В. А. Жаворонков. Кунар, 1987 г

Здание ЦК НДПА

Королевский дворец Д'АРК

Советники-военнослужащие 40 армии на фоне тропических джунглей Кунара

как правило, наши спортивные мероприятия нарушались очередным обстрелом. Складывалось впечатление, что душманы были хорошо информированы о нашем укладе жизни и покоя нам не давали.

Отношение к шурави (советским) даже со стороны отдельных коллег по ХАД было двойственным: в лицо чаще улыбались и внешне беспрекословно подчинялись, но очень часто задание не выполнялось. Особенно, если оно было связано с острым мероприятием. Если нашему помощнику передавали мину для подрыва, она взрывалась после того, как проходила или проезжала колонна повстанцев. Никто не хотел проливать кровь, тем более что защитники республики и противники тесно были связаны родственными узами.

Правда, порой такое хрупкое равновесие нарушалось, и тогда вспыхивали активные действия с обеих сторон. Чаще к таким шагам душманов подталкивали представители спецслужб стран Запада и Востока, которым было выгодно разжигание конфликта. Нам тоже нужны были результаты. Отчеты о проделанной работе ежеквартально отправлялись в Кабул. Работу по разложению бандформирований строить было непросто, так как большая часть территории провинции находилась под контролем душманов. Совместно с офицерами ХАД проводилась большая работа по склонению лидеров банд к переходу на сторону республики.

В обмен на лояльность предлагали продовольствие, оружие, бронетехнику. В договоре о сотрудничестве оговаривались условия отношений, обозначалась территория, контролируемая бандой. Договор подписывал старейшина рода, признанный лидером – руководителем повстанцев. С этого момента банда называлась договорной. К сожалению, условия договора не выполняли обе стороны. Представители власти по объективным причинам – из-за отсутствия того, что было обещано.

Был случай, когда одна из активных банд за хорошее вознаграждение передала в руки ХАД французского гражданина, по оперативным данным – сотрудника спецслужб. В процессе следствия были получены данные о том, что французский гражданин нелегально перешел границу с Пакистаном, проник в банду и побуждал ее руководителей к активным действиям против законного правительства и советского контингента. Задержанного иностранца отправили в Кабул, где с его участием состоялась пресс-конференция, на которой он признал свою причастность к одной из спецслужб Запада. Политические дивиденды, полученные СССР в результате данной акции, были высокие.

В провинции проживало около миллиона человек, в основном узбеки. Жили крайне бедно. Перемирие наступало во время уборки урожая. Это был неписанный закон

ЧЕКИСТЫ ЛЕНИНГРАДА В АФГАНИСТАНЕ

для обеих враждующих сторон. Мужская часть населения широко употребляла наркотики. Как правило, объяснение было простым: боли в желудке.

В 1988 году возникали достаточно острые ситуации, когда город Меймене был полностью блокирован бандами душманов. В такой тревожной обстановке старший советник отдал приказ об уничтожении шифров и кодов. Нас спасли пограничники, которые огнем минометов остановили волну наступающих.

Об утечке информации. Рассказывая об этом, приведу случай происшедший со мной. Как правило, раз в квартал один из моих коллег-советников летал в Кабул для передачи отчета о проделанной работе. Документ отражал следующие позиции: борьба с бандформированиями, выявление агентуры, количество столкновений с душманами.

В основном летали на вертолетах или на небольших самолетах марки АН-26. Наступила моя очередь лететь с отчетом в столицу. Билет я заказал заранее через своего подсобного сотрудника ХАД. За час до отлета вызвал машину. Однако на самолет не попал, так как отчет не успели отпечатать по техническим причинам. В управлении была только одна пишущая машинка. Я сидел расстроенный, так как уже предвкушал встречу с друзьями в Мазари-Шарифе и в Кабуле. Через четверть часа мне сообщили, что при наборе высоты «Стингером» был сбит самолет, на котором я должен был улететь. Сгорели все члены экипажа и пассажиры, всего тридцать человек. Вот так заказывать билет заранее.

В управлении ХАД провинции Фарьяб начальником оперативной группы советников был опытный сотрудник КГБ СССР из Алма-Аты Абдыгапар Досикеевич Мирманов, человек огромного кругозора, наделенный неиссякаемым чувством юмора и оптимизма. Из Узбекистана работал профессионалом с большой буквы Саадуло Муродилоевич Мухаматкулов, из Томска прибыл Виктор Анихнов – надежный и верный товарищ.

Всего советников из СССР в Управление безопасности провинции по разным направлениям (министерства обороны, МВД, КГБ) работало 24 человека и двести человек оперработников-афганцев.

Нас отозвали вовремя. К счастью, среди советников за весь период пребывания потерь не было. 12 июля 1988 года провинцию Фарьяб захватили талибы.

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КОЛЬЦОВ

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ НА ВОЙНЕ – САМЫЕ СИЛЬНЫЕ!

Время написать об афганской войне выдалось мне во время поездки осенью 2009 года по островам Валаамского архипелага, и по этой причине в первую очередь в сознании возникли воспоминания и ассоциации, вызванные изумрудной и строгой природой севера, символами нашей православной веры и повстречавшимися мне в этом путешествии талантливыми русскими людьми, музыкантами, художниками, моряками и барменами.

Вспоминая о войне в Азии, я постоянно ловлю себя на мысли о Советском Союзе – нашей Родине, о современной России и ее судьбах, о нашей природе и наших чувствах к ним. Война, как лекарство, обостряет чувства человека настолько, что и через двадцать лет все видится ярко и непосредственно.

ФАРАХ

Глядя на великолепную природу Валаама, я вспомнил возвращение в Союз после первых восьми месяцев командировки в Афганистане. Это было в мае 1988 года. Первые

годы в Афганистане я прослужил в юго-западной провинции Фарах, находящейся на стыке границ Пакистана и Ирана: с одной стороны белуджи, с другой – иранцы, внутри пуштуны, в основном населяющие Фарах; в ста километрах к северу Шинданд (город в провинции Герат), где находилась крупная советская военная база в составе 5-й мотострелковой дивизии, авиационных и вертолетных полков, обеспечивающих действия войск в этом регионе, и дорогой моему сердцу батальон спецназа ГРУ, дислоцированный в местечке Фарахруд в сорока километрах от столицы провинции Фарах, под командованием полковника Александра Худякова, о котором я расскажу чуть позже.

Природа провинции являла собой тяжелое зрелище для русского человека: пустыня с песчаными барханами на юге, покрытая редкой и чахой травянистой растительностью на севере, и невысокими – до двух тысяч метров – безлесными горами, рассеченными узкими глубокими скалистыми ущельями, где в основном и скрывались душ-

Кольцов Николай Николаевич (р. 1953), подполковник. Окончил Ленинградский механический институт, Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. Находился в республике Афганистан в 1987-1990 гг. Владеет языком дари. За мужество, проявленное во время служебной командировки в Афганистане, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», орденом «Слава» ДРА

Слева направо: начальник отдела 7-го Управления ХАД Саадуллин, Н.Н. Кольцов, заместитель начальника 7-го Управления ХАД Дауд, корреспондент газеты «Московские новости» Л. Милославский. Кабул, 1990 г.

маны. Эта местность имела преимущественно желто-коричневый цвет, и только редкие оазисы на берегах рек радовали скудной, по нашим меркам, растительностью. Все менялось в феврале-марте, когда пустыня на две недели взрывалась буйством зеленой травы и красных маков, горные ручейки и пересохшие канавы превращались в реки. Жизнь радовалась, и мы вместе с нею, но недолго. Скоро все опять становилось черно-желтым. И вот после всех этих впечатлений, после достаточно сложного периода корректировки выученного в Ташкенте языка дари под местные лингвистические особенности, после первых для меня мероприятий оперативного и войскового характера против душманов, руководство представительства КГБ СССР в Афганистане предоставило мне отпуск. Вообще, как правило, советников старались отпускать на родину к семье и детям каждые полгода, и это весьма позитивно сказывалось и на работоспособности, и на моральном состоянии сотрудников, действующих в провинциях, часто в отрыве не только от цивилизованных бытовых условий, но и от людей своей веры, морали и своей языковой среды.

Облачившись в «песочку» (форма бежевого цвета, прекрасно спроектированная для специальных подразделений и десантников, действующих в пустынных районах), собрав нехитрые пожитки и, главное, подарки жене и ребенку из дуканов (торговая лавка) провинциального города, получив передачи от питерских сослуживцев, добрался на вертолете до Шинданта, затем на военной «Аннушке» (АН-24) до Кабула и на пассажирской «Тушке» КГБ СССР до Москвы.

Редкое явление, но после взлета из Кабульского аэропорта, совершения противоракетного маневра при наборе высоты, ТУ-134 вошел в облака и вынырнул из них только над аэропортом Шереметьево.

Представьте себе, уважаемый читатель, что в течение нескольких месяцев вы жили в пустыне, летели над безжизненными горами Афганистана, и вдруг после желто-коричневого мира вы попадаете в изумрудный мир буйной майской растительности среднерусской возвышенности, с голубыми реками и озерами и только что умытой весенним дождем молодой листвой. Это позитивно-эмоциональный шок со слезами на глазах!

Не стану подробно описывать первые мгновения встречи с семьей в Ленинграде, скажу лишь, что отпуск – это лучшая награда для солдата, претерпевшего лишения и трудности войны. Теперь я это знаю точно. Я неожиданно появляюсь на пороге собственной квартиры (предупреждать о приезде было не принято, чтобы не сглазить, да и мобильной связи в те времена не было), и меня захватывает поток радости, любви, счастья. Обнимает сын, целует жена и даже теща. Торжественный ужин. Ночь!

А на следующее утро меня отправляют в парикмахерскую сбривать бороду, которую я с большим трудом отращивал, как и многие советники, работавшие в провинции, чтобы более органично вписываться в среду местного населения. Для большей адаптации и маскировки некоторые брили головы и носили местную одежду – свободную, почти до колен, рубашку и укороченные штаны из легкой ткани (патлуны) с мотней у колен, веревкой в

поясе, и нуристанскую войлочную шапочку. Зимой к этому костюму добавлялись жилетка, пиджак или куртка. В результате получалась достаточно смешная картина, составленная из элементов гардероба разных народов и времен.

Тот первый отпуск врезался в мою память еще и потому, как встретил меня отец. Он был весьма интересным человеком – весельчак, хлебосол, но при этом был строг в воспитании детей, верен

Родине и жене, вел жизнь правильную, даже можно сказать, праведную, так как, по моему глубокому убеждению, большинством советских людей были, в сравнении с нынешними, именно праведниками: честными, умеренными в потребностях и потреблении, трудолюбивыми, верящими в справедливость, равенство и победу добра над злом. Возможно, читатель не поверит мне и тем самым подтвердит мою правоту. Отец обнял меня. Я в первый раз увидел в его глазах слезу и понял, что моя жизнь удалась – я оправдал надежды своего отца, испытал и сделал одну сотую доли того, что пришлось сделать ему и его поколению.

Отец мой, Николай Дмитриевич Кольцов, гвардии полковник, носил на своем мундире орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны, медали «За отвагу», за «Боевые заслуги», за победу над фашисткой Германией и милитаристской Японией, множество других знаков отличия и медалей и три неприемлемых в этом иконостае красные полосы за ранения.

Вехами в жизни отца были детдом в Солигаличе, возвращение к матери в Ленинград, поступление в театральное училище, Второе

Ленинградское артиллерийское училище, советско-финляндская война 1939-1940 годов, Великая Отечественная, война с Японией, ввод войск в Иран, служба в Польше, в Азербайджане, на Дальнем Востоке.

Отец прошел путь от командира батареи до командира артбригады, от первой победной битвы под Оршей в сорок первом году до принятия капитуляции японской дивизии в Манчжурии в августе 1945 года. В память о том в нашем доме хранится японская сабля командира этой дивизии, врученная моему отцу.

Отец хорошо играл на гитаре, пел, был прекрасным рассказчиком, и поэтому я знал историю войны не просто по книгам и лекциям в институте, а в образах, чувствах и событиях, пережитых моим отцом.

В моих глазах отец всегда был примером – несгибаемым воином, героем. И вдруг слеза на глазах, которая породила в моей душе бурю ответных чувств: и жалость к его возрасту, и любовь, и гордость, и удовлетворение надежд, и радость от счастливой встречи.

И не было бы этих сыновних чувств, не будь войны в Афганистане.

Вернувшись в Фарах, я окунулся в уже рутинную оперативную работу: планирование и информационную поддержку операций подразделений афганской и советской армий, встречи с агентурой, взаимодействие с аппаратами советников в царандое (афганская милиция) и в особых отделах армии ДРА.

Работа советника состояла из трех основных направлений.

Первое – обучение и подготовка афганских оперативников, оказание им практической помощи в

осуществлении операций по борьбе с душманскими формированиями, координации действий с другими силовыми ведомствами.

Эта часть работы носила обоюдный характер по той причине, что за восемь лет, прошедших со времени Апрельской революции, на полненных военными действиями, внутренними интригами между халькистами и парчамистами (два течения в Народно-демократической партии Афганистана), острыми межплеменными столкновениями и межнациональной борьбой, оперативники ХАДа накопили огромный и неповторимый опыт оперативной работы. Изучение этого опыта было весьма полезным для советских советников.

Второе – разведывательная работа, сбор информации с сопредельных территорий – Ирана, Пакистана, а также об устремлениях США, Израиля, Китая, арабских стран Персидского залива и др., в интересах формирования политики и практических действий советских ведомств в этих странах. Например, была получена информация о нелегальных разработках израильянами пробных месторождений урановых руд в северных районах Афганистана и их поставка вычужными караванами через Пакистан, что подтверждало информацию об активных разработках ядерного оружия в этой стране.

Третье – непосредственное взаимодействие и оперативно-информационное обеспечение действий Советской армии в регионе. Это информация о проходе караванов с оружием и материальным обеспечением подпольных антиправительственных формирований, их дислокации, планируемых действиях и т.д.

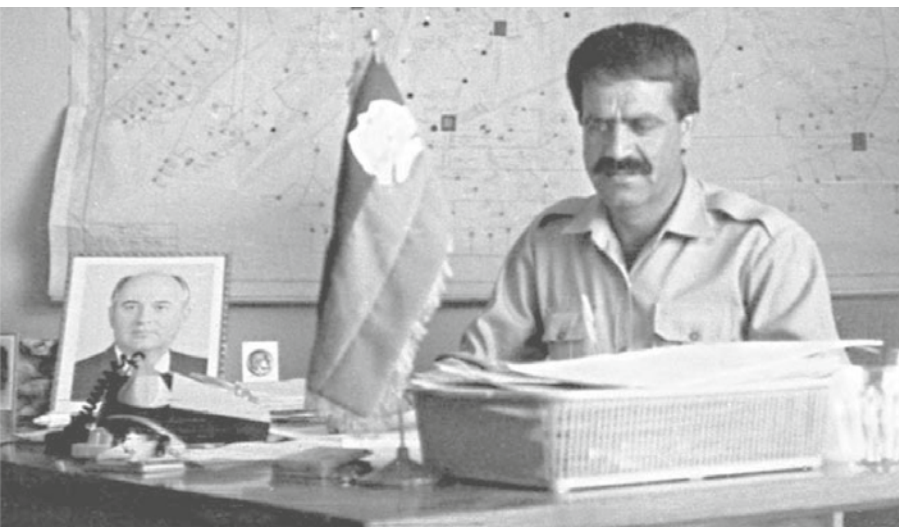
Выполнение третьей задачи советника свело меня с интереснейшими людьми, о которых вспоминаю с самыми теплыми чувствами.

В регионе нашей оперативной ответственности находилось только одно подразделение Советской армии – батальон спецназа ГРУ, входящий в состав Минской бригады, дислоцированной в Лошкаревке.

В качестве отступления сообщу читателю, что многим городам Афганистана были присвоены «кодовые» названия: Лошкаргах – Лошкаревка, Шинданта – Шиндаловка, а на вопрос: «Куда ты едешь?» отвечали: «На рщну Афганщину». Русский солдат всегда находит место для шутки-прибаутки, поэтому в нашей 40-й армии родилось много песен, анекдотов и тостов.

Командиром батальона спецназа был Александр Худяков – тридцатилетний полковник-москвич, настоящий русский красавец под два метра ростом, косая сажень в плечах, любимец женщин, прекрасный командир, прошедший за три командировки в Афганистан путь от командира группы до комбата. При всем этом большой умница и герой, награжденный многими советскими орденами и медалями, написавший две книги по парашютной подготовке и боевому применению подразделений спецназначения.

Но судьба его драматична. После вывода батальона на территорию СССР в середине 1988 года Александр Худяков поступил в одну из военных академий, блестяще ее закончил, и ему была предложена, в качестве места дальнейшей службы должность начальника отделения районного военкомата. Этой щечины он не стерпел – уволился

Заместитель начальника 4-го отдела ХАД Каргар. Кабул, 1985 г.

Б.Н. Вязовой с сотрудником военной разведки, провинция Герат, 1981 г

Президент Афганистана Наджибулла вручает «Звезду героя Афганистана» начальнику 7-го Управления ХАД Саадуддину. Кабул, апрель 1990 г.

Н.Н. Кольцов (3-й справа). Совещание. Кабул, 1989 г

из армии, пошел работать в охрану какой-то биржи. Запил. Родина и армия не сберегли талантливого боевого офицера, опыт которого ох как пригодился бы в последующие годы в Таджикистане, Чечне или Осетии. С именем Александра Худякова у меня связаны самые лучшие воспоминания о тех днях.

Прилет вертушек спецназа к нам в Фарах всегда был праздником встречи со своими: поездки по торговой части города за подарками для семей, уезжающих в Союз, застолье, отдых на берегу горной речки, обмен мнениями и информацией о местных событиях и результатах боевых действий.

Наши поездки в батальон воспринимались как подарок судьбы, граничащий со счастьем, хотя перелет, а тем более сорокакилометровый переезд на БТР таил реальную опасность. Тем не менее мы искали любой предлог, чтобы смотаться в Фарах или Шинданд. Это было вызвано тем, что советников на весь многотысячный центр провинции было не более сорока человек. Размещались они в разных районах города по ведомственной принадлежности в так называемых «зонах» – это 3-4 дома, похожие на украинские мазанки, которые по неизвестной причине назывались «виллами», огороженные единым двухметровым глухим дувалом (забором). Охрану «зон» несли афганские сарбозы (солдаты) и афганские же собаки, о которых надо рассказать отдельно.

Дело в том, что собак для охраны мы покупали уже в зрелом собачьем возрасте у местных жителей, но, как только они попадали к шурави (советским), они начинали люто ненавидеть афганцев, и даже сарбозу, охраняющему выездные ворота и кормящему собак, они «выделяли» 5*10 метров территории, за которые он не смел зайти. Мы были совершенно спокойны за нашу безопасность. А зря!

Бытовые условия были далеки от идеальных. По соображениям безопасности мы питались в основном продуктами, доставляемыми почтовыми советскими самолетами из Кабула. Это были тушенка, макароны, крупы, концентраты. Поварами по совместительству у нас были три советских солдата-связиста, обслуживающих армейскую передвижную радиостанцию, доукомплектованную специальной засекречивающей аппаратурой. Изредка мы позволяли себе купить на местном базаре свежее мясо и овощи, которые превращались стараниями советников из

среднеазиатских республик СССР в туркменский плов или казахский бешбармак. Правда, иногда устраивалась «афганская» рыбалка: две гранаты кидаются в речку и ниже по течению собирается улов.

Наш рабочий график был по тропическому расписанию: с 8:00 до 20:00 с перерывом на обед с 12:00 до 16:00 – сиеста, которая, к сожалению, не могла быть использована для любви по причине полного отсутствия женщин. В «зоне» советников ХАД лопнула чаша бассейна, и мы ходили ежедневно в полдень купаться в соседнюю «зону» партийного советника, который жил с особым комфортом, так как его одного охраняло отделение советских солдат во главе с лейтенантом и приданной БМП (боевая машина пехоты).

Вода в пустыне – это жизнь. Банальная истина. Но именно потому купание молодых застоявшихся жеребцов в тропическую жару превращается в шумную оргию, что, по-видимому, и привлекло скрытого врага, который бросил через дувал американскую гранату (установлено по остаткам резиновой оболочки, взрывателю и поражающим элементам – шарикам). Но странная бестия судьба: именно в этот день – по причине особенно сытного обеда или по иной причине – никто из советников не вышел к бассейну. Произошло и еще одно «чудо»: быстро нашлись строительные материалы и умелые руки советников – для ремонта нашего бассейна, более защищенного от подобных «штучек».

В нынешнее время это называли бы «террористический акт против представителей власти», а тогда о ЧП даже не сообщили в Кабул начальству.

Батальон Худякова был высокоэффективной профессиональной боевой машиной. Его целью было перекрытие караванных маршрутов доставки из Ирана в Афганистан оружия, боеприпасов, транспорта, денег, пропагандистской литературы и другого материально-технического снабжения проиранских подпольных организаций, политических партий и боевых отрядов. По этой причине гарнизон Фараха, которым командовал полковник Худяков, включал кроме батальона спецназа батальон охраны с приданным танковым подразделением, две эскадрильи вертолетов МИ-24 и МИ-8 и другие вспомогательные подразделения: медицинские, интендантские, инженерные и прочие.

Поэтому для нас лучшим поощ-

рением, подарком было побывать в хозяйстве Александра Худякова, где в офицерской столовой готовят русский борщ профессиональные повара, обслуживают официантки, постельное белье белоснежно-чистое, водка русская, а не местная «кишмишовка» (самогонка на изюме), и целый день ты можешь говорить только по-русски.

На войне жизнь состоит не только из войны, там есть место для любви, большой мужской дружбы, восхищения людьми и природой, для литературы, музыки и песен. О песнях отдельно.

В Афганистан приезжали многие знаменитые и не очень исполнители и ансамбли. Особенно хорошо воспринимали Александра Розенбаума, который выступал не только в Кабуле, но и ездил по гарнизонам в провинциях, написал несколько песен, посвященных войне в этой стране, а точнее, нашим солдатам и офицерам, павшим и живым. Он очень умно в одном из интервью в 90-е годы отделил свое отрицательное отношение к целям афганской войны от преклонения перед солдатами этой войны.

Каждая война рождает свои песни. Афганская написала кровью «Черный тюльпан», «Кукушку», «Мы уходим» и другие. Я хочу рассказать историю одной из них.

В 1987 году А. Розенбаум выступал на военной базе в Шинданде, где заявил, что любой присутствующий может попасть на его концерт в Союзе, назвав пароль «Шинданд – аэродром». В те годы популярность Розенбаума была не в пример нынешней, и это заявление прозвучало как слишком самонадеянное, но покорило сердца солдат и офицеров. После концерта полковник Худяков уговорил поехать с ним, а скорее напоил и похитил Александра Розенбаума. Что делать бедному Розенбауму? Пришлось петь для солдат спецназа в Фарахе. Вскоре после двухдневного общения с офицерами батальона, полковником Худяковым и начштаба Князевым у Розенбаума родилась песня «Караван». Она не стала такой известной, как «Черный тюльпан», но дала повод для их долгой дружбы.

Еще один эпизод, связанный с Розенбаумом, дает мне основание сказать ему спасибо за искреннее отношение к «афганцам». Произошло это в конце девяносто первого года в Сингапуре, где я работал в посольстве СССР, а Александр Розенбаум прилетел из Австралии после непростых гастролей, закончившихся для него сердечным при-

ступом. Он вошел в маленький конференц-зал посольства небритый, в спортивном костюме и, почувствовав чопорную атмосферу дипломатической миссии, с порога наговорил гадостей присутствующим, чем вызвал естественную ответную негативную реакцию. Однако все изменилось к лучшему после его вопроса: «Есть ли в зале «афганцы»?» Руки подняли двое. И зазвучал «Черный тюльпан».

Последний раз мы встречались с Худяковым в Москве летом 1991 года (телефонные звонки не считаются) в общегитии Дипломатической академии МИД СССР. Александр мне рассказывал о собачьей жизни в Союзе, начавшейся с «горбачевской переделки». Узнав, что меня наградили орденом Красной Звезды, потребовал его «обмыть, как положено», по вековой традиции русских офицеров: налил полный стакан национального напитка, опустил туда орден и затем лично прикрутил к моему десантному тельнику, который я храню и поныне, невзирая на дырку.

Можно еще много рассказать важного, смешного, поучительного о службе в провинции Фарах. Например, о том, как мой товарищ особист Валерий Савченко с афганскими летчиками пленил двух вооруженных душманов в долине горной речки, задавив их вертолетом. Или о том, как мы с батальонным инженером Василием Ивановичем делали самодельную мину в керосиновой лампе и у нас сломалась чека взрывателя. Или о том, как Худяков эвакуировал меня из Фараха в госпиталь в Шинданде на БТР по причине запрета полетов на вертолетах из-за появления «Стингеров» в районе. И о героической гибели оболганного командира группы спецназа, ринувшегося спасать из засады мирный афганский караван. И еще о многом, многом другом, чем была богата наша жизнь в афганской глубинке.

Но пора переходить к описанию второй половины моей трехгодичной командировки в Афганистан. Она была менее насыщена боевыми эмоциями, но намного более значима по оперативным результатам.

КАБУЛ

После принятия политического решения о выводе советских войск из Афганистана постепенно и планомерно началась эвакуация частей из юго-западных и западных провинций летом 1988 года через город Кушка. Вместе с этим сворачивались советнические аппараты

КГБ и МВД СССР.

В октябре меня перевели в Кабул советником 7-го управления ХАД по борьбе с антиправительственным подпольем и бандитизмом.

Я попал в совершенно другой мир: благоустроенные квартиры советников, собственный кинотеатр, рестораны, богатые магазины, набитые «западными» товарами, и прочие прелести гражданской жизни; штаб 40-й армии с генералами, адъютантами и прекрасными дамами, одетыми по последней моде, европеизированные афганцы, университеты и прочее.

Кабул – огромный многонациональный город, расположенный на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря, отчего климат там более приемлемый для северян. Зимой даже выпадает и лежит снег, хотя температура +2, +5°C, а летом более прохладно, чем в пустынных районах Афганистана. Зима длится один, редко два месяца, но это лучше, чем вообще без зимы. Обилие архитектурных памятников, остатки древних фортификационных сооружений, следы различных религий дают любознательному человеку широкое поле для познания и развития.

Кроме коренной государствообразующей нации – пуштунов, в Кабуле проживают персоязычные таджики, тюркоязычные узбеки и туркмены, а кроме этого индусы, сикхи, иранцы, белуджи, бадахшанцы, нуристанцы, хазарейцы и другие. Особенно интересна этнография и история двух последних народов.

Нуристанцы – выходцы из высокогорных районов Памира, которые до 20-х годов прошлого века сопротивлялись исламизации, придерживались местных верований и по этой причине звались кафирами (неверными), а их регион – Кафиристаном. Многие этнографы считают этих людей потомками воинов Александра Македонского, двигавшихся к своему историческому концу в Империю Великих Моголов. Это подтверждается многими фактами, внешностью (белокурые, рыжие и голубоглазые), сохранившимися традициями, например, национальными видами спорта – метанием диска и ядра.

Хазарейцы – представители монголоидной расы, пришедшие на территорию Афганистана с другим великим завоевателем – Чингисханом. После развала его империи они были загнаны местными этносами в труднодоступные высокогорные районы центрального Афганистана. Слово «хазор» в монгольском

языке обозначает войсковое подразделение, состоящее из тысячи всадников, как русское «сотня» у казаков. Хазарейцы до прихода к власти НДПА были самой угнетаемой нацией Афганистана. В Кабуле они выполняли работу уборщиков, золотарей, носильщиков. После Апрельской революции хазарейцы получили свое представительство в Шуре (парламент), правительстве и даже в Центральном комитете Народно-демократической партии Афганистана.

Другим фактором, влиявшим на оперативную обстановку в Кабуле и в Афганистане в целом, было наличие большого количества политических подпольных оппозиционных партий, каждая из которых имела собственные боевые формирования, подпольные ячейки и своих зарубежных «спонсоров». Эти партии формировались по этническому принципу.

Наиболее сильными и опасными для правительства ДРА были партии, базировавшиеся в Пакистане и возглавлявшиеся Гульбедином Хекматияром и доктором Раббани. Напомню, что Раббани после свержения режима Наджибуллы на короткий промежуток времени станет премьер-министром страны и будет, в свою очередь, изгнан из страны талибами!

7-е управление ХАД занималось именно выявлением и ликвидацией подпольных формирований вооруженной оппозиции и борьбой с бандформированиями. В этом Управлении работало около десятка советских советников, хорошо подготовленный, проверенный и преданный штат руководителей и оперативных работников-афганцев, за-каленных в боевых операциях и имеющих неоценимый опыт в вербовке и разработке врагов молодой республики,

Поначалу работа в Кабуле мне показалась достаточно рутинной: сбор и анализ информации, составление разведывательных донесений в Москву, работа с подсоветными, легендирование оперативных операций по изъятию тайников с оружием, взаимодействие со СМИ. Единственное, что волновало молодую кровь, это выезды на встречи с агентурой за пределы зоны безопасности. Это напоминало работу в провинции и было сопряжено с серьезным риском. Так, во время одной из таких поездок нас обстреляли из минометов.

С приближением даты полного вывода советских войск из Афганистана психологическое напря-

жение и активность антиправительственного подполья нарастала. Начался вывод вспомогательного, в том числе женского, персонала 40-й армии, начали уезжать жены советников, вывели аппараты партийных, комсомольских, культурных, технических и прочих советников.

Руководством страны было определено, что в Афганистане остаются только сотрудники и охрана посольства и представительства КГБ СССР – всего 250 человек. В число остающихся попал и я. Началась подготовка к «автономному» существованию.

Мы часто обращались за помощью к армейским командирам и всегда находили понимание и содействие. Помню случай, когда мне понадобилась собака, обученная на розыск пластида. Нами была получена оперативная информация о наличии в одном из частных домов большого схрона с оружием и взрывчаткой, но не было известно точное его расположение, и было необходимо залегендировать источник сведений. На аэродроме Кабула базировалась Псковская воздушно-десантная дивизия, командир которой и прислал нам в 7-е управление солдата-кинолога с собакой. Мы пригласили кинолога пообедать с нами и проинструктировать по предстоящей операции, а собаке была дана команда «сидеть» на газоне у входа в здание управления.

Каково же было наше удивление, восторг и гордость, когда мы увидели после обеда такую сцену: советская овчарка сидит на газоне неподвижно, а вокруг беснуется свора афганских дворняг, но подойти близко они боятся. Так и у людей – умный, образованный человек не должен размениваться и раздражаться мелкими уколами недостойных. На Востоке говорят, что если бросать камень в каждую собаку, которая на тебя лает, – ни когда не дойдешь до цели.

Операция прошла успешно. Наша собака обнаружила тайник на глубине двух метров под землей, и на фотографии вы можете увидеть содержимое тайника.

Офицеры Советской армии особенно трогательно и заботливо относились к тем, кто оставался после вывода войск. Они привозили продукты питания из разбитых караванов, подкидывали нам неучтенное оружие и боеприпасы, а за глаза называли «смертниками». Один из командиров полка ВДВ, охранявшего президентский дворец, предложил мне поставить на бал-

кон в посольской квартире крупнокалиберный пулемет «Утес». Я вежливо отказался, хотя полной уверенности в благополучии нашей миссии, признаюсь, не было.

В 1988-1989 годах советское правительство стало проводить более открытую информационную политику в отношении Афганистана и действий нашей армии. В Кабул начали приезжать журналисты из московских и западных изданий, телевизионные группы, освещавшие подготовку к выводу войск. В это время мне посчастливилось познакомиться и работать с Леонидом Милославским – сотрудником «Московских новостей», наиболее «продвинутой», демократической, даже оппозиционной газеты Советского Союза, и другими журналистами. Вспоминаю наши жаркие споры о перестройке, моральных аспектах ведения войны, о соотношении общечеловеческого и национального в принятии политических решений и многом другом. Афганская война породила среди советской интеллигенции достаточно сильные пацифистские настроения, да и администрация Рейгана постаралась, объявив СССР «Империей зла» и подкинув для обсуждения тезис о приоритете общечеловеческих ценностей над национальными интересами. Конечно, нельзя отрицать необходимость соблюдения прав человека, важность общечеловеческих ценностей, таких как экология, сохранение животного мира, борьба с глобальным потеплением и др., но пока существуют отдельные государства – национальные цели будут первичны.

Леонид Милославский приезжал в Афганистан несколько раз и в каждый из них придумывал особую закрученный сюжет, чтобы порадовать советских читателей горяченьким. Однажды он попросил меня проводить его на валютный черный рынок Кабула, куда вход «шурави» был категорически запрещен службой безопасности. В другой раз мы забрались в район (махала), куда не ступала нога не только советского, но и афганского солдата. Это было нарушением всех правил безопасности. Но читатели прочли талантливые, нестандартные репортажи и увидели фотографии из кабульской глубинки. Третья инициатива Милославского закончилась для меня серьезной взбучкой от генерала В. П. Зайцева, выраженной в самых изысканных ненормативных выражениях.

Дело было в апреле 1989 года, после вывода советских войск. В

посольство приехал руководитель Гостелерадио СССР Богомолов с английской и советской телевизионными группами. В это время душманы захватили город Кундуз – центр одноименной провинции. Они разграбили город, разбили советский госпиталь, оставленный армией в идеальном состоянии – с современной лечебной аппаратурой и заправленными койками. У меня родилась идея: в рамках работы по линии А (продвижение выгодной СССР информации и дезинформации) выдвинуться в этот город с англичанами, Милославским в качестве переводчика с английского и мной как переводчиком с персидского. Отснятый репортаж мог бы стать «на западе» серьезным аргументом в поддержку советской политики в Афганистане. Милославский поделился идеей с Богомоловым, а тот в свою очередь поддержал план перед Владимиром Павловичем Зайцевым. Вечером я услышал от генерала такой глубины и прочувствованности слова, какие мне не приходилось слышать ни до, ни после этого. Претензия была только в том, что я не доложил план ему первому. Урок был понят. А через две недели Владимир Петрович тепло поздравил меня с 35-летием и отпустил в короткий, но такой долгожданный отпуск. Вот такой масштаб личности.

Генерал Зайцев был легендарной личностью, специалистом высочайшего класса в области деятельности в чрезвычайных обстоятельствах – прошел многие «горячие точки» того времени. Поэтому не случайно именно он возглавил представительство КГБ СССР в Афганистане в самый сложный момент, когда вопрос стоял ребром: быть или не быть демократической республике и сможет ли государство выжить без военной поддержки Советского Союза.

Официальная советская пропаганда раскручивала тезис об интернациональной помощи братскому афганскому народу, солдаты звались интернационалистами, но именно генерал В. П. Зайцев, глубоко понимающий тенденции изменения оперативной обстановки в мире, раскрыл для нас истинные цели нашего пребывания в этой стране.

На одном из первых совещаний после вывода войск В. П. Зайцев произнес сакраментальную фразу: «Запомните, друзья мои, что мы здесь воюем не за Афганистан, а за Советский Союз. Если мы пропустим эту заразу к нам в

Среднюю Азию, то она докатится до Кавказа и Казани». Под «заразой» он понимал нарождающееся в то время новое течение ортодоксального воинствующего ислама. Мы называли его моджахедизмом, пан-исламизмом, из него вырос Талибан и Аль Кайда, а в России его называют ваххабизмом. Как горько вспоминать эти слова Владимира Петровича сейчас, когда всходы сепаратизма плодятся в национальных республиках России, когда мы потеряли тысячи молодых солдатских жизней в Чечне, Дагестане и Осетии, когда уже погибли женщины и дети в Москве, Буйнакске и Волгодонске! Почему мы не слышим слов опытных и мудрых профессионалов, а лишь визг выскочек уровня ассистентов и референтов? Как могут управлять страной люди, не руководившие даже профильными отделами?

Но главная наша российская трагедия в том, что благодаря горбачевской «перетряске» и ельцинской вакханалии разорвалась информационная связь поколений. Молодежь живет в Интернете и не слышит рассказов своих дедов: старым кадровым рабочим некому передать свои навыки, инженерам и ученым – свой опыт и знания. При наличии нефтедолларов не трудно закупить новые станки и технологии, построить заводы и фабрики, но где взять профессиональные кадры, как воссоздать утраченные научные школы? На это десяти лет не достаточно.

Возвращаясь к деятельности представительства, отмечу, что в КГБ СССР существовала специальная программа «М», направленная именно на противодействие проникновению воинствующего ислама в Советские республики, и такие сотрудники, как полковник В.Е. Рябов, полковник Авруцкий и ваш покорный слуга положили много усилий на ее информационное обеспечение, разработку конкретных предложений и мероприятий оперативного и пропагандистского характера.

Еще один забавный эпизод, связанный с Владимиром Петровичем Зайцевым, произошел в конце февраля 1989 года, когда генерал Громов, командующий 40-й армией, уже отправлялся на мосту через реку Пяндж, что последний солдат выведен из Афганистана. Я сидел в гражданской одежде в посольстве СССР в качестве дежурного по представительству КГБ и разговаривал на персидском с одним из руководителей 7-го управления ХАД, когда в кабинет вошли генерал ар-

мии Варенников в сопровождении адъютанта в звании майора, оба в советской форме с орденскими планками. Я закончил телефонный разговор и встал из-за стола, чтобы поприветствовать генерала. В ответ услышал отборную армейскую брань: «Как стоишь? Почему не отдаешь честь, не докладываешь по форме?» и т. д. В конце «беседы», выяснив, что Владимир Петрович выехал из посольства, Варенников объявил мне выговор с обязательным докладом генералу Зайцеву и удалился.

По возвращении Владимира Петровича я доложил ему о поступивших звонках, телеграммах и выговоре генерала Варенникова. Реакция Зайцева была неожиданной: «Если придет еще раз, пошли его на три буквы».

Здесь нужно отметить два ключевых аспекта. Первый – для читателя, не связанного со службой в КГБ. Система госбезопасности была в СССР наиболее демократичной и интеллигентной из всех правоохранительных и военных систем Союза. Сотрудники КГБ повседневно носили гражданскую одежду и общались друг с другом исключительно по имени-отчеству, невзирая на должности и звания. Например, генерал-майор Александр Петрович Корсаков, который меня наказывал и поощрял неоднократно и поэтому вспоминается с чувством признательности и уважения к таланту воспитателя, знал всех сотрудников Ленинградского управления (около трех тысяч человек), от прапорщика до генерала, по имени-отчеству, здоровался со всеми за руку, чем часто приводил в полный восторг и недоумение вновь испеченных младших оперов. В системе никогда не поощрялась муштра, показное чинопочитание и заискивание. Подбор сотрудников осуществлялся с применением самых передовых методов оценки личности и ее способностей к деятельности в сложных ситуациях. Так, методика тестирования Айзенка по определению модного сейчас коэффициента интеллектуальности (IQ) уже в 70-х годах широко применялась для оценки способности кандидата самостоятельно и быстро решать поставленную задачу.

Второй аспект состоит в том, что я обратил внимание на весьма молодой возраст (до 25 лет) адъютанта и его звание майора, а также обилие советских и афганских наград. Более опытные кабульские служаки мне растолковали, что

адъютант не «простой», а внук маршала Тюленева и поэтому особенно талантлив, храбр и, следовательно, смог за неполных два года из лейтенанта стать майором и получить все мыслимые и немыслимые награды, сидя в штабе афганской армии в качестве адъютанта главного военного советника.

Меж советниками армии и спецслужб ходили рассказы, что якобы у генерала Варенникова в Кабуле есть советская корова, а при ней советская доярка, а сено для буренки доставляют самолетами из Москвы. В любом случае все эти мелкие злоупотребления меркнут в сравнении с тем, что сейчас творится в российской армии. Чего стоит один командующий воздушно-десантными войсками, посланный спецназ защищать заводик своего зятя от посягательств следователей прокуратуры.

Надо отдать должное мужеству и стойкости Варенникова, проявленным во время Великой Отечественной войны и во время судебного процесса в 1993 году над участниками ГКЧП. Он единственный, кто мелко не раскаялся и до конца отстаивал свои политические взгляды и идеалы. Светлая ему память.

К сентябрю 1989 года обстановка в Афганистане стабилизировалась. Правительство и вооруженные силы уверенно удерживали власть в Кабуле и центрах провинций, контролировали главные транспортные магистрали, расширяли территорию безопасности вокруг столицы, вели успешные действия против душманов. Все это позволило расширить штат сотрудников представительства. Из Ленинграда возвратился Виктор Евгеньевич Рябов, который всегда являлся для меня старшим товарищем и советником, многому научивший меня в житейской области. К этому времени Представительство возглавил генерал Валентин Алексеевич Ревин, приехали несколько опытных сотрудников из Москвы.

Тогда же произошло событие, которому будет суждено сыграть важнейшую роль в оперативной обстановке в Афганистане, а также в судьбах героев этого повествования.

Подполковник Саадуддин (псевдоним), руководитель отдела оперативных разработок 7-го управления ХДД, доложил мне о выявлении члена подпольной ячейки партии Хекматияра в Кабуле. Это был незрячий мулла, живший совершенно один и много времени посвящавший молитве.

Первичная информация мне показалась недоста-точно досто-верной по той причине, что сле-пому человеку очень сложно вести какую-либо подрывную работу. Тем не менее, мы решили подклю-чить дополнительные оперативные возможности, изучить его связи, маршруты и т. д. Разработку на-звали «Слепой», по аналогии с великим завоевателем древности Тамерланом, которого называли Тимур Ленг (Тимур-хромец).

«Слепой» регулярно, раз в ме-сяц, уезжал в Пакистан, привозил религиозную литературу, в Кабуле встречался с ограниченным кругом лиц, не представлявших серьезного оперативного интереса. Это были религиозные деятели, торговцы. Установить его контакты в Паки-стане через имеющуюся агентуру не удавалось.

Заместитель начальника 7-го управления полковник Дауд (псев-доним), Саадуддин и я часто об-суждали поступающую по этому делу информацию. Сходились во мнении, что «Слепой» – рядовой связник. Между тем, в январе-фев-рале 1990 года, из других подраз-делений ХАД стала поступать не конкретная, но тревожная инфор-мация об активизации действий бандформирований и отдельных членов партии Хекматияра. Были выявлены и изъяты несколько крупных партий с боеприпасами и взрывчаткой, участились случаи террористических актов против мирного населения Кабула.

Обстановка усложнилась на-столько, что казалось – в воздухе буквально висит опасность. В этот период при взрыве заминирован-ного автомобиля пострадал один из советников ХАД, который за-нимался аналитической работой и

очень редко выезжал из посольства СССР. Опять судьба.

Необходимо было придумать какой-то ход, позволяющий вы-йти на новый информационный уровень, получить новые объек-ты для разработок или более кон-кретные сведения о планах про-тивника. Тогда было решено, по предложению Дауда, произвести оперативное задержание, обыск и допрос «Слепого» на конспиратив-ной квартире, так как помещение его в тюрьму могло привести к рас-шиф-ровке наших мероприятий и информации. Все понимали, хотя и не говорили об этом вслух, что выходов из сложившейся ситу-ации может быть два: вербовка или ликвидация «Слепого» по закону военного времени.

Сейчас я задумываюсь, что при-вело нас к подобному решению? Оперативное чутье, основанное на опыте, правильная интерпре-тация ограниченной информации или анализ? Наверное, все вместе. Но результаты операции были по-трясающие: к нам в руки попали списки членов подпольной орга-низации Исламской партии Афга-нистана Хекматияра – самого опас-ного и сильного врага республики на тот период.

В организацию входили сот-ни офицеров афганской армии, в том числе командовавшие под-разделениями и частями, высоко-поставленные штабисты, уважа-емые торговцы и преподаватели Кабульского университета, чинов-ники различных министерств и ве-домств.

И закрутилась машина. Срочно был создан штаб, возглавляемый министром государственной без-опасности. Ревин создал группу советников, подключили возмож-

ности военной контрразведки афганской армии. В течение не-скольких дней была проведена раз-работка и установка людей из спи-ска «Слепого». Начались аресты, допросы, обыски. Было задержано более 500 офицеров афганской ар-мии. Стала вырисовываться карти-на широкомасштабного заговора, готовившегося не один месяц.

6 марта 1990 года грянул гром. Поступила информация, что сбе-жал министр обороны республи-ки Афганистан Танай. Он напра-вился в Баграм на расположенную к северу от Кабула военную базу – там дислоцировались танковые, авиационные, мотострелковые и артиллерийские части.

В этот же день произошло со-бытие намного более мелкое в мас-штабах Афганистана, но не расска-зать о нем нельзя.

В 8:00 генерал В. А. Ревин про-водил совещание с руководителя-ми групп советников, заслушивал доклады по управлениям ХАД, поэтому я приехал в 7-е управле-ние позже, к 10 часам утра, и за-стал привычную картину: Виктор Евгеньевич Рябов сидел за нашим единственным письменным сто-лом спиной к огромному витрин-ному окну и работал над каким-то документом. При моем появлении он встал и, со свойственным ему сарказмом, предложил мне сесть на «начальственное место». Я же, не замечая издевки (Виктор Евге-ньевич старше меня по возрасту и званию), предложил начать рабо-чий день, по афганской традиции, с хорошего зеленого чая. Мы са-димся в низкие кресла к чайному столику, приглашаем к себе Дауда. Нафар (человек, слуга) приносит чай и сласти. За окном раздается мощный взрыв. Вспышка. Как

в замедленной съемке, на нас ле-тят осколки стекла, обломки рамы, стола и стульев. Все меркнет.

После того как мы пришли в со-знание, я выглянул в дыру, которая называлась окном, и обнаружил под ним огромную воронку от ре-активного снаряда. В стене мы на-считали десятки пробоин от оскол-ков, один, размером с кулак, я взял себе на память. Опять судьба. Спас нас сарказм Виктора Евгеньевича и традиция пить чай по утрам. Еже-годно 6 марта мы отмечаем свой второй день рождения.

Контузия стала сказываться, и днем нас отвезли в посольский госпиталь, положили под капель-ницы и стали лечить. К вечеру на-чался интенсивный обстрел Кабу-ла, несколько снарядов упало на территорию посольства, никто не пострадал, кроме кошки да автомо-биля постоянного корреспондента советского телевидения Алексан-дра Шкерандо – его капот разреза-ло танковой болванкой.

Все ожидали, что начнется се-рьезная драка, поэтому мы с Вик-тором Рябовым вылезли из-под капельниц, взяли автоматы и по-плелись из жилой зоны в главный корпус посольства защищать со-ветскую пядь земли.

Однако случилось иное. На-ступление Таная на Кабул быстро захлебнулось, оно не было поддер-жано гарнизоном столицы благо-даря превентивным мерам кон-трразведки и вовремя полученной предупреждающей информации.

Все обошлось достаточно благо-получно. Посольская кошка, ранее отличавшаяся строгими мораль-ными принципами, после контузии стала очень любвеобильной. Мы с Виктором Евгеньевичем решили, что компрессионная травма повли-

яет на нас аналогичным образом.

Но если серьезно, то результаты нашей работы были высоко оце-нены правительством Советского Союза и Афганистана. Я был на-гражден орденом Красной Звезды и орденом «Победы» – вторым по статусу орденом Демократической Республики Афганистан. Ордена группе награжденных советников вручал лично президент Наджи-булла.

Справедливости ради нужно сказать, что «Слепой» во время допроса держался нестибаемо, не выдал своих соратников. Как позд-нее выяснилось, «Слепой» был не простым связным и даже не эмис-саром, а одной из ключевых фи-гур подготовки государственного переворота.

Бывший министр обороны Та-най бежал в Пакистан, и его даль-нейшая судьба мне не известна.

И все-таки, могло ли прави-тельство ДРА сохраниться после ухода Советской Армии? Действи-тельно, за десять лет присутствия советнических аппаратов мы су-мели создать жизнеспособный государственный аппарат, в том числе службы безопасности. С на-шей помощью были подготовлены тысячи профессионалов в различ-ных областях деятельности – от сельского хозяйства до энергетики и горнорудной промышленности. На мой взгляд, они в полной мере могли результативно обеспечить высокий уровень функционирова-ния государственного аппарата и хозяйственной деятельности.

В дальнейшем в течение двух лет ХАД Афганистана эффективно за-щищал республику от контррево-люции. Только после бездумного прекращения военно-технической и экономической помощи со сторо-

Н.Н. Кольцов, провинция Фарах, 1988 г.

ны России в 1992 году, политиче-ский режим Наджибуллы пал под натиском вооруженной религиоз-ной оппозиции.

Прошло двадцать лет. Смени-лось несколько политических ре-жимов в Афганистане. Сейчас там пытается навести свой порядок натовская коалиция. Результаты налицо: многократный рост уро-жаев опиумного мака. Девяносто процентов мирового производства героина теперь находится в Афга-нистане, и здесь по-прежнему ге-нерируются исламские фундамен-талистские идеи.

Президент Афганистана Наджибулла вручает Н. Н. Кольцову орден «Слава». Кабул, 1990 г.

Танк Ватанжара. С него началась Апрельская революция

Н.Н. Кольцов. Район Кабула, 1990 г.

Заместитель начальника 7-го Управления ХАД Дауд (справа) и Н. Н. Кольцов. Кабул, 1990 г.

Рябов Виктор Евгеньевич (р. 1948), полковник. Окончил Ленинградский механический институт, Высшие курсы подготовки и усовершенствования руководящего и оперативного состава КГБ СССР. Находился в республике Афганистан в 1987-1988 и 1989-1991 гг. Владеет языком фарси. За мужество, проявленное в республике Афганистан, награжден медалью «За боевые заслуги», афганским орденом «Слава»

ВИКТОР ЕВГЕНЬЕВИЧ

РЯБОВ

ХОЧЕШЬ ЖИТЬ – БУДЕШЬ ЗНАТЬ ПУШТУ

В аппарат советников при 7-м управлении МГБ республики Афганистан я попал после окончания двухгодичного факультета ВКШ КГБ СССР им. Ф. И. Дзержинского.

Командировка продлилась с 1987 по 1989 год, то есть захватила финальный период пребывания советских войск в Афганистане. Я работал в составе группы ленинградских чекистов: с Александром Тетеревковым, Николаем Кольцовым. Они были надежными товарищами по работе и неприхотливыми в быту. Знаете, война людей сближает и быстро проясняет, кто чего стоит.

7-е управление МГБ Афганистана было частью аппарата, охватывающего все сферы деятельности страны. Основными направлениями деятельности Управления были борьба с подпольем, террором, работа с религиозными деятелями, студенчеством и преподавательским составом учебных заведений, со средствами массовой информации.

В среде подсоветных сотрудников государственной безопасности были большей частью одаренные целеустремленные люди. Запомнил начальника отдела, пуштуна по на-

циональности, героя Афганистана. По определенным соображениям его имя, как и имена многих других афганцев, ставших для нас в процессе работы не только коллегами, но и друзьями, не называю.

Мне был определен участок работы по борьбе с террором. Главной задачей сотрудников отдела было своевременное вскрытие и предотвращение террористических актов.

Вспоминаю случай по предотвращению в столице крупного взрыва. Надо сказать, что после вывода советских войск из Афганистана тактика террористов не изменилась. Не имеет значения, какая это страна, какой пункт назначения, что за граница. Машина со смертельным грузом пересекает границу, как правило, по поддельным документам. Вблизи объекта уничтожения груз перегружается на один или несколько легковых автомобилей. Водитель-смертник доставляет автомобиль к объекту уничтожения и запускает механизм взрывателя.

От надежного источника была получена информация о том, что границу с Пакистаном пересекла машина с большой партией взрывчатки для совершения в Кабуле террористического акта. За транспортом было

В.Е. Рябов (1-й справа), город Мазари-Шариф, 1990 г.

установлено плотное наружное наблюдение. Все контакты водителя по пути следования внимательно отслеживались. Выявленные связи брались в активную проверку. В предместьях Кабула машину задержали. В ее кузове было обнаружено около одной тонны пластида. Теракт был сорван. Сотни жизней мирных граждан были спасены.

Большую работу проводил отдел по работе с представителями конфессий ислама. Используя оперативные возможности, были организованы теоретические конференции о роли и месте ислама в

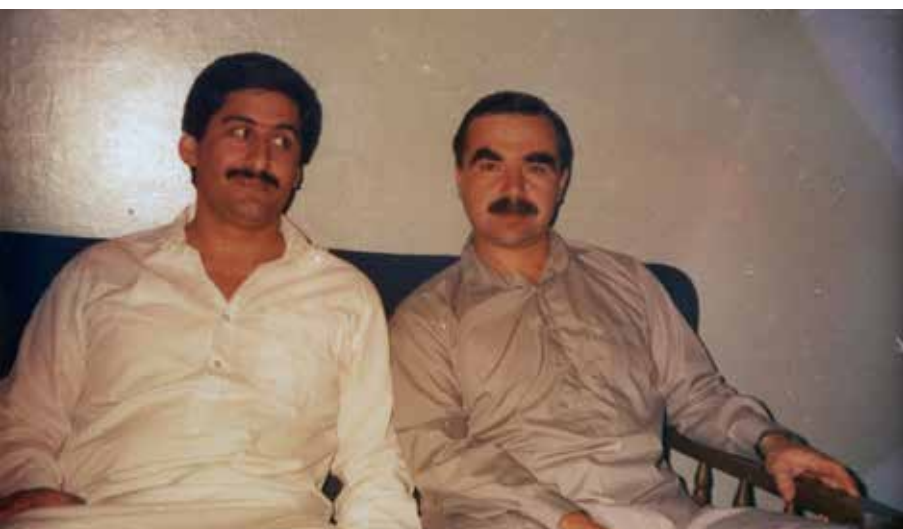
современном мире. Эти форумы по нашему приглашению посетил ряд авторитетных религиозных деятелей стран арабского мира.

Органы безопасности, как могли, укрепляли авторитет нового правительства, лидера партии НДПА, президента республики Наджибуллы. Структура органов безопасности, как и вся система государственной власти, созданная за десять лет режима, рухнула, как только СССР прекратил помощь Афганистану в 1991 году.

В процессе жизни и работы в Афганистане в среде советников

складывались свои традиции: выступление на любом форуме проносилось только на пушту или дари. Уже тогда в нашей среде родилась шутивая поговорка: «Хочешь жить – будешь знать пушту». Мы на практике убедились, что ключ к пониманию души афганца заключается в знании национальных языков, культуры народа и традиций, в том числе религиозных.

Вне работы наша жизнь протекала в маленьком мире, основанном на мужском братстве. Наш коллектив состоял из четырех молодых советников: Анатолия Михалкина,

В.Е. Рябов с начальником отдела Управления ХАДА, Кабул, 1990 г

Руководитель представительства КГБ СССР В. А. Ревин вручает награду В. Е. Рябову. Кабул, 1990 г.

В.А. Ревин вручает награду В.Е. Рябову, Кабул, 1990г.

В. Е. Рябов (в центре) в группе награжденных советников представительства КГБ СССР. Кабул, 1990 г.

Василия Кравцова (работал с племенами), Виктора Иванова (работал с кадрами) и меня. Жили мы в большой четырехкомнатной квартире, которую снимало представительство в доме, расположенном в микрорайоне, построенном советскими строителями.

Два раза в неделю в дом подавали горячую воду. По сравнению с условиями жизни наших коллег в провинциях мы жили в приличных условиях. Зная, что мы живем маленьким холостяцким коллективом, к нам на огонек забредали наши коллеги. За чашкой зеленого чая вспоминали любимый город, делились опытом, обменивались мнениями. Это были удивительные душевные вечера, иногда кто-то в руки брал гитару, и тогда лились над Кабулом «фольклорные» песни нашего братства.

В месяц мы зарабатывали по три тысячи чеков (или по пятьсот долларов США). По сегодняшним меркам копейки, но нам хватало.

В декабре 1989 года я в группе советников покинул республику, но ненадолго. Из числа советников 7-го управления там остался только Николай Кольцов. Как позже выяснилось, он вернулся в СССР позже всей группы, к счастью, живым и невредимым.

В сентябре 1989 года я вновь был командирован в Кабул, где пробыл до 1991 года. Работал в том же управлении, занимался вопросом безопасности наших южных республик: Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана. Это была обширная программа под условным названием «М». Одной из задач, поставленных руководством КГБ СССР, было выявление баз моджахедов, расположенных вдоль южных границ СССР.

Были вскрыты факты четкой координации со стороны спецслужб США, Англии, Пакистана сил оппозиции по выводу советских республик Средней Азии из состава СССР. За короткий срок армейскими частями и спецподразделениями республики Афганистан были вскрыты и уничтожены десятки схронов с техникой, боеприпасами и вооружением.

Думаю, это была одна из масштабных и последних операций, проведенных совместно с нашим участием национальными службами безопасности Афганистана. От этого удара движение моджахедов не сразу оправилось. В то же время процесс развала СССР подходил к своей финальной стадии. В 1991 году политическим руководством страны во главе с Михаилом Горбачевым было принято решение о прекращении помощи республике Афганистан. В одночасье были потеряны крайне важные оперативные позиции, которые с таким трудом приобретали советские спецслужбы.

Вспоминаю одну из своих последних командировок в северные провинции Афганистана. Волна движения моджахедов активно распространялась по территории республики. Мой путь пролегал через город Мазари-Шариф, а далее в город Кундуз. Я летел и ехал с моим подсоветным коллегой. Где-то рядом вспыхивали вооруженные столкновения между правительственными войсками и повстанцами. Продвигаться было крайне сложно. Мой напарник, пуштун по национальности, решительно остановил проходивший мимо УАЗ. В нем сидели несколько афганцев в национальной одежде с автоматами советского производства наперевес.

Один из них оказался главарем договорной банды, которая контролировала данный район. По просьбе моего коллеги бандиты доставили меня в резиденцию губернатора города Кундуз.

Несмотря на непрерывные военные действия, мирная жизнь продолжалась достаточно активно. Во время приема, устроенного губернатором в честь нашего приезда, было проведено очень популярное состязание боскаши. Оно заключалось в соревновании всадников, которые вырывали друг у друга тушку козла. В состязании принимал участие главарь договорной банды, который несколько часов тому назад подвозил нас на своем УАЗе. Это был сильный человек с повадками и реакцией горного барса. Он-то и выиграл соревнование. Победоносно подняв свой трофей, он бросил его к моим ногам. Как мне сказали, в знак особого уважения к гостю.

К успеху в оперативной работе, как правило, приводит умение сотрудника спецслужбы строить личные отношения с представителями той среды, в которой ему приходится работать, добывать через них ценную информацию об объектах, интересующих нас.

В тот же вечер мы отбили атаку моджахедов. В одном окопе залегли плечом к плечу договорные бандиты и солдаты правительства.

Только через неделю мне удалось пересечь границу с СССР.

Не прошло и месяца, как отряды Хекматияра, лидера Исламской партии Афганистана, захватили Кабул. В истории Афганистана наступила новая эра.

Образно говоря, наши попытки привить на ветвь дикого буйного дерева почку развитого социализма не увенчались успехом.

ВИТАЛИЙ ЗАХАРОВИЧ ЩИГОЛЕВ

«ШТОРМ 333»*

(Штурм дворца-крепости Тадж-Бек)

*В декабре есть еще одна дата
Без отметки на календаре.
Я тебя целую, как брата,
На кабульском чужом дворе.*

С. Климов

ЩигOLEв Виталий Захарович
(р. 1948), полковник.
Окончил Высшую
Краснознаменную школу КГБ СССР
им. Ф.Э. Дзержинского, курсы
усовершенствования
офицерского состава (КУОС).
В республике Афганистан
находился с ноября 1979 по январь
1980 г. и с января по июль 1981 г.
Владеет шведским языком.
За участие в штурме дворца-
крепости Тадж-Бек и проявленное
мужество награжден орденом
Красной Звезды

Как известно, быстротекущее время – на редкость искусственный ретушер. Неумолимо проходят годы, десятилетия – и некоторые, казалось бы, чрезвычайно важные события нашей жизни сглаживаются. Они как бы уходят за горизонт, покрываются флером забвения. Наоборот, случаются часы и даже минуты, которые со временем становятся лишь острее и зримее. Для человека военного подобного рода моменты истины – это всегда эпизоды вооруженной борьбы, столкновения жизни и смерти. Сколько бы времени ни прошло, они все так же будоражат, тревожат, заставляют учащеннее биться пульс. За ними – горячий азарт атаки, грохот акаэзов, запах крови и пороховой гари, возгласы боевых товарищей. Незатихающая боль и скорбь утрат. И – ни с чем не сравнимое ликование от добытой с таким трудом победы. Прошло бо-

лее тридцати лет, а тревожная ночь декабря 1979 года по-прежнему в моей памяти до последней детали...

Начало 1979 года выдалось для меня, в ту пору 30-летнего старшего лейтенанта Управления КГБ СССР по Ленинградской области, достаточно беспокойным. Позади остались вечерняя школа, заводская проходная, незабываемая срочная служба в кремлевском полку и интереснейшие годы учебы на иностранном факультете в прославленной Высшей Краснознаменной школе КГБ им. Ф.Э. Дзержинского.

После окончания курсов усовершенствования офицерского состава в подмосковной Балашихе весной следующего года стал готовиться к длительной служебной командировке. Таким образом, все лето провел в Псковской воздушно-десантной дивизии. Затем вместе с семьей убыл в отпуск – в Прибалтику. И вдруг – срочный вызов обратно в

Балашиху. Причем, без объяснения причин. А сюда уже съезжались из республик, краев и областей всего необъятного Советского Союза ее выпускники.

В системе государственной безопасности КУОС был в то время основным центром подготовки командиров разведывательно-диверсионных подразделений для действий в тылу противника. Именно в этом учебном заведении готовились кадры еще для войны в Испании, а позднее – бойцы из группы Павла Судоплатова и Ильи Старикова. В том числе такой непревзойденный мастер секретных операций, как Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Руководил КУОСом всеобщий любимец и образец для подражания слушателей – полковник Григорий Иванович Бояринов. Профессиональный разведчик-диверсант с опытом боевых действий еще со времен Великой Отечественной войны, он почти два десятка лет отдал преподавательской и научной работе в области партизанской и разведывательно-диверсионной деятельности.

Как выяснилось, в Балашиху нас вызвали не для развлечений. Немедленно начались интенсивные занятия по дополнительной огневой, физической и минно-взрывной подготовке, а также по тактике действий в составе оперативно-боевой группы. Вот тогда-то почти шепотом впервые прозвучало – Афганистан. «Странно», – подумалось мне. Южное направление не совсем соответствовало моему знанию иностранного языка и северо-западному предназначению. Однако неуместные вопросы задавать в то время было не положено. К тому же мое недоумение очень скоро рассеялось.

Внимательный анализ ситуации еще в 1978-1979 годах подтверждал обоснованность тревоги руководства СССР за состояние южных рубежей страны. Изменения в политической жизни Афганистана в 1978 году серьезно обеспокоили и противников Советского Союза, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать режиму Тараки. Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут. Чуть ли не открыто грозили, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления демократическому режиму, добиваясь ослабления советского влияния в стране. Вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии. Наивно спрашивать: для чего? Закрепление в Афганистане приблизило бы США к уникальной кладовой мира – Таджикистану – и другим соседним регионам. Только слепой сегодня может не видеть того, с каким маниакальным упорством именно здесь, в самом подбрюшье современной России, орудут натовские войска. Правда, при этом уже ни на кого особо не оглядываясь. Настанет день, и наши политики, уверен, всерьез задумаются о далеко идущих стратегических целях этой бурной и неослабевающей военной активности вблизи наших суверенных границ.

Долгое время подробности штурма дворца Амина оставались строжайшей государственной тайной. В Советском Союзе эти события проходили под кодовым названием «Второй этап Апрельской революции». О людях, совершив-

ших этот «второй этап», не было известно ровным счетом ничего. Как через много лет вспоминал в своей книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал А.Ляховский, еще 8 декабря 1979 года в кабинете Л.И.Брежневца состоялось совещание, в котором принял участие узкий круг членов Политбюро ЦК КПСС: Ю.Андропов, А.Громыко, М.Суслов и Д.Устинов. Они долго обсуждали положение, сложившееся в Афганистане и вокруг него, взвешивали все «за» и «против» ввода туда войск. В качестве подтверждения необходимости такого шага со стороны Ю.Андропова и Д.Устинова приводился целый ряд доводов. А именно: предпринимаемые со стороны ЦРУ США усилия по созданию «новой Великой Османской империи» с включением в нее южных республик из состава СССР. Отсутствие на юге надежной системы ПВО, что в случае размещения в Афганистане американских ракет типа «Першинг» ставит под угрозу многие жизненно важные объекты, включая космодром Байконур. Кроме того, обращалось внимание на возможность использования афганских урановых месторождений Пакистаном и Ираком для создания ядерного оружия. Не исключались и крайние меры. Например, установление в северной части Афганистана власти оппозиции в целях присоединение этого района к Пакистану и т.п. На том совещании было принято решение проработать два варианта: руками спецслужб КГБ устранить Хафизулла Амина и поставить на его место вполне предсказуемого Бабрака Кармаля. И, кроме того, послать ограниченное количество войск на территорию Афганистана для последующей стабилизации обстановки.

Тем временем «отстрелявшись» молодые офицеры в составе небольших групп поэтапно убывали в Афганистан, где вливались в состав оперативно-боевого отряда КГБ СССР «Зенит». Всего в начале декабря в Кабул прибыли две подгруппы (по 30 человек в каждой). А 23 декабря в Баграм была переброшена спецгруппа «Гром» (тоже 30 человек). Во избежание путаницы, скажу, что такие кодовые названия у них были только на территории Афганистана. В центре, в Москве они назывались по-другому. Группа «Гром» – подразделение «А», спецгруппа по борьбе с терроризмом, в составе одного из Управлений КГБ. Впоследствии, по версии журналистов, «Альфа». А оперативно-боевой отряд (ОБО) «Зенит» – будущий «Вымпел». Численность «зенитовцев» (вместе с ранее прибывшими) достигла 150 человек. Общее руководство ими осуществлял А.Поляков.

Подходила и наша очередь. Группа под руководством подполковника А. Голубева насчитывала около 16-18 человек. В нее входили офицеры территориальных органов, особых отделов и специалистов внешней разведки, знавших язык дари. Именно таким составом мы были представлены в конце октября в Ясенево одному из руководителей ПГУ КГБ СССР. Генерал вкратце описал ситуацию, складывающуюся в Афганистане. И, не называя основной цели пребывания ОБО «Зенит» в этой стране, тем не менее, не исключил возможность участия офицеров отряда в некоей совершенно секретной спецоперации. Здесь, заверил он с явным подтекстом, будут в полной мере востребованы знания и навыки, полученные нами во время учебы в Балашихе.

Непосредственно перед вылетом, инструктируя группу, заместитель начальника отдела Управления «С» ПГУ, участник Великой Отечественной войны полковник А.И. Лазаренко обратил особое внимание на дисциплину, организованность, выучку и взаимодействие, необходимые участникам в ходе проведения боевых действий. Без этого, подчеркнул он, вряд ли удастся выполнить поставленную задачу и избежать потерь. Как вскоре выяснилось, словно в воду глядел опытный офицер-ветеран.

А напряженность в Кабуле нарастала. Вражда между основными враждующими политическими группами – «Халькистами» и «Парчамистами» – привела к гибели президента республики Тараки. С приходом к власти Х. Амина начались покушения на лидеров сторонников бывшего президента. В городе регулярно вспыхивали перестрелки. Стало известно, что глава государства дважды конспиративно посещал американское посольство. Возникло опасение, что американцы спешно планируют переворот. Одновременно Х. Амин, опасаясь многочисленных врагов и ведя очевидную «двойную игру», просил советское руководство прислать для его охраны и борьбы с неприятельским подпольем подготовленных специалистов.

Наш отряд, в отличие от других, следовал в Афганистан под видом инженерного подразделения советской армии с промежуточной остановкой в Ташкенте. Здесь мы находились около недели и были приняты начальником особого отдела Туркестанского военного округа. Он-то и уточнил: основной задачей спецоперации будет захват и удержание в течение двух-трех ча-

сов, до подхода основных сил, одного из важнейших государственных объектов в Кабуле. Через несколько дней группа в полном составе на самолете военно-транспортной авиации вылетела из Ташкента, преодолела хребты Гинбукуша и вскоре благополучно приземлилась на аэродроме авиабазы Баграм, расположенной в 60-ти километрах от Кабула. Разместились там же, в палатках, в ожидании приказа к бою.

И такой приказ не заставил себя ждать. Заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант Н. Гуськов уже 11 декабря отдал команду на захват так называемого «объекта Дуб» – резиденции главы государства в центре Кабула. Ни плана дворца, ни системы его охраны не имелось. Известно было лишь, что здание охраняют примерно две тысячи афганских гвардейцев. Как ни храбрись, а чересчур много для наших 22 «зенитовцев» и роты поддержки спецназа ГРУ. Тем не менее, в течение двух суток напряженно проводились организационные мероприятия. Составлялись планы и схемы охраны объекта, уточнялись вопросы взаимодействия. В результате – какой-никакой – план захвата оказался сверстан. В палатке, при колеблющемся свете свечи, документ был доведен ответственным за его исполнение майором Я. Семеновым до командиров боевых подгрупп. В час «Х» 13 декабря объединенной группе надлежало в течение часа выдвинуться из Баграма в Кабул и штурмом овладеть резиденцией Х. Амина. В расчетное время участники штурма, разбитые по подгруппам, с полным боекомплектom заняли свои места. Колонна бронетехники, рыча моторами, покинула территорию авиабазы и взяла курс на Кабул. Теперь можно только га-

дать, чем бы закончилась эта спешно подготовленная операция. Но на каком-то уровне руководства, по всей видимости, все же возобладал здравый смысл. Не пройдя и трети пути, мы неожиданно получили команду «отбой». Отряд возвратился обратно к месту своей дислокации.

В связи с этим неудавшимся рейдом ранее нелегально прибывшие в Баграм (под охраной сотрудников КГБ) Б. Кармаль и его ближайшие сподвижники были вынуждены возвратиться в Ташкент. А 17 декабря 1979 года наша группа вместе с 154-м батальоном 15-й бригады спецназа ГРУ, укомплектованным выходцами из Средней Азии и поэтому неофициально названным «мусульманским» (батальон предназначен был как раз для усиления новой резиденции главы государства – дворца Тадж-Бек), передислоцировались из Баграма на окраину Кабула. Расположились в 600 метрах от объекта, в помещении недостроенной армейской казармы с окнами без стекол. Вместо них натянули плащ-палатки, поставили буржуйки, койки в два яруса. Получили обмундирование – форму афганской армии без знаков различия, одеяла из верблюжьей шерсти. В тот год зима в Кабуле была холодной. Ночью температура опускалась до 20 градусов мороза, так что утренняя физзарядка проходила весьма интенсивно.

В ночь с 25 на 26 декабря 1979 года в Кабуле десантировалась 103-я воздушно-десантная дивизия. Было слышно, как советские военно-транспортные самолеты садились в аэропорту Кабула. И хотя один ИЛ-76 с 37 десантниками на борту при этом врезался в гору в районе перевала Саланг, в целом это была, по мнению экспертов, хорошо

организованная операция. Говоря о вводе войск в ДРА, необходимо уточнить: именно 25 декабря глава государства Х. Амин планировал выступить по местному радио и телевидению с неким чрезвычайным обращением к народу. Он собирался сообщить о том, что просьба руководства Афганистана о вводе войск удовлетворена советскими руководителями, и что войска уже пересекают государственную границу. Однако к 25 декабря текст этого заявления все еще не был согласован на уровне внешнеполитических ведомств двух стран. Так что выступать Х. Амин не мог. Но даже 26 декабря, когда наши войска уже находились в Кабуле, согласованного документа так и не дождались. Только 27 числа в канцелярию главы ДРА поступил готовый вариант заявления. Но в этот день события шли уже совершенно по другому сценарию.

После десантирования воздушно-десантной дивизии закончилось сосредоточение в Кабуле основных сил и средств по проведению операции с кодовым названием «Байкал-79», начало которой была назначено на 27 декабря. В российском посольстве в Кабуле на первом этаже была библиотека, которую в оперативном порядке переоснастили во временный штаб по проведению операции. Повесили с внешней стороны табличку «Посторонним вход воспрещен». Конкретный план боевых действий существовал в форме карты-схемы с подробной легендой. Текущей технической отработкой и уточнением плана занимались профессиональные командиры-штабисты.

Было известно, что в государственной системе ДРА всего три человека имели полномочия от-

давать серьезные распоряжения и командовать армейскими частями, подразделениями МВД и спецслужбами – сам Хафизулла Амин, начальник службы безопасности Асадулла Амин и начальник генерального штаба Якуб. Х. Амин являлся одновременно и министром обороны республики. Поэтому первая задача операции состояла в том, чтобы надежно нейтрализовать эту «тройку», лишить ее физической возможности противодействовать мероприятиям, которые будут реализовываться местной оппозицией при нашей поддержке. Во-вторых, необходимо было оказать предметную помощь здоровым политическим силам страны в овладении стратегическими объектами управления и жизнеобеспечения непосредственно в столице – Кабуле. Наконец, в-третьих, после решения первых двух задач было важно обеспечить повсеместную стабильность обстановки и общественного порядка.

Саму же операцию «Байкал-79» условно разделили на два этапа. Первый – нейтрализация руководителей государства и захват стратегических объектов. Этот этап осуществлялся в основном силами подразделений КГБ с приданными подразделениями ГРУ Генштаба и воздушно-десантной дивизии. Возглавил его представитель Комитета государственной безопасности Ю.И.Дроздов. Этот опытный генерал – участник Великой Отечественной войны и начальник управления «С» ПГУ – являлся непосредственным разработчиком и одним из руководителей операции. На втором этапе задача по поддержанию порядка и стабильности в стране возлагалась на регулярные части Советской армии. Руководи-

телем здесь назначался представитель Министерства обороны СССР.

Итак, на карте-схеме были обозначены все цели, которые предстояло захватить или ликвидировать. В прилагаемой легенде подробно описывались как сами объекты, так и основные силы и средства, предназначенные для действий в каждом конкретном случае, а также вспомогательные силы и средства усиления. Производился подробный расчет времени. Указывались командиры, персонально ответственные за каждый объект и этап. Несомненно, в качестве объекта номер один, согласно легенде, фигурировал сам Х. Амин и его резиденция. Далее шли генеральный штаб, служба безопасности, министерство внутренних дел, радио и телевидение, министерство иностранных дел, тюрьма Поликархи и так далее. Всего предстояло нанести удар по 18 ключевым точкам, включая воинские части и соединения, расположенные в столице и на окраинах. Это были немалые вооруженные силы: 7-я и 8-я афганские пехотные дивизии по 10 тысяч человек в каждой, две танковые бригады – около 200 танков, полк «коммандос» – 3 тысячи человек, народная гвардия и охрана – 2 тысячи человек, служба безопасности – 1,5 тысячи человек. Сюда следует добавить штабы, управления, полицию, подразделения ПВО, ВВС, самолеты в Баграме и на аэродроме Кабула. Состав наших сил: спецназ КГБ – 150 человек, группа «Гром» – порядка 30 человек, пограничная рота около 100 человек. (Правда, пограничники не участвовали непосредственно в силовых акциях, а занимались главным образом охраной советского посольства.) Кроме того, «мусульманский» батальон ГРУ ГШ – 500

человек. Плюс, как уже отмечалось, высадились воздушно-десантная дивизия. В ее первом эшелоне насчитывалось до трех тысяч человек. Отсюда нетрудно высчитать общее соотношение сил.

Вышеуказанный общий план был утвержден от КГБ СССР генерал-лейтенантом Б.Ивановым. С левой стороны карты в графе «Утверждаю» стояла его подпись. Справа под этой записью поставил свою согласующую визу главный советский военный советник при вооруженных силах Афганистана генерал-полковник С.Магомедов. Завизировали план в числе других также резидент КГБ в ДРА и уже упомянутый заместитель командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенант Н.Гуськов. По дворцу Тадж-Бек, имелся отдельный план с кодовым названием «Шторм 333», разработкой которого занимались лично Ю.И.Дроздов и В.В.Колесник от ГРУ. Этот частный документ никем больше из руководства не утверждался. Возможно, такое решение принималось из-за соображений сверхвысокого уровня секретности.

Бывший королевский дворец Тадж-Бек, как уже упоминалось, располагался на окраине Кабула, в районе Дар-уль-Аман, на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме. Который был, к тому же, еще оборудован террасами, а все подступы к нему – заминированы. К зданию вела единственная дорога, усиленно и круглосуточно охраняемая. Толстые стены способны были сдерживать удар артиллерии. Если к этому добавить, что местность вокруг дворца простреливалась, то станет понятным, какая нелегкая задача стояла перед спецгруппами КГБ и армейским спецназом.

Система охраны во дворце была тщательно продумана. Внутри несли службу личная охрана, состоящая из родственников и особо доверенных людей. Они жили в непосредственной близости от дворца, рядом с домом, где располагался и штаб бригады охраны. Форму носили специальную, отличную от других афганских военнослужащих: на фуражках белые околыши: белые ремни и кобуры, белые манжеты на рукавах. Вторую линию составляли семь постов. На каждом из них – четверка часовых, вооруженных пулеметом, гранатометом и автоматами. Внешнее кольцо охраны – пункты дислокации батальонов (3-х мотопехотных и одного танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. Всего в охранной бригаде насчитывалось 2,5 тысячи человек. Кроме того, неподалеку дислоцировался полк, на вооружении которого находились двенадцать 100 мм зенитных пушек, шестнадцать зенитных пулеметных установок. Здесь же базировался также еще один строительный полк (около тысячи человек со стрелковым оружием). Одной из важнейших задач был захват двух закопанных неподалеку танков Т-34, которые держали под прицелом все подходы к дворцу. Для этого выделили 15 человек во главе с заместителем командира «мусульманского» батальона капитаном Сатаровым, а также двух снайперов из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех. Они должны были начинать первыми. Руководство батальона хорошо понимало, что задача может быть выполнена только при условии внезапности и применения военной хитрости. В противном случае никому живыми не уйти. Тем более, что вражеская контрразвед-

ка – нам это было известно досконально – уже перепроверяла полученную информацию о возможном нападении на дворец.

За объектом внутри и снаружи продолжалось непрерывное наблюдение. У атакующих к тому времени уже был детальный план дворца (расположение комнат, коммуникаций, электросети и т.п.). Поэтому к началу операции «Шторм-333» спецназовцы из «мусульманского» батальона и групп «Гром» (командир майор М. Романов) и «Зенит» (командир майор Я. Семенов) детально знали объект захвата «номер один». А именно: наиболее удобные пути подхода, режим несения караульной службы, общую численность охраны и телохранителей Амина, расположение пулеметных гнезд, бронемашин и танков, внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца, размещение аппаратуры радиотелефонной связи и т.д. Поздно вечером 26 декабря В.В. Колесник вместе с Э. Козловым и О. Швецом отработали окончательный план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом плана было решение главной задачи осуществить силами двух смешанных штурмовых групп «Гром» и «Зенит». Их действия обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия. Таким образом, против каждого батальона противника должна была действовать наша рота спецназа или десантников. Командиром приданной парашютно-десантной роты был старший лейтенант В. Востротин.

27 декабря 1979 года в 15 часов из советского посольства передали,

что время «Ч» установлено на 22, потом – на 21 час. Позже оно периодически уточнялось и, в конечном итоге, было зафиксировано на 19 часов 30 минут. Видимо, руководители операции рассчитывали, что сработает параллельный план так называемого несилевого устранения хозяина резиденции. И тогда, возможно, вообще отпала бы необходимость штурмовать дворец. Накануне штурма Амин внезапно получил тяжелое пищевое отравление. Однако, по причине чрезвычайной секретности, работавшие в резиденции советские врачи не были проинформированы о реальных причинах неожиданной комы, в которую впал афганский руководитель. По незнанию, они сорвали выполнение хитроумного плана. А именно – выполнили клятву Гиппократ и экстренными мерами практически чудом вернули к жизни своего потерявшего сознание высокопоставленного пациента. Таким образом, атака была предпринята.

Находившийся на командном пункте полковник Г. Бояринов, который входил в состав «Зенита», заметно волновался, так как прибыл в Кабул лишь накануне и еще не до конца освоился в обстановке. Э. Козлов, как мог, поддерживал старшего товарища и уже на ходу прояснял детали. Никто не мог предположить, что после штурма оба станут Героями Советского Союза, причем Григория Ивановича этим высоким званием наградят посмертно.

Получив сообщение о назначенном времени штурма, Ю. Дроздов вместе с В. Колесником решили срочно собрать всех командиров рот, штурмовых групп и подразделений огневой поддержки на втором этаже казармы. В своем кратком выступлении генерал дал

политическую оценку обстановки, раскрыл общую поставленную задачу, дал оценку сил и средств противника и основного объекта, нашего положения, соотношения сил и средств, общее расположение «мусульманского» батальона и штурмовых групп. После этого В. Колесник отдал боевой приказ подразделениям, перечислив для каждого конкретные задачи. Суть действий сводилась к следующему. Как уже говорилось, силами двух оперативно-боевых групп «Зенит» и «Гром» (всего девять штурмовых подгрупп общей численностью 52 человека) на четырех БТР и семи БМП выдвинуться из места расположения. При поддержке роты «мусульманского» батальона (задача которого – завязать бой на подступах к объекту), атаковать резиденцию главы государства – дворец Тадж-Бек. На полный захват резиденции отводилось не более 45 минут.

Около семи вечера поступила команда занимать места. Мы собрались, выпили «наркомовские» стограмм и настроились на штурм. В самый последний момент в задний люк одной из боевых машин заскочил Г.Бояринов. Хотя заслуженный и уже не очень молодой полковник по плану не должен был лично участвовать в «горячей» стадии операции.

Первой к дворцу должна была выдвигаться рота старшего лейтенанта В.Шаринова на боевых машинах пехоты, где в качестве десанта находились подгруппы «Грома» во главе с О. Балашовым, Е. Емышевым, С. Головым и В. Карпухиным. Майор Я. Семенов со своим «Зенитом» на четырех бронетранспортерах получил задачу прорваться к торцевой части здания, а затем совершить бросок по пешеход-

ной лестнице, которая вела вверх к Тадж-Беку. У фасада обе группы должны были соединиться. Однако в последний момент план изменили. Первыми к зданию дворца на трех бэтэрах выдвинулись подгруппы «Зенита», старшими которых были А.Карелин, Б.Суворов и В.Фатеев. В силу этих обстоятельств возглавляемая мною четвертая подгруппа «Зенита» заняла место в колонне «Грома» и в дальнейшем действовала уже в его составе.

Все началось со взрыва так называемого кабельного «колодца» связи, в результате которого столица была отключена от внешнего мира. Разведчики-диверсанты заранее выехали на задание. Подгруппа Бориса Плешкунова на УАЗе приблизилась непосредственно к объекту диверсии. Но в этот момент «зенитовцев» окликнул охранник – боец Царандоя. Пока переводчик отвлекал его разговорами, объект скрытно заминировали. Часы показывали 19 часов 15 минут. Спустя еще четверть часа, после подрыва «колодца связи», когда небо вспороли две красные сигнальные ракеты, по дворцу прямой наводкой открыли ураганный огонь «Шилки». Автоматические гранатометы ударили по расположению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. Остальные самоходки били по расположению пехотного батальона, поддерживая роту десантников В.Востротина. Кстати, по этому сигналу бойцы ОБО «Зенит», при поддержке десантников, атаковали и другие важнейшие военные и административные объекты в Кабуле, тем самым привели «Байкал-79» в действие.

Вслед за этим наши боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились вперед к Тадж-Беку по

единственной дороге, ведущей на площадку перед дворцом. По броне сотнями кувалд застучали пули от ДШК. При подходе к дворцу второй БТР был подожжен, командир группы Б.Суворов погиб сразу. Выскочив из БТРа, спецназовцы вынуждены были залечь и вести огонь по дворцу. У первого БТРа, в котором находился Яков Семенов и будущий глава МВД ДРА Саид Гулябзой, оказались повреждены колеса. Но механику-водителю удалось проскочить зону огня и добраться до торца здания. Третий БТР «Зенита», к счастью, благополучно преодолел простреливаемую зону. «Зенитовцы» вынуждены были залечь и стрелять по окнам дворца. Это они первыми приняли на себя огневой удар обороны Тадж-Бека. Вскоре к ним присоединились подгруппы «Грома». Подразделения «мусульманского» батальона обеспечили внешнее кольцо прикрытия, создав вокруг объекта абсолютно непроницаемое огневое кольцо. Без этой помощи нам пришлось бы гораздо тяжелее. Ведь ночной бой в стесненных условиях внутри малоизвестного здания требует высочайшего взаимодействия и не признает деления на ведомства. За спецгруппами КГБ на штурм пошли и некоторые солдаты из смежных групп спецназа. Для устрашения обороняющихся, а возможно, взбадривая самих себя, атакующие громко кричали. При этом, конечно, не жалели крепких русских выражений.

Оглушительный грохот от взрывов, пространство, насыщенное свинцом, осколками, черный от горящей резины дым, маневрировавшая на небольшом пространстве бронетехника, отскакивающий от стен дворца на головы штурмующих град гильз от снарядов ЗСУ «Шил-

ка», интенсивный пулеметно-автоматный огонь гвардейцев и бойцов охраны, ведущийся из окон дворца, стоны раненых, крики отдаваемых команд – все это создавало какую-то нереальную, жутковато-мистическую картину. В конце концов, спецназовцы выскочили на площадку перед дворцом. Командиру первой подгруппы «Грома» О.Балашову осколками пробито бронежилет. В горячке он сначала не почувствовал боли и бросился вместе со всеми к дворцу, но затем все же был отправлен в медсанбат. Особую выдержку и мужество показал В.М.Рязанцев, который, получив сквозное огнестрельное ранение в бедро, хладнокровно перевязал себя, чтобы продолжить участие в штурме.

Самым сложным оказалось проникнуть непосредственно в здание. Бойцам Я.Семенова предстояло преодолеть пешеходную лестницу, выходящую на торец дворца. Поэтому, соединившись у фасада, всем нам предстояло проникнуть в Тадж-Бек. Однако, как это часто бывает, ситуация внесла свои коррективы. Прорыв группы Я.Семенова оказался затруднен. Только несколько бойцов подошли к намеченному рубежу, остальные были рассеяны и прижаты огнем к земле. Затем, когда «Шилка» все же подавила афганский пулемет, они с помощью штурмовых лестниц стали взбираться вверх, в гору. Оставшиеся оказались на виду у противника – в зоне обстрела.

Признаюсь, у многих состояние было на грани шока. Казалось, что таким количеством людей мы дворец не возьмем. Огневые точки, которые обязаны были подавить армейцы, били по нам непрерывно. Состояние критическое. Если бы чуть-чуть тогда дрогнули – иначе

все закончилось. Но затем собрались с духом, ринулись в общий порыв. Делаем рывок ко входу во дворец. Вокруг лежат трупы оборонявшихся – они падали сверху. Когда спецназ КГБ ворвался во здание, сопротивление гвардейцев возросло еще сильнее. Около главного входа и без того ураганный огонь еще более усилился. Творилось нечто невообразимое. Афганцы со второго этажа начали забрасывать нападавших гранатами. Едва начал подниматься по дворцовой лестнице, А. Якушев был насмерть сражен осколками гранаты, а бросившийся к нему на помощь В. Емышев оказался тяжело ранен в правую руку, которую позже пришлось ампутировать. Еще на подступах к дворцу был убит Г. Зудин, ранены С. Кувылин и Н. Швачко. В первые же минуты боя в подгруппе майора М. Романова оказалось ранено 13 человек. Самого командира группы контузило. Не лучше обстояло дело и в «Зените». Всего из состава спецгрупп при штурме дворца погибло 5 человек, 17 бойцов получили ранения. Впрочем, легкие ранения получили практически все, но каждый, кто мог держать в руках оружие, продолжал сражаться. В «мусульманском» батальоне тоже погибло пятеро, но раненых оказалось почти в два раза больше. Получивший ранение В. Шарипов не оставил поле боя и продолжил командовать введенной ему ротой.

Вполне вероятно и то, о чем впоследствии предпочитали говорить вполголоса: кое-кто из наших бойцов пострадал от своего же огня. В темноте личный состав «мусульманского» батальона и спецгрупп КГБ узнавали друг друга лишь по специальным другим повязкам на рукавах, по паролю «Миша-Яша»

и русской речи. Все были одеты в одинаковую афганскую форму, а вести стрельбу и бросать гранаты зачастую приходилось не только вблизи, но и с приличного расстояния. Тут уже не всегда удавалось разглядеть и услышать, где свои, а где чужие. Но, как бы то ни было, все стремления были подчинены одной цели: любыми силами выполнить поставленную задачу.

В какой-то момент посеченный осколками Григорий Иванович Бояринов, только что выведший из строя (в паре с С.Кувылиным) узел связи дворца, выскочил из парадного подъезда и попытался, скорее всего, привлечь бойцов «мусульманского батальона» к поддержке штурмующих групп внутри здания. В этот момент начальника КУОСа настиг шальной осколок. Он срикошетил от бронежилета и угодил в шею. Было ему 57 лет.

Первыми ворвались в здание Э. Козлов, М. Романов, С. Голов, М. Соболев, В. Карпукhin, А. Плюнин, В. Гришин и В. Филимонов. А также, через окно с правой стороны, Я. Семенов с бойцами из «Зенита» – В. Рязанцевым, В. Быковским и В. Поддубным. Моя подгруппа, в том числе А. Карелин и Н. Курбанов, штурмовали дворец с торца. Действовать пришлось решительно, жестко, а подчас и просто отчаянно. На сдававшихся в плен времени не отводилось.

Внутри дворца характер боя не только не изменился, но, пожалуй, принял еще более бескомпромиссный характер. Офицеры и солдаты личной охраны Амина (около 150 человек) сопротивлялись отчаянно и в плен сдаваться не собирались. «Шилки» снова перенесли огонь и стали бить по Тадж-Беку и по площадке перед зданием. Заранее была

дана установка: никому из дворца обратно не выходить. Вскоре в здании на втором этаже начался пожар, что сильно подорвало боевой дух обороняющихся. Однако по мере продвижения спецназа ко второму этажу стрельба и взрывы лишь усиливались. В конце концов, некоторые солдаты из охраны Амина, оттесненные в периферийные помещения, услышав русскую речь, все же начали поднимать руки вверх. Как потом выяснилось, многие из них учились в рязанском училище ВДВ, откуда и почерпнули свои знания непростого русского языка и нашего национального характера.

В стесненных дворцовых покоех боевые действия видоизменились и сводились к следующему: бросок гранаты, автоматная очередь вдоль по коридору, короткая перебежка, новый рубеж. Если защитники помещений сразу не выходили из комнат с поднятыми руками, туда бросались гранаты. Затем бойцы врываются внутрь и расстреливали противника из автоматов. «Шилки» на это время перенесли огонь на другие объекты. Бронетехника развернулась, покинула площадку перед дворцом и заблокировала единственную дорогу, по которой к защитникам дворца могла быть направлена помощь. Другая часть бойцов вела огонь по афганским танкам, не давая личному составу добраться до своих машин. Затем они захватили эти танки и одновременно разоружили солдат соседнего строительного батальона. Одна из групп также захватила вооружение афганского зенитного полка и пленила его личный состав. На этом участке руководство боевыми действиями осуществлял подполковник О. Шве́ц (ГРУ).

Несмотря на потери, в целом все

как будто бы все шло по плану. Но случилось непредвиденное. При выдвижении батальона в район боевых действий с построенного через арык хлипкого мостика свалился один из бронетранспортеров. Машина перевернулась, люки оказались заблокированными, и экипаж не мог ее покинуть. Командир отделения стал вызывать по радиостанции подмогу. Он включился на постоянную передачу и безостановочно вызывал своего старшего командира, чем в самый ответственный момент полностью парализовал связь. Пришлось использовать другие средства связи, к счастью, предусмотренные заранее. Но несколько драгоценных минут все же было потеряно.

В конце концов, одна из спецгрупп КГБ прорвалась к помещению, где находился Х. Амин. Обнаружили его лежащим ниц возле стойки бара. Афганский руководитель погиб, скорее всего, в результате интенсивного обстрела дворца, ведущегося извне, и стремительной атаки внутренних помещений спецгруппами КГБ. Об этом событии незамедлительно по радиостанции было доложено руководителям операции, которые вскоре прибыли во дворец. Основная задача была выполнена. Штурм трехэтажного дворца-крепости длился ровно 43 минуты.

Убитых в здании оказалось довольно много. Роскошные персидские ковры имели неприглядный вид. В одной из комнат под диваном обнаружили наших сотрудников из охраны Амина. Они были одеты в спортивные костюмы, на некоторых проступала кровь. Их вывели из дворца.

После окончания боя командиры подгрупп доложили командирам

ОБГ о раненых, убитых и оставшихся в строю, о готовности подразделений к выполнению новых задач. Было выставлено боевое охранение, взяты под охрану пленные и оставшиеся в живых члены семьи Х. Амина. Наладили связь с взаимодействующими подразделениями, находящимися за пределами объекта.

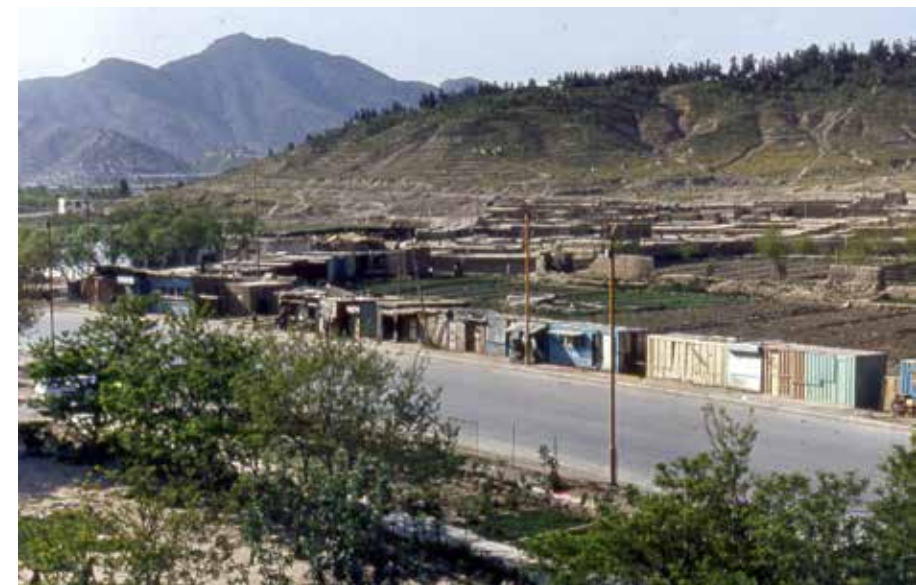
Как никто другой, запомнился мне в тот момент генерал Ю. Дроздов, с которым, конечно, до этих событий я и не мечтал познакомиться лично. Седоватый, уже немолодой мужчина без каски, играючи держал руках немецкий «шмайсер», одновременно работал с радиостанцией и всем своим видом внушал окружающим полнейший оптимизм. И только тогда мне, как и многим моим товарищам, стало очевидно, что все самое страшное, по всей видимости, уже позади. Впрочем, легендарному генералу, в отличие от нас, было не привыкать к такого рода стрессовым ситуациям. Во время Великой Отечественной войны Ю.И. Дроздов был фронтовым офицером на передовой. Потом, прекрасно владея тремя языками, работал по линии нелегальной разведки. Сразу после взятия Тадж-Бека именно генерал Ю. Дроздов первым сообщил генералу Б.С. Иванову о выполнении поставленной боевой задачи.

В два часа ночи по радио передали выступление нового лидера страны Б.Кармалы. Страна вступала в новый и совершенно непрогнозируемый этап своего развития.

Незаметно прошла ночь в ожидании смены. Но вместо этого утро началось с оглушительной команды Ю.Дроздова: «Товарищи офицеры! Приготовиться к бою!» Выяснилось, что на подходе к дворцу – части танковой и пехотной дивизий. Они остались верны прежнему

президенту. Вскоре залпы танковых орудий противника вновь заставили содрогнуться стены дворца-крепости, несмотря на их немалую толщину. Спецназовцы, еще вчера штурмовавшие резиденцию, заняли по периметру ее оборону. Однако, на сей раз, стрелять нам все-таки не пришлось. Бой разгорелся внизу, на подходе к дворцу. Дислоцированные по периметру подразделения ВДВ и спецназа ГРУ все же не позволили афганским батальонам прорваться к Тадж-Беку. Советские военные советники и срочно переброшенные в афганскую столицу части воздушно-десантных войск уже практически полностью контролировали ситуацию в городе. Захват остальных ключевых объектов в Кабуле, включая здание министерства обороны, прошел относительно спокойно и с минимальными потерями. Правда, начальник Генерального штаба Якуб сумел забаррикадироваться в одной из комнат и начал по рации вызывать подмогу, рассчитывая, в первую очередь, на верную ему 444-ю бригаду местных командос. Однако никто не поспешил ему на выручку. После чего Якуб сдался и был немедленно застрелен на месте одним из своих политических противников из числа самих же афганцев.

Примерно через сутки, в ночь на 28 декабря в Афганистан вошла еще одна советская мотострелковая дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Кушке. Она направилась в Герат и Шинданд. Один полк этой дивизии разместился на аэродроме Кандагара. Позже именно он был переименован в 70-ю бригаду. Таким образом, последние выстрелы, завершившие операцию по ликвидации аминского режима, отгремели утром 28 декабря.

Позднее закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР звания Героев Советского Союза были присвоены полковнику Г. Бояринову (посмертно), полковнику В. Колеснику, капитану 2-го ранга Э. Козлову, капитану В. Карпухину. Командир отряда «Зенит» А. Поляков и командир группы «Гром» М. Романов стали кавалерами орденов Ленина. Руководитель ОБГ «Зенит» Я. Семенов был награжден орденом Красного Знамени. Высокими государственными наградами были отмечены и другие участники тех поистине драматических событий конца 1979 года.

Несмотря на завесу секретности, советский спецназ, впервые осуществивший в Кабуле столь масштабное и дерзкое боевое задание, привлек к себе внимание зарубежных коллег из спецслужб и политиков всего мира. Он вновь показал, на что способен хорошо подготовленный российский воин, имеющий высокий морально-боевой дух и уверенный в своей правоте. Нельзя не сказать и о другом: за нами в то время стояла поистине имперская мощь и идеология родного для нас рабоче-крестьянского государства. В силе и правоте которого мы, его передовой вооруженный отряд, не сомневались ни на йоту. Правда, никто из нас тогда даже не подозревал: для многих, в том числе и для меня, это окажется далеко не последняя спецкомандировка в далекую и непредсказуемую страну. Что предстоит пройти еще через множество опаснейших испытаний. И что последний советский офицер и солдат покинет афганскую землю лишь спустя десять долгих и тревожных лет.

Забегая вперед, напомним, что уже летом 1980 года наша Родина

имела на территории своего южного соседа так называемый ограниченный контингент войск, оказывающих ему интернациональную помощь. А на деле, пытаясь отодвинуть от своих южных границ потенциального противника, исходя из стратегических интересов и стремления помочь народу Афганистана, мы все сильнее ввязывались в большую войну. И ей не было видно конца. Это был период, когда, потерпев ряд крупных поражений, противники нового режима перешли к тактике партизанской войны. Акцент был сделан на действиях небольших мобильных (до 20-30 человек) бандформирований. Их основной задачей стало активное противодействие созданию и укреплению народной власти на местах, проведение диверсионно-террористических акций против проправительственных войск и подразделений Советской армии, создание альтернативных органов власти и управления на контролируемой территории. Стало очевидным, что в условиях слабости нового режима нормализация обстановки в Афганистане, раздираемом межэтническими и межрелигиозными противоречиями, при поддержке извне будет носить затяжной характер. Противостоять подобным устремлениям противника, помочь самим афганцам действовать в изменившихся условиях был призван ОБО (оперативно-боевой отряд) КГБ «Каскад», созданный в июле 1980 года в соответствии с постановлением правительства и приказа Председателя КГБ.

Всего в Афганистане с июля 1980 по апрель 1984 года действовало четыре спецподразделения «Каскад», а также группа «Омега», командирами которых являлись сотрудни-

ки спецотдела внешней разведки КГБ. Основную массу командиров и сотрудников отряда «Каскад» составляли офицеры, состоявшие в штате Отдельной бригады Особого Назначения, спецуправления ПГУ, которая носила кадрированный характер и предназначалась для разведывательно-диверсионных действий в военное время и особый период. Частью отряда «Каскад» были сотрудники бывшего спецподразделения «Зенит». Отряд являлся уникальной силой специального назначения, т.к. наиболее соответствовал характеру войны в Афганистане. Офицеры спецподразделения были в основном готовы к тактике партизанской войны противника и в целом знали, что ей противопоставить. Отряд состоял из команд, которые дислоцировались в восьми крупнейших территориально-административных центрах (зонах ответственности) страны. В отдельные периоды до 70% территорий, находящихся в зоне ответственности конкретных команд «Каскада», были под контролем противника. Его активная часть численностью до 70 тысяч человек, объединенных приблизительно в 1500 бандгрупп, участвовала в активных вооруженных акциях: нападая на экономические объекты, административные центры, госучреждения, гарнизоны, посты армии и народной милиции, терроризируя местное население.

Противники новой власти получали активную помощь (500-600 караванов в год) из соседних Пакистана и Ирана. Эта помощь наращивалась за счет США, арабских и западных стран. Увеличивалась помощь из года в год и в обучении их кадров на территории Пакистана и Ирана.

Основными задачами отряда,

которые поставил его командиру начальник внешней разведки, были:

- оказание помощи в создании органов безопасности на местах;
- организация агентурно-оперативной работы против бандформирований;
- организация и проведение специальных мероприятий против наиболее агрессивных противников афганского народного режима и СССР.

Позднее к ним добавились:

- участие в локальных операциях (рейдах, подготовленных разведгрупп, организации лже-банд);
- организации засад на путях возможного отхода банд;
- сбор сведений для нанесения авиаударов по противнику;
- инспирирование боестолкновений между бандами различной религиозной окраски;
- освобождение военнопленных и заложников.

В составе двух команд отряда «Каскад» исполняли свой воинский долг пятнадцать сотрудников Ленинградского управления госбезопасности. Деятельность команд в своих зонах ответственности, достигнутые ими результаты получили высокую оценку – как со стороны руководства отряда, так и представительства КГБ в Афганистане. Доказательством явилось награждение восьмерых офицеров боевыми орденами и медалями Союза СССР.

Но все это происходило уже гораздо позднее. Возвращаясь к декабрю 1979 года, хочу подчеркнуть, что, безо всякого преувеличения, завоеванная тогда победа согревала нас все последующие годы. В немалой степени помогала выжить на последующих полях сражений да и во всей наступившей вскоре непростой постперестроечной жизни.

...Во второй половине дня 28 декабря полуразрушенное, выгоревшее и опустошенное здание было передано под охрану представителям вооруженных сил. Бойцы ОБГ «Зенит» и «Гром» вернулись в свою промозглую казарму, где медики оказывали помощь раненым и контуженым. Погибшие и тяжелораненые были отправлены накануне в госпиталь, в посольство. Той же ночью, сгрудившись у плохо греющей печки, совершенно не замечая холода, коротко помянули погибших. Тягостно было видеть пустые кровати и сиротливо стоящие возле них вещевые мешки с личными вещами погибших товарищей.

На другой день, 29 декабря, к вечеру, в одной из консульских вилл состоялся победный товарищеский ужин. Были приглашены офице-

В. З. ЩигOLEV, В. В. Дубов, С. В. Рац на встрече афганцев. Санкт-Петербург, февраль 2009 г.

ры оперативно-боевых групп, участвовавших в штурме дворца, и офицеры, бравшие другие важные объекты. Также присутствовали сотрудники представительства КГБ СССР в Афганистане. Всего около восьмидесяти человек. Во главе стола по праву сидел Юрий Иванович Дроздов. Он поздравил участников с успешным выполнением задания партии и правительства, отметил наиболее отличившихся. Как положено, помянули погибших.

Приятно было находиться в кругу боевых товарищей, крепких, здоровых, еще сравнительно молодых, но уже опаленных, пусть скоротечным, огнем войны. Ужин длился до позднего вечера. Звучали поздравления, воспоминания, тосты. Приподнятая атмосфера вечера, наполненная чувством исполненного долга, великого братства и товарищества его участников, позднее нашла отражение в одной из первых песен, рожденной там же, в Афганистане. Песня эта стала, по сути, нашим общим гимном тех лет. Помню, как еще несколько дней мы с непривычным для себя комфортом проживали в родном посольстве, пользовались теплым и сердечным отношением к себе со стороны всех без исключения, кто там находился. Не могу не упомянуть, что 31 декабря, в канун наступавшего 1980 года, офицеры были приглашены на общий новогодний вечер. Особенно волнующим оказался момент, когда в ходе новогоднего концерта, при исполнении еще одной песни, на сей раз В.Высоцкого, прозвучали проникновенные слова «только он не вернулся из боя». Разом все, не сговариваясь, молча встали и слушали ее до окончания стоя. Встреча прошла интересно, душевно, но,

как мне показалось, в обстановке повышенной внутренней тревоги и бдительности. Впрочем, бурная и кровавая ночь 27 декабря резко меняла привычный уклад жизни не только посольских сотрудников, но и всех специалистов, находившихся в то время в Афганистане.

Уже в начале января нового, 1980 года наша группа вернулась в Москву. Разместились, как обычно, в своем втором доме – на базе КУ-ОСа в Балашихе, сиротливо опустевшей после гибели руководителя диверсионно-разведывательной школы – Г.И.Бояринова. Здесь все участники спецоперации дали подписку о неразглашении «государственной тайны».

...Прошло уже более 30-ти лет после забываемого декабря 1979 года. Но то, что мы тогда пережили, и значимость того, что смогли совершить, – всегда со мной. Как и мужественные светлые образы моих командиров и боевых товарищей, до конца исполнивших свой долг перед Отечеством. Огромное им спасибо за то, что были рядом тогда. Сердечно ценю и сегодня каждую нашу встречу. К великому сожалению, повидаться сегодня удастся уже далеко не со всеми. Но, сколько бы лет ни прошло, у каждого спецназовца штурм дворца Тадж-Бека останется в памяти навсегда. Это был кульминационный момент всей нашей жизни и судьбы.

**В своих воспоминаниях автор использовал мемуары и исторические документы, принадлежащие перу других участников и хроникеров указанных событий, в том числе, Ю.Дроздову, В.Богданову, А.Ляховскому и В.Ютову*

Основатель «Вымпела»
генерал-майор КГБ
Юрий Иванович
Дроздов.
Выпускник ВИИЯ
1956 года

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ДРОЗДОВ

Родился 19 сентября 1925 года в Минске, в семье военнослужащего. Отец – Дроздов Иван Дмитриевич (1894-1978). Мать – Дроздова (Панкевич) Анастасия Кузьминична (1898-1987). Супруга – Дроздова (Юденич) Людмила Александровна (1925 г.). Сыновья: Дроздов Юрий Юрьевич (1946 г.); Дроздов Александр Юрьевич (1950 г.). Имеет одного внука, двух внучек и трех правнуков.

Ю.И. Дроздов 35 лет своей жизни отдал службе в нелегальной разведке, являлся советским резидентом в США и Китае, прошел путь от оперативного уполномоченного до начальника управления «С» Первого Главного управления КГБ (нелегальная разведка). В течение 12 лет руководил нелегальной разведкой СССР, создал группу специального назначения «Вымпел», руководил операцией «Шторм-333» по взятию дворца Амина в Кабуле, принимал участие в событиях послевоенного периода государства.

Родители: Отец будущего разведчика-генерала, Иван Дмитриевич Дроздов, был офицером русской армии, участвовал в Первой

мировой войне – сражался на Юго-Западном фронте, за храбрость получил Георгиевский крест. После 1917 года служил в Красной Армии, все годы Гражданской войны провел на фронтах, затем занимал разные должности в Белоруссии и на Украине. В первые дни Великой Отечественной войны ушел на фронт и был тяжело ранен под Старой Руссой – разрывная пуля вырвала одно легкое. Полтора года Иван Дмитриевич пролежал в госпитале, а после выписки служил начальником штаба одного из военных училищ и на военной кафедре Казанского университета.

Анастасия Кузьминична Панкевич родилась под Лепелем в Белоруссии. Ее отец работал садовником помещицкого сада, и вдовец-помещик помог ей окончить гимназию, секретарские курсы, а впоследствии устроил машинисткой на английскую бумажную фабрику в Переславле-Залесском.

В начале 1930-х годов семья Дроздовых жила в Минске. В 1937 году Ивана Дмитриевича из Минска перевели в одно из военных училищ Харькова. Юрий начал учиться в украинской школе и по-

любил этот живой и интересный язык. Также он начал заниматься в различных кружках харьковского Дома Красной армии (в зоологическом, исследователей Арктики), где познакомился с суровой историей освоения северных просторов. До начала Великой Отечественной войны играл в детской драматической студии, которой руководил актер Харьковского театра русской драмы В.И. Хохряков. Легендарный разведчик всегда с благодарностью вспоминает Виктора Ивановича – полученные в студии знания очень помогли ему в последующей работе.

Первые 12-13 лет жизни Юрий рос болезненным мальчиком – его донимали воспаления легких и всевозможные осложнения. Это переполнило чашу терпения родителей, и они решили «бросить его на выживание» в суровые лагерные условия воинской части. Эти перемены дали положительный результат – сосновый лес и простая солдатская пища положили конец всем недугам. Когда Юрию Дроздову исполнилось 14 лет, отец положил перед ним книгу «Артиллерия» и сказал, что это его будущая профессия.

Дроздов сразу же углубился в ее изучение и осенью следующего года его зачислили в 14-ю специальную артиллерийскую школу города Харькова. С началом боевых действий курсантов спецшколы отозвали из летних лагерей и направили на танкоремонтный завод помогать ремонтировать танки, прибывавшие с фронта, – это стало первым знакомством Юрия с последствиями жестокой войны. В 1942 году в Актюбинске в артшколе Дроздова чуть было не исключили из комсомола за попытку сбежать вместе с товарищами в Сталинград, в танковое училище.

В 1944 году после подготовки в 1-м Ленинградском артиллерийском училище города Энгельса Юрий уехал на фронт командиром взвода в противотанковый артиллерийский дивизион одной из гвардейских дивизий 1-го Белорусского фронта, ответив отказом на предложение остаться в училище командиром учебного взвода. Тогда он понял, что война это страшная кровавая работа, тяжелая и безжалостная. Юрий Дроздов старался делать ее добросовестно, насколько это было возможно для младшего лейтенанта в неполные 19 лет. С будущей супругой Юрий познакомился в конце войны – после освобождения Варшавы. В одну из пауз в Висло-Одерской операции 1945 года он оказался в полевом госпитале 3-й ударной армии, где встретился с Людмилой Юденич. Она родилась в селе Жихарево Вельского уезда Нелидовской волости Западной (Калининской) области.

Все годы, которые Юрий Иванович отдал разведке, супруга находилась рядом – она умела молчать, жить и напряженно ждать, во многом ограничивая себя из-за его работы. Ю. И. Дроздов благодарен ей за умение оставаться рядом с человеком тревожной судьбы. Войну он закончил в Берлине, затем с 1945 по 1952 год служил в Германии и Прибалтийском военном округе помощником начальника штаба артиллерийского полка.

В 1952 году Юрий Дроздов поступил в Москве на 4-й факультет (спецпропаганда – разложение войск и населения противника) Военного института иностранных языков Красной Армии, где с большим интересом изучал немецкий и английский языки, а также другие специальные дисциплины. Годы, проведенные в институте, обогатили Дроздова знаниями, которые пригодились в его последующей работе. Огромное чувство благодарности он испытывает к пре-

подавателям Военного института иностранных языков: К.В. Котовой (Шулешкиной), В.И. Чуваевой, А.М. Семиной, Е.В. Ивановой, Н.И. Ишканьянц, Р.Г.Лепковской, Басаргину, Парпарову. В 1956 году, когда Юрий Иванович учился на четвертом курсе, Военный институт был расформирован. Дроздову предложили продолжить учебу в Ленинградском институте КГБ. Он был переведен из кадров Советской армии в Комитет государственной безопасности, и дальнейшая многолетняя служба в Первом Главном управлении КГБ СССР позволила ему использовать полученные в ВИИЯ знания.

Юрий Иванович никогда не жалел о принятом решении, хотя оно изменило всю его дальнейшую жизнь. С этого момента все было подчинено иным законам, обязанностям, ограничениям, а содержанием жизни стало многообразное и разноликое поле разведывательной работы. В конце 1956 года Ю.И. Дроздов продолжил учебу в Институте иностранных языков КГБ СССР. Весной 1957 года предложили стать разведчиком-нелегалом. От сделанного ему предложения он не отказался. В августе того же года Юрий Дроздов с семьей выехал в Берлин в Аппарат уполномоченного КГБ СССР при МГБ ГДР, в отдел, который руководил работой нелегалов. Юрий Иванович с теплотой вспоминает своих первых руководителей: А.М. Короткова, Т.Н. Бескровного, Н.М. Горшкова, Н.А. Корзинова, Б.Я. Наливайко, В.И. Кирюхина, С.И. Буянова, А.А. Корешкова, которым благодарен за участие в своем становлении как разведчика в боевых условиях. Дроздов начинал работу рядовым оперативным работником в отделе нелегальной разведки под руководством полковника Н.М. Горшкова. Уже через 10 дней после приезда в Берлин он окунулся в разведывательную работу, познакомился с разведчиками ГДР, общение с которыми помогло ему в изучении Германии и совершенствовании немецкого языка. Чтобы преодолеть самого себя, он часами ездил по Западному Берлину, слушал речь немцев, впитывал ее эмоциональную окраску, старался перенять манеру поведения, читал различную литературу. Большую пользу Юрию Дроздову принесли лекции по искусству подражания, которые он слушал в западноберлинской театральной школе «Макс РайнхардттеатршULE». Характер заданий постепенно становился острее, использование иностран-

ных документов продолжительнее. Это позволило Юрию Дроздову почувствовать сложность и серьезность труда разведчика-нелегала, действующего в течение длительного времени в чужой стране. Помимо целого ряда разнообразных оперативных заданий, которые ему приходилось выполнять вместе с другими сотрудниками, много времени занимало участие в длительных операциях. Огласку в силу разных причин получила его роль Юргена Дривса в оперативной игре с американцами по освобождению Р.И. Абеля. По решению руководства разведки он участвовал в мероприятиях по его освобождению. Дроздов был основным корреспондентом Абеля в США в течение его пятилетнего пребывания в заключении. Судьба распорядилась так, что Юрий Дроздов посетил дачу Р.И. Абеля в 1972 году, в годовщину его смерти. Дочь Абеля Эвелин подарила ему сделанную отцом гравюру на меди «Домик в лесу», которая напоминает Юрию Ивановичу о деле, оставившем особый отпечаток в его жизни. Дроздову дорога память об этом разведчике. Они ценили друг в друге что-то свое, связывающее взаимно, невысказанное. Арест Абеля в Нью-Йорке в известной мере сказался на работе советской разведки в США, так как агентура была временно выведена или законсервирована, а замена готовилась с учетом последствий провала. Возникла необходимость заинтересовать западных работодателей в конкретном специалисте (нелегале), создать условия для контроля за ходом его проверки. У А. Корешкова появилась идея проникнуть в находящийся под контролем спецслужб пункт специальной связи, через который проходят все служебные почтовые отправления. Непосредственные руководители Юрия Ивановича идею подхватили, и он почти на два месяца превратился в «инспектора Клейнерта». Эта роль заставила Дроздова вспомнить слова одного французского полководца перед боем: «Дрожишь, скелет. Дрожишь. Ты задрожешь еще сильнее, когда узнаешь, куда я тебя поведу». Но он пошел и выдержал, выполнив свою инспекторскую функцию, перехватив документы проверки, инспектор Клейнерт возвратился в Восточный Берлин. Выведенный на замену Р. Абеля разведчик «Георгий» успешно проработал в США 15 лет и вернулся домой. Эта роль привела и к перемене в работе Юрия Ивановича, ему пришлось взять на себя выполнение ряда других опе-

ративных функций, заняться вербовкой агентуры для обеспечения деятельности нелегальной разведки. Выполняя различные поручения, он объездил всю страну, внимательно приглядываясь к людям, их нравам, привычкам. С бывшими сотрудниками Министерства безопасности ГДР Ю.И. Дроздова связывают годы совместной работы. Многие из этих людей помнят и Дривса, и Клейнерта, и Драгова (под этой фамилией его знали сотрудники МГБ ГДР), и всем он благодарен за дружбу и помощь.

В конце лета 1963 года Ю.И. Дроздов вернулся в Москву и был направлен на курсы усовершенствования оперативного состава (УСО). В декабре 1963 года в кадрах разведки Юрию Ивановичу предложили прервать учебу и начать подготовку к командировке в КНР. Перед Дроздовым поставили трудную задачу: китайское руководство еще в 1952 году развернуло глубоко законспирированную разведывательную работу по СССР, готовя пакет территориальных претензий к Советскому Союзу. К этому добавлялись острые разногласия по вопросам лидерства и задач международного коммунистического движения, отягощенные отношениями между главами обеих стран.

В конце августа 1964 года Юрий Дроздов улетел в Пекин и до 1968 года находился в Китае. Это время стало напряженным во всех отношениях, но работа в Китае позволила Дроздову понять и полюбить эту страну за ее самобытность. Спустя

годы Юрий Иванович с большой признательностью вспоминает слов С.В. Червоненко, С.Г. Лапина, дипломатов Ф.В. Мочульского, Ю.И. Раздухова, А.А. Брежнева – людей, которые помогли ему освоиться в стране, где европейцу невозможно раствориться. В конце командировки, по просьбе Ю.В. Андропова, Юрий Дроздов описал свои впечатления о работе. Он в течение месяца трудился над записками «Четыре года в Китае». У Юрия Ивановича до сих пор хранится красная эмалированная металлическая табличка с номером здания посольства СССР в Пекине и надписью: «Улица советских ревизионистов, 1».

Ю.И. Дроздову приходилось встречаться и работать со многими руководителями советского государства: Ю.В. Андроповым, А.А. Громыко, Б.Н. Пономаревым, В.М. Чебриковым, В.А. Крючковым. Записки «Четыре года в Китае» побуждали Ю.В. Андропова направить Дроздова на короткий промежуток времени в китайский отдел ПГУ, а затем в 1970 году вернуть в управление «С». Так произошло возвращение Юрия Дроздова в нелегальную разведку, где наряду с решением вопросов управления подразделениями ему пришлось побывать с различными заданиями почти на всех континентах.

В 1970-х годах Юрий Иванович принимал участие в мероприятиях по использованию «легендарной» неонацистской ячейки в Германии, сам выступил в роли бывшего офицера СС, принимавшего

гитлеровскую присягу от завербованного сотрудника БНД («Д-104»). В самом начале 1974 года огромная работа по управлению легла на плечи Юрия Ивановича, и через некоторое время он с облегчением узнал, что на его место назначили В.А. Кирпиченко. Они хорошо сработались: спорили, решали трудные вопросы, делили неприятности, поддерживали и ободряли друг друга.

В начале 1975 года Дроздов узнал о решении Ю.В. Андропова назначить его руководителем резидентуры в Нью-Йорке в связи с необходимостью перехода к более активным формам работы. В США Юрий Иванович провел 4 года, начав свою деятельность в период, когда Америка готовилась к предстоящим президентским выборам 1976 года. С руководством Представительства СССР при ООН и других советских учреждений у Ю.И. Дроздова установились хорошие отношения, которые способствовали организации работы.

Положительное отношение к работе разведки наблюдалось и со стороны министра иностранных дел А.А. Громыко, представителя СССР при ООН Я.А. Малика, посла СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрынина, которые всегда содействовали ему в решении возникавших проблем. В течение первых 6 месяцев резидентура заново оценила деятельность ЦРУ и ФБР, критически пересмотрела свои действия, внесла коррективы в организацию и обеспечение безопасности разведывательной деятельности. Коллектив разведчиков работал с риском: смело, изобретательно и результативно. Один из наиболее важных законов войны разведок – это искусство обнаружить скрытое агентурное наблюдение контрразведки, переключить ее внимание на ложное направление, обеспечить наиболее безопасные условия для собственной разведывательной работы. Это вечный поиск, учет всех мелочей, их проверка, моделирование фантастических ситуаций и гадание почти «на кофейной гуще». В работе разведки риск присутствует всегда. Его степень повышается при проведении острых и сложных операций, особенно в такой стране, как США, с хорошо отлаженной работой местной контрразведки и сложной политической обстановкой.

Осенью 1979 года Юрий Дроздов получил телеграмму Центра с указанием вернуться на работу в Москву начальником управления «С». 14 ноября 1979 года его утвердили в новой должности, и на

целые 12 лет Юрий Иванович связал свою жизнь с напряженной и беспокойной жизнью нелегальной разведки. Уже через месяц он вылетел в Афганистан, где находилась в краткосрочной командировке часть его сотрудников. Известно, что с середины декабря 1979 года началась переброска мелких спецподразделений в Афганистан. 14 декабря в Кабул прибыли две специальные группы КГБ СССР по 30 человек каждая (в Афганистане они назывались «Гром», куда входили отличные спортсмены, и «Зенит», в составе которой находились спецназовцы разведки из балашихинской школы). С утра 17 декабря располагавшийся в Баграме «мусульманский» батальон тоже начал выдвижение к афганской столице, сосредоточившись в районе Дар-уль-Аман. Вечером следующего дня в Москве полковник В.В. Колесник получил приказ от начальника ГРУ Генштаба вылететь в Афганистан для выполнения специального правительственного задания. Вместе с ним направили подполковника Олега Швеца. К месту назначения они прибыли с сотрудниками Комитета государственной безопасности «полковником» Ю.И. Дроздовым и подполковником Э.Г. Козловым.

20 декабря 1979 года за Дроздовым и Козловым в Баграм приехал офицер безопасности посольства, который доставил их в Кабул. В.В. Колесника назначили руководителем операции, которая получила кодовое наименование «Шторм-333». 24 декабря 1979 года с одним из генералов советнического аппарата Ю.И. Дроздов побывал на объекте, в овладении которым планировал принять непосредственное участие. Это был один из наиболее сложных моментов предстоящей операции, которая требовала личной и детальной рекогносцировки. Юрий Иванович оказался в группе генерала С.К. Магометова и принял участие в обсуждении плана захвата дворца.

Рельеф местности представлял собой форму бутылки, горловину которой закрывала высота с дворцом Тадж-Бек. Юрий Дроздов предложил «войти в бутылку» и все начать оттуда. Уже к исходу дня объявили, что в Центре принято решение перебросить его на объект Тадж-Бек, так Юрий Иванович стал одним из руководителей операции «Шторм-333». Система охраны дворца Тадж-Бек была организована тщательно и продуманно. Внутри здания несла службу личная охрана Амина, состоявшая

из его родственников и особо доверенных людей.

21 декабря полковника В.В. Колесника и майора Т.Х. Халбаева вызвали к главному военному советнику в Афганистане, от которого они получили приказ усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Им предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов. По легенде, полковник В.В. Колесник действовал в роли «майора Колесова», заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О. Швец, «майора Швецова» – офицера особого отдела. Ю. Дроздов стал капитаном Лебедевым – заместителем Х. Халбаева по технической части. Возвратившись из посольства в расположение батальона, полковник В.В. Колесник возглавил подготовку к боевым действиям по захвату дворца. Активную помощь в этом ему оказывал подполковник О.Л. Швец.

Вечером 25 декабря 1979 года Юрий Дроздов провел совещание с командирами своих разведывательно-диверсионных групп о результатах разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все были готовы, но доставало плана дворца, но 26 декабря провели в него разведчиков-диверсантов, которые все осмотрели и составили поэтажный план. Офицеры «Грома» и «Зенита» провели разведку огневых точек, расположенных на ближайших высотах. Все эти дни велось круглосуточное визуальное наблюдение за дворцом Тадж-Бек. Разведчики ночью приближались как можно ближе к объекту и оставались там на весь день. Находящийся на окраине Кабула дворец Тадж-Бек располагался на высоком, поросшем деревьями и кустарником крутом холме, который был оборудован террасами и заминирован. К нему вела единственная дорога, круглосуточно усиленно охраняемая.

Вечером 26 декабря В. Колесник, Э. Козлов, О. Швец и Ю. Дроздов еще раз отработали план операции. Его основным замыслом стало решение главной задачи силами двух смешанных штурмовых групп: «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Планом операции предусматривалось в назначенное время тремя ротами

занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу Тадж-Бек афганских батальонов верных Х.Амину. Главная роль в начальный период советского военного присутствия в ДРА отводилась силам специального назначения. Фактически первой боевой акцией в операции «Шторм-333», которую осуществили 27 декабря советские подразделения и группы спецназа, стал захват дворца Тадж-Бек и отстранение от власти Х. Амина. Для каждого спецназовца штурм дворца Амина стал кульминационным моментом жизни, навсегда оставшимся в памяти.

Начиная с 1979 года, и вплоть до ухода в отставку Юрий Иванович курировал работу подразделений нелегальной разведки в Афганистане. Уже в январе 1980 года в беседе с маршалом С.Ф. Ахромеевым был поставлен вопрос о постепенном выводе советских войск из этой страны. Среди афганских разведчиков и офицеров «Коммандос» у Дроздова осталось много друзей. Четыре долгих, напряженных, полных тревог и опасностей года провел в доме на окраине Кабула и его сын с семьей.

В 1979-1988 годах Юрий Иванович сделал все возможное для того, чтобы снизить до минимума потери среди своих подчиненных и личного состава приданных подразделений обеспечения. «Каскадеры» сохранили теплую память друг о друге. Где-то в запасниках разведки хранится сверкающий никелем карабин, который они преподнесли Ю.И. Дроздову с дарственной надписью «Командиру от декабристов», а самому Юрию Ивановичу об этих днях постоянно напоминает самодельная медаль «Каскадеров». На ее маленьком латунном диске изображена речка Кабулка, город на фоне гор, а на обратной стороне слова: «Ничто на земле не проходит бесследно. Помни Афганистан».

И «афганцы» все помнят. Каждый год 27 декабря в 15.00 они встречаются на условленном еще после первого боя месте – постоят, посмотрят друг на друга, поговорят и помолчат. События в Афганистане 1978-1980 годов заставили создать и послать туда укомплектованные спецрезервистами внеструктурные подразделения типа «Зенита» и «Каскада», а у Юрия Дроздова возникла идея создания «Вымпела» – совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период».

обратно в море. Самым главным для разведчиков стало чувство патриотизма и уверенности в своих боевых товарищах.

После 1991 года «Вымпел» передали в Межреспубликанскую службу безопасности, затем в Агентство федеральной безопасности РФ, а после указа президента о создании Министерства безопасности с 24 января 1992 года «Вымпел» вошел в его состав на правах самостоятельного управления. Американские коллеги объявили Юрия Дроздова «человеком-легендой», прошлое которого уникально для офицера КГБ.

В мире есть две профессии, представители которых в случаях крайней опасности первыми идут на риск, не щадя жизни, – это разведчики и солдаты. В конце декабря 1994 года московское частное издательство «Вла-Дар» небольшим тиражом выпустило книгу Ю. Дроздова «Нужная работа (записки разведчика)». Ее появление привлекло внимание средств массовой информации ближнего и дальнего зарубежья, главы из книги печатались в газетах «Кто есть Кто», «Сегодня» (Латвия).

В 1996–2000 годах в связи с интересом читателей книга трижды перерабатывалась и переиздавалась. Группа Е.В.Ковалевой и И.Г.Свешниковой сняла по ее мотивам фильм «Разведчик специального назначения», общественный просмотр которого состоялся в Москве летом 1995 года и произвел переполох в спецслужбах ФРГ. Немного позднее той же группой снят фильм «Равных им не было», который открыл телезрителям историю группы специального назначения «Вымпел». Бывшие разведчики спецназа Комитета госбезопасности, посещавшие Москву в 1995–1996 годах, увезли книгу в разные концы России, и автор глубоко тронут их теплыми откликами.

В июне 1991 года Ю.И. Дроздов вышел на пенсию. Опыт, подготовка и квалификация Юрия Ивановича уникальны – за годы, прошедшие после написания первого варианта книги, в его жизни свершилось немало событий. Ю.И. Дроздов не смог остаться в стороне от сегодняшней жизни. Старая привычка разведчика – наблюдать, собирать и анализировать информацию пригодилась ему как руководителю аналитического центра АО «Намакон» (Независимое агентство маркетинга и консалтинга). Ю.И. Дроздов является автором книг: «Нужная работа» (1994), «Вымысел исключен» (1996), «Записки начальника нелегальной разведки» (1998,

2000), «Операция «Шторм-333» (в соавторстве, 1999), «Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки» (2005), «Юрий Андропов и Владимир Путин (на пути к возрождению)» (в соавторстве, 2002), «Мировая террористическая» (в соавторстве, 2004).

Генерал-майор Ю.И. Дроздов награжден орденами Ленина (1981), Октябрьской Революции (1980), Красного Знамени (1978), Трудового Красного Знамени (1966), Отечественной войны I степени (2000), Красной Звезды (1945), медалью «За боевые заслуги», другими российскими, советскими и зарубежными наградами, в том числе почетным знаком «За службу в разведке» (1991) и орденом Ю.В. Андропова Академии национальной безопасности (2004).

Юрий Иванович – почетный сотрудник КГБ СССР, действительный член Академии изучения проблем национальной безопасности (с 1997г.). Он любил лес и автомобильные путешествия. Бывали отпуски, когда из-под колес его машины убегали тысячи километров дорог. На восточном Валдае находилось его любимое озеро Волчина, где в течение 15 лет он частенько разбивал палатку – там между Вышним Волочком, Удомлей и Максатихой спрятался скромный, неповторимый уголок России. Путешествовал Дроздов всегда с супругой и любимым ротвейлером Вильмой. Увлекался фотографией.

Он любил работать с деревом – щекочущий запах стружки иногда наводил Юрия Ивановича на мысль, что он мог бы овладеть специальностью деревообработчика. Любил книги – произведения К. Паустовского, В. Пиккуля и Б. Васильева («Были и небыли»), исторические романы, хроники. Близкие друзья Ю.И. Дроздова – Владислав Навротский, Василий Михайлец и Борис Бурштейн. Они разные по характеру, но Юрию Ивановичу всегда было удивительно легко с этими людьми. Все они, бывшие офицеры, которых сроднила война и служба в армии. И хотя жизнь разбросала их по разным городам России, эти редкие встречи – праздник большой солдатской дружбы, прямоты и откровенности в отношениях друг с другом. Свой долг солдата незримого фронта Ю.И. Дроздов выполнил до конца. 21 июня 2017 года на 93 году жизни после тяжелой и продолжительной болезни в Москве ушел из жизни великий гражданин и защитник Отечества Юрий Иванович Дроздов. Светлая ему память потомков.

27 ДЕКАБРЯ 1979 ГОДА. КАБУЛ. ОПЕРАЦИЯ «ШТОРМ-333»

«Мусульманский» батальон спецназа ГРУ поступил в распоряжение Главного военного советника СССР республики Афганистан генерал-полковника Султана Магомедова. 18 декабря я и подполковник Э.Г. Козлов представители КГБ СССР прилетели в Кабул. Вместе с нами одним рейсом летели представители ГРУ полковник В.В. Колесник и подполковник О.У. Шве́ц. Им была поручена операция по захвату дворца Тадж-Бек. 19 декабря В. В. Колесник и О. У. Шве́ц представились главному военному советнику генерал-полковнику С. К. Магомедову и резиденту ГРУ.

После прозвучавших в адрес командования «мусульманского» батальона претензий со стороны Магомедова, полковник Колесник, хорошо знавший майора Халбаева, взял его под свою защиту, сказав, что комбат – человек толковый, хотя и немногословный, в трудную минуту на него можно положиться, не подведет.

20 декабря Колесник и Шве́ц поехали в расположение батальона, который разместился в километре от дворца Тадж-Бек, в недостроенном здании, с окнами без стекол – вместо них были натянуты плащ-палатки, с «буржуйками», кроватями в два яруса. Афганцы выделили бойцам одеяла из верблюжьей шерсти. В тот год зима в Кабуле была суровой, ночью температура доходила до 30 градусов мороза. Продукты питания бойцы покупали на рынке.

Система охраны дворца была организована тщательно и продуманно. Внутри службу несла личная охрана Амина, состоящая из его родственников и особо доверенных людей. Они и форму носили особую, отличную от других афганских военнослужащих.

По легенде полковник В. В. Колесник действовал в роли «майора Колесова» -заместителя командира батальона по боевой подготовке, а подполковник О. У. Шве́ц – под псевдонимом «майор Швецов», офицер особого отдела. Я же действовал под псевдонимом «капитан Лебедев», заместитель Халбаева по технической части.

22 и 23 декабря советский посол проинформировал Амина, что Москва удовлетворила его просьбу о вводе советских войск в Афганистан на 25 декабря. Амин выразил

благодарность советскому руководству и дал распоряжение ВС ДРА об оказании содействия вводимым войскам.

Мы быстро установили контакт с командиром афганской охранной бригады майором Джандадом, выпускником Рязанского училища ВДВ и Академии имени Фрунзе, порученцем Амина, согласовали с ним расположение оборонительных позиций подразделений батальона и все вопросы взаимодействия.

По свидетельству Магомедова, когда он разговаривал по спецсвязи с Д. Ф. Устиновым, министр обороны спросил его: «Как идет подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?» Но Магомедов не знал об этом. Через день представитель КГБ СССР генерал-лейтенант Б. Иванов, переговорив с Ю. В. Андроповым, пригласил к себе Магомедова и показал ему разработанный сотрудниками КГБ план ликвидации Амина. Соотношение сил и средств на всех направлениях складывалось 1:15 в пользу афганцев.

Утром 24 декабря полковник Попышев, советник командира афганской бригады охраны дворца, сделал доклад по вопросу захвата дворца. Сразу было видно, что к своей миссии он подошел формально, по принципу «чего изволите» – ведь задачу выполнять предстояло не ему.

Затем свое решение по захвату дворца Тадж-Бек предложил полковник Колесник. Обосновал необходимость участия в штурме всего батальона приданными силами и средствами, детально изложил план действий. После долгих обсуждений командиру батальон сказали – «Ждите!» Ждать пришлось долго, к концу дня сообщили, что решение утверждается, и батальон будет выполнять задачу в полном составе. Но подписывать этот план не стали. Сказали: «Действуйте!»

24 декабря Магомедов и Колесник приехали на переговорный пункт, расположенный на стадионе «Клуб-э-Аскари», недалеко от американского посольства. По правительственной связи позвонили в Термез первому заместителю начальника Генштаба СА генералу армии С. Ф. Ахромееву, который осуществлял руководство вводом советских войск в Афганистан.

Ахромеева заинтересовали даже мельчайшие детали плана захвата дворца и правительственных зданий. В ходе разговора он давал указания и делал замечания. Когда выходили из переговорной кабинеты, Магомедов сказал Колеснику: «Ну, полковник, у тебя теперь или грудь в крестах, или голова в кустах!»

К двум часам ночи зашифрованный доклад ушел в Москву. Доехали до посольства. Министерством обороны СССР Колесник был назначен руководителем операции.

Руководить действиями спецназа КГБ было поручено мне.

Вечером 25 декабря 1979 года я провел совещание с командирами своих разведывательно-диверсионных групп по результатам разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все было готово.

Офицеры «Зенита» и «Грома» М. Романов, Я. Семенов, В. Федосеев и Ж. Мазаев провели рекогносцировку ближайших высоток.

Поздно вечером 26 декабря Колесник и я вместе с Козловым и Шве́цом еще раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение главной задачи силами двух смешанных штурмовых групп «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия.

Планом предусматривалось тремя ротами занять участки обороны и не допустить выдвижения к дворцу афганских батальонов: трех мотопехотных и одного танкового. Таким образом, против одного батальона противника должна была действовать рота спецназа. Командиром приданной парашютно-десантной роты был старший лейтенант Валерий Востротин. Десантники выделялись своей выправкой и организованностью. Сам Востротин в Афганистане волевал трижды. Сначала командиром роты, был тяжело ранен в июле 80-го. Затем командовал батальоном. Еще одно ранение. Потом командовал 345-м отдельным парашютно-десантным полком и стал Героем Советского Союза.

Против танкового батальона

выставляли взвод ПТУРС «Фагот». Еще одна рота предназначалась для непосредственного штурма дворца. Вместе с ней должны были действовать две специальные группы КГБ. Частью сил предполагалось захватить и разоружить зенитный и строительный полки. Предусмотрели также охрану и резерв.

Одной из важнейших задач был захват двух закопанных танков, которые держали под прицелом все подходы к дворцу.

Для этого выделили 15 человек во главе с заместителем командира «мусульманского» батальона капитаном Сатаровым, а также двух снайперов из КГБ. От действий этой группы во многом зависел успех всей операции.

Командование батальона и Колесник понимали, что задача может быть выполнена при условии внезапности и военной хитрости. В противном случае им никому живыми не уйти. Поэтому, чтобы приучить афганцев и не вызвать у них подозрений, разработали соответствующий план и начали проводить демонстрационные действия: стрельба, выход по тревоге и занятие установленных участков обороны. В ночное время пускали осветительные ракеты. Так как ночью был сильный мороз, по графику прогревали моторы БТРов и боевых машин пехоты, чтобы можно было по сигналу их сразу же завести.

Сначала это вызывало беспокойство у командования бригады охраны дворца. Например, когда первый раз запустили ракеты, расположение батальона мгновенно осветили прожекторы зенитного полка, и приехал начальник охраны дворца майор Джандад. Ему рассказали, что идет обычная боевая учеба и проводятся тренировки для выполнения задачи по охране дворца, а местность освещают, чтобы исключить возможность внезапного нападения на дворец со стороны моджахедов. В последующем афганцы просили, чтобы не очень шумели моторы боевой техники ночью, так как это мешает спать Амину.

Командир батальона майор Халбаев и полковник Колесник сами ездили к командиру бригады и успокаивали его. Постепенно офицеры-афганцы привыкли и перестали настороженно реагировать на подобные «маневры» батальона спецназа ГРУ.

Новую задачу в батальоне знали только Колесник, Шве́ц и Халбаев. Советские военные советники и специалисты, работавшие

в войсках ПВО ДРА, установили контроль над всеми зенитными средствами и местами хранения боеприпасов, а также временно вывели из строя некоторые зенитные установки (сняли прицелы и замки). Таким образом, была обеспечена беспрепятственная посадка самолетов с десантниками.

Ночью 24 декабря командующий войсками Туркестанского округа генерал-полковник Ю. П. Максимов доложил министру обороны СССР и начальнику Генштаба маршалу Огаркову о готовности войск к выполнению поставленной задачи.

25 декабря 1979 года в 12-00 в войска поступило Распоряжение министра обороны Д. Ф. Устинова о переходе государственной границы ДРА войсками 40-й армии и авиации ВВС.

26 декабря для установления более тесных контактов в «мусульманском» батальоне устроили прием для командования афганской бригады охраны. Приготовили плов, на базаре купили зелень. Сотрудники КГБ привезли ящик «посольской» водки, коньяк, икру, рыбу. Из бригады охраны пришло 15 человек во главе с командиром и замполитом.

Во время ужина старались разговаривать афганцев, произносили тосты за советско-афганскую дружбу, за боевое содружество. (Здесь уместна аналогия с историей Древней Руси, когда княжеская специальная охрана, фактически тот же современный спецназ, во время хмельных застолий полностью вырезала делегации татаро-монгольских послов. На следующий день все эти офицеры-афганцы будут расстреляны советским спецназом, не успев переварить «дружескую» советскую икру и водку. – авт.) Сами пили гораздо меньше, иногда солдаты, обслуживающие прием, наливали своим офицерам воду. Особенно разговорчивым оказался замполит бригады, который в пылу откровенности рассказал «капитану Лебедеву» (псевдоним Ю. И. Дроздова – авт.) у что Н. Таракки был задушен по приказу Амина тремя офицерами охраны.

Это была новая и очень важная информация. Джандад быстро распорядился, и замполита тут же куда-то увели. В конце приема все рассстались если не друзьями, то, по крайней мере, хорошими знакомыми.

27 декабря воздушно-десантные подразделения 103-й дивизии генерал-майора И. Ф. Рябченко и спецназ КГБ вышли к важным ад-

министративным и специальным объектам в столице и «усилили» их охрану. Части 108-й мотострелковой дивизии к утру 28 декабря сосредоточились в районе северо-восточнее Кабула.

Колесник и я доложили в Москву новый план боя. План вернули без подписи со словами «Действуйте!» Как наши отцы-командиры боялись ответственности!

Наши военные советники получили разные задачи: некоторые из них 27-го должны были остаться в частях на ночь, организовать ужин с подопечными афганцами (для этого им было выдано спиртное и закуска) и ни при каких обстоятельствах не допустить выступления афганских частей против советских войск.

Утром 27 декабря я пригласил В. В. Колесника к себе в номер посольской гостиницы, в баню. По старому русскому обычаю помылись и сменили белье, молча, выпили бутылку коньяка. Впереди нас ждал бой.

К началу операции «Шторм-333» спецназовцы из «мусульманского» батальона и группы «Гром» (командир майор Семенов) и «Зенит» (командир майор Романов) детально знали объект захвата №1: подходы, режим охраны, численность охраны и телохранителей Амина, расположение пулеметных точек, расположение комнат и лабиринтов дворца Тадж-Бек, размещение аппаратуры. Перед штурмом дворца спецгруппа КГБ взорвала Центральный узел связи, так называемый «Колодец». Готовились штурмовые лестницы.

После бани я и Колесник снова зашли к своему руководству. В район расположения «мусульманского» батальона ехали молча.

Колесник отдал распоряжения командирам рот, приказал переместить одну из «Шилок» на другую позицию. На одной из высоток мы увидели афганских офицеров, участвовавших в расположении батальона спецназа ГРУ. К афганцам поехал Швец. После штурма дворца ко мне приведут майора Джандада, который расскажет, что они от агентов получили сообщения о наших намерениях, не поверили, но на всякий случай решили провести рекогносцировку.

Из штаба нам передали, что штурм назначен на 19-00, мы провели срочное совещание командиров. Как старшему по званию Колесник предложил мне открыть это совещание.

Около шести часов вечера группа захвата капитана Сатарова вы-

ехала на машине ГАЗ-66 в направлении высоты, где были закопаны танки. Танки охраняли часовые, а экипажи находились в блиндажах, метрах в двухстах.

В часовых должны были стрелять снайперы В. Цветков из «Зенита» и Д. Волков из «Грома».

Полковник Бояринов, входивший в состав «Зенита», заметнo волновался, так как прибыл в Кабул накануне и еще не освоился в новой обстановке.

Когда машина Сатарова подъехала к расположению третьего батальона, оттуда раздалась автоматные очереди. Полковник Колесник немедленно скомандовал «Огонь! Вперед!» Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты – сигнал к началу штурма для солдат и офицеров «мусульманского» батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Было примерно 19-15 вечера.

Первой по команде капитана Паутова открыла огонь прямой наводкой по дворцу батарея ЗСУ-23-4 («Шилка»). Автоматические гранатометы АГС-17 ударили по расположению танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам.

По плану к дворцу первой должна была прорваться рота старшего лейтенанта Владимира Шарипова на десяти БМП с поддержкой подгруппы «Грома» во главе с О. Балашовым, В. Емышевым, С. Головым и В. Карпухиным. Майор Яков Семенов со своим «Зенитом» на чetyрех БТРах получил задачу прорваться к торцевой части дворца. У фасада обе группы должны были встретиться. Общее руководство ими осуществлял полковник Г. И. Бояринов. Боевые машины сбили охранение и устремились к Тадж-Беку. На трех БТРах выдвинулась группа «Зенита», старшими были А. Карелин, Б. Суворов и В. Фатеев. Четвертая подгруппа «Зенита» во главе с В. Щиголовым оказалась в колонне «Грома». У шедшего первым БТРа были повреждены все колеса, а машина Бориса Суворова сразу же загорелась, и он погиб.

В Кабуле уже гремели взрывы – это спецгруппа КГБ из «Зенита» (старший – Борис Плешкунов) подорвала «колодец» связи.

Командиру первой подгруппы О. Балашову осколками пробито бронешлем, но он в горячке боя даже не почувствовал боли и бросился к дворцу.

Рота Шарипова прикрывала внешние подступы к дворцу. Другие роты «мусульманского» батальона обеспечивали внешнее коль-

цо прикрытия. Ураганный огонь из дворца прижал бойцов спецназа к земле, но через минуту «Шилка» подавила пулемет. Вторая БМП столкнула горящую машину и рванула вперед. Еще на подступах к дворцу был убит Г. Зудин, ранены С. Кувылин и Н. Швачко. В первые же минуты боя у майора М. Романова было ранено 13 человек. В «Зените» В. Рязанов получил сквозное ранение в бедро, сам сделал перевязку и снова пошел в бой. В числе первых во дворец ворвались А. Якушев и В. Емышев. Афганцы со второго этажа бросали гранаты. Якушев упал, сраженный осколками гранат, а Емышев был тяжело ранен в правую руку, которую потом пришлось ампутировать.

Э. Козлов, М. Романов, С. Голов, М. Соболев, В. Карпухин, А. Плюснин, В. Гришин, В. Филимонов, Я. Семенов с бойцами «Зенита» В. Рязановым, В. Быковским, В. Макаровым и В. Поддубным первыми ворвались в здание дворца. А. Карелин, В. Щиголов и Н. Курбанов штурмовали дворец с торца. Спецназовцы действовали отчаянно и решительно.

Бой в самом дворце сразу же принял ожесточенный характер. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то в них выламывали двери, внутрь бросали гранаты, а затем без разбору стреляли из автоматов. «Шилки» на это время перенесли огонь на другие объекты.

Все шло как будто по плану, но случилось непредвиденное: при выдвигении батальона спецназа ГРУ в район боевых действий с построенного через арык мостика свалился один бронетранспортер и перевернулся. Люки оказались заблокированными, и экипаж не мог выйти. Командир отделения стал вызывать по радиостанции подмогу. Он включился на передачу, безостановочно вызывая своего командира. Этим он в самый ответственный момент парализовал радиосвязь всего батальона. Командованию батальона пришлось использовать другие средства связи, предусмотренные заранее.

Другая рота и два взвода вели огонь по танковому батальону и не дали его личному составу добраться до танков. Затем они захватили танки и одновременно разоружили личный состав строительного полка. Спецгруппа спецназа захватила вооружение зенитного полка, а личный состав взяла в плен. На этом участке руководство боевыми действиями осуществлял подполковник ГРУ О. У. Швец.

Во дворце офицеры и солдаты личной гвардии Амина, его телохранители, – а это 100-150 человек – отчаянно сопротивлялись и в плен не сдавались.

«Шилки» снова перенесли огонь и стали бить по Тадж-Беку и по площадке перед ним. Всем бойцам советского штурмующего спецназа была дана команда на площадку не соваться, так как выпускать никого живыми из дворца не будет. В здании на втором этаже начался пожар. Стрельба и взрывы усиливались. Солдаты Амина, услышав русский мат, стали сдаваться своим «друзьям-шурави».

Позже не раз мне приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брал спецназ КГБ, а армейский спецназ только присутствовал при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни чекисты ничего бы сделать не смогли. Конечно, по уровню личной подготовки спецназовцам ГРУ трудно было тягаться с профессионалами КГБ, но именно они обеспечивали успех всей операции. Когда штурмовые группы разведчиков-диверсантов КГБ ворвались во дворец и устремились к своим объектам внутри здания, встречая сильный огонь охраны, бойцы спецназа «мусульманского» батальона ГРУ создали жесткое непроницаемое огневое кольцо вокруг объекта, уничтожая все, что оказывало сопротивление. Без этой помощи потеря было бы значительно больше. Ночной бой, бой в здании требуют теснейшего взаимодействия и не признают выделения каких-либо предомств.

Амин приказал адъютанту позвонить и предупредить советских военных советников о нападении на дворец: «Советские помогут!» Но адъютант доложил, что стреляют именно советские. Эти слова вывели Генерального секретаря ЦК НДПА из себя, он схватил пепельницу и бросил ее в адъютанта, закричав: «Врешь! Не может этого быть!»

Амин попытался связаться с командиром своей 4-й танковой бригады, но связи не было. Через час советский спецназ ликвидировал президент ДРА.

На двух захваченных танках ко дворцу подъехал капитан Сатаров и доложил полковнику Колеснику, что видел, проезжая мимо третьего батальона бригады охраны, как в нем объявили тревогу. Афганские солдаты получают боеприпасы, а рядом стоят командиры батальона. Колесник приказал захватить командиров батальона и доставить их к нему. В перестрелке бойцы

Ю. И. Дроздов с группой участников штурма дворца Амина. Кабул. 28 декабря 1979 года

капитана Сатарова уложили 250 афганцев взбунтовавшегося батальона.

С командного пункта, вырытого на гребне горы рядом с одной из «Шилок», я и Колесник руководили боем. По кратким радиосообщениям мы чувствовали его ритм, нарастание и затухание. В какой то момент наступило резкое усиление огня – и внезапно тишина обрушилась на нас.

– Все! – сказал Колесник. И добавил: – Это мой первый настоящий бой в жизни! А у вас?

– Очередной, – ответил я.

Бой продолжался 43 минуты.

Командир роты старший лейтенант Шарипов доложил, что дворец захвачен. Полковник Колесник дал команду на прекращение огня и перенес свой командный пункт непосредственно во дворец.

Когда мы с Колесником поднялись к Тадж-Беку, к нам стали подходить командиры штурмовых групп с докладами. В. Карпухин подошел к нам с каской в руках и показал застрявшую в тримплексе пулю: «Смотрите, как повезло! Я теперь маму увижу!»

Раненых и убитых бойцов я приказал срочно эвакуировать на БМП и БТРах.

В атаке был убит общий руководитель спецгрупп КГБ полковник Г. И. Бояринов, и его заменил

подполковник Э.Г. Козлов. Всего погибло 5 офицеров спецназа КГБ и ранено было 17 человек. В «мусульманском» батальоне погибло 5 офицеров, ранено было 35 бойцов. Медик батальона капитан Ибрагимов перевозил своих раненных товарищей на броне БТРов в кабульскую больницу.

Советские военные советники и переброшенные в столицу воздушно-десантные войска не позволили афганским батальонам прорваться ко дворцу.

Захват остальных государственных объектов в Кабуле прошел спокойно и с минимальными потерями.

Начальник Генерального штаба полковник Якуб забаррикадировался в одной из комнат и начал по рации вызывать подмогу, рассчитывая прежде всего на 444-ю бригаду командос. Однако никто не пришел к нему на выручку, и к полуночи, поняв бесперспективность сопротивления, Якуб сдался. В группе захвата присутствовал лидер партии «Парчам» Абдул Валиль, который зачитал сходу смертный приговор Якубу и тут же привел его в исполнение.

Так была открыта трагическая страница – как в истории Афганистана, так и Советского Союза.

Утром 1700 бойцов бригады окранны дворца были взяты в плен.

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР 400 человек сотрудников спецназа КГБ и ГРУ были награждены орденами и медалями. Полковнику Г. И. Бояринову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Героя дали мне, Э.Г. Козлову, В.Ф. Карпухину, а командир группы «Гром» М.М. Романов был награжден орденом Ленина. О.У. Швеца и Я.Ф. Семенова наградили орденами Боевого Красного Знамени. Халбаева, Сатарова и Шарипова тоже наградили орденами Боевого Красного Знамени. А 300 бойцам и офицерам «мусульманского» батальона вручили ордена и медали СССР.

31 декабря я вместе с одним из офицеров ГРУ был на докладе у маршала Н.В. Огаркова, начальника Генштаба, где отчитался за штурм аминовского дворца.

На вопрос маршала, почему не утверждена боевая карта операции двумя генералами, в том числе и Главным военным советником в Афганистане – Магомадовым, я лишь пожал плечами. Обычно сдержанный маршал Огарков яростно выругался в адрес двух генералов, которым не хватило мужества поставить свои подписи на боевой карте операции, и спрятал в свой сейф этот омытый кровью спецназа документ».

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ОВСЕЕНКО

Михаил Яковлевич Овсеенко, в настоящее время генерал-майор в отставке, родился 17 сентября 1932 года в г. Уссурийске Приморского края. В 1955 г. окончил горный факультет Дальневосточного политехнического института в г. Владивостоке, после чего в течение трех с половиной лет работал начальником геологической партии.

В 1960 г. окончил двухгодичную школу военной контрразведки в г. Тбилиси, служил на Дальнем Востоке. В 1971 г. получил диплом об окончании военного училища. Прошел путь от оперуполномоченного до начальника Особого отдела КГБ СССР по 5-й общевойсковой армии.

В мае 1982 г. был направлен в г. Ташкент на должность заместителя начальника Особого отдела КГБ СССР по Туркестанскому военному округу. С сентября того же года стал исполнять обязанности куратора Особого отдела 40-й Армии в Афганистане. Одновременно был членом оперативной группы командующего ТуркВО в г. Кабуле, а затем членом оперативной группы министерства обороны СССР, руководимой Маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым.

В конце 1985 г. назначен начальником Особого отдела КГБ СССР ограниченного контингента совет-

ских войск в ДРА. В боевых операциях участвовал с 1983 г.

С октября 1987 г. – заместитель начальника Особого отдела КГБ СССР по ЛенВО. Уволен по возрасту в 1992 г. Работал в коммерческих структурах. С 1998 г. занимал должность генерального директора фирмы. С июля 2012 г. – пенсионер.

Неоднократно публиковался в средствах массовой информации. В сборнике «Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане» помещен его очерк (2010 г.). М. Я. Овсеенко активно участвует в общественной жизни, в работе ветеранских организаций и в работе Музея политической истории Санкт-Петербурга.

В 2014 г. вышла первая книга М.Я. Овсеенко «Афганистан глазами очевидца». Она была отмечена дипломом Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

В 2015 г. вышло дополненное издание этой книги «Записки военного контрразведчика».

В 2017 г. издана книга «Неизвестные герои войны в Афганистане». Автор стал лауреатом Всероссийской литературной премии имени А. К. Толстого за историко-патристические произведения.

В октябре 2017 г. М. Я. Овсеенко принят в члены Союза писателей России.

Михаил Яковлевич Овсеенко за период службы в Афганистане награжден орденами Боевого Красного знамени и Красной Звезды, медалями «За отличие в охране государственной границы СССР», «Ветеран Вооруженных сил СССР», «Воин-интернационалист», грамотой Президиума Верховного Совета СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан». Правительство Афганистана наградило М. Я. Овсеенко орденом Боевого Красного знамени и медалью «От благодарного афганского народа»

В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НЕТ МОДЖАХЕДОВ

Известно, что ввод советских войск в Афганистан осуществлен в конце декабря 1979 года в рамках международного права, что подтвердил и президент Российской Федерации В. В. Путин (интервью В. Соловьева, «АиФ» № 52 от 23 декабря 2015 г.). При этом Советский Союз руководствовался только интересами национальной безопасности своей страны. Никаких других геополитических целей, кроме оказания Афганистану гуманитарной помощи, не предусматривалось.

Положение власти молодой республики в канун нашего необъявленного появления в Афганистане значительно осложнилось. Началом эскалации внутривластной напряженности в государстве послужили стремительно нарастающие боевые действия бандотрядов и групп.

Серьезным испытанием нового правительства в Кабуле стал Гератский мятеж, инициированный Ираном и приблизивший афганскую республику к драматической черте.

Банддвижение в этой стране возникло еще при короле Захир Шахе, а усилилось после совершения Даудом государственного переворота в 1973 году, то есть задолго до появления советских войск. Их присутствие в Афганистане никто не мог и предположить, хотя просьбы руководства ДРА об оказании им военной помощи следовали постоянно, начиная с марта 1979 года и до конца декабря того же года, при этом со стороны СССР всегда следовал отказ.

Совершенный Даудом переворот по политическому и социальному содержанию разительно отличался от социал-демократической революции в апреле 1978 года. Казалось бы, достигнуто главное: монархию свергли, государство осталось мусульманским, религия сохранила свою суннитскую направленность, власть сохранена за феодалами и крупными землевладельцами. Что еще надо? Оказалось, что неудовлетворенными остались властные амбиции лидеров еще до конца не сформированных в то время оппозиционных партий. Этот переворот вызвал взрыв протестного и вооруженного движения в стране. Так, руководитель создаваемой в тот период «Исламской партии Афганистана» (ИПА) Х. Гульбедин стал настойчиво выступать за немедленное вооруженное восстание с целью свержения Дауда и образования теократического государства. Заметно усилилось повстанческое движение в Панджшере.

В Пешаваре ускоренными темпами стали создаваться новые оппозиционные партии. Вскоре их количество выросло с двух до шести, и начались массовые засылки в Афганистан вооруженных отрядов и групп. К нашему приходу в ДРА число личного состава в действующих бандах достигло 40 тысяч подготовленных в Пакистане боевиков, которые полностью контролировали семь из 28 афганских провинций.

Финансирование, поставки оружия и боеприпасов осуществляли США, Саудовская Аравия, Иран, Ки-

тай, Япония и другие арабские и западные страны. Только ЦРУ Америки ежегодно выделяло оппозиции по 600 миллионов долларов. Это давало возможность лидерам партий личного обогащения. Никто из них ни разу не посетил Афганистан в период войны, в том числе в целях проверки и организации боевых действий подчиненными им «моджахедами». Их раздирали противоречия, каждый из них считал себя будущим руководителем исламского государства. Это их разделяло и делало межличностные отношения натянутыми.

Американцы неоднократно рекомендовали оппозиционным партиям объединить свои усилия в боевых действиях против правительственных войск, однако убедить их они так и не смогли. Первое такое предложение было доведено до оппозиции еще до ввода советских войск в ДРА. Руководители партий сначала согласились, организовали соответствующие комитеты, но не было у них старшего, поэтому все американские рекомендации остались на бумаге. Личные желания каждого быть первым оказались сильнее, чем деловое сотрудничество.

С учетом такой обстановки оппозиция с помощью иностранных советников пришла к выводу, что война с Даудом будет затяжной. Поэтому задолго до прихода советских войск ряд оппозиционных партий начали активно создавать в горных районах с помощью иностранных специалистов хорошо укрепленные военные объекты – «Марказы» (базы, имевшие противовоздушные

средства обороны и тяжелые оружие). В них также накапливались продукты питания, медикаменты, различное вооружение. Такие крепости считались неприступными для правительственных войск.

Эта подготовка мятежников дает основание считать, что «неверных» они совсем не ждали, но воевали со своими братьями по вере. Священной войной ее не назовешь, значит, не было там и моджахедов.

Командиры бандформирований были недовольны своими партийными лидерами, находившимися в Пакистане, ибо те наживались на войне, не принимая в ней участия (такое письмо А. Шаха в отношении своего партийного шефа Раббани хранилось в Музее особого отдела КГБ).

Открыто воевали между собой только подчиненные им бандформирования. При этом их потери при взаимных боестолкновениях были сопоставимы с числом погибших в боях с правительственными войсками. Так, только в июне 1981 г. они были зафиксированы 1, 5 и 9 числа. Вооруженные столкновения банд ИОА и ИПА, начавшиеся 9 июня, продолжались более недели. При этом убитых и раненых было около 80 человек. 7 июля за раздел сфер влияния в провинции Кундуз вступили в бой два отряда. В результате оба главаря погибли. Потери с двух сторон составили 90 человек. В августе штабом армии отмечены четыре боестолкновения, причем взаимные перестрелки продолжались по несколько дней. В целом, только в июле-августе зафиксированы вооруженные стычки в восьми провинциях. Такая активность мятежников фиксировалась постоянно.

Например, в провинции Герат насчитывалось около десяти тысяч мятежников, постоянно конфлик-

товавших между собой. Правда, они иногда пытались объединиться в союзы, которые также быстро распадались. Так, главарь банды Ар-биб Карим, действовавший в этой провинции, установил контакт с командиром другого отряда для подготовки совместных действий. Его приближенные, узнав об этом, вынесли ему смертный приговор. Однако Карим первым применил оружие и расстрелял своих судей.

Причинами боестолкновений банд служили в основном разные религиозные окраски ислама, национальные противоречия, борьба за зоны влияния, терроризм, в том числе и в отношении своих единоверцев, факты уничтожения мечетей, школ. Отмечу только расстрел бандитами под Джелалабадом школьного автобуса с детьми. У них могли подняться руки изрубить на куски двух мулл, не согласившихся с их преступными намерениями. Жестоко наказывались те жители кишлаков, подконтрольных одной банде, которые предоставляли временное убежище такой же банде, но подконтрольной другой политической партии.

Возникает вопрос: можно ли в такой обстановке разглядеть хоть какие-то признаки священной войны? Конечно, нет. И как следствие – нет и моджахедов.

Предлагаю взглянуть на личный состав банд: могут ли там быть хотя бы косвенные моджахеды? Получаемые разведкой данные, в том числе в ходе фильтрации пленных, показывают, что основная часть мятежников – это забытые нуждой дехкане кишлачной зоны. В связи с разрушением аграрного сектора крестьяне, особенно отдаленных кишлаков, чтобы выжить, зачастую сами шли в банды, чтобы получать неплохие деньги. Много таких добровольцев

было из афганских эмигрантов в Пакистане. И воевали они не за веру, а за деньги.

Характерен в этом плане пример уволенного в запас военнослужащего-афганца, ожидавшего в числе других рейса из Кабула в Кундуз. На вопрос члена Военного совета армии, чем они будут заниматься дома, один из них ответил: «Жениться надо, а денег нет, пойду в банду, чтобы заработать». Он не сказал – к моджахедам, а употребил обычное в то время слово – в банду. Только что в них стрелял, а теперь будет стрелять в тех, с кем служил. Он не лукавил, сказал спокойно, и ничего плохого в этом не увидел – аморфность простого человека. О каких моджахедах тут может идти речь? Они и слова-то этого не знали.

Показателен один из документов ИПА, перехваченный разведотделом армии.

«Провинция Вардак. Руководство ВК ИПА сообщило в адрес штаба в районе МБВ ИПА «Вахдат (Майданшахр)» информацию упреждающего характера о караване мятежников ИСОА с целью его захвата. Данный караван с тяжелым вооружением и боеприпасами должен проследовать из Пакистана в район Джалез (14 км от Майданшахра). Для его сопровождения из Пешавара убыла бандгруппа ИСОА главаря инженера Абдул Вади». (ИСОА – «Исламский союз освобождения Афганистана».)

Были и другие «суточные сводки», в которых прямо говорилось о захватах оружия, обмундирования, принадлежащих другим политическим партиям, о перехвате на дорогах чужих караванов. Это настоящий грабитель своих по вере, а не моджахед.

Советские части вошли в Афганистан мирно. Население относилось к

Виза французского советника, задержанного в провинции Фарьяб. 1987 г.

Демонстрация изъятых взрывных устройств и боеприпасов. Кабул, 1988 г.

ним миролюбиво, зная, какую большую помощь оказывают их стране. А оппозиция посчитала это присутствием как дополнительную помеху реализации личных планов каждого из них.

Прошло много времени с даты вывода советских войск из Афганистана, однако подавляющая часть населения не возражает, если бы русские (в Афганистане наших военнослужащих, гражданских лиц – независимо от их национальности – называли русскими) вернулись.

Даже лидер ИОА Раббани, став у руководства государством, решительно отверг требования более радикального крыла оппозиции о выплате Россией репараций, заявив, что русские ничего не разрушили, а наоборот – обновили их страну. Дальнейшие события показали, что Раббани рассчитывал на продолжение сотрудничества с нашей страной.

В программе оппозиционных партий была выделена основная задача – вести непримиримую борьбу с правительством в Кабуле и создать настоящее исламское государство. О джихаде не упомянуто.

Единого взгляда на будущее афганского государства у оппозиции не было. Так, руководитель ИПА Гульбеддин настаивал на создании исламской республики по образцу Пакистана, заявляя при этом, что он сначала пуштун, а затем мусульманин. Другие, особенно шииты, выступали за исламскую республику иранского типа. Лидер «Национального фронта спасения Афганистана» С. Моджаддеди был сторонником возвращения монархии, в частности, короля Захир Шаха, а руководитель ИОА Б. Раббани ратовал за построение исламской республики на беспрекословном исполнении законов шариата. У других лидеров оппозиции были свои взгляды.

Было очевидно, что ислам не стал для оппозиции основной национальной примирения. Последующий их приход к власти в Кабуле полностью раскрыл амбициозные планы каждого, превратив часть из них во врагов.

В апреле 1992 года после отставки президента Наджибуллы к власти пришли лидеры двух оппозиционных партий: Моджаддеди (Национальный фронт спасения Афганистана), в том же году его сменил Раббани (Исламское общество Афганистана). Остальные, особенно Гульбеддин (Исламская партия Афганистана), оказались неудовлетворенными. Они не признали своих коллег во власти и усилили боевые действия, придав им жестокий характер. Так, столицу своей страны – Кабул они подвергли массиро-

ванному ракетно-артиллерийскому обстрелу, нанеся ей большие разрушения. Погибло при этом более двух тысяч мирных жителей, около двухсот тысяч вынуждены были эмигрировать в Пакистан. Получилось, что одни бандиты активно воюют с такими же бандитами, с которыми в Пакистане длительное время пользовались одной кормушкой.

А теперь, дорогой читатель, давайте вернемся к джихаду. Священная война организуется популярным религиозным деятелем (на Кавказе в XIX веке им был Шамиль, а война носила название газават) и направляется против неверных (кафиров) – это борьба за ислам и шариат. В ней нет просто убитых и каких-либо различий по национальности, это полная толерантность. Погибшие – это мученики за веру (шахиды), сражавшиеся с кафирами. Все участники джихада назывались моджахедами.

Возникает вопрос, а был ли в Афганистане пусть не популярный, но хотя бы известный религиозный деятель, который мог бы объединить лидеров оппозиции? Оказывается, среди большого количества в стране мулл (около трехсот тысяч) достойного не нашлось. Более того, за все время сама оппозиция так и не смогла выдвинуть уважаемого всеми руководителя.

Напрашивается другой вопрос: а вписываются ли приведенные выше составляющие джихада в те военные действия, которые вела оппозиция в лице подчиненных им бандформирований в течение почти двадцати лет? Сложившаяся в стране военная ситуация, как до прихода советских войск, во время их присутствия в Афганистане, так и после возвращения домой всех наших военнослужащих, свидетельствует, что она по всем параметрам не являлась основанием для объявления ее священной войной. Это обычная гражданская война.

Полагаю, что содержание данной статьи послужит подтверждением, что название бандитов моджахедами в период гражданской войны в Афганистане является надуманным, поскольку не отвечает действительности тех лет.

В слове «моджахед» заложена и политическая основа. Уже само название – «моджахеды» как-то смягчает отношение к ним общества, воспринимающего их как участников справедливой войны, в которой они боролись за свободу своего народа и за исламскую веру. При этом из сознания людей невольно уходят в тень совершенные афганскими «моджахедами» жестокие преступления, несовместимые со священ-

ной войной, особенно в отношении пленных, независимо от их вероисповедания.

Нечто подобное произошло с руководителем газавата на Кавказе имамом Шамилем. В 1859 году его захватили в плен. Русские отнесли к нему по-доброму и в какой-то степени уважительно. Так, при этапировании знатного пленника в Россию они оставили при нем его шашку, сохранив достоинство имама.

Если слово «моджахед» будет постоянно употребляться в устной речи, в печати, то оно может глубоко осесть в сознании наших граждан, станет обычным и войдет в историю советского военного присутствия в Афганистане. Это даст повод Западу утверждать, что в Афганистане мы проявили себя как агрессоры. А нам это надо? Полагаю, читатель согласится, что России достаточно и тех необоснованных обвинений различного толка, которые «наши партнеры» уже навесили нам на шею. Признав в членах бандформирований моджахедов, мы даем повод считать ту войну не гражданской, а священной. Выходит, что преступниками будем мы, а боевики оппозиции – мифические герои.

Прошу читателей обратить внимание на то, что никто из руководителей семи оппозиционных партий в Пакистане не называл своих подчиненных, воевавших на территории Афганистана, моджахедами. Не было в их лексике и слова «джихад». Хотя мы и относились к ним далеко не положительно, но не сомневались, что они, будучи по-своему образованными людьми, отчетливо осознавали, что развязанная ими гражданская война являлась совсем не справедливой.

А дать возможность считать нас агрессорами – это весьма не пустячный политический вопрос. Если отдельные наши либералы полагают, что современной России эта проблема не касается, поскольку участниками ее являлись советские люди, то напрасно. Пройдут годы, и этот ярлык будет «украшать» всех граждан нашей родины, а солдаты, офицеры и генералы, честно и добросовестно исполнявшие свой воинский долг в Афганистане и Сирии, будут одинаково восприниматься как сыновья одного Отечества и надежные его защитники.

Сирийские террористы так называемого ИГИЛ, запрещенного в РФ, мало чем отличаются от афганских боевиков. Там также присутствуют российские военнослужащие, однако этих боевиков моджахедами никто не называет.

Январь, 2018

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ РАЦ

ПОМНИ АФГАНИСТАН! 1979-1989

В 2019 году исполнится срок лет как руководители КПСС и советского правительства приняли решение о вводе войск на территорию Афганистана. В декабре 1979 года колонны военной техники пересекли границу суверенной республики. Никто в ту минут не мог себе представить, что эта операция продлится десять лет.

В этой связи хотелось бы сказать хотя бы несколько слов о истории вопроса. Политическая элита Великобритании на протяжении нескольких столетий ясно представляла стратегическую значимость географического положения Афганистана в Центральной Азии и трижды предпринимала попытки контролировать его территорию с помощью военной силы.

Основными противниками в так называемой «большой игре» за владение «сердцем», или «ключом» к территориям Евразийского континента являлись царская Россия и Великобритания. Без сомнения, предметом противостояния соперников были территории, по которым проходили исторические коммуникации, соединившие Восток и Запад.

В XX веке принципиально про-

тивники в борьбе за геополитический плацдарм не изменились. США приняли эстафету у Великобритании, а СССР (в дальнейшем Российская Федерация), у Российской империи.

Особую остроту противостояние приобрело в 70-е годы XX-го века, когда СССР в борьбе за влияние наданным регионом использовал крайние формы политической борьбы: применение вооруженных сил в лице 40-й армии Министерства Обороны СССР, находившейся в Афганистане с декабря 1979 по февраль 1989 года.

В свою очередь США, используя благоприятный повод, создали уникальную антисоветскую коалицию в лице группы арабских стран, исповедующих ортодоксальный ислам, стран НАТО и Китайской Народной Республики. На протяжении десяти лет Афганистан стал ареной борьбы сверхдержав США и СССР за влияние в Центральной Азии и стал апофеозом основным фронтом в «холодной войне» двух сверхдержав XX века.

Формально борьба СССР за данный регион велась под лозунгом оказания «интернациональной помощи» братскому афганскому народу на основании договора от

Рац Сергей Васильевич, исследователь отечественных спецслужб, член Союза писателей России, кандидат политических наук, доцент, ветеран органов госбезопасности

На встрече афганцев, Санкт-Петербург, 2009 г.

5-го декабря 1979 года. Фактически политическое руководство СССР поддерживало с помощью военной силы антинародный режим НДПА (партия коммунистического толка), пришедшего к власти в результате государственного переворота.

США ничего нового не придумали: они боролись за «демократию» в данном регионе, используя наиболее агрессивные партии: Исламскую партию Афганистана, Исламское общество Афганистана и другие антиправительственные отряды. На языке запада их называли моджахедами (борцами за веру). Фактически это были бандформирования – отряды вооружённой оппозиции, которые насчитывали в 1982 году до 70 тысяч человек.

Вплоть до конца 1991 года СССР оказывал Афганистану военную и экономическую помощь. После прихода к власти ставленников моджахедов в 1992 году, а позже в 1996 году движения Талибан добрососедские отношения были прерваны. Сегодня правительство Российской Федерации предпринимает активные шаги к восстановлению братских отношений.

Что же так привлекало руководителей партии и правительства СССР в борьбе за влияние над данным регионом?

В 70-е годы СССР в развитие экономики Афганистана вложил 2,5 миллиарда долларов США, в пять раз больше чем США. Советские геологи к середине 70-х годов открыли уникальные для Центральной Азии залежи нефти (0,4 млрд. баррелей), газа (3,5 млрд. куб.), меди, каменного угля, железной руды, золота, серебра, алюминия, изумруда, месторождения кобальта, лития, урана.

В конце 70-х годов, в основном в северных провинциях на промышленных объектах Афганистана, работало до 6 тысяч советских специалистов. В 1984 году афганская республика, компенсируя частично военную и экономическую помощь СССР, поставила в республики советской Средней Азии 4 миллиона кубометров природного газа. Что составляет 90% всего добытого газа Афганистаном за указанный период.

Сегодня с большой уверенностью можно сказать, что предметом в геополитическом противостоянии между СССР и США в 70-е годы были недра Афганистана и его выгодное стратегическое положение.

В то же время нельзя полностью игнорировать политический, идеологический, военный факторы, повлиявшие на принятие решение о

вводе войск СССР на территорию Афганистана. Однако время показало несостоятельность штампа о возможном военном вмешательстве США в дела Афганистана в конце декабря 1979 года.

Как известно, подразделения США в составе коалиции войск НАТО вошли в Кабул в январе 2002 года, нанеся удар по основным очагам движения талибан. То есть это произошло через двенадцать лет после вывода советских войск из Афганистана. Правительства новой исламской республики и России определили свои приоритеты, взяв курс на активное сотрудничество с США.

24 мая 2002 года Россия и США подписали совместную декларацию «о новых стратегических отношениях». В тексте декларации подчёркивалась необходимость создания стабильного и жизнеспособного государства Афганистан. Кроме того, было подписано соглашение о предоставлении США воздушного пространства России и передаче разведывательной информации. Сегодня 40% грузов для военного контингента США в Афганистане ввозится через воздушное пространство России.

Это был серьёзный позитивный шаг в деле объединения усилий в борьбе с талибаном, как с крайне опасным террористическим движением. Сегодня в условиях применения США санкций против Российской Федерации трудно сказать, в какой мере данные соглашения выполняются. Во всяком случае, в официальных сообщениях Министерства иностранных дел РФ за последние несколько лет информации о денонсации данного соглашения не было.

Для России Афганистан на несколько десятилетий выпал из сферы её традиционного влияния, являясь мировым очагом терроризма, распространения героина, политической напряжённости.

США стратегически определили Афганистан как один из основных объектов своих национальных интересов в Центральной Азии на ближайшие двадцать лет.

Сегодня в Афганистане открыто 18 газовых 11 нефтяных месторождений. Его значимость как объекта геополитических интересов США и стран лидеров Центральной Азии резко возросла в связи с полными дополнительными данными Геологической службой США о запасах энергоносителей: газа – с 3,5 млрд. кубометров до 36,4, нефти с 0,4 – до 3,6 млрд. баррелей. Показатели оценочных запасов газа и неф-

ти выросли более чем в девять.

Российские компании включились в борьбу за покупку и транзит через территорию Афганистан туркменского газа, предпринимают шаги в разработке его недр, имея возможность, использовать информацию советских геологов. Сегодня Россия поставляет в Афганистан энергоносители, военную технику. США в 2011 году закупили у России 21 вертолёт МИ-17В для нужд армии Афганистана.

Говоря о возрастающей роли корпораций Китая в разработке полезных ископаемых Афганистана, следует отметить, например, деятельность компании China Metallurgical Group, которая приобрела у правительства Афганистана лицензию на разработку месторождения меди (Аупак) сроком на 30 лет за 3 млрд. долларов США.

Можно предположить, что Афганистан с его уникальными природными богатствами, стратегическим положением в ближайшие двадцать лет станет объектом острой борьбы, в первую очередь, между США и Китаем. С другой стороны, борьба будет протекать между корпорациями Ирана, Пакистана, Индии, Аргентины в разработке недр Афганистана и использовании его территории для транзита в ближайшем будущем ископаемых каспийского региона, например, туркменского газа и нефти.

Какие же уроки можно извлечь, говоря о противостоянии СССР и США в данном регионе в период 1979 по 1989 годы?

Во-первых, ввод 40-й армии Министерства обороны СССР на территорию суверенного государства на основе договора от 5 декабря 1978 года «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» привел к тяжёлым политическим последствиям – изоляции СССР от стран арабского востока и Центральной Азии, осложнению отношений с КНР, гражданской войне в данном регионе, гуманитарной катастрофе. В хаос гражданской войны погибло более 1,5 миллионов афганцев. Гуманитарная катастрофа настигла десятки миллионов афганцев. Пакистан и Иран захлестнула волна беженцев.

Во-вторых, Советники из Министерства обороны СССР, спецназа КГБ и военной разведки создали уникальную систему разведки и контрразведки Афганистана, подготовили фактически 200-ю армию, несколько корпусов спецназа. Внешняя разведка КГБ СССР расширила оперативные позиции в регионе Центральной

Азии. Особые отделы КГБ СССР 40-й армии способствовали укреплению боевой готовности частей и подразделений, находившихся в Афганистане, активно выявляли агентуру антисоветской коалиции во главе с США, принимали непосредственное участие в операциях по освобождению советских военнослужащих при разных обстоятельствах, попавших в плен в банды вооружённой оппозиции.

Советники, находившиеся в Афганистане по линии внешней разведки КГБ СССР, подготовили целую плеяду сотрудников контрразведки и разведки, тем самым способствовали укреплению безопасности ДРА. Они зарекомендовали себя как квалифицированные специалисты, высокообразованные бойцы невидимого фронта, прошедшие, как правило, специальную подготовку. Они приобрели уникальный оперативный опыт в борьбе с терроризмом в условиях гражданской войны на территории сопредельного государства. Со стороны офицеров и солдат советской армии, министерства внутренних дел, сотрудников государственной безопасности не было зафиксировано ни одного факта предательства, или перехода на сторону врага по морально-политическим мотивам. Представители советнического аппарата СССР, государственной безопасности, министерства обороны и внутренних дел в критических ситуациях и столкновениях с противником вели себя достойно и мужественно.

Исторический факт массового героизма был зафиксирован во время штурма дворца-крепости Тадж-Бек 27 декабря 1979 года во время совместной операции внешней и военной разведки СССР «Штурм-333». Большая часть офицеров и солдат были награждены орденами и медалями. Офицерам Г. Бояринову (посмертно) В.Карпухину, Э.Козлову (внешняя разведка КГБ СССР), В. Колеснику (военная разведка) закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Партия КПСС и советское правительство скрывали перед советским народом и всем миром масштабы «интернациональной помощи», согласно секретным предписаниям ордена и медали, полученные защитниками отечества за отвагу и доблесть, носить запрещалось, в средствах массовой информации героические подвиги не пропагандировались. Двуличность такой политики приводило к тяжёлым

моральным издержкам участников самого напряжённого конфликта после окончания Второй мировой войны, да и всего советского народа. Официально так и не была отмечана государственная медаль «Участнику боевых действий в Афганистане», и их так не приравнивали в полной мере к участникам ВОВ. Подчас на местах они натывались на фразу бойкого чиновника: «мы вас в Афганистан не посылали! СССР официально ни с кем не воевал».

В-третьих, В то же время ввод 40-й армии на территорию Афганистана дал толчок для активизации оппозиции, созданию отрядов повстанцев под «флагом ислама». Не был учтён морально-психологический и религиозный факторы. В стране с поголовной неграмотностью ислам традиционно играл особое место в сознании граждан. Физическое устранение тысяч религиозных авторитетов, племён по этническому признаку (хорезмийцы) представителями секретных служб НДПА и армией дало новый толчок укреплению оппозиции, уходу на территорию Пакистана целых племён. Гражданская война породила движения моджахедов, талибан, создание отрядов Аль-Кайды. Хотелось бы напомнить, что командирами в афганской армии и спецназе были на 90% пуштуны, которые через несколько лет пополнили отряды талибов.

В-четвёртых, СССР в борьбе с антисоветской коалицией во главе с США истратил огромные финансовые и военные ресурсы (15 миллиардов долларов США в течение 1988 года). 40-я Армия потеряла более 15 тысяч солдат и офицеров убитыми, более 35 тысяч ранеными. Погибло 90 оперативных работников государственной безопасности, из числа которых 15 офицеров были военными контрразведчиками.

В-пятых, политические лидеры КПСС и советского правительства не отреагировали на письма группы высших военных руководителей и учёных СССР в 1981 году, в которых рекомендовалось немедленно вывести 40-ю армию из Афганистана. Советы профессионалов не были услышаны. К сожалению, только в 1986 году были выведены первые 6 полков, но это существенно не изменило ситуацию, и гражданская война только расширяла свою географию.

В-шестых, СССР в лице политических и военных советников попытался в стране, находившейся в средневековье, искусственно привить идеологию коммунизма

20-го века, поддержал антинародный режим НДПА. 125 тысяч человек 40-й армии носители иного мировоззрения и культуры, представители другой цивилизации грубо вторглись в жизнь народа, который пребывал в колыбели человечества. В-первую очередь, это касалось борьбы новой власти с религией простых граждан. Попытки новой власти создать исламскую республику в 1986 году не изменили ситуацию.

Вместе с тем, следует отметить также положительные факты присутствия СССР: строительство гидроэлектростанций, больниц, фабрик, школ, борьба с наркотиками. Однако на фоне гражданской войны и её последствий – полного разрушения инфраструктуры, позитивный вклад СССР в развитие культуры и экономики не имел значения. В памяти афганцев остался только образ «шурави» доброго, белого великана с автоматом в руках, а также запоздалые сожаления о том, что с такими воинами лучше не воевать, но оставаться в дружбе и развивать культурные и экономические связи.

В результате борьбы за данный регион политике и экономике СССР был нанесён невосполнимый урон, многонациональный советский народ получил тяжёлый моральный ущерб, что в совокупности с другими факторами подтолкнуло, в конечном счёте, к развалу СССР.

Сегодня с учётом резкого изменения обстановки на Ближнем Востоке и продвижения боевиков ИГИЛ в северных районах Афганистана необходимо взять лучшее из предшествующего опыта в борьбе против терроризма, применив этот опыт на практике, например, на территории Сирии и неизбежно вновь в Афганистане.

К, сожалению, Афганистан на многие десятилетия останется очагом напряжённости, центром производства наркотиков и объектом устремлений международных террористов ИГИЛ, ареной обостряющейся борьбы в первую очередь между США и Китаем.

Для российской политической элиты Афганистан будет всегда являться объектом стратегических интересов, предметом борьбы, в которой Россия вновь проявляет себя как мировая держава.

В своей статье автор использовал данные из воспоминаний генералов КГБ СССР М.Я. Овсенко, А.А. Морейчева, генерала министерства обороны В.П. Черемных, и других авторов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Афганистан с его географическим положением, природными ресурсами всегда был объектом устремлений ведущих держав мира. Народы Афганистана наблюдали колонны Александра Македонского, орды Чингис-хана, Великих Моголов, англичане трижды предприняли попытки контролировать его территорию. С 1979 по 1989 годы советские войска в составе 40-й армии по просьбе правительства ДРА находились в Афганистане, оказывали активную помощь в становлении молодой республики. После воздушной атаки Мирового торгового центра в Нью-Йорке смертниками АльКаиды 11 сентября 2001 года США предприняли крупномасштабную операцию по уничтожению очага мирового терроризма на территории Афганистана.

В 1919 году Афганистан был первой страной, признавшей независимость республики Советов. В 1921 году был подписан мирный договор между РСФСР и Афганистаном о дружбе и военном сотрудничестве. Он, в частности, предусматривал оказание военной помощи. Вплоть до конца 1991 года в рамках данного договора СССР оказывал Афганистану военную и экономическую помощь.

После прихода к власти в 1992 году ставленников моджахедов, а позже в 1996 году движения Талибан добрососедские отношения были прерваны. Сегодня правительство Российской Федерации предпринимает активные шаги к восстановлению братских отношений.

Период с 1979 по 1989 годы был наиболее противоречивым в отношениях с нашим южным соседом. Вооружённые силы СССР были втянуты в изнурительную гражданскую войну. К сожалению, мы поддержали правительство, которое не имело опоры в широких народных массах и, несмотря на нашу военную и экономическую помощь, не сумело удержать завоевания Апрельской революции. Лидеры Народно-демократической партии Афганистана дискредитировали идеи революции массовыми репрессиями (особенно религиозных деятелей) и бесконечной внутрипартийной борьбой за власть, оттолкнули от себя значительную часть населения. На территории Пакистана и Ирана

появились сотни тысяч беженцев. При активном участии спецслужб ведущих стран НАТО, также Пакистана, Ирана, Китая были созданы сотни лагерей по подготовке моджахедов. Следует прямо сказать, что религиозная оппозиция в лице таких партий, как Исламская партия Афганистана взяла на вооружение крайние формы политической борьбы – терроризм. С весны 1980 года началось массовое проникновение на территорию Афганистана групп моджахедов для совершения диверсионных и террористических акций.

Советские спецслужбы в лице советников КГБ СССР столкнулись на незримом фронте с изощренным и профессиональным противником. За десять лет гражданской войны УКГБ СССР по Ленинградской области рекомендовало для работы в Афганистане 65 наиболее подготовленных и достойных сотрудника. Каждый из них, пройдя через горнило войны, вынес личные впечатления и переживания. Но по условиям работы секретных служб тайны операций раскрываются не сразу.

Идея создания сборника воспоминаний «афганцев» не один год витала в воздухе. Совет ветеранов УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области стал инициатором этой работы. Сложился коллектив авторов (20 человек).

Работа продолжалась не один год и завершилась в нынешнем юбилейном году. Каждая представленная в сборнике история уникальна как исторический источник, как взгляд профессионалов КГБ СССР на те или иные факты или события, ранее не освещённые в средствах массовой информации.

Например, полковник запаса В. З. Щиголев, участник штурма дворца-крепости Тадж-Бек, раскрывает детали операции «Шторм-333».

Генерал-майор в отставке, один из первых советников, прибывших в Афганистан, А. А. Марейчев даёт редкие зарисовки политических лидеров НДПА Н.М. Тараки, Х. Амина, Б. Кармаля.

Полны исторической глубины воспоминания В.А. Алиева, А.А. Григорьева, А.В. Горлинского, В.В. Егерёва, А.Т. Ибрагимова, Н.Н. Кольцова, Ю.В. Мамедова, Б.А. Широлина. В.А. Жаворонков из личного архива предоставил более трех тысяч фотографий, иллю-

стрирующих правду войны и быта советников КГБ СССР, жизнь простых афганцев.

Нельзя не выделить группу сотрудников:

Б. Н. Вязового, А. В. Горлинского, Ю. И. Локтева, Ю. В. Мамедова В. З. Щиголева, которые в разное время служили в группе специального назначения «Каскад». Их воспоминания отражают ратный труд, связанный с ежедневным риском для жизни.

Авторы сборника погружают читателя в недавнюю историю СССР, освещая период, предшествующий его развалу, рассказывают о роли сотрудников КГБ СССР в становлении спецслужб республики Афганистан. Невольно наталкиваешься на мысль: защищая национальные интересы российского государства, нужно глубоко и всесторонне вникать в историю и традиции народов, в первую очередь исторически являющихся нашими соседями.

Сегодня Афганистан по-прежнему является «гордиевым узлом» Востока, очагом терроризма и нарко-эпидемии. В первую очередь от доброй воли мирового сообщества будет зависеть, в каком русле будут развиваться государственность и политическая стабильность в республике Афганистан.

Сборник воспоминаний «Чекисты Ленинграда в Афганистане» является в чем-то предупреждением для тех политиков, дипломатов и военных, которые видят в Афганистане только объект геополитических интересов.

*Сергей Васильевич Рац,
кандидат политических наук,
доцент кафедры
конфликтологии философского
факультета СПбГУ*

ВОИНЫ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

УПРАВЛЕНИЯ КГБ СССР ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
АФГАНИСТАН 1979–1989

1. Алиев Вагиф Алиевич
2. Андреев Юрий Алексеевич
3. Белов Игорь Сергеевич
4. Борисенков Александр Иванович
5. Вязовой Борис Николаевич
6. Глушков Семен Алексеевич
7. Гнесь Петр Алексеевич
8. Горлинский Александр Васильевич
9. Горнак Александр Филиппович
10. Григорьев Александр Андреевич
11. Дедов Михаил Александрович
12. Егерев Владимир Васильевич
13. Ефименков Сергей Иванович
14. Жаворнков Валерий Аркадьевич
15. Журавский Юрий Николаевич
16. Ибрагимов Андрей Таледович
17. Иванов Валерий Петрович
18. Иванов Виктор Петрович
19. Иванов Евгений Александрович
20. Иванов Юрий Дмитриевич
21. Ильин Валентин Иванович
22. Калугин Николай Михайлович
23. Карпекин Сергей Васильевич
24. Карташевич Ярослав Георгиевич
25. Качалов Борис Васильевич
26. Киселев Алексей Викторович
27. Козлов Юрий Михайлович
28. Кольцов Николай Николаевич
29. Куриков Владимир Николаевич
30. Ламехов Рудольф Павлович
31. Лекторов Вячеслав Николаевич
32. Лепетунов Александр Степанович
33. Локтев Юрий Иванович
34. Лыкосов Евгений Александрович
35. Мамедов Юрий Владимирович
36. Мезрин Александр Николаевич
37. Моргальников Александр Викторович
38. Мясников Федор Алексеевич
39. Полетаев Дмитрий Вячеславович
40. Польшко Владимир Иванович
41. Рахманенко Юрий Андреевич
42. Решетников Виктор Олегович
43. Рябов Виктор Евгеньевич
44. Середин Юрий Васильевич
45. Сивухин Алексей Владимирович

46. Сидоров Вадим Иванович
47. Смирнов Борис Александрович
48. Созинов Сергей Александрович
49. Солоев Валерий Алексеевич
50. Суровцев Геннадий Анатольевич
51. Тарасов Владимир Георгиевич
52. Тарасов Валерий Петрович
53. Терещенко Владимир Григорьевич
54. Тетеревков Александр Романович
55. Тимофеев Владимир Сергеевич
56. Тимохин Сергей Тимофеевич
57. Ушаков Вячеслав Борисович
58. Фролов Андрей Владимирович
59. Хромов Александр Михайлович
60. Червяков Вячеслав Вячеславович
61. Шарапов Виктор Иванович
62. Шилов Николай Тимофеевич
63. Широнин Борис Александрович
64. Шушкин Олег Иванович
65. Щиголев Виталий Захарович

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово. А.Б.Родионов	5
Приветствие. Б.В. Громов	6
А.А. Григорьев. Прошлое всегда с нами	8
А.А. Марейчив. Первый советник	9
А.Т. Ибрагимов. Воспоминания об Афганистане	12
Ю.В. Мамедов. Братья по оружию: «Вымпел», «Каскад», «Омега»	26
В.А. Алиев. Дело чести	29
Ю.Д.Иванов.Воспоминания.....	47
С.В. Карпекин. Афганские записки	57
Б.А. Широнин. Печальная история, ненужная виктория, забытая война	73
А.В. Горлинский. Холодный Герат	76
Ю.Н. Журавский. «Нет уз святее товарищества»	78
Ю.И. Локтев. Воспоминания.....	80
Н.М.Калугин.Лучшиегодымоейжизни.....	82
А.М.Хромов.Собратьяпооружию.....	85
В.Н. Хромова. Афганистан. 1984-1987	87
В.В. Егерев. Дневник. Афганистан. 1985-1988	89
В.А. Жаворонков. Афганистан далекий и близкий	120
В.А. Жаворонков. Отдельные аспекты советнической деятельности сотрудников КГБ СССР в ДРА	130
С.А. Созинов. Горячие дни в Меймене	133
Н.Н. Кольцов. Чувства и эмоции на войне — самые сильные!	135
В.Е. Рябов. Хочешь жить – будешь знать пушту	144
В.З. ЩигOLEV. «Шторм-333» (Штурм дворца-крепости Тадж-Бек)	147
Ю.И. Дроздов. Биография	158
Ю.И. Дроздов. 27 декабря 1979 года. Кабул. Операция «Шторм-333»	163
М.Я. Овсенко. Биография	167
М.Я. Овсенко. В гражданской войне нет моджахедов	168
С.В. Рац. Помни Афганистан!	171
Послесловие	174
Воины-интернационалисты УКГБ СССР по Ленинградской области. Афганистан 1979-1989	176